A low-angle photograph of pink magnolia flowers in bloom against a clear blue sky. The flowers are in various stages of opening, with some showing multiple layers of petals. The branches are dark and thin, with small green leaves interspersed among the blossoms. The overall mood is bright and fresh.

Nové tendencie

MLADÁ RUSISTIKA

a trendy III

BRATISLAVA, 2015

Mladá rusistika – nové tendencie a trendy III

Zborník príspevkov účastníkov 3. bratislavskej konferencie mladých rusistov

Bratislava, STIMUL, 2015

ISBN 978-80-80-8127-125-0

EAN 9788081271250

Univerzita Komenského v Bratislave
Filozofická fakulta
Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií

Mladá rusistika – nové tendencie a trendy III

Bratislava 2015

Editori

Mgr. Irina Dulebová, PhD.

Mgr. Ivan Posokhin

Recenzenti:

Prof. PhDr. Mária Kusá, CSc.

Doc. PhDr. Anton Eliáš, PhD.

Doc. PhDr. Lubor Matejko, CSc.

Doc. PhDr. Lubomír Guzi, PhD.

Mgr. Nina Cingerová, PhD.

PhDr. Silvia Medlenová

Ogranizačný výbor konferencie

Mgr. Katarína Hrčková

Mgr. Ľubica Bezáková

Mgr. Kristína Ševečková

Mgr. Andrej Kállay

Mgr. Jaroslav Sommer

Zborník s názvom *Mladá rusistika – nové tendencie a trendy III* je výstupom Katedry rusistiky a východoeurópskych štúdií Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave. Pozostáva z príspevkov účastníkov 3. bratislavskej konferencie mladých rusistov – doktorandov, mladých vedeckých pracovníkov a študentov posledných ročníkov magisterského štúdia, pôsobiacich na viacerých európskych univerzitách.

Za obsahovú a jazykovú stránku príspevkov zodpovedajú jednotliví autori.

Pod'akovanie

Týmto by sme chceli poďakovať za spoluprácu, cenné pripomienky a užitočné rady recenzentom a všetkým, ktorí sa nejakým spôsobom podieľali na organizácii konferencie a tvorbe zborníka.

Editori a organizačný výbor konferencie

OBSAH

PREDHOVOR	9
~ Lingvistická sekcia ~	10
<i>Zuzana Vargová</i> : FRAZEOLOGICKÉ KONCEPCIE RUSKÝCH JAZYKOVEDCOV V DIACHRONICKOM PRIEREZE	11
<i>Лю Лу</i> : КРЫЛАТЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»)	18
<i>Таня Триберуо</i> : РУССКИЕ ПРЕДИКАТИВЫ В ОДНОЯЗЫЧНОЙ И ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	25
<i>Lucia Vieriková</i> : JAZYKOVÁ HRA V TITULKOCH EKONOMICKÝCH TEXTOV.....	34
<i>Цао Лия</i> : ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА КИТАЙЦА В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ	41
<i>Людмила Адясова</i> : МЕТАФОРА РОДСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СССР В ПОСТСОВЕТСКИХ СМИ	48
<i>Li Lingjuan</i> : ОБЪЕКТИВНАЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЧИТАТЕЛЕЙ КИНОРЕЦЕНЗИИ	56
<i>Софья Краснощекова</i> : ОСВОЕНИЕ РЕБЕНКОМ ФОРМАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ДЕЙКТИЧЕСКИХ МЕСТОИМЕНЕЙ: ПАДЕЖ, ЧИСЛО, РОД	63
<i>Людмила Шпилька</i> : «...ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ...» (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ИСТОРИЯ НЕСКОЛЬКИХ ВЫРАЖЕНИЙ, ИМЕНИ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА, ЦЕЛОЙ ЭПОХИ).....	72
<i>Анна Калистратова</i> : ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛАМИ <i>БЫТИ</i> И <i>ИМЕТИ</i> В ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСНО-ХРОНИКАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ.....	82
<i>Olga Berger</i> : СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕРМИНОВ «ПРЕДЛОЖЕНИЕ» И «ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ» НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ЧЕШСКИХ ГРАММАТИК.....	90
<i>Анна Двизова</i> : ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗВУКОВЫХ ОБРАЗОВ В ПОЭЗИИ Б. ПАСТЕРНАКА.....	96

~ Translatologická sekcia ~	104
<i>Andrej Zahorák</i> : REÁLIE V INTERNETOVÝCH MÉDIÁCH AKO PREKLADATEĽSKÝ PROBLÉM.....	105
<i>Daniela Timárová-Eva Dekanová</i> : PREKLAD VEDECKO-TECHNICKÝCH TEXTOV AKO SÚČASŤ INTERKULTÚRNEJ (ODBORNEJ) KOMUNIKÁCIE.....	113
<i>Stanislava Adámková</i> : К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕДАЧИ ЕДИНИЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ В МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	125
<i>Zuzana Lorková</i> : SLOVENSKÉ PREKLADY DIEL PRE DETI A MLÁDEŽ Z RUSKOJAZYČNÉHO PRIESTORU OD ROKU 2000.....	135
~ Literárnovedná sekcia ~	145
<i>Малгожата Пжепюрка</i> : КОНЦЕПЦИЯ МИРА И ЧЕЛОВЕКА В СЕНТИМЕНТАЛЬНЫХ ПОВЕСТЯХ ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА ИЗМАЙЛОВА	146
<i>Lubica Bezáková</i> : BYRONOVE „VÝCHODNÉ POÉMY“ AKO INŠPIRAČNÝ ZDROJ PUŠKINOVÝCH „JUŽNÝCH POÉM“	158
<i>Евгений Филонов</i> : ПОВЕСТВОВАНИЕ ГОГОЛЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНВЕНЦИИ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ	166
<i>Lenka Paučová</i> : FORMOVANIE ETICKÉHO IDEÁLU V TVORBE F. M. DOSTOJEVSKÉHO	175
<i>Kristína Ševečková</i> : PORTRÉT, KONANIE A MYSLENIE HRDINOV U I.S. TURGENEVA A F.M. DOSTOJEVSKÉHO	184
<i>Kateřina Judith Krulišová</i> : TERORISTA REVOLUCIONÁŘ, NARUŠOVÁNÍ MÝTU	194
<i>Мария Наймушина</i> : СТИХОТВОРЕНИЯ О РОССИИ В СБОРНИКЕ Г.В. ИВАНОВА «РОЗЫ» (1931): ПОЭТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА.....	203
<i>Martyna Sienkiewicz</i> : НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ДУХ ДОСТОЕВСКОГО В ЛИРИКЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА.....	210
<i>Ilaria Remonato</i> : BYT IN RUSSIAN LITERATURE: THE PRIMUS STOVE AS CULTUROLOGICAL REALIA IN EARLY SOVIET TIMES	220
<i>Жофия Калавски</i> : ДАВИД И САША. ОТРЫВОК ПОЭМЫ НИКОЛАЯ НЕКРАСОВА «САША» В РОМАНЕ «ЖИЗНЬ И СУДЬБА» ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА.....	232
<i>Sara Paolini</i> : «МРАМОРНЫЕ» СЛОВА: О ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ПРИРОДЕ СЛОВА В РОМАНЕ «ЖИЗНЬ И СУДЬБА» В. ГРОССМАНА.....	240

<i>Аннамария Ваши:</i> «ВИЗИТКА ДРУГОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» ОБ АЛЬМАНАХЕ «МЕТРОПОЛЬ»	250
<i>Мануэль Боскиеро:</i> «РУССКАЯ ТЕМА» И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ТВОРЧЕСТВЕ ПРИМО ЛЕВИ	260
<i>Иван Посохин:</i> ПРОЕКЦИЯ ЭМИГРАНТСКОГО ОПЫТА НА ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО (С. ДОВЛАТОВ И ТРЕТЬЯ ВОЛНА ЭМИГРАЦИИ).....	270
<i>Katarzyna Roman-Rawska:</i> ВТОРАЯ ВОЛНА НОВОГО РУССКОГО РЕАЛИЗМА	280
~ Sekcia dejín a kultúry ~	290
<i>Jaroslav Sommer:</i> VLADISLAV TORNOVOJ – MUČEDNÍK?	291
<i>Aniello Verde:</i> RETROACTIVE HISTORY OF ITALIAN COMMUNISM: THE 1970s REVISIONISM AND THE UN-MAKING OF THE SOVIET MYTH	301
<i>Alexandra Medzibrodzky:</i> CONCEPTUAL HISTORY IN THE RUSSIAN CONTEXT	309
<i>Andrej Kállay:</i> ZMENA JAZYKA ZÁKONOV V STREDNEJ EURÓPE A RUSKU	316
<i>Daniele Artoni:</i> «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК» И «СЕЦЕНИЯ»: РАЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ЧЕЧЕНСКУЮ ВОЙНУ	334
<i>Katarína Hrčková:</i> IVAN MIČURIN V SÚČASNEJ RUSKEJ A SLOVENSKEJ TLAČI	342
<i>Tamara Janecová:</i> UKRAJINSKÁ KRÍZA V ČASOPISOCH RESPEKT A REFLEX.....	351
<i>Dominika Fifiková:</i> MOLLA NASREDDIN – SÁM VOJAK V POLI	359

PREDHovor

Zborník *Mladá rusistika – nové tendencie a trendy III* a zároveň aj medzinárodná konferencia s tým istým názvom sú príležitosťou pre doktorandov, mladých vedeckých pracovníkov a aj uchádzačov o doktorandské štúdium prezentovať výsledky svojej doterajšej výskumnej činnosti v oblasti rusistiky a východoeurópskych štúdií.

V roku 2015 sa konferencie, ktorá sa konala v priestoroch Katedry rusistiky a východoeurópskych štúdií Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave, zúčastnilo takmer 40 mladých vedcov pôsobiacich na univerzitách na Slovensku, v Čechách, Maďarsku, Poľsku, Rusku a Taliansku, ktorí predstavili nové pohľady na lingvistické, literárnovedné, translatologické a historickokultúrne otázky.

Hlavným zámerom danej publikácie je poskytnúť generačnú platformu mladým vedcom, podporiť ich vedecko-výskumnú činnosť a prostredníctvom nadviazania pracovných kontaktov na medzinárodnej úrovni aj rozvoj rusistiky a východoeurópskych štúdií.

Veríme, že publikácia bude úspešne pokračovať v milej tradícii a bude zdrojom inšpirácie pre odborníkov a širšiu verejnosť.

Editori a organizačný výbor konferencie

~ Lingvistická sekcia ~

FRAZEOLOGICKÉ KONCEPCIE RUSKÝCH JAZYKOVEDCOV V DIACHRONICKOM PRIEREZE

Mgr. Zuzana Vargová

Кафедра русистики Философского факультета Университета им. Константина Философа
в Нитре, zuzana.vargova@ukf.sk

РЕЗЮМЕ: Одной из наиболее ярких тенденций в современной лингвистической науке является теоретическое рассмотрение языка как антропоцентрического феномена. Фразеология также становится объектом антропоцентрических исследований, производимых с помощью интерпретации и реконструкции картин мира различных языков и этнокультур. Наш доклад посвящен становлению и развитию фразеологии как научной дисциплины в России начиная с трудов В. В. Виноградова и заканчивая новейшими теориями.

Teoretický výskum jazyka ako antropocentrického fenoménu môžeme považovať za jednu z najdynamickejších sa rozvíjajúcich súčasných tendencií v lingvistike. Dané teoretické bádania sa uberajú rôznymi smermi, pričom medzi najvýraznejšie patrí skúmanie frazeológie z antropocentrického hľadiska realizované prostredníctvom interpretácií a rekonštrukcií jazykových obrazov sveta rôznych národov. Frazeológia sa ako samostatná vedná disciplína skonštituovala v druhej polovici dvadsiateho storočia. Za jej zakladateľa je považovaný Charles Bally¹, ktorého teoretické práce sú venované francúzskemu jazyku a jeho myšlienky ovplyvnili vývoj frazeológie ako vedy vo svete.

O rozvoj teórie frazeológie sa zaslúžilo viacero ruských lingvistov, napríklad A. A. Potebňa, ktorý sa sústredil najmä na problematiku vnútornej formy frazém. Analýze vzájomných väzieb, vzťahov medzi frazémami a slovtvorbou sa venoval I. I. Sreznevskij. F. F. Fortunatov sa naopak zameriaval na tzv. spojené slová a spojené výrazy: *так как, Москва-река, железная дорога*. Otázka výskumu ustálených slovných spojení ako samostatnej časti lingvistiky – frazeológie bola nastolená v pedagogickej literatúre už v 20. – 40. rokoch 20. storočia v prácach Je. D. Polivanova, alebo S. I. Abakumova, ktorý sa vo svojom článku *Устойчивые сочетания слов* (1936) pokúša o klasifikáciu frazém ruského jazyka z hľadiska

---

¹ Charles Bally (1865 – 1947) bol švajčiarsky lingvista, žiak a nasledovník Ferdinanda de Saussura. Podľa svojich zápisov spolu s A. Sechehayom publikoval Saussurove najvýznamnejšie dielo *Course de linguistique générale* (Kurz všeobecnej jazykovedy).

ich štruktúry, etymologického obsahu a tiež o popis základných vlastností frazeologických slovných spojení.

Progresívny rozvoj frazeológie v Rusku podnietili najmä štúdie V. V. Vinogradova z roku 1946 *Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины* a *Об основных типах фразеологических единиц в русском языке*, ktorá bola uverejnená v nasledovnom roku. Vinogradovova klasifikácia frazémy vychádza z koncepcie Charlesa Ballyho. Vo svojej práci *Русский язык (грамматическое учение о слове)* V. V. Vinogradov zdôrazňoval nutnosť zamerať sa na štruktúru frazeologických skupín, presne vymedziť ich základné typy, určiť ich sémantické základy a ich vzťah k slovu.² Vymedzil tri skupiny ustálených slovných spojení:

1. Frazeologické zrasty;
  2. Frazeologické celky;
  3. Frazeologické spojenia.
1. Základným charakteristickým znakom frazeologického zrastu je sémantická nedeliteľnosť, absolútna neoddeliteľnosť významov celkov od významov jednotlivých komponentov. Predstavujú sémantické jednotky, ktoré sú ekvivalentmi k slovám, ale nemajú vnútornú formu, vytvárajú zvláštne syntakticky združené slová, ktoré vystupujú buď ako časti jednej vety, alebo ako celé vety. Vinogradov uvádza ako príklad frazeologického zrastu výraz *собаку съел* – *Он собаку съел на это* alebo *на этом, в этом*. To znamená, že sa zaoberal istou činnosťou, stal sa odborníkom v tejto oblasti, nadobudol skúsenosti.³
  2. Frazeologické celky sú potencionálne ekvivalenty slov, komponenty vo frazeologických celkoch sú gramaticky jednoducho členiteľné a vzťahujú sa na živé syntaktické konštrukcie. Napríklad výrazy *вымыть голову, намылить голову (кому-нибудь)* vo význame veľmi niekomu vynadať, pokarhať niekoho.⁴
  3. Frazeologické spojenia nie sú celistvé, ale analytické. Významy komponentov sú do určitej miery rovnoprávne, viazaný význam jedného zo slov spojenia môže byť opísaný, definovaný, alebo vyjadrený synonymom. Pre frazeologické spojenie je charakteristická existencia synonymického spojenia s rovnakým komponentom, oddeliteľnosť a zameniteľnosť frazeologicky viazaného slova, napríklad: *задеть*

² ВИНОГРАДОВ, В. В. 1972. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва: Высшая школа, 1972. 613 с.

³ Там же. С. 24 – 25.

⁴ Там же, с. 26 – 28.

чувство чести, затронуть чьи-либо интересы, затронуть гордость atď.⁵

Vinogradovove rozdelenie ustálených slovných spojení bolo dlho považované za základné a v teórii frazeológie aj dnes slúži ako východisko pre viacerých bádateľov. Vinogradov vo svojej publikácii vychádzal z diela akademika A. A. Šachmatova *Синтаксис русского языка*, kde zdôrazňoval dôležitosť ustálených slovných spojení a nutnosť ich výskumu nielen z lexikálneho, ale aj z gramatického hľadiska. Chápal ustálené slovné spojenia ako pozostatok predchádzajúcej fázy vývoja jazyka. Uvedomoval si tesnú vzájomnú interakciu lexikálnych a gramatických foriem a významov v procese tvorby ustálených slovných spojení.

V 50. rokoch 20. storočia sa hlavná pozornosť ruských lingvistov obrátila na problematiku podobnosti a odlišnosti jednotlivých frazém, slov a slovných spojení. Riešili sa otázky definovania primárnych kritérií frazeologickej a spresnenia základnej klasifikácie frazém. Ku koncu 50. rokov sa objavila tendencia systémového prístupu k frazeológii, rozpracovávali a skúmali sa otázky spojené s popisom frazém ako štruktúrnych jazykových jednotiek, analyzovali sa ich gramatické vlastnosti a pôvod. Veľké množstvo prác bolo venovaných štúdiu konkrétneho jazykového materiálu, napríklad práce A. I. Jefimova, B. A. Larina, O. S. Achmanovovej a S. I. Ožegova. V publikácii *О языке художественных произведений* (1954) A. I. Jefimov presne vytýčil ciele a úlohy frazeologickej analýzy literárneho textu. Vývoj frazeológie ovplyvnil aj predstaviteľ leningradskej lingvistickej školy profesor B. A. Larin. Vo svojej štúdii *Очерки по фразеологии. О систематизации и методах исследования фразеологии* z roku 1956 upozornil na nutnosť preorientovania sa z deskriptívnej frazeológie na historickú. Za najzaujímavejší považoval výskum frazém zo štylistického hľadiska a jej etymológie, pričom zdôrazňoval dôležitosť nárečovej frazeológie. Venoval sa diachrónnemu skúmaniu frazeologického systému ruského jazyka a zdôrazňoval nevyhnutnosť využitia komparatívnych a historicko-porovnávacích metód pri výskume. O. S. Achmanovova sa v štúdii *Очерки по общей и русской лексикологии* (1957) venuje lexikálno-sémantickému opisu menných a slovesných frazém typu *зуб мудрости, войти в историю, знать меру*. S. I. Ožegov sa v článku *О структуре фразеологии* (1957) pokúsil o definovanie základov, na ktorých by mal stáť frazeologický slovník. Ožegov tu zavádza pojem frazeológia v širšom aj užšom význame, pričom analyzuje aj pojem tzv. hlavného slova frazeologickej jednotky. V rovnakom roku N. M. Šanskij publikoval dielo *Лексика и фразеология современного русского языка*, v ktorom sa zameral na bádanie v oblasti systémového usporiadania frazeologického obsahu.

⁵ ВИНОГРАДОВ, В. В. 1972. *Русский язык*. С. 26-28.

Vývoj frazeológie v 60. a 70. rokoch 20. storočia by sme mohli charakterizovať ako veľmi intenzívny, zameraný na všestranný rozvoj danej problematiky. Napríklad V. L. Archangel'skij sa venoval výskumu frazeologických objektov, ktorý bol založený na ideách systémovej úrovňovej analýzy jazykových faktov v diele *Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии* (1964). Sémantike frazém a jej nominatívne aspektu sa venovala aj V. N. Telija v diele *Что такое фразеология* (1966). Podobným výskumom sa zaoberal V. P. Žukov v práci *Семантика фразеологических оборотов* (1978). Výsledky bádania v oblasti tvorby frazém a analýzu dynamiky frazeologických jednotiek predstavil B. A. Larin v diele *История русского языка и общее языкознание* (1977). Navrhol uvádzať idiomatické výrazy do slovníkov ako špeciálne kapitoly, tučným zvýrazňovať celý idiomatický obrat a „neschovávať materiál na konci kapitol“⁶ pretože z lexikografického hľadiska sú to špeciálne slová. Frazeologické celky, ktoré nie sú také celistvé ako idiómy, môžu byť umiestnené pod jedným z lexikálnych komponentov. Ako už vyššie spomínaný N. M. Šanskij, problematiku systémoveho usporiadania frazeológie rozvíjali vo svojich dielach aj V. M. Mokijenko⁷, alebo R. N. Popov. Slovníkovému spracovaniu frazém sa venovali napríklad A. M. Babkin⁸, alebo A. I. Molotkov.⁹

V roku 1983 boli na Medzinárodnom zjazde slavistov v Kyjeve vymedzené tri základné metodologické prístupy v oblasti frazeologických výskumov: deskriptívny, historický a porovnávací, pričom boli v rámci každého prístupu naznačené jednotlivé vedecké prúdy. Deskriptívna frazeológia sa venuje otázkam frazeologickej sémantiky a gramatiky (N. F. Alefirenko, V. D. Archangel'skij, A. M. Babkin, A. M. Melerovič, V. N. Telija, N. M. Šanskij a iní). Predmetom historickej frazeológie je výskum pôvodných tvarov a významov frazém, určovanie ich pôvodu prostredníctvom všetkých dostupných prostriedkov, zisťovanie okruhov ich pôsobenia a taktiež stanovenie rozsahu frazeologickej vrstvy v konkrétnom historickom období vývoja jazyka. Výskumom historickej oblasti frazeológie sú venované práce B. A. Larina, V. M. Mokijenka, N. M. Šanského, V. I. Zimina, A. V. Filippova a iných. Porovnávaciu frazeológiu rozvíjajú bádania R. A. Glazyrina, V. M. Mokijenka, L. I. Rojzenzona a iných.

⁶ ЛАРИН, Б. А. 1977. *История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы)*. Москва: Просвещение, 1977. 224 с. ISBN 200000221293.

⁷ МОКИЕНКО, В. М. 1980. *Славянская фразеология*. Москва: Высшая школа, 1980. 205 с.

⁸ БАБКИН, А. М. 1964. *Лексикографическая разработка русской фразеологии*. Ленинград: Наука, 1964. 75 с.

⁹ МОЛОТКОВ, А. И. 1977. *Основы фразеологии русского языка*. Москва: Наука, 1977. 280 с.

Bujanova a Kovalenko vo svojej publikácii z roku 2013 *Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности* vyjadrili názor, že jednou z úloh súčasnej lingvistiky je zovšeobecnenie už vytvorených základných frazeologických klasifikácií jednotlivých bádateľov a vytvorenie jedinej klasifikačnej schémy, ktorá by prihliadala na všetky doteraz skúmané klasifikačné príznaky frazeologických jednotiek.¹⁰

Okrem snahy o zovšeobecnenie frazeologických klasifikácií je aktuálne realizovaný aj výskum problematiky vzniku a vývoja jednotlivých frazeologických jednotiek. Avšak niektorí bádatelia sa nazdávajú, že princíp vzniku frazeologickej jednotky je irelevantný z hľadiska hodnotenia jej kognitívnej dominantnosti v synchrónnom priereze, nakoľko operácie s frazeologickými jednotkami sú v súčasnej etape vývoja jazyka ovplyvnené najmä kognitívnymi prioritami daného jazyka a národnou mentalitou.¹¹

Od polovice 70. rokov 20. storočia sa objavuje tendencia realizovať výskumy v oblasti frazeológie z kognitívneho uhlu pohľadu, v súvislosti s čím sa hovorí o kognitívnej frazeológii. Ako prví sa začali touto problematikou v Rusku zaoberať A. P. Babuškin, V. M. Mokijenko, Z. D. Popovová, A. A. Potebňa, V. N. Telija, G. V. Tokarev a iní. N. F. Alefirenko zdôrazňuje, že súčasná kognitívna lingvistika má interdisciplinárny, antropocentrický charakter, nakoľko zahŕňa jazykovedu, neurológiu, psychológiu, psycholingvistiku.¹² Predmetom výskumu kognitívnej frazeológie je vzájomná interakcia jazykov a kultúr v kontinuu frazeologického priestoru. Táto interakcia má charakter synergetického nelineárneho procesu, samostatne rozvíjajúceho a organizujúceho sa systému. Cieľom kognitívnej frazeológie je modelovanie celistvého frazeologického priestoru ako samostatne organizovaného systému vzájomnej interakcie semiotických prostriedkov jazyka a kultúry.¹³

Ďalším prístupom k bádaniu v oblasti frazeológie je výskum uskutočňovaný prostredníctvom interpretácií a rekonštrukcií jazykových obrazov sveta. Frazeológia najvýraznejšie odráža postupné evolučné formovanie národno-špecifických kognitívnych

¹⁰ БУЯНОВА, Л. Ю. – КОВАЛЕНКО, Е. Г. 2013. *Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности: монография*. Москва: Флинта, 2013. 166 с. ISBN 978-502-0376-892.

¹¹ АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. – КОРИНА, Н. Б. 2011. *Проблемы когнитивной лингвистики*. Нитра: Университет им. Константина Философа в Нитре, Философский факультет, 2011. 215 с. ISBN 978-80-8094-987-7.

¹² АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. 2008. *Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма*. Белгород: БельГУ, 2008. 152 с. ISBN 978-5-9571-0330-1.

¹³ Там же.

dominánt každého prirodzeného jazyka, čo názorne ukazujú komparatívne výskumy frazeológie rôznych slovanských a neslovanských jazykov.¹⁴

Frazeológia je nepopierateľne významným prostriedkom reflexie nielen diachrónneho vývoja konkrétneho prirodzeného jazyka, ale je odrazom národnej mentality, tradícií, kultúry a špecifických dominánt každého jazykového spoločenstva, preto stále upútava bádateľskú pozornosť.

BIBLIOGRAFIA:

1. АБАКУМОВ, С. И. 1936. Устойчивые сочетания слов. In: *Русский язык в школе*. 1936. ч. 1. с. 58 – 66.
2. АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. 2008. *Фраzeология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма*. Белгород: БельГУ, 2008. 152 с. ISBN 978-5-9571-0330-1.
3. АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. – КОРИНА, Н. Б. 2011. Проблемы когнитивной лингвистики. Нитра: Университет им. Константина Философа в Нитре, Философский факультет, 2011. 215 с. ISBN 978-80-8094-987-7.
4. АРХАНГЕЛЬСКИЙ, В. Л. 1964. *Устойчивые фразы в современном русском языке: основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии*. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета. 1964. 314 с. Без ISBN.
5. АХМАНОВА, О. С. 1957. *Очерки по общей и русской лексикологии*. Москва: Учпедгиз, 1957. 295 с. Без ISBN.
6. БАБКИН, А. М. 1964. *Лексикографическая разработка русской фразеологии*. Ленинград: Наука, 1964. 75 с. Без ISBN.
7. БУЯНОВА, Л. Ю. – КОВАЛЕНКО, Е. Г. 2013. *Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности: монография*. Москва: Флинта, 2013. 166 с. ISBN 978-502-0376-892.
8. ВИНОГРАДОВ, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. In: *Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. (1819 – 1944)*. 1946, с. 45 – 69. Без ISBN.
9. ВИНОГРАДОВ, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. In: *А. А. Шахматов (1864 – 1920)*. 1947, с. 339 – 364. Без ISBN.

---

¹⁴ КОРИНА, Н. Б. а колл. *Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка*. Нитра: Университет им. Константина Философа в Нитре, 2014. 204 с. ISBN 978-80-558-0702-7.

10. ВИНОГРАДОВ, В. В. 1972. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва: Высшая школа, 1972. 613 с. Без ISBN.
11. ЕФИМОВ, А. И. 1954. *О языке художественных произведений*. Москва: Учебно-педагогическое изд-во, 1954. 286 с. Без ISBN.
12. ЖУКОВ, В. П. 1978. Семантика фразеологических оборотов. Москва: Просвещение. 1978. 158 с. Без ISBN.
13. КОРИНА, Н. Б. а колл. *Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка*. Нитра: Университет им. Константина Философа в Нитре, 2014. 204 с. ISBN 978-80-558-0702-7.
14. ЛАРИН, Б. А. Очерки по фразеологии. О систематизации и методах исследования фразеологии. In: *Учен. зап. Ленинг. Ун-та*. 1956, s. 200 – 225.
15. ЛАРИН, Б. А. 1977. *История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы)*. Москва: Просвещение, 1977. 224 с. ISBN 200000221293.
16. МОКИЕНКО, В. М. 1980. *Славянская фразеология*. Москва: Высшая школа, 1980. 205 с. Без ISBN.
17. МОЛОТКОВ, А. И. 1977. *Основы фразеологии русского языка*. Москва: Наука, 1977. 280 с. Без ISBN.
18. ОЖЕГОВ, С. И. О структуре фразеологии. In: *Лексикографический сборник*. 1957, с. 31 – 53. Без ISBN.
19. ТЕЛИЯ, В. Н. 1966. *Что такое фразеология*. Москва: Наука, 1966, 84 с. Без ISBN.
20. ШАХМАТОВ, А. А. 2001. *Синтаксис русского языка*. Москва: УРСС, 2001. 624 с. ISBN 5-8360-0263-0.
21. ШАНСКИЙ, Н. М. 1957. *Лексика и фразеология современного русского языка*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. 168 с. Без ISBN.

КРЫЛАТЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»)

Лю Лу, аспирантка

Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания,
Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета,
liu.lu@mail.ru

ABSTRACT: The article studies the winged units as one of the most effective linguistic means of expressing emotions. This article devotes its main attention to the analysis of winged units for expressing negative emotions, which are derived from the novel of Ilf and Petrov “The Twelve Chairs”. The winged units are attractive in virtue of their functional expressiveness combined with entertainment role and conversational intonation, they make our speech more lively, figuratively and emotionally.

В семантической структуре лексических единиц эмоциональная окраска, передающая личностное отношение говорящего или его оценки, является одной из наиболее существенных составляющих, влияющих на информативность и выразительность речевой коммуникации в целом. Важную роль в воплощении такого рода информации играют фразеологические обороты, широко применяемые в разных типах дискурса и используемые как средство выражения эмоций. Употребление крылатых единиц (далее КЕ) как особого разряда фразеологических оборотов имеют свою специфику, что делает актуальной задачу поиска подходов к выявлению и представлению особенностей использования данных единиц.

В настоящее время КЕ активно изучаются в российской и зарубежной лингвистике. В последние десятилетия закладываются теоретические основы науки крылатологии (С. Г. Шулежкова), крылатики (В. М. Мокиенко), устанавливается языковой статус КЕ, выделяются характерные отличительные признаки КЕ, а также подробно описываются источники КЕ. Подчеркнём, что в нашей статье будем использовать термин КЕ, предложенный С. Г. Шулежковой в монографии «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие», поскольку он представляется нам

достаточно логичным и убедительным. КЕ подразделяются на крылатые слова (далее КС) и крылатые выражения (далее КВ).

Исследователи КЕ единодушно признают, что самым мощным источником КВ является художественная литература. А. М. Бабкин в книге «Русская фразеология, их источник и развитие» писал, что часть «образных выражений, ярких сравнительных оборотов, метких характеристик и употреблений» писателей, «порвав с жанром, обусловившим их возникновение, прочно вошли во фразеологический фонд национального языка, развили новые значения и оттенки, изменили стилистическую окраску и сделались незаменимыми формами выражения мысли».¹ Следовательно, изучение особенностей использования КЕ как средства выражения эмоций не может быть полным без рассмотрения закономерностей функционирования КЕ, которые вышли из художественных произведений.

Сатирический роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» – уникальный источник КЕ литературы первой половины XX века, он сразу произвёл огромное впечатление на читательскую аудиторию после выхода в 1928-м году. Хорошо запоминается не только интересный сюжет и яркие персонажи, но и многие остроумные слова и фразы, которые вливаются в повседневную речь и становятся КЕ: «Кому и кобыла невеста», «Лед тронулся, господа присяжные заседатели», «Гигант мысли, отец русской демократии», «Знойная женщина – мечта поэта», «Ближе к телу, как говорил Мопассан». Роман не теряет своей актуальности со временем, он по сей день вызывает интерес у новых поколений читателей. Многие КЕ из романа активно используются в речи, выражают разные эмоции человека. Объектом анализа в данной статье будут КЕ из романа «Двенадцать стульев», которые выражают отрицательные эмоции, часто испытываемые нами в жизни.

Эмоции, как известно, развиваются в ходе практической деятельности. По определению «Психологического словаря» под редакцией В. П. Зинченко и Б. Г. Мещеряков, эмоции – «особый класс психологических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями и мотивами, отражающихся в форме непосредственного переживания (удовлетворения, радости, страха и т. д.) значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности». Существуют разные языковые средства выражения эмоций: слова,

---

¹ БАБКИН, А. 2009. *Русская фразеология, ее развитие и источники*. Москва: Либроком, 2009.

имеющие выраженную эмоциональную окрашенность, бранные слова, междометия, фразеологические обороты (КЕ в частности) и др.

Эмоции людей можно разделить на две большие группы – положительные и отрицательные. В книге «Эмоции человека» известного психолога К. Изарда излагая свои взгляды на теорию дифференциальных эмоций, автор выделил 10 фундаментальные эмоции, из которых, по мнению автора, можно образовать 45 диад и 120 триад эмоций. Среди этих десяти только первые две автор назвал положительными, количество видов отрицательных эмоций явно превышает количество видов положительных эмоций. И. М. Кондаков писал о видах отрицательных эмоций и давал им характеристику. Например, «гнев возникает при возникновении препятствий на пути достижения цели и служит для пробуждения энергии, требующейся для разрушения препятствия»; «презрение поддерживает собственную самооценку и поведение доминирования»; «отвращение приводит к отталкиванию вредных объектов».

КЕ в романе «Двенадцать стульев» функционируют для выражения многие видов отрицательных эмоций: неодобрение, печаль, страх, насмешка, стыд, отчаяние и др. Приведём пример, Остап Бендер называл Пашу Эмильевича «жертвой аборта», когда допытывался у него, кому он продал стул. «Жертва аборта» – ничтожный, неполноценный человек. Данные КЕ обычно используются для выражения отрицательных эмоций, а точнее, отвращения. «...Вот В.Л. Сердюченко пишет в своей статье – „Если ты станешь думать, что ты есть сплошной нуль, прореха на теле человечества, **жертва аборта** и вообще никто, то неожиданно станешь цельной, сверкающей, великолепной единицей, и к тебе единственному обратился лик Господа и его перст, указующий: ‘Се человек’“...»². В. Л. Сердюченко перечисляет «сплошной нуль», «прореха на теле человечества» и «жертва аборта», можно сказать, все они в определённой степени являются синонимами «никто», но они, в отличие от «никто», выражают явно отрицательное отношение. Приводим другой пример, фраза Людоедки Элочки «Не учите меня жить» стала крылатой, как многие другие слова и фразы из используемых ею тридцати. «Не учите меня жить» часто цитируется для выражения неодобрения или несогласия говорящего.

Каждая КЕ – это уже «готовый блок эмоций».³ Мы согласимся с таким мнением и полагаем, что КЕ могут быть использованы не только для выражения одного или двух

² ИЗБИЦЕР Александр. 2004. Музыка вечности. In: *Лебедь (Бостон)* [online]. 2004, № 356. Доступно в интернете: <<http://lebed.com/2004/art3611.htm>>

³ ХАРЧЕНКО, В.К. 2000.

видов эмоций, но и для выражения сложного эмоционального состояния. КЕ «бить себя ушами по щекам» в романе была написана для того, чтобы описать состояние Воробьянинова после очередной неудачи. Он был утомлён бесконечными поисками и расстроен пустым стулом. КЕ «бить себя ушами по щекам» тонко передают разочарование, печаль, недовольство и страдание Воробьянинова. Смотрим пример: «...Если ты сейчас сделаешь это, тогда, по прошествии определенного времени ты со злости на себя и за то, что не дочитал это письмо до конца, будешь **бить себя ушами по щекам** и рвать волосы по всему своему могучему телу. Так что оставайся – не пожалеешь! И так, для большинства народа, Интернет – это не инструмент для делания денег, а модная игрушка...».⁴ С одной стороны, «бить себя ушами по щекам» выражает неодобрение и даже презрение автора, а с другой, открывает переживание и тревогу автора по данному поводу.

Как уже отмечалось выше, учитывая структуру КЕ, их компонентный состав и функции, они подразделяются КС и КВ. В романе «Двенадцать стульев» встречается множество КС (Остап Бендер, Людоедка Эллочка) и КВ (от мёртвого осла уши, отец русской демократии, спасение утопающих – дело рук самих утопающих). Все они могут служить средствами выражения эмоций. Например, КС «Людоедка Эллочка», в «Большом словаре крылатых слов русского языка» В. П. Беркова, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулержковой даётся следующее толкование: «Ирон. или презр. Одна из персонажей романа И. Ильфа и Е. Петрова „Двенадцать стульев“ (1928) – Эллочка Щукина. О людях с примитивной, убогой речью, уснащающих её вульгаризмами и жаргонизмами». Далее в словаре приводится комментарий: «На глазах обедняется словарный запас людей, особенно молодых. Для выражения своих эмоций юноши и девушки (увы!) часто прибегают к нецензурным выражениям. Многие обходятся словарным минимумом небезызвестной Элочки Людоедки.» Хотя «Людоедка Эллочка» фигурирует в романе практически лишь в одной главе, но она становится именем нарицательным, обладающим крылатостью, эмоционально окрашенным. Нельзя не обратить внимание и на слова и фразы Элочки, такие как «Хо-хо», «Хамите, парниша», «Мрак», «У Вас вся спина белая». Возьмём ещё КВ «от мёртвого осла уши» и проанализируем, как оно выражает эмоции: «Если рано или поздно последний их свитер с погонями понадобится вам, чтобы не замёрзнуть недалеко от Антарктики (или в Заполярье), то вы без масла получите или **от мёртвого осла уши**, а не тепло и заботу, вот вам крест на ближайший

⁴ Предложение заработать [online]. 2004. Доступно в интернете: <<http://www.ruscorpora.ru>>

вам храм любой религии».⁵ Вместо «ничего не получите» автор использует КВ, которое делает её речь живее, гораздо эмоциональнее. «От мёртвого осла уши» выражает неодобрение и возражение говорящего.

КЕ выражают эмоции с помощью разных стилистических методов:

Сравнение. В КЕ «стулья расплозуются, как тараканы» стулья сравнивают с тараканами. Упустив возможность купить десять стульев на аукционе, Остапу Бендеру и Воробьянинову пришлось искать их по отдельности. Бендер размышлял, что стулья расплозуются, как тараканы. Стулья трудно «поймать». Приведём пример, «А ещё кинокритик называется, тьфу. А главное, свежо так. Если уж про **деньги**, то самое поразительное в них то, что они не любят, когда про них думают. Тут же **как тараканы разбегаются**. Им нельзя быть основой мотивации, вот что. Делать надо то, что хочешь, то, что интересно, ввязываться в приятные себе дела – тогда они сами тебя находят. Неоднократно проверено».⁶ Тут авторы сравнивают деньги с тараканами. Они выступают против того, чтобы люди считали деньги основой мотивации. Использование КЕ подчёркивает их пренебрежное отношение к тем, которые придают слишком большое значение деньгам.

Метафора. Выражение «опиум для народа» создано на основе высказывание К. Маркса «Религия есть опиум народа» («К критике гегелевской философии права», 1844). Популярности КЕ «опиум для народа» способствовало его употребление в романе И. Ильфа и Е. Петрова. Идут споры о том, является ли данная КЕ метафорой. Одни считают, что она метафора вне всяких сомнений, другие пытаются доказывать, что это отнюдь не метафора, исходя из исторического аспекта. В нашей статье будем считать, что это метафора. Иногда встречаются такие высказывания: «Телевидение – опиум для народа», «Интернет – опиум для народа» и т.п. Рассмотрим одно из них: «Про новый Трудовой Кодекс тоже шутки не было. Трагедии последних дней: „Невский экспресс“, пожар в Перми – почему мы это не обсудили? Потому что уже не смешно. **Юмористические передачи – новый „опиум для народа“**. Цель жизни – „поржать“. Но, знаете, надоело смеяться».⁷ Сразу видно, что автор комментария даёт негативную оценку передаче.

⁵ СОЛОМАТИНА, Т. 2010. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» [online]. 2010. Доступно в интернете: <<http://www.ruscorpora.ru>>

⁶ БАВИЛЬСКИЙ, Д. – МАНЦОВ, И. 2010. У каждого ума свой телескоп In: *Частный корреспондент* [online]. 2010. Доступно в интернете: <<http://glfr.ru/news/2010/08/a1fb01f35e829da23c97d73827826dbf.html>>

⁷ Коллективный. *Комментарии к передаче «Прожектор ПерисХилтон» (2009-2011)* [online]. Доступно в интернете: <<http://www.ruscorpora.ru>>

Автор недоволен содержанием передачи и он вообще не любит жанр юмористической передачи. Его отрицательные эмоции ярко выражены через КЕ «опиум для народа».

Вопрос и риторический вопрос. Например, КЕ «Что вы на меня смотрите, как солдат на вошь» была написана в вопросительную форму, кроме того, в ней было использовано сравнение. Обсудим и известный риторический вопрос из романа «Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат». Эту фразу Остап Бендер произносил неоднократно, и мальчику беспризорнику, и Воробьянинову. Она может выразить удивление, несогласие, осуждение и многие другие виды эмоций. Применяются и другие стилистические методы: олицетворение, гипербола, перифраза, антифраза и т. д.

КЕ не только способны хранить тот типичный и привычный смысл, который был заложен изначально, но и обладает большим семантическим и функциональным потенциалом. Многие КЕ из романов «Двенадцать стульев» вошли в лексикон повседневной жизни, обретая свой индивидуальный смысл. Мы часто обращаемся к КЕ с той целью, чтобы они выражали наши эмоции, которые мы испытываем в той или иной конкретной коммуникативной ситуации. Иногда мы даже слегка меняем компоненты КЕ, как в приведённых выше примерах: «Деньги как тараканы разбегаются» вместо КЕ «стулья расползаются, как тараканы».

Многие КЕ, встречающиеся на страницах романа «Двенадцать стульев» могут быть использованы как средство выражения отрицательных эмоций человека. Они характерны тесной связью с источником, широким применением в речи, большим семантическим потенциалом и функциональной, эмоциональной выразительностью. Используя КЕ, мы сможем значительно живее и образнее выразить наши эмоции.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. АШУКИН, Николай – АШУКИНА, Мария. 1988. *Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. 4-е изд.* Москва: художественная литература, 1988. 528 с. ISBN 5-280-00471-5.
2. БАБКИН, Александр. 2009. *Русская фразеология, её развитие и источники.* Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 264 с. ISBN 978-5-397-00788-7.
3. БЕРКОВ, Валерий – МОКИЕНКО, Валерий – ШУЛЕЖКОВА, Светлана. 2005. *Большой словарь крылатых слов русского языка: 4000 единиц.* Москва: АСТ: Астрель:Русские словари, 2005. 624 с.

4. ВЕРЕЩАГИН Евгений – КОСТОМАРОВ Виталий. 2005. *Язык и культура. Три лингвистические концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Под редакцией и послесловием академика Ю. С. Степанова.* Москва: Индрик, 2005. 1040 с. ISBN 5-85759-289-5.
5. МОКИЕНКО Валерий. 2009. *Образы русской речи: историческо-этимологические очерки фразеологии.* Москва:Флинта: Наука, 2009. 464 с. ISBN 978-5-9765-0015-0.
6. РОЗЕНТАЛЬ Дитмар – ТЕЛЕНКОВА Маргарита. 1985. *Справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя.* Москва: Просвещение, 1985
7. ШАХОВСКИЙ – Виктор. 2012. *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 4-е.* Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 208 с. ISBN 978-5-397-03142-4.
8. ШУЛЕЖКОВА Светлана. 2001. *Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие.* Москва: «Азбуковник», 2001. 288 с. ISBN 5-937860-21-7.
9. ЯРЦЕВА Виктория. 1998. *Большой энциклопедический словарь. Языкознание. 2-ое репринтное издание.* Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. 687 с. ISBN 5-85270-307-9.

РУССКИЕ ПРЕДИКАТИВЫ В ОДНОЯЗЫЧНОЙ И ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Таня Триберо, аспирантка

Кафедра славистики, Департамент иностранных языков и литератур, Университет Вероны, tania.triberio@univr.it

ABSTRACT: Present contribution is focused on the interpretation of the so-called Russian predicatives in monolingual as well as bilingual dictionaries (Russian-Italian section). Elements of contact and difference in the registration and processing criteria of this lexical forms will be discussed, both in terms of macrostructure and microstructure. Examples of some entries will then be given, taking into account the lexicographer's point of view as far as the grammatical nature of these words is concerned.

Цель настоящей статьи – дать краткое изложение результатов анализа обработки так называемых «предикативов на –о» в русском языке, так в толковых, как и в двуязычных словарях (русско-итальянская часть); в анализе подчёркиваются точки соприкосновения или различия в связи с критериями обработки, на уровне макроструктуры, и микроструктуры (в частности по отношению к наличию грамматической информации и общей организации статьи). Выяснение критериев обработки этих форм представляет интерес если иметь в виду, что существуют различные мнения относительно их природы и деривации. В обширной литературе об этом вопросе, в частности, выделяются среди лингвистов в основном два направления: одни их считают краткой формой прилагательного среднего рода, а другие – результатом адвербиальной формации от того же прилагательного.¹ Оказывается, что предикативы на –о, как самостоятельный класс слов, являются «лексическими омонимами» других частей речи.

В данной работе вопрос о деривации предикативов анализируется с той точки зрения, в какой мере всё это влияет на критерии их обработки, выбранные и указанные лексикографами во введениях словарей; тем более если учитывается как трудно отличить предикативы как особый класс (или часть речи), имеющий свои

---

¹ В связи с этим, эти формы называют то «безличными наречиями», то «безличными формами на-о», то «предикативами на -о» (внутри категории состояния).

грамматические и морфологические основы. До какой степени словари отличают такие «предикативы» по сравнению с их омонимами?

Для этого будет полезно привести несколько примеров регистрации этих форм, обращая внимание на точку зрения лексикографа насчёт их грамматической природы.

Как известно, предикативы на –о широко распространены в «категории состояния»: они обозначают чувство, эмоциональное, психологическое или физическое состояние человека (например *стыдно, весело, тяжело...*), состояние природы или окружающей среды (например *холодно, тепло, душно...*). Кроме выше указанных употреблений, они могут также выражать идею должности, возможности и необходимости (например *должно, можно, нужно...*).²

Во всех нижеуказанных словарях омонимы, т. е. слова, одинаковые по произношению и с одинаковым написанием, но разные по смыслу, даются в виде отдельных статей и обозначаются цифрой сверху, справа. Конечно – это традиционное понятие омонимии, которое обычно употребляется для омонимов, различающихся по разной этимологии и семантике. Но, по этому поводу, Ахманова подчёркивает понятие о «функциональной омонимии»: «слова на –о являются прилагательными в сочетании с существительными, но наречиями в сочетании с глаголами и т.д.».³

Если принять во внимание, например, заглавное слово *далеко* в словаре М-С, выделяются у него три основных грамматических функции⁴:

краткая форма прилагательного среднего рода: «это селение ~ от города»⁵;

качественное наречие: «держаться ~ от чего-л.»⁶;

предикатив (в значении *сказ. безл.*): «вам ~ еще идти».⁷

Эти три слова вполне совпадают морфологически, хотя, как видно, не синтаксически; от этого иногда возникают трудности в интерпретации таких слов, в процессе их понимания и перевода, особенно со стороны носителя иностранного языка, у которого нет представления о таком языковом явлении (например, в итальянском языке, так как во многих европейских языках, такого ряда выражений не встречается).

Сначала будем сосредоточивать внимание на следующих толковых словарях⁸:

² ВИНОГРАДОВ, В. 1972. Русская Грамматика, Изд. 2-е. Москва: Высшая Школа, 1972. глава VI.

³ АХМАНОВА, О. 1974. Словарь омонимов русского языка. Москва: Изд. Советская Энциклопедия. Редакция русских словарей, 1974. с. 375.

⁴ Не считаются, во всех приведенных примерах, другие возможные функции частицы или вводн. сл.

⁵ М-С, с. 153. В словаре слово заменяется символом ~.

⁶ М-С, с. 153.

⁷ М-С, с. 153.

⁸ См. полные данные о них ниже в Библиографии.

ЧЕРНЫШЁВ, В. И. et. al., 1950-1965 (→ ССРЛЯ⁹);

ЕВГЕНЬЕВА, А. П. et. al., 1981 (→ СРЯ¹⁰);

ОЖЕГОВ, С. И., 1991 (→ О).

Во введении ССРЛЯ указывается:

«г) наречия на *-о*, *-е*, *-ски*, производные от прилагательных, помещаются при соответствующих прилагательных: *темно* при *тёмный*... [...], после наречий на *-о* указывается употребление совпадающих с наречиями форм на *-о* в значении безличного сказуемого, по образцу: В знач. *безл.* [...]; *Здесь так душно*. Пушкин. [...].¹¹

Это указание даёт точку зрения лексикографа насчёт деривации наречий на *-о*, и соответствующих предикативов, то есть так называемых «безличных сказуемых».¹²

Дальше, в части введения, посвящённой семантической и стилистической характеристике слов, уточняется, что «каждое слово словарной статьи получает определение своего значения или ряда своих значений и оттенков»¹³, за исключением некоторых производных слов, лексическое значение которых вполне соответствует значению основного слова (в таких случаях указывается пометка¹⁴).

Ниже представлено несколько примеров обработки предикативов, в частности, выбраны следующие три: *близко*, *стыдно*, *хорошо*:

«Бли́зкий»¹⁵, ая, ое; близок, зка́, о. [...]. **Бли́зко**, нареч. 1. Недалеко, по соседству; на близкое расстояние [...]. 2. Скоро, недалеко во времени (обычно в знач. сказуемого) [...]. *Уже близко к полночи глухой*. Пушкин, Руслан и Людм. [...].

Сты́дно»¹⁶, безл. сказ. О чувстве стыда, испытываемом кем-либо. – *Мне было стыдно, что его огорчил*. Герцен, Былое и думы [...].

Хоро́ший»¹⁷, ая, ое; хорош, хороша́, о́; [...]. **Хоро́шо**. 1. Нареч. к хороший (в 1-м, 4-м, 6-м и 9-м знач.) [...]. 2. Нареч. Отчетливо, ясно [...]. 3. *Безл. сказ.* О приятной окружающей обстановке. «*Вчера вечером сидела я долго под окном; ночь была тёплая, в саду так хорошо*». Герцен, Кто виноват? [...]. 4. *Безл. сказ.* О чувстве удовольствия, душевного удовлетворения, испытываемом кем-нибудь. – *Ах, хорошо!..- говорил*

⁹ Также известен как «Большой академический словарь», сокращённо БАС.

¹⁰ Также известен как «Малый академический словарь», сокращённо МАС.

¹¹ ССРЛЯ, с. IX.

¹² Таким образом словари определяют эти формы.

¹³ ССРЛЯ, с. XI.

¹⁴ см. ССРЛЯ, с. XI.

¹⁵ ССРЛЯ, с. 510-513.

¹⁶ ССРЛЯ, с. 1120.

¹⁷ ССРЛЯ, с. 396-405.

Александр Иванович, делая жестокую бурсацкую затяжку и закрывая от наслаждения глаза. Мам.-Сиб. Из дал. прошл. [...]».

В то время как *близко* и *хорошо* словарь представляет под заглавным словом – прилагательным, полужирным шрифтом, и поэтому они как-то выделены, с определением их разных функций, в роли наречия или сказуемого¹⁸, то слово *стыдно*, в отличие от того, что декларируется в предисловии, зарегистрировано как отдельная статья, с пометой *безл. сказ. (безличное сказуемое)*. В этом случае, слово *стыдно* имеет полную лексическую и синтаксическо-грамматическую определённость. Обычно, для разных значений одного слова, предлагается их объяснение и описание в определённом конкретном контексте, и даются пояснительные примеры. В случае слова *близко*, информация в скобках (обычно в знач. сказуемого) не поясняет функцию безличности.

В предисловии СРЯ указано, что «наречия, употребляющиеся в значении сказуемого, обозначаются пометой *безл. в знач. сказ.*».

Следуют примеры трактовки слов **ЖАРКО** и **ВРЕДНО**.¹⁹

Очевидно здесь критерии трактовки этих слов отличаются по сравнению с предыдущим словарём. Слова *близко*, *стыдно* и *хорошо*, как вообще предикативы, занимают своё отдельное место, как заглавные слова (отдельные единицы), в алфавитном порядке, непосредственно до или после соответственных им прилагательных (*близкий, стыдный, хороший*):

«БЛИЗКО²⁰; ближе. 1. *Нареч. к близкий (в 1, 2 и 3 знач.) [...]. 2. в знач. сказ. О незначительном расстоянии до чего-л. Поселок близко. До поселка близко. 3. в знач. сказ. О скором наступлении чего-л. Ночь близко. До утра близко. [...]*.

СТЫДНО²¹, *безл. в знач. сказ. кому. О чувстве стыда, испытываемом кем-л. Люди эти в сравнении с ним самим казались ему прекрасны, сильны, свободны, и, глядя на них, ему становилось стыдно и грустно за себя.* Л. Толстой, Козаки. [*Вера:*] *Как тебе не стыдно, Петр! Ты не смеешь думать о папе скверно.* М. Горький, Последние.

ХОРОШО²²; лучше. 1. *Нареч. к хороший (в 1, 3, 5 и 8 знач.) [...]* 2. *безл. в знач. сказ. Об окружающей обстановке, доставляющей удовлетворение, наслаждение. На Волге так хорошо, свободно, светло.* М. Горький, Мои университеты. [...] 3. *безл. в знач.*

¹⁸ В таких случаях словарная статья построена как гнездо, состоящее из слов связанных по семантике или словообразованию. Надо отметить, что одно сокращение *сказ.* не указывает и на функцию безличности.

¹⁹ см. СРЯ, с. 12.

²⁰ СРЯ, с. 98.

²¹ СРЯ, с. 296.

²² СРЯ, с. 621.

сказ. кому. О чувстве удовлетворения, удовольствия, радости и т.п., испытываемом кем-л. *Прогулка по улице Горького Вере всё больше нравилась, и было ей хорошо и празднично.* В. Орлов, Происшествие в Никольском. [...]».

Во всех случаях приводятся примеры употребления и ещё раз выделяются разные значения этих форм в контекстах, в роли наречия или сказуемого, хотя сокращение *сказ.* не поясняет функцию безличности и, кажется, примеры не всегда помогают в идентификации и в понимании этих слов.²³

Обратим сейчас внимание на критерии включения этих слов в О (1991): во введении к словарю, указывается, в абзаце «Наречия и предикативы», что «наречия на –о, –ски, по-...-ски (напр. *весело, дружески, по дружески*), образованные от прилагательных, даются в статье соответствующего прилагательного в качестве иллюстративного примера. То же относится к предикативным наречиям (предикативам) на –о, напр. **ВЕСЁЛЫЙ**...*Мне весело* (в знач. сказ.) [...]»²⁴

На основе того, что декларируется в предисловии, проверим сейчас обработку тех же самых слов.

В статье касающейся прилагательного *близкий* даётся просто пример употребления слова *близко* в качестве наречия, и нет никакого указания (ни примеров) насчёт его дополнительной функции сказуемого: «**Близкий**²⁵, ая, ое; -зок, -зкá, зко, -зкí и -зки; [...]. *Близко* (нареч.) *жить*. [...]».

Что касается слова *хорошо*, даются примеры его употребления как в качестве наречия, так и в значении сказуемого²⁶, прямо внутри статьи, относящейся к прилагательному *хороший*: «**Хороший**²⁷, ая, ое; -ош, ошá; [...]. *Хорошо* (нареч.) *поет*. *В лесу хорошо* (в знач. сказ.). *Мне хорошо* (в знач. сказ.). *Хорошо* (в знач. сказ.) *будет, если он придет*. *Всё хорошо, что хорошо кончается* (посл.) [...]. *Это пальто мне хорошо* (годится, впору) [...]».

Слово *стыдно* даётся под прилагательным *стыдный* (но, выделенное, полужирным шрифтом), сопровождается сокращением «в знач. сказ.» и определением значения «об испытываемом чувстве стыда». Следуют примеры его употребления: «**Стыдный**²⁸, ая, ое; -ден, -днá. **1.** Вызывающий чувство стыда; постыдный [...]. **2.**

²³ В данной работе мы не будем касаться этой темы.

²⁴ О, с. 20.

²⁵ О, с. 56-57.

²⁶ Ещё раз не приводится сокращение *безл.*

²⁷ О, с. 865.

²⁸ О, с. 775.

стыдно, в знач. сказ. Об испытываемом чувстве стыда. [...]. *Стыдно обманывать. Как тебе не стыдно?* [...]

Кажется, что в О идентификация таких слов в функции сказуемых ещё менее подчёркнута в отличие от других толковых словарей; кроме слова *стыдно*, и, вероятно, несколько возможных других случаев, предикативы даются (и не всегда! см. *близко*) в статье соответствующего прилагательного только в качестве иллюстративного примера, иногда без всех полезных грамматических информации для их лучшего понимания.

Обычно не предлагается объяснение/описание для разных употреблений и значений этих слов в зависимости от контекста.

Видимо, точка зрения авторов проанализированных толковых словарей о происхождении предикативов – одинакова, они согласны в том, что предикативы происходят от кратких прилагательных. Если, с одной стороны, их семантика вообще не меняется по сравнению с омонимическими словами, с другой стороны их морфо-синтаксические признаки требуют указание на какое-то различие, которое, кажется, более подчёркнуто в толковом СРЯ.

Как бы более детальное описание о природе предикативов находится в несколько из больших двуязычных словарей, которые, кажется, более близки к критериям регистрации предикативов принятым в СРЯ²⁹:

МАЙЗЕЛЬ, Б. Н. – СКВОРЦОВА, Н. А., 1977 (→ М-С);

КОВАЛЁВ, В., 1995 (→ К);

ДОБРОВОЛЬСКАЯ, Ю., 2001 (→ Д).

В словаре М-С, в общих замечаниях, указано, что «наречия на –о часто выступают в роли предикатива. В этом случае они стоят с пометой *в знач. сказ. (безл.)* или *сказ. (безл.)*»³⁰:

«**близко**³¹ **1.** нареч. intimamente [...]; **2.** сказ. (о расстоянии) очень ~ vicino, a poca distanza; a uscìo a uscìo, a uscìo e bottega (разг.); до города ~ la città si trova a poca distanza; **3.** сказ.: до утра ~ la mattina è prossima.

стыдно³² **1.** нареч. (неловко) vergognosamente, in modo vergognoso; **2.** сказ. безл. + Д è vergognoso; мне ~ за него ho vergogna per lui; как тебе не ~! ma vergognati!

²⁹ См. полные данные о них ниже в Литературе.

³⁰ М-С, с. 7.

³¹ М-С, с. 47.

³² М-С, с. 819. Единственный словарь, где указывается функция качественного наречия.

хорошо³³ **1.** нареч. [...] **2.** сказ. безл. (о благоприятной обстановке) *va bene, si sta bene; Вам ~ говорить Le è facile dire; мне так ~! sto tanto bene!; мне здесь ~! mi ci trovo bene!* **3.** сказ. безл. с союзами *что, если и др. ~ что..., ~ если...è bene che [se]..; ~ ещё, что ...meno male che [...]*».

В К, во введении к словарю, ничего не указано насчёт наречий. Единственное замечание, которое можно считать нужным нашему исследованию, это уточнение, что «Ogni lemma è munito di una qualifica grammaticale. Se la stessa voce ha più di una qualifica grammaticale, esse vengono contraddistinte da una lettera maiuscola in neretto (**A, B** ecc.)»³⁴:

«**близко A avv.** (о расстоянии) **vicino** [...] **2** (душевно) **intimamente** [...] **B predic.** **è vicino, è poco distante** ♦ *до города б. la città è vicino.*

стыдно predic. **è vergognoso** ♦ *ей было стыдно за мужа (lei) provava vergogna per il marito; [...]*.

хорошо A avv. (как следует) **bene** [...] **B predic.** **1** (об окружающей обстановке) **si sta bene** ♦ *в лесу сейчас х. nel bosco ora si sta bene* **2** (о чувстве удовлетворения) **sentirsi bene, stare bene** ♦ *тебе х.? stai bene?* **3** (удачно, кстати) **è una fortuna, è un bene, meno male che** ♦ *х., что родителей не было дома meno male che i genitori non erano in casa [...]*».

В предисловии к словарю Д, под заглавием «Как пользоваться словарём», касательно наречия, указано, что

[...] во-первых его зачастую приходится переводить итальянским наречным оборотом или парафразой и, во-вторых, что весьма существенно, если наречие образует именное сказуемое (*pred. nomin.*) оно иллюстрируется примером: [...]. **трудно** [trúдно] **1 avv.** *difficilmente, difficile; [...]* **2 pred. nomin.:** ~ сказать...non saprei dire...; мне ~ + inf. *faccio fatica a...*³⁵.

Кроме этого уточняется, что «При различии грамматических характеристик переводное слово сопровождается соответствующей пометой (**I, II** и т.д.) или (**1, 2** и т.д.)»³⁶.

И кстати слова *близко, стыдно* и *хорошо* соблюдают эти критерии:

«**близко** [blizko] ближе **1 avv.** *vicino; intimamente* [...] **2 pred. nomin.** *к + dat., до + gen. vicino, a poca distanza; школа ~ (до школы ~) la scuola è qui vicino; не стой ~ к огню! Non avvicinarti troppo al caminetto! [...]*.

³³ М-С, с. 920.

³⁴ К, с. 5. Перевод: «Каждое слово имеет грамматическую отметку. При наличии разных грамматических отметок в одной статье, слово сопровождается большой буквой, полужирным шрифтом (**A, B** и т.п.)».

³⁵ См. Д, во введении к словарю.

³⁶ См. Д, во введении к словарю.

стыдно [stydno] *pred. nomin. + dat.* è vergognoso; как тебе не ~! vergognati!; мне ~ за тебя mi vergogno per te; тебе должно быть ~! dovresti vergognarti!; [...].

хорошо [chorošó] **1 avv.** (*grado comp.* лучше) bene [...] **2 pred. nomin.** va bene (si sta bene); мне здесь ~ mi ci trovo bene; на Волге ~ sul Volga si sta bene; ей было с нами ~ si trovava bene con noi **3:** ~, что..., ~, если...è bene che; ~ ещё, что...meno male che; ~, что ты с нами è bene che tu stia con noi; [...].»

Следовательно, общим критерием, принятым в двуязычных (в отличие от толковых) словарях является включение этих наречий как заглавных слов; поэтому форме предикатива на -o не обязательно приписывается деривация от прилагательного, тем более, что даже внутри статей нет кикакого упоминания об этом. Надо уточнить, что сокращения, использованы и в Д и в К, соответственно *pred. nomin.* и *predic.*, для определения функции предиката, всё-таки не поясняют роль этих слов в безличных контекстах. Кажется, что К, по сравнению с другими двуязычными словарями, предлагает большее количество объяснений в скобках.

Здесь речь идёт о двух различных грамматических функциях, которые свойственны одной лексической форме. В целом можно подвести итог, что критерии выбора, приняты как в толковых, так в двуязычных словарях, в основном различны и не всегда ясны; к тому, они часто бессистемны даже в одном и том же словаре. На сегодняшний день, понимание этого явления русского языка является результатом сложного процесса анализа, которое, кажется, не подробно описано и представлено в основных словарях.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. АХМАНОВА, Ольга Сергеевна, 1974. *Словарь омонимов русского языка*. Москва: Изд. Советская Энциклопедия. Редакция русских словарей, 1974. 448 с.
2. ВИНОГРАДОВ, Виктор Владимирович, 1972. *Русская Грамматика*, Изд. 2-е. Москва: Высшая Школа, 1972. 613 с.
3. ДОБРОВОЛЬСКАЯ, Юлия, 2001. *Большой русско-итальянский / итальянско-русский словарь*. Milano: Ulrico Hoepli Editore, 2001. 2423 с. (Д)
4. ЕВГЕНЬЕВА, Анастасия Петровна et al., 1981-1984. *Словарь русского языка в 4-х тт*, Изд. 2-е, испр. и доп, тт. I-IV. Москва: Русский язык, 1981-1984. 2968 с. (СРЯ)
5. КОВАЛЁВ, Владимир, 1995. *Russo / Русский, Dizionario russo-italiano / italiano-russo*. Bologna: Zanichelli editore S.p.A., 1995. 2176 с. (К)

6. МАЙЗЕЛЬ, Борис Наумович – СКВОРЦОВА, Надежда Александровна, 1977. *Русско-итальянский словарь*. Москва: Изд. «Русский язык», 1977. 1032 с. (М-С)
7. ОЖЕГОВ, Сергей Иванович, 1991. *Словарь русского языка*. Под. ред. чл.-корр. Шведовой Наталии Юльевны. Москва: Изд. «Русский язык», 1991. 916 с. (О)
8. ЧЕРНЫШЁВ, Василий Ильич (Гл. ред). et al., 1950-1965. *Словарь современного русского литературного языка*, тт. I-XVII. Москва-Ленинград: Изд. Академии Наук СССР, 1950-1965. 26.251 с. (ССРЛЯ)

JAZYKOVÁ HRA V TITULKOCH EKONOMICKÝCH TEXTOV

Mgr. Lucia Vieriková, PhD.

Kafédra rusistiky, Философский факультет Университета им. Константина Философа в Нитре, lvierikova@ukf.sk

РЕЗЮМЕ: Стаття посвящена проблематике языковой игры в заголовках экономических публицистических текстов. На материалах русской и словацкой прессы рассматриваются конкретные примеры с точки зрения их принадлежности к разным видам языковой игры. Внимание сосредоточивается на каламбурах и языковой игре на графическом уровне текста. Дается их интерпретация и определяется их влияние на читателя. В заключении определяется роль языковой игры в современных экономических текстах.

Termín *jazyková hra* zaviedol L. Wittgenstein v diele *Filozofické skúmania* v roku 1945. V porovnaní s dnešným ponímaním pojem jazykovej hry prezentuje pomerne široko ako „formy jazyka, s ktorými dieťa začína používať slová. Skúmanie jazykových hier je skúmaním primitívnych foriem jazyka alebo primitívnych jazykov. Jazykové hry, ktoré opisujeme, však nepokladáme za neúplné časti nejakého jazyka, ale za jazyky úplné samy o sebe, za úplné systémy ľudského dorozumievania“.¹ V neskorších jazykovedných prácach však pojem *jazyková hra* nadobúda užší význam a vymedzuje sa ako vedomé narušenie jazykovej normy s cieľom využiť jeho estetickú a poetickú funkciu (porov. Bakinová, 1977; Grigoriev, 1977; Zemskaja 1981; Uluchanov, 1984 a i.). V slovenskej lingvistickej tradícii sa uprednostňuje skôr termín *slovná hra*, ktorý však v súčasnosti vytláča pojem *slovná hračka* vytvorený pod vplyvom češtiny². Rozdiel nachádzame i v odlišnom výklade pojmu. Pojem *slovná hračka* je odvodený od francúzskeho výrazu *calembour*, čiže *kalambúr*, ktorý sa zakladá na zvukovej príbuznosti alebo totožnosti dvoch lexikálnych jednotiek, ktoré sú významovo vzdialené alebo je postavený na mnohoznačnosti jednej lexikálnej jednotky³. V našom článku sme sa rozhodli prikloniť k ruskému termínu *jazyková hra*, keďže slovenský pojem obsahovo nezahŕňa všetky príklady, ktoré sme z našej materiálnej bázy excerpovali. V slovenskej lingvistike absentuje spracovanie

¹ WITTEGENSTEIN, Ludwig. 1979. *Filozofické skúmania*. Bratislava: Nakladateľstvo Pravda, 1979. s. 133

² BUZÁSSYOVÁ, Klára. 1993. *Kontaktné varianty a synonymá v slovenčine a češtine*. In: Jazykovedný časopis, 44. 1993. s. 92 – 107

³ <http://www.juls.savba.sk/ediela/frazeologicka_terminologia/>

tematiky využívania jazykovej hry v médiách, a preto sme sa rozhodli aspoň čiastočne načrtnúť problematiku jazykovej hry v titulkoch ekonomických textov ruského týždenníka *Kommersant Deňgi* a slovenského týždenníka *Trend*. Titulok publicistického článku predstavuje „kontaktové avízo medzi komunikátorom a komunikantom“.⁴ J. Findra uvádza, že v publicistike je titulok najexponovanejšou zložkou prejavu a napriek tomu, že sa funkčne viaže na obsah vlastného textu, vníma ho ako relatívne samostatný prehovor.⁵ Titulok sa hodnotí ako kompaktný a relatívne autonómny príznak textu, ktorý daný text približuje podľa princípu *pars pro toto* čiže časť namiesto celku.⁶ Podľa nášho názoru sú v titulkoch publicistických ekonomických textov z hľadiska jazykovej hry najviac zastúpené rôzne alúzie na známe literárne diela, filmy či piesne (napr. *Slovenský Cattani chráni Slovnaft, Ako penzisti prichádzajú o ilúzie, Regulácia v ofsajde, Геронт нашего времени, Чапаев на Диком Западе, Москва ларькам не верит, Идѣт война молочная, Идѣт экспат по городу а и.*), ktoré sú pomerne ľahko dešifrovateľné. Alúzii v ekonomických publicistických textoch sme sa venovali v článku *Fenomén intertextuality v ekonomických textoch* (2013), a preto teraz svoju pozornosť sústredíme na iné typy jazykovej hry, a to na kalambúry a využitie jazykovej hry na grafickej úrovni textu. Na základe konkrétnych príkladov sa pokúsime vymedziť ich základné úlohy a vplyv na príjemcu textu.

Kalambúr predstavuje jazykovú hru, ktorá je založená a) na využití zvukovej podobnosti, pričom sa využívajú rôzne rýmy, súzvuk slov alebo aliterácia (napr. titulok *Náklady čokolády* o hrozjacej „čokoládovej kríze“, keďže najväčší producent tento sladkej pochúťky bije na poplach a poukazuje na deficit kakaa na svetových trhoch; alebo titulok ruského článku *Ковбой на буровой* o nedostatku pastierov dobytka v Kanade, ktorý je spôsobený odlivom potrebných pracovných síl na ropné vrty, kde ponúkajú vyšší zárobok; článok *Исключения исключены* hovorí o výrobe automobilov známej značky v Ruskej federácii) alebo zvukovej totožnosti dvoch významovo rôznych pomenovaní, napr. v titulku *Strategicky Široký* je v homonymickom vzťahu vlastné podstatné meno a adjektívum, pričom daná jazyková hra poukazuje na široký záber vplyvných kontaktov známeho slovenského podnikateľa; b) na využití mnohoznačnosti jediného pomenovania (polysémia), napr. *iPhone 6 Plus: Jablko z inej sorty*, v ktorom lexéma *jablko* v súčasnosti pomenúva nielen obľúbený druh ovocia, ale aj

⁴ TUŠER, Andrej. 2003. Titulok – kontaktovej zložka prejavu. In *Otázky žurnalistiky*. 2003, roč. 46, č. 1 – 2, ISSN 0322-7049. s. 52.

⁵ FINDRA, Ján. 2007. *Rámcové zložky prejavu v publicistike*. [online]. 2007. [cit. 01-03-2015]. Dostupné na <<http://www.e-obce.sk/clanky/453.html>>

⁶ ЛУКИН, В. А. 1999. *Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа*. Москва: Издательство «Ось-89», 1999. ISBN: 5-86894-279-5. s. 61

známu americkú firmu s počítačmi. Pokiaľ ide o homonymiu, v jazykovej hre sa využívajú všetky jej typy, či už tzv. lexikálne (pravé) homonymá – slová, ktoré sa zhodujú vo všetkých formách (zvukovej i grafickej), napr. *Emócie, Strach, Obavy. Kaliňákovo ESO* – v danom prípade projekt Efektívnej, spoľahlivej a otvorenej štátnej správy by mal predstavovať eso v rukáve slovenského ministra vnútra, ale realita je iná. V tomto prípade sa realizuje i druh grafickej jazykovej hry, kedy písmená z iniciálovej skratky boli použité v troch slovách v titulku a znázorňujú, ako daný projekt vnímajú občania. Využívajú sa i nepravé homonymá: tzv. fonetické homonymá – homofóny (odlišujú grafickou podobou, ale čítajú sa rovnako), napr. titulok *На ВАЗ одна надежда*, kde slovo ВАЗ, ktoré pomenúva osobný automobil resp. automobilový závod vďaka spodobovaniu hlások prečítame ako *вас*, a tým dostaneme známu ruskú frázu. Aj v skutočnosti je ruská automobilka АвтоВАЗ poslednou nádejou pre ruskú ekonomiku, keďže aj napriek nepriaznivým ekonomickým prognózam oznámila, že chce zvýšiť predaj o 20%. Ďalším podobným príkladom je titulok *УЭК живи*, o univerzálnej elektronickej karte, ktorá mala kedysi nahradiť všetky doklady ruského obyvateľstva, od pasu po preukaz na MHD. V titulku je zakódovaný odkaz na známu frázu *Век живи, век учись* a práve projekt *УЭК* nabral po zablokovaní kariet ruských bánk druhý dych. Veľmi zaujímavým príkladom je ruský titulok *Не винные игры с грузинами*. V článku sa hovorí o opätovnej dostupnosti gruzínskych vín na ruskom trhu a celkovom pozadí ich predaja, ktoré nie je ani tak o víne ako o politike. Prídavné meno *не винные* po prečítaní evokuje skôr jeho homonymum *невинный* čiže nevinný, aj keď ako čítame v článku, tieto hry až také nevinné nie sú. V ruskom jazyku sa osobitne vyčleňujú homografy – homonymá, ktoré sú graficky totožné, ale ich prízvuk sa líši. V našej materiálovej báze sme však takýto prípad nezaznamenali.

Popri homonymách sú pomerne často využívané i antonymické významy slov, ktoré tvoria rôzne oxymorony: *В малых письменах са môžu skrývať velké problémy, Высокий сезон малоэтажной застройки, Наследство бедного олигарха* a pod.. Pomerne časté je aj využívanie, resp. rôzne obmieňanie paremiologických útvarov (prísloví, porekadiel, pranostík a pod.): *Čína v roku 2015: kde sa dvaja bijú, ona víťazí; Lekcia zo Ždiaru: pomalšie ďalej zájdeš; Футбол до Киева доведёт; Птицу видно по билету; Что посеешь, то и пожьешь* atď. Je veľmi zaujímavé, že sa obmieňajú aj odborné pomenovania z rôznych odborných oblastí: *Свободно конвертируемая рыба, Теневая казиномика, Товарно-зрелищные отношения, Жильё повышенной миражности, Великая октябрьская регистрация* a i.

Pokiaľ ide o jazykovú hru na úrovni grafiky, môžeme tvrdiť, že ide o podstatne mladší spôsob hry so slovami, keďže podľa niektorých zdrojov, sme sa s takýmto typom jazykovej hry

ešte v 80. rokoch minulého storočia mohli stretnúť len veľmi zriedka.⁷ J. Gazda a J. Otevřelová odkazujú na tohože autora a uvádzajú nasledovné typy jazykových hier na úrovni grafiky (v ruských textoch):

- a) používanie latinky,
- b) opakovanie písmen,
- c) používanie zastaralých znakov cyriliky,
- d) neštandardné používanie veľkých písmen.⁸

V nami vybranej materiálnej báze sme dokumentovali najmä používanie latinky v ruských titulkoch, napr. titulok *Generation без П* je inšpirovaný zrejme románom V. Pelevina, takže ide o alúziu. V článku sa dočítame, že písmeno P v tomto prípade označuje penzie, s ktorými to nevyzerá veľmi ružovo a Rusi si na ne budú musieť nasporiť sami; titulok *Загадочная русская дача* obsahuje prepis pomenovania typicky ruskej realie, sezónneho víkendového domu, ktorú poznajú aj v cudzine. Latinka je použitá z dôvodu zdôraznenie pohľadu cudzincov na ruské *dači*, ktoré sú pre nich len ťažko pochopiteľnou investíciou. Ďalej sme v oboch jazykových variantoch ekonomických publicistických textov zaznamenali neštandardné používanie veľkých písmen, pričom v slovenských textoch bolo viac frekventované, napr. *JEŽIŠKOnomika v čísloch a faktoch* – článok sa venuje radikálnemu nárastu tržieb pred sviatkami; *Подозриво Пекна Представа* – všetky slová v titulku sa začínajú veľkým písmenom, čo odkazuje na známe PPP projekty (v tomto prípade na investície do jednej univerzitnej nemocnice v hlavnom meste), ktoré nie sú vždy také výhodné, ako by sa zdalo na prvý pohľad; *SPPoľahlivá pasca* – prvé tri písmená v prvom slove titulku sú zvýraznené a zdvojené zámerne a odkazujú na Slovenský plynárenský priemysel, ktorý by mal byť v rukách štátu, ale predstavuje dvojsečnú zbraň, keďže okrem výnosov bude štát zodpovedný i za prípadné straty, ktoré sa v minulosti vyšplhali na niekoľko miliónov eur; *Орудия каменного ЖЭКа* – jazyková hra je založená na pretvorení pomenovania obdobia najstarších ľudských dejín, pričom je tu použitá skratka ЖЭК (Жилищно-эксплуатационная контора), ktoré sa dnes používa na označenie spoločností na správu bytov, modernejších podôb tejto inštitúcie. Opačný proces, zámerne nepoužitie veľkých písmen, sme dokumentovali v titulku *Zoznámete sa, bond, váš firemný bond*. Priezvisko známeho agenta 007 je tu v homonymickom vzťahu s názvom dlhového cenného papiera, avšak v titulku je použité v štýle frázy, ktorú pri

⁷ САННИКОВ, В. З. 2002. *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва: Языки славянской культуры, 2002. ISBN 5-94457-037-7. s. 56

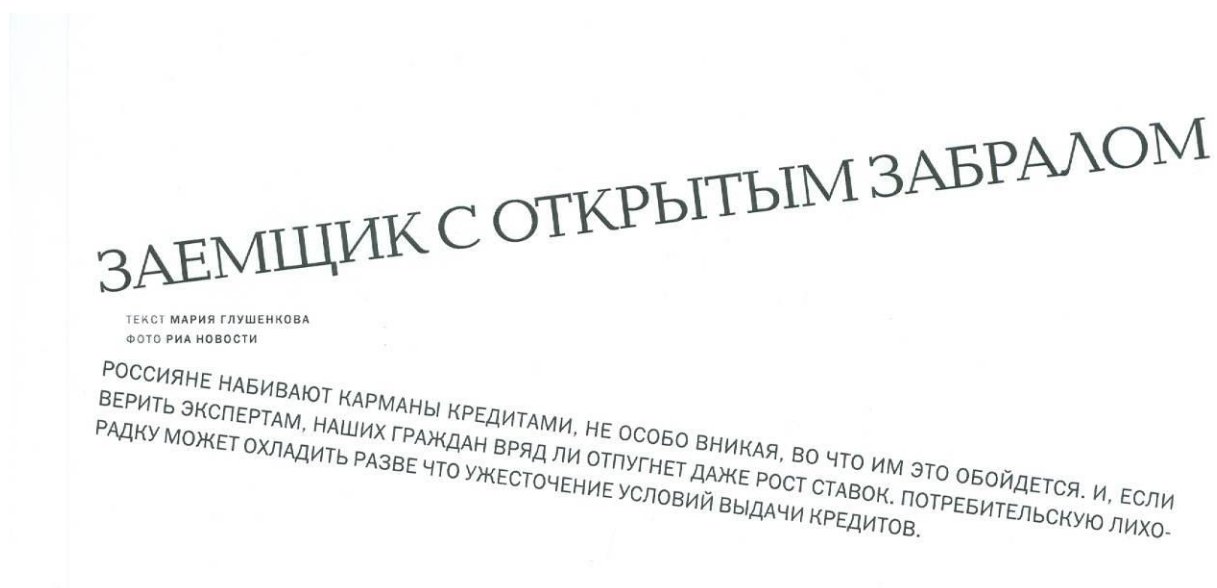
⁸ ГАЗДА, И. – ОТЕВРЖЕЛОВА, Я. 2007. *Языковая игра в газетных заголовках* [online]. 2007. [cit. 04-01-2015]. Dostupné na internete: <http://is.muni.cz/el/1421/podzim2007/RJB_16/um/hra_titulky.pdf>

predstavení sa používa James Bond. V slovenských ekonomických publicistických textoch sme zaznamenali aj rozšírené používanie zátvoriek, ktoré akoby oddeľovali časť slova a následne prezentovali jeho ďalší skrytý význam, ktorý má v mnohých prípadoch ironický podtón: *E(volúcia) kolkov po slovensky* – článok hovorí o vývoji predaja cenín na Slovensku a zavedení elektronických kolkov, ktoré nabralo tradičný slovenský priebeh a hlavný cieľ – zjednodušenie byrokracie na úradoch – sa zatiaľ nepodarilo splniť; *V (bez)konkurenčnom prostredí vyhral Wüstenrot* – stavebná sporiteľňa si v porovnaní poskytovaných produktov vybojovala prvú priečku z troch stavebných poisťovní, ktoré existujú na slovenskom trhu. Existencia konkurenčného, resp. bezkonkurenčného prostredia je preto otázna. Zaujímavým príkladom je titulok článku *V kraji(ne) klientelizmu*, ktorý sa venuje známemu konfliktu českého prepravcu a slovenských samosprávnych krajov.

V analyzovanej materiálovej báze sme v ruských textoch zaznamenali aj iný druh „hry s textom“, ktorý je podľa nášho názoru inšpirovaný známymi kaligramami, čiže básňami usporiadanými do obrazcov (z ruských básnikov napr. V. Chlebnikov). Dovoľme si tvrdiť, že v súčasnej ruskej publicistike je tento spôsob písania novinových titulok veľmi frekventovaný. Samotný titulok je graficky spracovaný tak, že v podstate vizuálne znázorňuje svoj obsah, resp. jeho grafická úprava je zrejmá po prečítaní textu:

Obrázok č. 1

V tomto prípade je graficky znázornená spomínaná druhá strana obchodovania s lístkami na olympiádu, keďže lístky sú ťažko dostupné a drahé, a ani po ich zakúpení nebudete mať garantovaný vstup na tribúny. Z grafickej úpravy daného titulku môžeme ako príjemca aj bez čítania samotného textu dedukovať, že tá odvrátená strana pravdepodobne nebude taká reprezentatívna, ako by sa na športové podujatie takéhoto formátu patrilo.

Obrázok č. 2

V ďalšom príklade sa pri grafickej úprave titulku využil i perex a podľa nášho názoru vyobrazuje nenásytnosť ruských občanov pri čerpaní úverov, ktorí sú otvorení každej novej možnosti požičať si bez ohľadu na podmienky. Daná „hračka“ je znova ľahko pochopiteľná i bez toho, aby sme museli čítať celý text.

Záverom konštatujeme, že v rámci zvýšenej estetizácie ekonomickej komunikácie sa v ekonomických publicistických textoch v nemalej miere využívajú rôzne druhy jazykovej hry. V našej materiálovej báze sme svoju pozornosť sústredili na kalambúry založené na homonymii, resp. polysémii a jazykovú hru na grafickej úrovni textu, pričom v ruských analyzovaných textoch osobitne vyčleňujeme tzv. „hry s textom“ inšpirované kaligramami. Titulok ako ústredná rámcová zložka textu dokáže čitateľa vo veľkej miere ovplyvniť, a preto okrem obsahovej stránky sa dostáva so popredia aj stránka grafická. Dovoľme si tvrdiť, že v mnohých prípadoch pozorujeme i výrazný ironický podtón titulkov, čo podľa nášho názoru súvisí so snahou autora už v úvode textu prezentovať svoj názor na problematiku. Jazyková hra v titulku ekonomických publicistických textov má za úlohu upútať čitateľovu pozornosť a zabaviť ho. Zároveň využitím estetickej funkcie svojim spôsobom ozvláštniť text, a v neposlednom rade prezentovať postoj autora článku k rozoberanej problematike.

BIBLIOGRAFIA:

1. BUZÁSSYOVÁ, Klára. 1993. Kontaktné varianty a synonymá v slovenčine a češtine. In: *Jazykovedný časopis*, 44. 1993. s. 92 – 107. ISSN 1337-6853.
2. FINDRA, Ján. 2007. *Rámcové zložky prejavu v publicistike*. [online]. 2007. [cit. 01-03-2015]. Dostupné na <<http://www.e-obce.sk/clanky/453.html>>

3. MOLNÁROVÁ, Lucia. 2013. Fenomén intertextuality v ekonomických textoch In: *Mladá rusistika – nové tendencie a trendy II*. Bratislava: Univerzita Komenského, 2013. ISBN 978-80-8127-088-8, s. 36-47.
4. TUŠER, Andrej. 2003. Titulok – kontaktná zložka prejavu. In: *Otázky žurnalistiky*. 2003, roč. 46, č. 1 – 2, s. 51 – 57. ISSN 0322-7049.
5. WITTEGENSTEIN, Ludwig. 1979. *Filozofické skúmania*. Bratislava: Nakladateľstvo Pravda, 1979. 273 s.
6. БАКИНА М. А. 1977. Словотворчество In: *Языковые процессы современной русской художественной литературы*. Москва: Наука, 1977. с. 78 – 128.
7. ГАЗДА, Иржи – ОТЕВРЖЕЛОВА, Яна. 2007. *Языковая игра в газетных заголовках* [online]. 2007. [cit. 04-01-2015]. Dostupné na internete: <http://is.muni.cz/el/1421/podzim2007/RJB_16/um/hra_titulky.pdf>
8. ГРИГОРЬЕВ В. П. 1977. Паронимия In: *Языковые процессы современной русской художественной литературы*. Москва: Наука, 1977. с. 186 – 240.
9. ЗЕМСКАЯ Е. А. – КИТАЙГОРОДСКАЯ М. В. – ШИРЯЕВ В. Н. *Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. Москва: Наука, 1981. 276 с.
10. ЛУКИН В. А. *Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа*. Москва: Издательство «Ось-89», 1999. ISBN: 5-86894-279-5. с. 61
11. САННИКОВ, В. З. 2002. *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва: Языки славянской культуры, 2002. ISBN 5-94457-037-7. 552 с.
12. УЛУХАНОВ И.С. 1984. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы. In: *Вопросы языкознания*. 1984. №1. с.44 – 55.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА КИТАЙЦА В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Цао Лия, аспирантка

Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания
Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета,
liya1212@163.com

ABSTRACT: The paper focuses on ethnonyms and ethnonymic phrases that express sentiments of Russians to the Chinese and contain generalized linguistic-cultural characteristics of the Chinese. The etnonomination system is built on identifying markers of the ethnic image. Naming units of representatives of the Chinese ethnic group, resulting in a conversational environment, are widely used in modern Russian mass media.

Данная статья посвящена описанию этнических номинаций, которые используются в российских СМИ, создающих обобщенный образ китайца в современной русской публицистике.

С одной стороны, в настоящее время большую роль в формировании обобщенного образа китайца играют СМИ, освещая какое-либо событие или ситуации взаимодействия русских и китайцев с оценками и комментариями. Эти оценки и комментарии позволяют описать основные характеризующие (позитивные и негативные) черты обобщенного образа китайца, существующие в массовом сознании русских. С другой стороны, изучение лингвокультурной составляющей этнонимов, а также их функций в современной публицистике, является актуальной задачей современной лингвистики. Лингвокультурологическое описание этнического образа китайца в современных русских СМИ дает представление о способах языкового выражения толерантности и интолерантности в нормативных и ненормативных этнонимах, а также об устойчивости и изменчивости эмоционально-оценочного компонента этнонимаций, характеризующих отношение русских к китайцам.

Этнический образ, являясь частью национального образа, содержит в своей основе этнический стереотип. Одной из общепринятых форм представлений о национальном характере служат этнические стереотипы. Этнический стереотип подразделяется на два вида – автостереотипы и гетеростереотипы, то есть внутренняя оценка и внешняя оценка. Этническая характеристика конкретизируется в определенной

социокультурной ситуации. Идентифицирующими маркерами этнического образа становится система этнономинаций, т.е. этнонимы и этнонимические словосочетания, которые обозначают представителей этноса.

В качестве общей социокультурной ситуации, которая определяет способ формирования оценки восприятия китайцев, проживающих в России, представляется **миграция китайцев** в Россию в начале XXI века. Анализ публикаций о процессах миграции китайцев показал, что в СМИ существует следующая система названий для характеристики миграции: *китайская миграция; образовательная миграция из Китая; китайское гастарбайтерство; сезонная вахтовость китайцев; присутствие китайцев на Дальнем Востоке; оседание и вживание китайцев; временное пребывание и оседание китайцев; поток миграции китайцев в Россию; приток китайской рабочей силы; приток китайских мигрантов-предпринимателей; наплыв китайских мигрантов; ввоз китайской рабочей силы*. В языке СМИ для описания китайской миграции используются разнообразные количественные и качественные оценки, которые свидетельствуют о большом количестве, о постоянном и непрерывном увеличении китайцев-мигрантов (метафоры *поток, приток, наплыв, поток миграции китайцев в Россию; приток китайской рабочей силы; приток китайских мигрантов-предпринимателей ; наплыв китайских мигрантов* и т.д.), а также об угрозе, создаваемой миграцией (*мирная китайская экспансия, жёлтая угроза* и т.д.). У русских исторически сложилось толерантное отношение к соседям из Поднебесной: сдержанность китайцев, спокойный нрав, терпение и неприхотливость вызывали уважение и симпатию, уважению способствовал и существующий во многих культурах миф о фантастическом трудолюбии китайцев. Однако резкое повышение численности выходцев из Китая в России послужило причиной значительных изменений в отношении русских к китайцам, что отразилось в разговорном русском языке, который является одним из важнейших источников языка российских СМИ.

Этнонимы были разделены в зависимости от численности обозначаемого этноса (макроэтнонимы и микроэтнонимы), в зависимости от субъекта номинации (экзоэтнонимы).¹ Значение **этнонима** можно рассматривать как поле, в структуру которого входит ядро и периферия. Ядро значения этнонима составляет архисема «народ», «население данной страны», «житель данной страны», которая является смысловым инвариантом и обязательно эксплицируется в дефинициях. В структуру

¹ АПАНАСЕНКО, Э. Г. 2009. *Россия – Восток– Запад в зеркале русских этнонимов*. Владивосток, 2009.

лексического значения этнонима может входить коннотация. Периферию лексического значения этнонима составляет информационный потенциал (ассоциативное поле). В классификации выделен ряд этнонимов, образующий синонимическую парадигму, в которой коннотативно-нейтральный ядерный этноним противопоставляется оценочному-оскорбительному или шутливому прозвищу этноса. В синонимическую парадигму этнонимов входят производные трех типов – словообразовательные дериваты, прозвища, единичные и множественные антропонимы.

Этнонимы делятся на **макроэтнонимы** и **микроэтнонимы**, макроэтнонимы включают в себя нейтральные этнонимы и экспрессивные этнонимы, а микроэтнонимы являются нейтральными. Нормативные обозначения китайцев выступают общепринятыми или официальными этнонимами (*китаец, жители Поднебесной, гражданин Китая, народ Китая и т.д.*). А неофициальные названия выступают как прозвища (пейоративные названия) и этнофолизмы (табуированные и оскорбительные названия), при этом нужно отметить, что в основном этнофолизмы принадлежат к стилистически сниженной лексике и сленгу (*китаёза, киты, чинарь, чина, ходя, куня*, к этому разряду относятся и субстантивированные прилагательные – *узкоглазый, узкоплечный, желтолицый и т.д.*). Конечно, в зависимости от контекста нейтральные этнонимы могут приобретать соответствующие оценочные значения – приобретая негативные или позитивные коннотации.

Существуют две группы оценок для создания образа китайцев – оценки положительные, работающие на создание положительного образа китайца (*общительные, коммуникабельные, дружелюбные, гостеприимные, трудолюбивые китайцы, изобретательные китайцы, китайцы работающие, выносливые, терпеливые, трудяги, работают с утра до ночи, вкалывают день и ночь, впахивают за гроши и т. д.*); и негативные оценки, маркирующие отрицательный образ (*китайцы хитрые, подлые, лживые, коварные, себе на уме, обманывают, дурят нашего брата*).² Среди негативных выделяется особая группа, содержащая неодобрительные характеристики, связанные с целями китайской миграции – с теми или иными способами зарабатывания денег: *расчётливые, жадные, меркантильные, (они) обогащаются в России, наживаются, скупают всё и др.*

² ДЖАХАНГИРЯНЦ, Е. – ИВАНОВ, Е. – КОЛОТУХИНА, Н. 2013. Этноним скрылся после предъявления обвинения. Использование национальных наименований в российских федеральных СМИ. In: *Политический журнал*, 2013.

В группе этнонимов особую часть составляют экспрессивные этнонимы – этнофоллизмы и этнические прозвища, включающие в себя разные характеризующие признаки – по месту рождения и проживания (*китаёзы, чайнатаунцы*), по внешности, расовому признаку (*узкоглазые, узкоплёчные*), по возрасту (*чайнатаунята*), по профессии (торговый агент – *ходя-ходя*), по манере социального поведения (вызывающе одетая девушка – *куня*), по прецедентным именам (*Великий и ужасный Мао Цзедун, китайский Горбачёв, китайский Ельцин*), по культурно-историческим реалиям (*племя дракона, мандарины, китайский болванчик*), по пищевым предпочтениям (*рисовая морда*), по метафорическому переносу (*нация муравьев*) и т. д.

Дополнительные оттенки смыслов в экспрессивных этнонимах могут возникать с помощью словообразовательных суффиксов, выражающих субъективную оценку, например:

китаёзищи – суффикс со значением усиления, увеличения –**ищ** передает удивление, неодобрение или восхищение, в зависимости от контекста, то есть обозначает преувеличенно большого *китаёзу*, а также может, напротив, выражать иронию – использоваться по отношению к маленькому, щуплому китайцу;

китаезики – использование суффикса –**ик** придает экспрессивным этнонимам уменьшительно-ласкательное значение. Однако слово *китаезики* также референтно передает физические характеристики китайцев – китайцы в большинстве своём маленького роста, поэтому добавляется оценочность внешности – такие маленькие, что нельзя к ним относиться всерьёз.

китаёзишка – уменьшительный суффикс **ишк** вносит не только уменьшительное, но и пренебрежительное значение. Таким образом, экспрессивные этнонимы выражают интолерантность по отношению к носителям иной системы, национальной культуры, в том числе отражают отношение русских к этническим китайцам.

В этнонимических словосочетаниях для выражения оценки используется широкий круг качественно-оценочных прилагательных и существительных, средства фразеологии и др. (*хитрый как сто китайцев* «прост. ирон. об очень умном, проницательном, хитром, находчивом человеке», *как китайская грамота* «неодобр. о чём-либо абсолютно непонятном, неизвестном»). Негативная оценка формируется присоединением этнонимического прилагательного к существительному, обозначающему негативное явление (*угроза, экспансия: жёлтая угроза; массовая экспансия китайцев; бурно растущий поток граждан КНР и т. д.*). Для выражения оценочного содержания также нередко используется нейтральная лексика с

рационально-оценочной коннотацией, известной носителям данного языка из общественного или опыта межнационального общения.

Этноним *китайцы* часто функционирует с денотативно отрицательными лексемами, в частности, с глаголами, обозначающими дурные манеры, плохое воспитание и культуру поведения в целом (*орать, кричать, толкаться, плевать, сморкаться, харкаться*).³ Этнонимическое прилагательное *китайский* в современном дискурсе имплицитно содержит потенциальные семы «плохой, некачественный, дешевый» и, соответственно, приобретает дополнительную негативную коннотацию.⁴ Так, словосочетания *китайская обувь, китайские яблоки, китайский телефон, китайский рынок* и т.п. образуют новые синонимические ряды: *китайская обувь – некачественная обувь, подделка; китайские яблоки – плохие, невкусные, опасные для жизни и здоровья яблоки; китайский телефон – дешёвый, недорогой, доступный по цене телефон*.⁵ Правда, следует отделять словарные значения от контекстуального: например, прилагательное в составе наименования сорта яблок *китайские яблоки (яблочки)* не обладает экспрессией и оценочностью.

Внешний образ китайца в сознании россиян представлен следующими описаниями: человек *с узкими глазами, узкоглазый, жёлтый, маленький, низкий, низкорослый*. Этнонимическая единица *китаец* на уровне синтагматических связей функционирует преимущественно с денотативно и коннотативно отрицательными лексемами: *грязный, неаккуратный, нечистоплотный, неряшливый, неухоженный, неопрятный, неприятнопахнущий, дурнопахнущий, вонючий*, которые напрямую связывает с образом жизни, традициями, спецификой питания, родом занятий, в основном проживающих на российском Дальнем Востоке китайцев, которые занимаются по большей части не интеллектуальным трудом, а мелкой торговлей, строительством, сельским хозяйством.⁶ Интересные случаи употребления пиджина, который также становится объектом оценки, зависящей от контекста, но чаще всего с оттенком легкой, объединяющей иронии, относящейся как к китайцам, так и к русскоговорящим коммуникантам: *Луский с китайсам блатья навек*.⁷

³ АПАНАСЕНКО, Э. Г. 2009. Россия – Восток– Запад в зеркале русских этнонимов. Владивосток, 2009.

⁴ КУНГУШЕВА, И. А. 2010. *Китай и китайцы в языковом сознании амурчан*. Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2010. – Вып. 8. С. 25-31.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ СУДЕЙКИНА, Людмила. 2008. Луский с китайсам блатья навек. In: Комсомольская правда [online]. 2 июля 2008. <<http://www.kp.ru/daily/24123/344802/>>

Итак, в современной русской публицистике наблюдается полярность оценок в отношении китайцев как участников общей социокультурной ситуации, что обусловлено, с одной стороны, признанием значительных достижений в области экономики, науки, техники и спорта в Китае, мифом о китайском трудолюбии, а с другой, – опытом общения с китайцами, которые воспринимаются как нарушители принятых в российском обществе культурно-этических норм.

Смешанные браки китайцев с русскими предстают в качестве частной социокультурной ситуации. Так как количество русских женщин, выходящих замуж за китайцев, намного превышает количество российских мужчин, которые женятся на китаянках, то наиболее полно в качестве частной социокультурной ситуации следует рассматривать смешанные браки китайцев-мужчин, женатых на русских девушках. В языке российских СМИ, так или иначе оценивающих китайцев, состоящих в смешанных браках с русскими, наблюдается определённая закономерность: иноэтничных партнеров обычно характеризуют, используя существующие, хотя и расхожие положительные этнические автостереотипы, – методом сравнения. Если при наложении образ китайца не совпадает с положительным стереотипом, то возникает негативная оценка, а соответствие стереотипу оценивается положительно. Например, с точки зрения русской женщины, негативно оценивается потребительское отношение к ней в смешанном браке такого рода: *русская жена – только показатель успешной жизни китайца*. А такие социально-личностные оценки мужа-китайца с точки зрения русской жены, как *деньги приносит, не пьет или пьет очень мало, не бьет, хорошо относится к жене, к детям, уважает родителей и помогает им, любит детей и занимается с ними, трудоголик, зарабатывает деньги и обеспечивает семью* – отражают положительное отношение к китайцу на основе устоявшегося российского автостереотипа. Эстетические оценки внешности китайских мужчин (с позиции обыденных понятий о красоте, типичной для русского) поданы через отрицание. *Он (китаец) – не высокий голубоглазый блондин*, то есть не красавец, несет в себе отрицательную оценку. Эмоциональные оценки (приятен/неприятен), *жить с ним спокойно, уверенно* выражают положительное отношение к китайцу и т. д. В оценках китайской жены, наряду с положительными оценками, выражены также и отрицательные. К положительным можно отнести следующие – *аккуратна в быту, хозяйственна, содержит русского мужа, если он безответственный, умеет готовить русскую еду, говорит по-русски*. К отрицательным можно отнести такие, как: *капризность, нарушает семейную этику – принародно ругает мужа, использует замужество как способ улучшить свою жизнь*. Негативные оценки

китайских жен оправдываются русскими мужчинами тем фактом, что молодые китайки выросли в условиях демографического дисбаланса, когда мужчин больше, чем женщин, поэтому стали терять традиционные качества скромной и послушной жены.

Итак, можно сделать вывод, что образ китайца в современной публицистике создаётся на основе обобщенной лингвокультурной характеристики, представляющей собой систему идентифицирующих этнонимов и этнонимических словосочетаний с положительной, нейтральной и отрицательной оценкой. Этнонимы и этнонимические словосочетания как языковые единицы являются эксплицитными и имплицитными средствами выражения оппозиции «свой – чужой» в русской языковой картине мира при национальной идентификации и самоидентификации. С помощью этнонимов и этнонимических словосочетаний проводится репрезентация образа китайца в его основных чертах – во внешности и бытовом и профессиональном поведении. Этнонимические номинации имеют эмоционально-оценочный характер, при этом шкала положительных оценок зависит от мирного и эффективного взаимодействия в межэтническом общении, и, наоборот, недостаток информированности, отрицательные социальные установки усугубляют негативные оценки. Этнонимы и этнонимические словосочетания имеют высокую культурную и социальную значимость и играют особую роль в межкультурном общении на современном этапе, постоянно пополняясь новыми лингвокультурными характеристиками с высокой степенью оценочности, что свидетельствует об оживленном и эмоциональном межкультурном диалоге.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. АПАНАСЕНКО, Э. Г. 2009. *Россия – Восток – Запад в зеркале русских этнонимов*. Владивосток, 2009.
2. ДЖАХАНГИРЯНЦ, Е. – ИВАНОВ, Е. – КОЛОТУХИНА, Н. 2013. Этноним скрылся после предъявления обвинения. Использование национальных наименований в российских федеральных СМИ. In: *Политический журнал*, 2013.
3. КУНГУШЕВА, И. А. 2010. *Китай и китайцы в языковом сознании амурчан*. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2010. – Вып. 8. С. 25-31.
4. СУДЕЙКИНА, Л. 2008. Луский с китайсам блатья навек. In: *Комсомольская правда* [online]. 2 июля 2008. <<http://www.kp.ru/daily/24123/344802/>>

МЕТАФОРА РОДСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СССР В ПОСТСОВЕТСКИХ СМИ

Людмила Адясова, аспирантка

Кафедра современного русского языка и общего языкознания филологического факультета Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского
ladyasova@gmail.com

ABSTRACT: The article discusses the metaphorical representation of the concept of the Soviet Union in the modern Russian media discourse. The research focuses on the main features of functioning and persuasive opportunities of the metaphor of the family in the conceptual representation of the USSR in the media by analysing the material of the media Russian National Corpus (2000-2010) and data from the Internet. The paper examines main frames and slots of the studied metaphor.

Набор метафорических моделей, которые наиболее частотно реализуются в текстах СМИ, достаточно обширен. По данным словаря русских политических метафор А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова, это в первую очередь метафоры персонификации, милитарные метафоры, метафоры объекта, domesticкие метафоры и др.¹ Во всем многообразии метафорических моделей особо стоит отметить метафору родства. Являясь одной из старейших метафорических моделей, она широко используется и в современной общественно-политической жизни, поскольку обладает исключительной по эффективности персуазивностью. Последняя основана на манипуляции такими базовыми аксиологическими установками человека, как позитивное отношение к близким родственникам: отцу, матери, брату и т.д.

Как отмечает А.П. Чудинов, метафора родства в российском политическом дискурсе всегда использовалась достаточно активно. Во времена Российской империи царь именовался *батюшкой*, императрица – *матушкой*, славяне – *братьями*. В период СССР популярность метафоры значительно возросла. Советская власть строила государство для *семьи братских народов*, В.И. Ленин для юного поколения ленинцев был *дедушкой*, а И.В. Сталин постоянно назывался *отцом народов*². Метафору родства

---

¹ БАРАНОВ, А. – КАРАУЛОВ, Ю. 1994. *Словарь русских политических метафор*. М.: Редакция АСМ, «Помовский и партнеры», 1994. 351 с.

² ЧУДИНОВ, А. 2001. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000)*. Екатеринбург, 2001. 238 с. ISBN 5-7186-0277-8.

советские лидеры использовали и в своих речах к соотечественникам, особенно в критические моменты истории. Так, выступая по радио 3 июля 1941 года, спустя почти две недели после нападения Германии, Сталин взамен типичного «Товарищи!» впервые обращается к народу: «Братья и сестры!». Эти слова, по воспоминаниям современников, вызвали небывалый отклик в душе народа. С. Михалков писал: «Хотим мы сегодня признать или не хотим, но ведь именно его речь, начинавшаяся словами «Братья и сестры», в сорок первом вызвала невиданный энтузиазм у людей самых разных возрастов. Они пошли на призывные пункты добровольцами».³

Частое использование метафоры родственных отношений в период СССР можно объяснить спецификой коммунистической идеологии. Безоговорочная вера в братство и равенство оформлялась в соответствующие языковые клише, которые массово использовались в политической пропаганде. В результате этого языковое сознание советского, а сейчас российского гражданина изобилует штампами, почерпнутыми из СМИ. В современном российском медиадискурсе метафора родства не теряет своей актуальности. К ней возвращаются особенно часто в контекстах, связанных с судьбой Советского Союза, а также стран, ранее в него входивших.

В настоящей статье нами рассматриваются особенности использования метафоры родства для объективации концепта *Советский Союз* в постсоветском медиадискурсе. Материалом для изучения послужили тексты СМИ 2000-х годов, вошедших в Национальный корпус русского языка, – как печатных газет («Известия», «Советский спорт», «Труд», «Комсомольская правда»), так и электронных агентств (РИА «Новости», РБК, «Новый регион»), т.е. ведущих изданий, рассчитанных на массовую аудиторию и отражающих современное языковое сознание. В проанализированных текстах нами были выявлены следующие фреймы и слоты данной метафоры:

1. Фрейм. «Кровное родство».

Слот 1.1. Семья в целом.

Использование терминологии родственных отношений в представлении государства имеет давнюю традицию. Согласно патриархальной теории, государственность возникает из родовой общины, таким образом, вполне вероятно, что именование монарха отцом, а подданных – детьми, первоначально имело историческое основание. Надо признать, что до сих пор для человеческого сознания рецепция государственной жизни в образе семьи является наиболее естественной. Возможно,

³ Цит. по книге: ГУСЛЯРОВ, Евгений. 2002. *Сталин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков*. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002, с. 353.

именно поэтому обращение в политике к мифологеме дружной семьи остается достаточно частотным.

С момента образования СССР в прессе за ним было закреплено языковое клише «семья братских народов», при этом в основу этой метафоры было положено представление об идеальной семье, где царят любовь, уважение и доверие. Перестройка показала, что жизнь в этой *семье народов* не была лишена конфликтных сторон, и это не могло не вылиться в *бракоразводный процесс*. Ср.: «Он выразил уверенность в победе националистов на выборах, поскольку в них впервые примут участие ровесники независимости Украины – „те, кто не знает, что такое Советский Союз, на кого в школе не смотрел со стены Ленин, и кого не учили **про семью о 15 братских народах**“.»⁴

Слот 1.2. Родители и дети.

Государственная система издревле концептуализировалась как отец, глава семьи, мать – это страна, родная земля, а граждане – их дети. Ср.: *Родина-мать, сыны Отчизны* и др.⁵ Такое отношение к стране, к государственной системе воспитывается давней культурной и языковой традицией, но, кроме того, поддерживается и СМИ. Надо заметить, что реализация этого слота в современных российских СМИ достаточно активна, так как позволяет формировать необходимый эмоциональный фон событий через апелляцию к этической базе граждан. Ср.: «Украина <...> не хочет возвращаться в лоно Советского Союза» (≈ лоно матери).⁶

Патриархальность восприятия государства, как и сакральность власти – это общечеловеческие стереотипы мышления, но в русской лингвокультуре они находят свое максимальное выражение. Как уже было отмечено, в России царя называли *батюшкой*, генерального секретаря партии (И.В. Сталина) – *отцом народов*, а Президента республики Беларусь (А. Лукашенко), ранее входившей в состав СССР, – *Батька*. Государство в целом и его первые лица – это строгие отцы, держащие всю семью в «ежовых рукавицах». Но, как отмечается в прессе: «От этого пережитка Советского Союза россияне все же имеют шанс избавиться через несколько поколений и научиться воспринимать государство не как старшего брата или отца-покровителя, а как партнера».⁷

⁴ *Новый регион* 2, 2009.10.14.

⁵ Заметим, что в слове *Отчизна*, как и в слове *Отечество*, внутренняя форма содержит отсылку к патриархальному устройству, а то время как английский аналог *Motherland* – к матриархату.

⁶ *Новый регион* 2, 2010.01.29.

⁷ *РИА Новости*, 2007.08.17.

Концептуализация государства в терминах родителей, так же как и представление граждан, как их детей, могут быть использованы в политическом дискурсе с определенными манипулятивными целями: внушение подсознательного чувства доверия и уважения к действиям властей, усмирение недовольства, призыв к послушанию. Ср.: *«Все мы родом из СССР, дети одной великой страны»*.⁸

Интересно заметить, что психология российских граждан в постсоветский период приравнивается к психологии детей. Ср.: *«Когда СССР приоткрыл „железный занавес“, многие россияне стали вести себя „как дети в кондитерской“»* (Комсомольская правда, 2007.04.19). При этом ситуация развала СССР в медиадискурсе представлена, с одной стороны, как уход детей из отчего дома или раздел имущества, с другой – как потеря родительской опеки. *«Почему же после крушения СССР наше государство так прохладно обошлось со своими сыновьями и дочерьми?»*⁹

Слот 1.3. Братья и сёстры.

Если метафорический перенос «родители-дети» включает в себя импликацию «иерархия», то именование объектов переноса братьями и сёстрами, напротив, подчёркивает идею равенства. При этом интересно заметить, что равенства в частоте использования терминов «брат» и «сестра» нет. В проанализированных контекстах обнаружен только один случай метафорического переноса со словом «сестра». Ср.: *«Если для внешнего мира Россия обоснованно выступает правопреемницей Союза, то для „своих“ Россия – это бывшая республика СССР, такая же, как и 14 её „сестёр“»*.¹⁰

Идеальные братские отношения строятся на доверии и равенстве, но есть и понятие субординации, в данном случае – иерархии по «возрасту»: «старший», «младший» брат. При этом положение в этой иерархии решает многое. Если страна названа младшим братом – её значение на международной арене умалывается, априори ей должен помогать старший брат, статус которого приблизительно приравнивается к статусу отца. Интересно также то, что критерий возраста фактически не имеет значения, размер территории, напротив, очень важен. Ср.: *«Теперь она (Польша) была членом социалистического лагеря, „младшим братом“ Советского Союза»*.¹¹ «Старшим братом» в прессе обычно называют сам СССР или же его преемницу Россию. Ср.: *«Однако первый и последний президент СССР не захотел брать на себя бремя*

⁸ Труд-7, 2003.10.08.

⁹ Труд-7, 2001.07.04.

¹⁰ Известия, 2005.06.22.

¹¹ Известия, 2007.12.24.

«старшего брата» в отношении стран социалистического содружества». ¹² «Они ожидали увидеть напоминания о великих достижениях науки и техники, которые в Китае связывают с «почтенным старшим братом» – так до сих пор китайцы называют Советский Союз». ¹³

В НКРЯ из 158 контекстов с метафорой родства в связи с СССР в 60-ти говорится о братских отношениях. Братья – это не только люди друг для друга, но и народы в целом. В СССР, многонациональном государстве, аналогов которому в мире не существовало, широко пропагандировалась идея равенства всех народов, входивших в Союз, велась строгая национальная политика. Лозунги тех лет прочно вошли в сознание нации, создав миф о существовавших в те времена, но утраченных теперь дружбе и братстве народов. Ср.: «Не надо забывать, что подобного в Советском Союзе не бывало (о движении скинхедов – примечание Л. Адясовой), поскольку все люди считались братьями, это было заложено в обществе». ¹⁴ «Советский союз давайте вернем, и не будет никакой проблемы нелегальной иммиграции, национализма, все будут друг другу братьями». ¹⁵

В настоящее время к мифу о братстве советских народов (особенно восточнославянских) СМИ апеллируют особенно активно. Это легко наблюдать в широком использовании в прессе и в быту клише «братская страна», «братский народ», «братские отношения», «братская помощь» и др. «Братскими» называют в первую очередь Украину и Беларусь. Жители Крыма до объединения неоднократно называли Россию старшим братом. Ср.: *Флаг: «Жить в Союзе с русским братом и не быть под пяткой НАТО»*. ¹⁶

Распад СССР представляется в прессе как разлад в семье: братья разгордились, стали соседями. Теперь у бывших советских республик есть особое название «братья по бывшему СССР». Конструкция «братья по чему-либо» предполагает отношения, основанные на некотором смежном свойстве, общем признаке – здесь это прошлое. Контексты с такой формулировкой достаточно частотны в СМИ, поскольку они апеллируют к существовавшей некогда близости стран и народов. Интересны также неединичные вариации этой конструкции: «бывшие братья по Союзу» или даже «вчерашние братья по Союзу». В них временной план прошлого перемещен не на СССР,

¹² Труд-7, 2000.06.03.

¹³ Новый регион 2, 2010.09.28.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Новый регион 2, 2006.10.27.

¹⁶ ЖМУЦКИЙ, Д. Участники митинга в Крыму требуют восстановить союз с РФ и Белоруссией. In: *РИА Новости*, 2009.03.14.

а на братские узы: «бывшие братья» – это уже не братья. В системе семейных отношений бывших братьев не бывает, только бывшие жены или мужья, т.е. только некровное родство, но политический фон вносит свои коррективы в языковые штампы, и язык их принимает.

Немаловажно заметить, что в политическом дискурсе название какого-либо народа *братским* или просто *братом*, т.е. апелляция к родству, как правило, имеет определенные манипулятивные цели. Это может быть указание на особый характер взаимоотношений, просьба о протекции, легитимация свободы действий в отношении этой страны и т.д. «Братская помощь» – это, безусловно, «необходимая», «священная» помощь. При этом понятие братства применяют не только к родственным народам, но и к стратегически важным партнерам. Так, помощь Алжиру называли «братской помощью», напомним, что речь шла о поставках оружия. «*„Братская помощь“ – Советский Союз продолжал оказывать помощь так называемым „братским“ странам, то есть странам с родственным устройством, давая им деньги в долг, который они и не собирались погашать*».¹⁷

2. Фрейм. «Родство по супружеству».

Слот 2.1. Муж и жена.

Контексты, в которых государства представлены как семейная пара, появляются в медийном дискурсе достаточно часто. Прототипическая семейная пара не всегда живет в ладу, без скандалов. В языковом сознании зафиксировано, что неурядицы здесь более вероятны, чем в отношениях родителей и детей или между детьми. Типичной становится ситуация раздела сфер влияния, поиск главного в семье. Вопрос о подчинении одного государства другому нередко представляется в медиасфере как конфликт мужа и жены. Причем наиболее частотен вариант, где муж уступает власть жене. Отношения Украины и России периодически сравниваются с подобной семейной парой. Ср.: «*Олег Скрипка, лидер группы „Воплі Відоплясова“: – Мне нынешние отношения наших двух стран напоминают семейный союз*».¹⁸

Налаживание отношений между странами также представляется как попытка создать семейный союз: «*Создать новый перспективный семейный союз, омолодиться за счет этого, омолодить новую жену*».¹⁹ Стоит отметить, что представление

¹⁷ Комсомольская правда, 2006.12.08.

¹⁸ СТЕШИН, Д. – ВОРСОБИН, В. Киев – это муж-подкаблучник, а Москва – властная жена. In: Комсомольская правда, 2006.03.01.

¹⁹ Комсомольская правда, 2006.03.01.

дипломатических связей государств как супружеских отношений имеет определенную прагматическую установку: отношения этих государств осознаются как достаточно близкие, что не исключает возникновения недоразумений и конфликтов, но они должны восприниматься как внутренние, семейные, т.е. не подлежащие вмешательствам извне.

Накопившиеся конфликты могут привести к распаду семейного союза. Именно так воспринимается развал СССР. Крушение Советского Союза концептуализируется как развод, причем роль СНГ заключается в обеспечении цивилизованного развода республик. Ср.: *«СНГ создавался для 'развода', но его стоит сохранить, считает Путин»*.²⁰ *«Назарбаев сказал: – Все честные люди должны признать, что СНГ сыграло большую роль в годы распада СССР, чтобы процесс развода прошел безболезненно»*.²¹

3. Фрейм. «Наследники».

После распада СССР, как после смерти родственника, встал имущественный вопрос. Основным наследником стала Россия, но свою долю получили и другие страны. Положением главного наследника объясняются как преимущества России, так и ее недостатки, если не сказать потери. Так, в медиадискурсе подчеркивается, что правопреемница вместе с территорией, энергоресурсами, наукой и оружием приняла в наследство и целый ряд проблем разного плана: долги Советского Союза, конфликты, комплексы и др. В отношении России идея наследования указывает на неагентивность субъекта (в терминах А. Вежицкой): РФ – экспериенсор, а не активный агент, она не каузатор проблем или достижений, она получила всё это от СССР «в дар», «по наследству». Таким образом, любая ответственность с субъекта снимается. В теории языкового манипулирования подобные конструкции относят к методу переакцентуации.

Заключение

Анализ текстов современного медиадискурса показал, что в настоящее время метафорическая модель родственных отношений в представлении СССР исключительно частотна и хорошо разработана. Персуазивный потенциал изучаемой метафоры, а также основанные на ней мифологемы, активно используются постсоветскими СМИ. Таким образом, несмотря на то, что с момента крушения советского режима прошло почти двадцать пять лет, концепт СССР продолжает влиять на сознание носителей русского языка, а также на внутреннюю и внешнюю политику России и сопредельных стран, и этому во многом способствуют средства массовой информации, которые формируют в сознании нации необходимый им образ Союза.

²⁰ *Известия*, 2007.12.24.

²¹ *Комсомольская правда*, 2006.05.22.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. БАРАНОВ, Анатолий – КАРАУЛОВ, Юрий. 1994. *Словарь русских политических метафор*. М.: Редакция АСМ, «Помовский и партнеры», 1994. 351 с.
2. ГУСЛЯРОВ, Евгений. 2002. *Сталин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков*. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. 749 с. ISBN 5 – 94850-034-9.
3. ЛАКОФФ, Джордж – ДЖОНСОН, Марк. 2004. *Метафоры, которыми мы живем*. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с. ISBN 5-354-00222-2.
4. ЧУДИНОВ, Анатолий. 2001. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000)*. Екатеринбург, 2001. 238 с. ISBN 5-7186-0277-8.

ОБЪЕКТИВНАЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЧИТАТЕЛЕЙ КИНОРЕЦЕНЗИИ

Li Lingjuan, аспирантка

Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания
Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета,
hsjl_hdt@hotmail.com

ABSTRACT: The article is dedicated to the pragmatic problems of expressing evaluation in film criticism. Various types of evaluation in film criticism are analyzed, as well as the impact that movie reviews produce on readers. The divergences between objective information and author's objective evaluation are examined. The article highlights pragmatic aspects of film criticism in contemporary media.

С момента популяризации кинематографа жанр кинорецензии попал в центр внимания исследователей разных сфер – кинодеятелей, журналистов и даже лингвистов. Кинорецензия, имеющая письменную форму, является оценочным критическим отзывом о кинофильме. Кинорецензия – это не хаотичный текст, она представляет собой упорядоченный дискурс: интенциональную коммуникацию между кинорецензентом и читателем. Понять данный процесс можно через изучение стратегических и тактических приемов, нацеленных на разных читателей.

Р. Лакофф выделяет «обычный разговор» и «персуазивный (убеждающий) дискурс» (persuasive discourse).¹ Если считать текст кинорецензии дискурсом, то кинорецензия обладает убеждающим характером. Л.Л. Федорова выделяет четыре типа речевого воздействия: 1) социальное; 2) волеизъявление; 3) разъяснение, информирование; 4) оценочное и эмоциональное.² Оценочный и эмоциональный типы речевого воздействия связаны либо с общественными, объективно установленными морально-правовыми отношениями, либо с областью межличностных субъективно-

---

¹ LAKOFF, R. Persuasive discourse and ordinary conversation, with examples of advertising. In: *Georgetown University Round Table on languages and Linguistics (GURT)*. Washington, D. C.: Georgetown University Press, 1981. С. 26.

² ФЕДОРОВА, Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения. In: *Вопросы языкознания*. 1991, № 6.

эмоциональных отношений (порицание, похвала, обвинение, оскорбление, угроза).³ Многие лингвисты признают, что в реальном речевом общении трудно отделить информационные и эмоционально-оценочные типы воздействий (к примеру, может ли быть доклад или признание вообще без эмоций и оценки?). Как видно из современных кинорецензий, многие рецензенты пытаются написать субъективные рецензии без проявления эмоций, дав лишь информацию, факты или передав чужие мнения. Несмотря на то, что экспрессивная оценочная лексика не присутствует в тексте, имплицитная эмоция или оценка, если читать текст тщательно с начала до конца и учитывать контекст, всё-таки выявляется. Таким образом, необходимо дифференцировать объективную информацию и авторскую объективную оценку.

Исследование оценки в кинорецензии следует проводить на разных уровнях, в том числе на лексическом. Оценочная лексика весьма разнородна, поэтому представляется целесообразной её систематизация. Лингвисты сходятся во мнении, что по степени соотношения объективного и субъективного компонентов оценочную лексику можно разделить на общеоценочную и частнооценочную. Общеоценочные значения реализуются прилагательными *хороший*, *плохой* и их стилистическими и экспрессивными синонимами: *прекрасный*, *великолепный*, *восхитительный*, *превосходный*, *отличный*, *замечательный*, *скверный*, *нехороший*, *дурной*, *отвратительный*, *поганый*, *худой* и т. д. Частнооценочная лексика характеризует объект лишь с одной стороны, поэтому весьма разнообразна. На наш взгляд, классификации Н.Д. Арутюновой и Л.М. Васильева наиболее полно учитывают все многообразие частнооценочных значений. Так, Н.Д. Арутюнова выделяет:

1. Сенсорные оценки: 1) сенсорно-вкусовые, или гедонистические (*приятный* – *неприятный*); 2) психологические: а) интеллектуальные (*интересный* – *неинтересный*); б) эмоциональные (*радостный* – *печальный*).
2. Сублимированные оценки: 1) эстетические (*красивый* – *некрасивый*); 2) этические (*моральный* – *аморальный*).
3. Рационалистические оценки: 1) утилитарные (*полезный* – *вредный*); 2) нормативные (*правильный* – *неправильный*); 3) телеологические (*эффективный* – *неэффективный*).⁴

Однако рецензентов не учат классифицировать слова на этой основе. Их учат решать, когда дать фильму объективную оценку, а когда субъективную. Представляется,

³ ИССЕРС, О. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва: ЛКИ, 2012. С. 22.

⁴ АРУТЮНОВА, Н. *Типы языковых значений: Оценка. События. Факт*. Москва: Наука, 1988. С. 66.

что первый шаг в анализе фильма должен быть выяснением четкого представления темы фильма, его комплексной центральной проблемы. В этом процессе рецензенты, как правило, отвечают на следующие вопросы: что представляет собой сюжет фильма, кто является его уникальным персонажем, что является главным для режиссера – создание эмоционального настроения, специальные эффекты или узнаваемый стиль, текстура фильма? Служит ли фильм для передачи определенной идеологии? Потом рецензенты переходят к более детальному анализу фильма, отвечая на вопросы: с какой целью режиссер снял этот фильм? о чем в действительности этот фильм? как именно раскрывается тема фильма?

Рассмотрим кинорецензию на фильм «Горько!» Жоры Крыжовникова: *«Псевдоним Жора Крыжовников, под которым скрывается режиссер фильма „Горько!“, – еще одна забавная мелочь, которая создает эту картину, как будто всю сделанную из каких-то там мелочей. Свадьба никому неведомых молодых людей, маскирующаяся под семейное видео, причем настолько маскирующаяся, что изображение иногда и вовсе бывает не в фокусе, как сильно перепивший гость на празднике, – кому бы еще быть ее автором, как не какому-нибудь Жоре. Возможно, псевдоним был взят и на случай, если что-то пойдет не так на опасной стезе «народной комедии», вариант которой собирались представить зрителю. Но теперь уж режиссеру-дебютанту Андрею Першину маскироваться незачем».* («Неформатная свадьба» Лидии Кузьминой)

Данный фрагмент находится в начале кинорецензии. Мы рассматриваем все четыре предложения как сложное синтаксическое целое. Прочитав фрагмент до конца, мы понимаем, что жанр фильма «Горько!» – комедия. Автор отмечает связь между псевдонимом режиссера – Жора и комедией. Кроме того, прилагательное *забавная* подсказывает, что сюжет фильма юмористический. Повторение смысловых синонимов убеждает читателя в комедийности фильма. Второе предложение представляет главную тему фильма – свадьба. Во многих кинорецензиях, кратко или подробно, пересказывается сюжет фильма. У каждого рецензента свой стиль пересказа сюжета, что приводит к разным оценкам фильма. На наш взгляд, однако, пересказ сюжета – это сообщение объективной информации, а не объективная оценка.

Представляется, что для объективной оценки необходимо принимать во внимание «амбиции» фильма. То есть важно учитывать намерение режиссера и цель режиссера, а также достигнута эта цель или нет. Рецензент не может дать объективную оценку фильма на основе своих собственных моральных взглядов и эстетических стандартов. У каждого человека свой взгляд на мир. Пессимисты видят все в грустном свете, оптимисты

считают все радостным. Далеко не все люди в мире понимают тонкий английский юмор. Именно поэтому во многих кинорецензиях работа режиссера и успех проката, как наиболее универсальные объективные показатели, становятся критерием успеха фильма.

Рассмотрим далее кинорецензию на фильм «Горько!»: *«Фильм прекрасно стартовал в прокате, первые четыре дня показа занимал первую строчку в хит-параде, заработав за это время около 7 миллионов (1,5 миллиона долларов). Его заметили и критики и даже вступили в полемику по поводу того, является ли „Горько!“ миниатюрной картинкой непутевой, но родной России или русофобской лентой на потребу западному зрителю».*

Ситуация проката – положительная для оценки фильма. Полемика о фильме – нет. В данном случае мы имеем дело не с авторской оценкой, но все-таки с объективной информацией (сообщение о существующих оценках фильма). Обращаясь к связанным с фильмом ожиданиям, рецензент пишет, какого успеха фильм достиг, объясняет, в чем заключаются его сильные стороны и промахи. Профессиональный рецензент не придирается к незначительным техническим недостаткам, он дает оценку на основе общего впечатления от фильма. Необязательным моментом в кинорецензии является подробная аргументация того, почему что-то работает хорошо, а что-то плохо, но обязательным – логика в рассуждениях. От рецензента требуется обладание критическим мышлением.

В Интернете часто встречаются рецензии, рассматривающие по отдельности положительные и отрицательные стороны фильма, что дает читателям представление о фильме и экономит их время. Однако подобные рецензии слишком утилитарные. По значению и функции они похожи на жанр комментария в Интернете. На наш взгляд, сила воздействия такого типа кинорецензий самая слабая.

Субъективная оценка, как правило, включает элемент собственной реакции на фильм. Оценку в таком случае определяет жизненный опыт, социальная среда, возраст и характер рецензента, время и пространство, в котором он живет. Говоря об объективной оценке, мы можем выделить некие общие критерии, актуальные для всех рецензентов.

Обратимся к кинорецензии на фильм «Сталинград» Юрия Гладильщикова: *«Фильм дико старомоден. Неверное, потому, что апокриф, религиозная сказка о деяниях святых, обязан выглядеть старомодно. Возникает ощущение эстетического раздора. Только что шли „300 спартанцев“ – вдруг фильм становится похожим на навильонные картины сталинских времен».*

Первое предложение дает общую оценку фильму, следующие – аргументы оценки и объяснение слова *старомоден*. В приведенном фрагменте не говорится о восприятии фильма самим рецензентом, можно говорить о том, что рецензент дал объективную оценку, опираясь на общественное мнение.

Приведем фрагмент из рецензии на фильм «Географ глобус пропил» Елены Стишовой: *«И фильм обвалился. Про позорный финал карьеры географа сказано выше. Не могу найти ответа, зачем, с какой художественной (или иной) целью авторы сценария и режиссер надругались над своим героем. Ради кристаллизации образа неудачника? Чтобы лишить его ореола победы, и без того эфемерной? Мол, ты лох, ты лузер, фанфары отменяются, даже если ты их и заслуживаешь? Может быть, подсознательно сказался страх хэппи-энда? Как бы то ни было, финал звучит моралистически, хотя Велединский уж точно не моралист. А если его вдруг пробило на мораль, то стреляет она в сторону „отцов“, больше не в кого».* («Аутсайдер в контексте» Елены Стишовой)

В выбранном фрагменте рецензии дается авторская оценка финалу фильма. Слово *обвалиться* передает отношение рецензента к сюжету фильма: до определенного момента фильм воспринимается хорошо, а дальше автор не может согласиться с развитием сюжета. Второе предложение раскрывает авторскую позицию. Далее следует серия риторических вопросов: авторская догадка и аргументы. Последние два предложения – ирония над фильмом. Автор вновь выражает свое неудовольствие финалом фильма. По-видимому, структура фрагмента «заявление + аргументы» соотносится со структурой объективной оценки, так как аргументы – это лишь догадки и логические доводы, а не фактические доказательства. Действительно, во фрагменте нет эмоционального выражения неприятия финала, например, *я не удовлетворен, мне не нравится финал фильма*. Имплицитная эмоция проявляется через денотат лексического значения и через стилистический прием. Употребление первого лица *могу* также говорит о том, что это субъективная оценка.

Типичный пример субъективной оценки находим в следующем фрагменте: *«Мне симпатичен этот Служкин. Такие забубенные, но не отчаявшиеся лузеры давно не появлялись в нашем кинематографическом ландшафте. И лучше не „включать критика“, а простодушно следовать за перипетиями фильма, наслаждаться артистизмом Хабенского и размышлять о том, что случаются экранные герои, которые украшают жизнь, и время, проведенное в кинозале, не кажется зря потерянным. Не здесь ли – думаю я – секрет феноменального успеха „Географа...“ на*

„Кинотавре“ и на Одесском международном фестивале?» («Аутсайдер в контексте» Елены Стишовой)

Слово *симпатичен* и употребление первого лица открыто свидетельствуют об авторской личной позиции.

В заключение добавим, что средства и способы выражения субъективной и объективной оценки в кинокритике связаны с формой ее представления в медиапространстве. Мы делим специализированные издания о кино на два типа: профессиональные и популярные. Рецензии непрофессиональных авторов, которыми сегодня изобилует Интернет, тяготеют к жанру отзыва. Все большую популярность приобретает мини-рецензия. Рецензии в профессиональных специализированных изданиях («Сеанс», «Искусство кино») полнее, содержательнее, ориентированы на подготовленного читателя. В них можно найти обилие художественных средств, терминологии, выделяется идиостиль авторов, а сами рецензии стремятся к жанру эссе.⁵

Кинокритика в бумажном журнале по объему больше, чем кинокритика в Интернете. Однако Интернет дает больше возможностей для тематических подборок рецензий, что позволяет полнее, чем в журнале, представить критические мнения о фильме. Отчасти данная ситуация объясняется различной структурой журнала и Интернет-сайта о кино. В журнале, как правило, несколько рубрик. В каждой рубрике примерно три-четыре статьи (кинокритика), объединенные общей темой – рассматриваемый кинофильм, обсуждаемый режиссер и т.д. В современном журнале внутри одной рубрики трудно встретить несколько кинокритик, в которых высказываются совершенно противоположные точки зрения. У каждого рецензента, как правило, свой фокус, свой центр оценки. В одной кинокритике это может быть режиссерская работа, а в другой – сюжет фильма. Интернет-сайт, напротив, стремится представить материал полемично, столкнув разные точки зрения.

В результате сопоставительного исследования кинокритик в журнале и в Интернете, мы обнаружили, что в кинокритиках в печатных изданиях больше объективных оценок, а в Интернете – субъективных. Сила воздействия объективной оценки, как правило, сильнее, чем субъективной, так как общий критерий объективной оценки скорее вызовет читательский резонанс.

---

⁵ КУЗНЕЦОВА, М.А. Жанрово-стилистические особенности современной кинокритики (на материале специализированных изданий о кино). In: XXXVI Международная научно-практическая студенческая конференция «Молодежь третьего тысячелетия». Секция «Филология и медиакоммуникации» [online]. 2012. Доступно в интернете: <<http://philfak.ru/2581>>

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. АРУТЮНОВА, Нина. 1988. *Типы языковых значений: Оценка. События. Факт.* Москва: Наука, 1988. 341 с. ISBN 5-02-010870-7.
2. ИССЕРС, Оксана. 2012. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи.* Изд. 6-е, доп. Москва: Издательство ЛКИ, 2012. 304 с. ISBN 987-5-382-01331-2.
3. КУЗНЕЦОВА, М.А. 2012. Жанрово-стилистические особенности современной кинорецензии (на материале специализированных изданий о кино). In: XXXVI *Международная научно-практическая студенческая конференция «Молодежь третьего тысячелетия».* Секция «Филология и медиакоммуникации» [online]. 2012. Доступно в интернете: <<http://philfak.ru/2581>>
4. ФЕДОРОВА, Людмила. 1991. *Типология речевого воздействия и его место в структуре общения.* In: Вопросы языкознания. 1991, № 6. С. 46-50.
5. LAKOFF, Robin. 1981. Persuasive discourse and ordinary conversation, with examples of advertising. In: *Georgetown University Round Table on languages and Linguistics (GURT).* Washington, D. C.: Georgetown University Press, 1981, p. 25-42.

ОСВОЕНИЕ РЕБЕНКОМ ФОРМАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ДЕЙКТИЧЕСКИХ МЕСТОИМЕНИЙ: ПАДЕЖ, ЧИСЛО, РОД ¹

Софья Краснощекова, аспирантка

Институт лингвистических исследований Российской Академии Наук, Санкт-Петербург,
ndhito@mail.ru

ABSTRACT: Formal features of the pronouns (gender, number, case) are acquired in a different way than those of nouns and adjectives. As for the case, children, while producing utterances with 1st and 2nd person pronouns, tend to use forms that are related to possessivity in a broad sense. In the acquisition of pronominal gender children of early age prefer feminine forms, and in the acquisition of number singular forms.

1. Введение

К классу дейктических слов в русском языке относятся как местоимения (личные, притяжательные, возвратные, относительные и указательные), так и близкие к ним по функции местоименные частицы и наречия (указательные и относительные наречия места, времени и образа действия *там, так, когда* и т.д., указательные частицы *вон, вот*). Первыми дейктическими леммами в лексиконе ребенка становятся неизменяемые местоименные наречия и частицы; первые формы изменяемых местоименных слов обычно воспроизводятся ребенком в замороженном виде, то есть ребенок не вычленяет показатель, несущий грамматическое значение. С развитием грамматической системы изменяемые местоимения также встраиваются в именную парадигму. С момента, когда в речи ребенка начинают регулярно функционировать по крайней мере две разных формы одной леммы, можно говорить о появлении грамматического противопоставления.

Здесь мы рассматриваем освоение следующих характеристик: падежа у всех изменяемых местоимений, числа и рода у местоимений-прилагательных (лично-притяжательные и возвратно-притяжательное *свой*; указательные; относительное *который*) и местоимения *он*. Все местоимения можно разделить на несколько

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

словоизменительных классов, которые следует описывать по отдельности: личные местоимения и притяжательное *себя* участвуют только в падежной оппозиции; местоимение *он*, а также субстантивированные *этот*, *тот* изменяются по падежам, родам и числам. Отдельно также следует рассматривать местоимения *он*, *этот*, *тот* в анафорической функции, которые принимают род и число antecedента. Местоимения-прилагательные и указательные местоимения в адъективном употреблении согласуются с существительным по всем трем признакам.

В качестве материала использованы лонгитюдные данные детской речи – родительские дневники и расшифровки аудио- и видеозаписей, предоставленные Фондом данных детской речи РГПУ им. А.И. Герцена и Интернет-базой CHILDES. Записи пяти детей велись в течении нескольких лет и представляют собой относительно полные корпуса; еще десять детей записывались спорадически. Общий объем корпуса составляет 5000 контекстов с интересующими нас местоимениями.

Следует оговорить, что возрастные рамки крайне индивидуальны, и универсального возраста появления той или иной формы вывести невозможно, однако обычно развитие системы местоимений происходит в возрасте примерно от 2 до 3 лет. Обычно местоимения начинают употребляться тогда, когда ребенком уже освоено хотя бы одно падежное противопоставление у существительных, то есть ребенок имеет субстантивную базу. Кроме того, сами местоимения появляются не одновременно, но этот относительный порядок здесь не рассматривается.

2. Падежные формы местоимений

2.1. Личные местоимения

Здесь мы предпринимаем попытку описать не только возраст и порядок появления конкретных падежных форм личных местоимений, но и функции этих форм по Г.А. Золотовой.² Для сравнения привлекается исследование Н.В. Ионовой³, посвященное освоению падежных функций существительных.

Первые местоимения в речевой продукции ребенка употребляются в дефолтной форме, соответствующей форме именительного падежа в языковой системе взрослых. С развитием падежной парадигмы именительный падеж начинает использоваться

² ЗОЛотоВА, Галина. 2001. *Синтаксический словарь (репертуар элементарных единиц русского синтаксиса)*. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 440 стр. ISBN: 5-354-01147-7.

³ ИОНОВА, Наталья. 2007. *Семантические функции падежных форм и предложно-падежных конструкций имени существительного в речи детей дошкольного возраста*. Автореферат дисс. ... канд. филологических наук. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2007. 22 стр. На правах рукописи.

осмысленно. Именительный падеж местоимений выражает значение субъекта действия, «активного» или «неактивного деятеля» (субъект – носитель акционального и статуального признака). Здесь нет различий как между разными местоимениями, так и между местоимениями и существительными. Что касается других падежных функций, то местоимение, в отличие от существительного, практически не может употребляться в предикативной функции и реже становится субъектом при прилагательном (носитель качественного признака). На анафорическое *он* второе ограничение не распространяется.

Второй падежной формой местоимений (и первой косвенной) обычно является: у местоимений 1 и 2 лица – форма дательного падежа и/или конструкция «у» + родительный падеж; у местоимения 3 лица – форма винительного падежа. Такое же различие наблюдается в частотности падежных форм. Основным и первым значением дательного падежа личных местоимений 1 и 2 лица является значение адресата; почти одновременно с этим значением появляется значение субъекта состояния. Дательный падеж в функции адресата не обязательно появляется в сочетании «дай мне», замороженного у англоязычных детей (“*gimme*” ‘give me’), но и при глаголах *купить*, *сказать*, *подарить* и т.д. Что касается значения субъекта состояния, то все оттенки значения усваиваются в комплексе: одновременно появляются и «мне больно/страшно/жарко», и «мне надо/можно», и «мне нравится». Местоимение *он* в этой форме почти не используется; *мы* и *вы* встречаются редко. Чем ближе к дейктическому центру – Я – тем активнее выражается субъект состояния.

Конструкция «у» + родительный падеж частотна в детской речи и появляется одновременно у всех местоимений. Конструкция выражает посессивный субъект или субъект состояния и связана со значением принадлежности. Раннее появление обусловлено как внешними (распространенность в речи окружающих), так и внутренними факторами: формы, связанные со значением принадлежности (лично-притяжательные местоимения, дательный падеж), появляются в детской речи рано.⁴ «У меня» выступает в роли «универсальной темы» («у меня кукла» = «речь идет обо мне + существует кукла»).

Формы винительного падежа характерны для местоимений 3 лица, что сближает их с существительными, и крайне низкочастотны у местоимений 1 и 2 лица. Основные

⁴ ЦЕЙТЛИН, Стелла. 2007. Семантическая категория посессивности в русском языке и ее освоение ребенком. In: *Семантические категории в детской речи*. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 201-219.

значения винительного падежа местоимений – прямой объект действия и объект эмоционального отношения (любить, бояться).

Формы других падежей – творительного, предложного, родительного без предлога; дательного и винительного с предлогом – маргинальны в детской речи и остаются на периферии на протяжении всего периода освоения местоименной системы.

Таким образом, первыми у личных местоимений появляются функции субъекта действия и состояния и функции, связанные с принадлежностью; эти же функции остаются самыми распространенными для местоимений 1 и 2 лица. Местоимение *он* демонстрирует иное распределение функций (важное место занимает функция прямого объекта), которое к тому же не идентично наблюдаемому у существительных распределению. Хотя для местоимения *он*, в отличие от местоимений 1 и 2 лица, возможны локативные и инструментальная функции, они не так частотны, как у существительных.

2.2. Возвратное *себя*

При освоении возвратных местоимений дети выбирают одну из двух стратегий. В первом случае возвратные местоимения привязываются в основном к личным местоимениям 1 и 2 лица; во втором – к существительным и местоимениям 3 лица. Это выражается не только в том, с каким антецедентом связывается *себя*, но и в том, какой набор падежных форм оно принимает. У детей, придерживающихся первой стратегии, *себя* используется в основном в дательном падеже и в конструкции *с собой*; у детей, придерживающихся второй стратегии, – в винительном падеже. Таким образом, возвратные местоимения в детской речи не имеют самостоятельных падежных особенностей.

2.3. Субстантивированные указательные местоимения

На ранних этапах развития речи местоимение *этот* встречается только в замороженной форме *это*, которая замещает позиции, характерные для форм в именительном и винительном падежах. Первыми осознанно сконструированной формой в нашем материале является формы *эту* и *этим* (винительный падеж женского рода и творительный падеж). Распространенность косвенных форм женского рода может объясняться большей их простотой и когнитивной выпуклостью.⁵ Падежные формы местоимений на ранних этапах соответствуют универсальному первому падежному противопоставлению: именительный vs. винительный падеж⁶, однако косвенные падежи

⁵ см. ниже, в 3.1

⁶ ГВОЗДЕВ, Александр. 1961. *Вопросы изучения детской речи*. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. 470 стр.

появляются в другой последовательности. У существительных третьим падежом обычно является родительный, у указательных местоимений в нашем материале – творительный, который у существительных появляется одним из последних. В дальнейшем ведущее положение форм именительного и винительного падежа сохраняется. Именительный падеж местоимения *этот* обычно выражает значение субъекта при существительном или прилагательном (носитель акционального, статуального и квалитативного признака). Винительному падежу свойственно значение прямого объекта действия. Родительный падеж без предлога употребляется в основном при отрицании.

Другие косвенные формы возникают практически одновременно, и, хотя они низкочастотны, можно говорить о том, что к определенному возрасту (обычно к 3 годам) усваивается все падежная парадигма местоимения *этот*. Дательный падеж выражает исключительно значение адресата. Для творительного падежа характерно инструментальное значение. Основными значениями предложно-падежных сочетаний («из + Р», «на + В» и т.д.) являются локативные, которые, однако, низкочастотны, так как соответствующую семантическую нишу занимают локативные наречия. Местоимение *этот*, таким образом, принимает только центральные падежные значения; периферийные усваиваются позже.

Что касается местоимения *тот*, то для него характерно такое же распределение падежных форм, как и для *этот*.

Таким образом, падежная парадигма формируется у субстантивированных указательных местоимений иначе, чем у существительных и у местоимения *он*. В отличие от существительных и *он*, для указательных местоимений большую роль играет творительный падеж; к тому же, для них не характерны предложно-падежные сочетания ни с локативным, ни с посессивным значением. Это связано как с семантикой самих местоимений, так и с избыточностью языковой системы.

3. Род местоимений

3.1. Местоимения-прилагательные и анафорические местоимения: согласование с существительным

Словоизменительная категория рода актуальна для местоимений-прилагательных и для местоимений, способных к анафорическому связыванию (*он*, субстантивированное *этот*). Материал свидетельствует, что между двумя этими группами для ребенка не существует значимых различий, поэтому здесь мы описываем их вместе.

Первое противопоставление мужского и женского рода у местоимений появляется достаточно рано, у большинства детей в возрасте около 2 лет; возникают

формы разных родов местоимений *этот* и *мой*. В отличие от полнозначных прилагательных, местоимения не используются по стратегии «только мужской или только женский род со всеми существительными», то есть согласование есть с самого начала. Ошибок в согласовании практически не допускается. Система из трех родов выстраивается на базе местоимений раньше, чем на базе других частей речи: формы среднего рода местоимений появляются раньше, чем формы среднего рода прилагательных. До того, как средний род начинает употребляться регулярно, формы *это*, *такое* и *мое* используются в «абстрактном» значении (*это мое*); в дальнейшем «абстрактные» формы переосмысляются как формы среднего рода и включаются в систему.

По характеру освоения парадигмы все местоимения можно разделить на те, у которых ребенок предпочитает скорее формы женского рода, и те, у которых ребенок не отдает предпочтение какому-то одному роду. К местоимениям, тяготеющим к женскому роду, относятся *мой*, *твой* (в именительном падеже), *этом* (в винительном падеже – *эту*) и отчасти *такой* (в именительном падеже мужской и женский род равны, в винительном женский превышает мужской в соотношении примерно 5:1). Дети начинают использовать эти местоимения с форм женского рода, и в первые несколько месяцев количество форм женского рода превышает количество других форм. Несмотря на частотность форм женского рода, они не подвергаются сверхгенерализации и не распространяются на все сочетания с существительными. Местоимения *тот*, *наш*, *ваш* и *он* развиваются сбалансированно. Таким образом, можно говорить о «феномене женского рода»: ребенок предпочитает употреблять некоторые местоимения в женском роде, но при этом нет таких местоимений, для которых ребенок предпочитал бы мужской род. Все местоимения, на которые распространяется феномен женского рода, обладают сходными характеристиками. Они появляются относительно рано, обычно до 2 лет, и превалируют в речи ребенка на ранних этапах (до 2,4-2,6 лет). Начиная примерно с 2,6, соотношение форм мужского и женского рода в речи ребенка становится сбалансированным, а самым частотным становится местоимение *он*. Иными словами, феномен женского рода действует в основном на ранние и частотные местоимения.

Феномен женского рода объясняется «перцептивной выделенностью» («выпуклостью», *salience*⁷). Так, формы *эту* и *моя* обладают четко произносящимся, ярко выделенным окончанием и именно поэтому оказываются более значимыми и в то же

⁷ GAGARINA, Natalia. 2005. Saliency as a factor in models of language acquisition. In: *Xth Congress of the International Association for the Study of Child Language Conference*, 25-29 July 2005. Berlin, 2005. P. 121.

время более простыми для ребенка, чем соответствующие формы мужского рода. Свою роль играет здесь и фактор фонетического удобства (*эта, эту* проще и короче, чем *этот*), следовательно, ребенок легче вычленяет эти формы из речи взрослых, фиксирует их в памяти и затем воспроизводит. Ранние местоимения прокладывают дорогу для всех местоимений-прилагательных: сначала ребенок отдает предпочтение более выпуклым формам, затем вводит в свой речевой репертуар более «трудные» формы и приводит парадигму местоимения в равновесие относительно женского и мужского рода. Когда в речи ребенка появляются новые местоимения-прилагательные, парадигма уже стабилизирована, поэтому у «поздних» местоимений не происходит перевеса в сторону женского рода.

3.2. Личные местоимения: согласование с глаголом

Начиная использовать местоимения *я* и *ты*, некоторые дети допускают рассогласование в роде. Так, мальчик может говорить о себя «я пришла», а о маме «ты пришел». Это происходит на первой стадии, выделенной Г.Р. Добровой, когда ребенок еще не осознает дейксиса, но может употреблять *я* и понимать *ты*⁸, и связано с инпутом: ребенок слышит от матери сочетания *я* с женским родом и *ты* с мужским. Используя личные местоимения правильно, ребенок продолжает ассоциировать их с конкретными лицами. Через некоторое время, с наступлением дейктической стадии, ошибки в согласовании исчезают.

4. Число местоимений

Первое противопоставление по числу появляется у ребенка примерно в том же возрасте, что и противопоставление форм женского и мужского рода. Тем не менее, формы множественного числа местоимений, по сочетанию ряда факторов, можно расценивать как сложные для ребенка: они в целом появляются позже форм единственного числа и большинством детей употребляются реже. Так, процент форм множественного числа относительно всех форм каждого конкретного местоимения в нашем материале колеблется от 4% у субстантивированного *этот* до 25% у местоимений-прилагательных; в среднем около 13% для всех местоимений. Местоимения, возникающие раньше, независимо от своих синтаксических характеристик (субстантивированное *этот* и адъективное *мой*), используются во множественном числе реже, чем «поздние» местоимения. Можно предположить, что формы множественного числа местоимений являются сложными для ребенка, несмотря

⁸ ДОБРОВА, Галина. 2003. *Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства)*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 492 стр. ISBN: 5806406814, 9785806406812.

на фонетическую элементарность (ср. *моя* и *мои*) и ударные, перцептивно выпуклые окончания).

5. Выводы

Освоение формальных характеристик полнозначных слов и местоимений происходит по-разному. Так, в возрасте, когда ребенок оперирует всеми возможными формами существительных, набор косвенных форм местоимений достаточно ограничен; в дальнейшем, даже с развитием местоименной парадигмы и фиксацией в речи косвенных форм, ребенок предпочитает использовать несколько центральных форм, оставляя большинство косвенных на периферии. Это происходит даже в тех случаях, когда местоимение-прилагательное согласуется с существительным. Можно предположить, что при этом ребенок не выбирает для сочетания с местоимением существительные в когнитивно сложных для себя формах. Периферийные грамматические значения выражаются полнозначными словами.

Внутри категории падежа формы распределяются следующим образом: если отбросить универсально занимающий центральное положение именительный падеж, то для личных местоимений 1 и 2 лица в центре категории находятся формы с семантикой принадлежности в широком смысле: дательный падеж и конструкция типа «у меня»; у прочих местоимений, как и у существительных, важную роль играют формы винительного падежа. В категории рода на ранних этапах значимое место занимают перцептивно выпуклые формы женского рода; в дальнейшем в центре располагаются формы женского и мужского рода. В категории числа единственное число главенствует над множественным.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. GAGARINA, Natalia. 2005. Saliency as a factor in models of language acquisition. In: *Xth Congress of the International Association for the Study of Child Language Conference, 25-29 July 2005*. Berlin, 2005. P. 121.
2. ГВОЗДЕВ, Александр. 1961. *Вопросы изучения детской речи*. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. 470 стр.
3. ДОБРОВА, Галина. 2003. *Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства)*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 492 стр. ISBN: 5806406814, 9785806406812.

4. ЗОЛОТОВА, Галина. 2001. *Синтаксический словарь (репертуар элементарных единиц русского синтаксиса)*. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 440 стр. ISBN: 5-354-01147-7.
5. ИОНОВА, Наталья. 2007. *Семантические функции падежных форм и предложно-падежных конструкций имени существительного в речи детей дошкольного возраста*. Автореферат дисс. ... канд. филологических наук. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2007. 22 стр. На правах рукописи.
6. ЦЕЙТЛИН, Стелла. 2007. Семантическая категория посессивности в русском языке и ее освоение ребенком. In: *Семантические категории в детской речи*. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 201-219.

**«...ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ...»
(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И
ИСТОРИЯ НЕСКОЛЬКИХ ВЫРАЖЕНИЙ, ИМЕНИ
ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА, ЦЕЛОЙ ЭПОХИ)¹**

Людмила Шпилька

Институт Русистики, Философский факультет Прешовского университета в Прешове,
ludmila.shpilka1@mail.ru

ABSTRAKT: Náš príspevok prináša lingvokulturologickú analýzu pomerne zložitého fenoménu ruského historického, kultúrneho a politického prostredia, ktorý vyplynul z pôsobenia v najvyšších štátnych funkciách jednej z najkontroverznejších postáv v 20. storočí – N. S. Chruščova. V článku predostierame analýzu precedentného poľa vytvoreného okolo lexémy Chruščov, popisujeme základné aspekty kreovania politickej a historickej metafory, osobitosti narácie a diskurzu, ako aj samotné precedentné meno a niektoré okrídlené výrazy a lingvokulturémy, spojené s N. S. Chruščovom a dobou, v ktorej pôsobil.

«– Ну что, Виктор, небось, опять не так с «кузькиной матерью» получилось? А это очень просто. Ты объясни – это значит показать то, чего они никогда не видели».²

Нами приведённая цитата из мемуаров выдающегося русского переводчика Виктора Суходрева служит своеобразным введением в анализ не только языковой личности автора знаменитых слов, но также характеристикой состояния речевой деятельности и «языкового вкуса эпохи»³, которая создала неповторимые образы, исторические символы, прецедентные феномены, толкование и применение которых отнюдь не является случайным или мало правдоподобным и в современном русском языке или, шире, в русскоязычной культурной среде. Хотя в заголовок нашей статьи мы выдвинули лишь одно известное «крылатое выражение», всё-таки хотим описать лингвокультурологические особенности похожих выражений, которые были созданы многогранной личностью их автора и которые стали языковой

---

¹ Tento článok bol vytvorený v rámci riešenia grantovej úlohy VEGA č. 1/0792/13 Vývinové aspekty ruského jazyka a ruského jazykového prostredia v nadväznosti na spoločenské zmeny v Rusku v minulom storočí.

² СУХОДРЕВ, Виктор. 2008. *Язык мой – друг мой. От Хрущёва до Горбачёва*. Москва: Издательский Дом ТОНЧУ, 2008. С. 67.

³ КОСТОМАРОВ, Виталий. 1999. *Языковой вкус эпохи*. Москва: Златоуст, 1999.

характеристикой если не целой исторической эпохи, то вероятно её политического и исторического дискурса.

Надо сразу отметить, что в лице Никиты Хрущёва обстоятельства выдвинули на арену мировой политики, советско-российской и мировой истории, субъект более чем пригодный для подобного анализа. Несмотря на политические, хозяйственные и общественные результаты его деятельности, Хрущёв был известен своей безудержной риторикой, которая создала ему ореол часто непредсказуемого, мнимо иррационального голоса бушующего периода холодной войны, который иногда создавал такие семиотические казусы, которые, с исторической перспективы, стали символом происходящего и лучшей лакмусовой бумагой сложнейших проблем того времени. Его «кузькина мать», знаменитые «кухонные споры» с Р. М. Никсоном, «Ботинок Хрущёва», угрозы идейному врагу типа «...мы вас похороним (закопаем)», «догнать и перегнать», или «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», причём с торжеством коммунизма хотел к 1980 году «по телевизору показать последнего попа в стране». Именно таким был и остался «типичный Хрущёв. Самораспалющийся».⁴ Важную роль, как покажем ниже, сыграло и прецедентное имя «Хрущёв». Разумеется, оно ещё при жизни самой личности-носителя проявлялось в форме прецедентного имени в той типичной сфере, которая так активно моделирует его новые значения – в области массовой коммуникации. Именно там, в разных жанрах и видах, прецедентное имя становится таким, каким оно в настоящее время хочет быть. Е. Нахимова определяет прецедентные имена как «широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб»⁵. Именно «в русле» лингвокультурологии можно рассматривать все проблемы, связанные с взаимным влиянием носителей и продуцентнов культуры данного пространства во взаимном противопоставлении с другим культурным ареалом, который часто бывает антагонистическим в самом широком смысле слова. Очень часто вступает в этот созидательный процесс

⁴ СУХОДРЕВ, Виктор. 2008. *Язык мой – друг мой. От Хрущева до Горбачёва*. Москва: Издательский Дом ТОНЧУ, 2008. С. 77.

⁵ НАХИМОВА, ЕЛЕНА. 2007. *Прецедентные имена в массовой коммуникации*. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» 2007. С. 40.

метафора как таковая, «которой с 90-х годов выделяется, наряду с языковой игрой, одно из виднейших мест в области культурологических исследований».⁶

Особым фактором созидательной деятельности метафоризации лингвокультурем является её ареальность. Само слово *лингво-культу-рема* мы, следуя Л. Гузи, понимаем как соотношение трёх основ и одновременно трёх надстроек к ним: *лингво* – это неизбежная предпосылка способности владеть данным языком, структуру и пространство которое мы исследуем⁷; *культ(у)* (от лат. *colere* – возделывать) – т. е. почва, пашня, соответственно обработанная и обрабатывающая общество, столетиями при этом накапливая готовый мегапродукт, который в обиходе определяется формой от *colere* – *cultus/cultura*; последней составляющей остается *рема* – это известное *новое*, которое из лингвокультуремы создает креативную связь между формой и значением из дефиниции В. В. Воробьева, именно в смысле греческого *rhema*, то есть *буквально – сказанное*. Для наглядности нам примером послужит обыкновенная русская фамилия Хрущёв, которая, по видимому, произошла от слова «хрущ», т.е. «майский жук», словацкое *chrúst* (польск. тоже *chraqszcz*). Правда, в этимологии её можно соотнести со словами *хруст*, *хрусток*, *хряц* или *хруш* («старый солдат»), но лексема Хрущёв останется для нас существительным, обозначающим «обыкновенное» название фамилии. Но в «ярусе *colere – возделывать*», на уровне *cultus*, призначно из латыни – возделывание, обработка поля, уход – будто бы возделана, обработана историей, осталась эта фамилия связана с рядом носителей, пассионарнейшим из которых, несомненно, в российском (и мировом) ареале остаётся Никита Сергеевич Хрущёв. Так Хрущёв ассоциируется с определенными явлениями истории, политики, общественной жизни, что в современном русском пространстве создает в «рематическом ярусе» из Хрущёва «новое», метафорическое, символическо-прецедентное явление. «Хрущёва» уже нет, да здравствует «Хрущёв!» на уровне языковой прецедентной лингвокультурологии: *Хрущёв – кукурузник оттепели*; «кукурузник» и *волюнтарист*, а еще и *инициатор оттепели*; «Творец оттепели»; «кукурузник *всей Руси*» и т. п. «Уровень» *cultus* также означает определенный вид «почитания» (*культ*), не важно в положительном, отрицательном или даже нейтральном виде. От лексемы Хрущёв были образованы слова *Хрущёвка* (трёх или пятиэтажные дома, массово сооружавшиеся в СССР во время председательства Н. С. Хрущёва) а также

⁶ см., напр., ЛАКОФФ, Джордж. – ДЖОНСОН, Марк. *Метафоры, которыми мы живём*. Москва: Едиториал, 2004. С. 256.

⁷ ГУЗИ, Любомир. 2009. Языковая игра с исторической метафорой при создании лингвокультурем. In: *Картина мира в славянских и романо-германских языках*. Международный сборник научных трудов по лингвокультурологии. Самара: НОУ ВПО Самарская гуманитарная академия, 2009. С. 16.

Хрущёба (от *трущёба*) или *хрущёвщина* (*Хрущёвщина чистой воды; «хрущёвщина пошла»; «Реанимация хрущёвщины», ...*)⁸. Очень интересно, что «мотивировка жуком» нашла отражение также в триаде «кукурузник Хрущёв» – «По-2» – «Ан-2», причём оба самолёта также называются *кукурузниками*.

В современности метафорические образы «кукурузничьей» эпохи советского периода послужили «недовольству петербуржцев строительством «Кукурузины», т. е. башни «Газпром-сити». «Строительство «Кукурузины» – это плевок в лицо городу в широком смысле!». Противники башни разом стали «антикукурузниками». Появилась и метафоризация нескольких исторических прецедентных выражений в одном тексте: «Заверяю вас, строительство «Кукурузины» и вертикализация всей страны – это архиважно!»⁹.

Ниже мы хотим вернуться к тем самым высказываниям Хрущёва, которые мы, в общем, уже наметили выше. Придерживаемая при этом известной констатации английского историка Стивена Гринблатта, что «мир полон текстов, большая часть которых непонятна вне их исторических контекстов»¹⁰. Очень интересной является динамичность проявления исторических символов в языке и их вариации в дискурсе. Нашей целью не является анализ стиля историков, а исторический факт (символ, событие, прецедентное имя и проч.), отраженный в «вульгаризованной» области интерпретации истории, которую бы так, наверное, назвали профессиональные историки, то есть в литературе, в публицистике, мемуарах и документалистике, хотя основной материал мы брали из вполне надёжных работ известных российских и зарубежных историков. Спорную личность, действия, стимулы, проявившиеся в высказываниях Н. С. Хрущёва, мы рассматривали в работах разных направлений, затрагивая серьёзнейшие монографии Волкогонова¹¹, Таубмана¹², Шевелёва¹³ или косвенно Саммерса¹⁴ а, также, исторически менее надёжные анализы Р. Гругмана¹⁵, Л.

⁸ Примеры из интернета (Наша картинная галерея. Dostupné na internete: <<http://everstti-rymin.livejournal.com/575585.html>>; Реанимация «хрущёвщины». Dostupné na internete: <<http://realnij-mir.ru/reanimaciya-xrushhyovshhiny.html>>

⁹ Все примеры: Дискуссионное форум *Против «кукурузины»*. Dostupné na internete: <<http://terijoki.spb.ru/f3/viewtopic.php?f=2&t=4678&start=105>>

¹⁰ GREENBLATT, Steven. 1990. Culture. In: *Critical Terms for Literary study*. Ed. By Frank Lentricchia and Thomas McLaughlin. Chicago, London: The University of Chicago Press. 1990. pp. 225-232.

¹¹ ВОЛКОГОНОВ, Дмитрий. 1999. *Семь вождей. Книга 1*. Москва: Аст, Новости. 1999.

¹² TAUBMAN, William. 2003. *Khrushchev. The man and his era*. New York: W. W. Norton and Company, Inc., 2003. 871 pp.

¹³ ШЕВЕЛЁВ, Владимир. 1999. *Хрущёв*. Серия «След в истории». Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

¹⁴ SUMMERS, Anthony. 2003. *Richard Nixon. Arogance moci*. Praha: BB Art, 2003.

¹⁵ ГРУГМАН, Рафаэль. 2011. *Советский квадрат: Сталин – Хрущёв – Берия – Горбачёв*. СПб.: Питер, 2011. 320 с.

Балаяна¹⁶, Ю. Емельянова¹⁷, Е. Прудниковой¹⁸. Необходимо было познакомиться также с широко известными воспоминаниями самого Хрущёва¹⁹, собственно его сочинениями²⁰ и некоторыми произведениями его сына С. Хрущёва²¹.

Дискурс как таковой, исторический или политический не исключая, представляет собой сложное лингвистическое явление, в котором выделены различные аспекты, причём некоторые из направлений исследований дискурса представляют собой сложившиеся лингвистические дисциплины, например, лингвистика текста (в узком смысле слова), конверсационный анализ (и близкая к нему коллоквиалистика)²² и т. д.

Наррация и дискурсивные особенности публично выступающих лиц имеют свои особенности, но в частности должны соблюдать особенности соответствующего политического, рекламного и прочего дискурсов. Риторические и дискурсивные своеобразности проявлялись и у нами исследуемого *первого секретаря* ЦК. После смерти своего предшественника, Никита Сергеевич вернулся к кумирному ленинскому *первому* (среди ему равных) секретарю, избегнув обобщающего сталинского понятия *генеральный*, к которому всё-таки вернётся его приемник. Хрущёв своим партийным опытом и выдержанным чутьём предполагал и угадывал тонкости политического и медиального дискурса. Он прошёл нелёгкими двадцатыми и тридцатыми годами, отвечал по партийной линии за выполнение (любыми средствами) военно-хозяйственных поручений, удерживал города, за которые другие заплатились головой, был нужным и бесспорным голосом первого лица государства в главном руководящем органе партии – Политбюро, умел угадывать настроения своего «Хозяина», после смерти которого фактически возглавил партийный «кремлёвский» дворцовый переворот в начале своей карьеры как главы государства, но, не разглядел новый, назревающий переворот, который поставил крест над его собственной карьерой и сделал из него *пенсионера государственного значения*.

Хрущёва мы уже, словами известного переводчика, характеризовали как «самораспаляющегося» оратора. Таким он стал со временем, наличие власти, соединение

¹⁶ БАЛАЯН, Лев. 2009. *Сталин и Хрущев*. Москва: Эксмо/Алгоритм, 2009. 256 с.

¹⁷ ЕМЕЛЬЯНОВ, Юрий. 2005. *Хрущёв. Смутянин в Кремле*. Москва: Вече, 2005. 431 с.

¹⁸ ПРУДНИКОВА, Елена. 2007. *Хрущёв – творцы террора*. Москва: Олма Медиа Групп, 2007. 640 с.

¹⁹ ХРУЩЁВ, Никита. 1997. *Воспоминания. Избранные фрагменты*. Москва: Варгиус, 1997. 564 с.

²⁰ ХРУЩЁВ, Никита. 1962 – 1964. *Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 1 – 8*. Москва: Издательство политической литературы, 1962 – 1964.

²¹ ХРУЩЁВ, Сергей. 2010. *Никита Хрущёв. Реформатор. Серия «Трилогия об отце», книга 1*. Москва: Время 2010. 1117 с.

²² см. с. 8-9, КАРАСИК, Владимир. 2003. Введение. In: МАКАРОВ, М. Л. *Основы теории дискурса*. Москва.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

основных партийных и официально-исполнительных функций, достижения государства, среда нагнетающей атмосферы соперничества с идеологическим врагом и защита идей ленинской революции придали его наррации особую точность и эмоциональность, выраженную средствами партийно-разговорного языка, мнимо полуобразованного деревенского мужика. Эмоциональность и метафорическую образность Хрущёв унаследовал и постепенно развивал, выражался в соответствии с повесткой дня, например, в половине 30-х годов:

«Товарищи! *«Троцкисты», «зиновьевцы»,* которые являются прямыми врагами рабочего класса, трудящихся, докатились до того, что они объединились. *Объединились с фашистами,* объединились *со всей нечестью,* которая злобствует против первого советского государства, где господствует труд, где господствует рабочий класс, вместе со всем трудовым народом нашего Советского Союза».²³

Через тридцать лет, совсем на другом месте и в совсем другие времена, такая же, хотя более снисходительная эмоциональность, за которой не последовали ни инсценированные процессы, ни смертельные казни:

«– Что это?» Почему нет одного глаза! Это же морфинистка какая-то!.. – Что это такое? – Вы что – мужики или педерасты проклятые, как вы можете так писать? Есть у вас совесть? Кто автор?»²⁴

Такая реконструкция возможна благодаря воспоминаниям художника Эллия Михайловича Белютина и аудиозаписи, сохранившейся в Архиве Гостелерадио СССР, которые говорят о выставке абстрактного искусства в московском Манеже 1 декабря 1962 г. Похожих выступлений Хрущёва множество, но для нас важны более содержательные и коннотативные выражения, рассматриваемые одновременно с их эволюцией. Крылатое выражение «...догнать и перегнать...» является одним из них.²⁵ Разумеется, сам Хрущёв не является его творцом, а лишь контекстуальным актуализатором. Данная фраза является определенной интразоной концепта соревнования, противостояния *Мы – Они / Свои – Чужие* в широком смысле, которую Хрущёв принял из ленинского наследия, эмоционально окрашенного верной спутницей и глашатаем революции – литературной пропагандой, в лице вездесущего «шута у трона

²³ ХРУЩЁВ, Никита и др. 2010. *Советская история в речах и аудиодокументах (часть №5)*. Москва: Архив Гостелерадио СССР, 2010.

²⁴ ХРУЩЁВ, Никита и др. 2010. *Советская история в речах и аудиодокументах (часть №5)*. Москва Архив Гостелерадио СССР, 2010. Белютин Эллия. 2008. *Манеж 1 декабря 1962 г.* Огонёк № 52 Лучшее 2008 г.

²⁵ СЕРОВ, Вадим. 2005. *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*. Москва: Локид-Пресс, 2005. 880 с.

революции»²⁶ – Маяковского. Ленин нами рассматриваемую фразу официально употребил когда-то на рубеже веков в газетных статьях и брошюрах, но, исходя из конкретного положения им создаваемой партии, состязался пока со старыми русскими революционными партиями:

«Надо открыто признать, что в этом отношении мы отстали от старых русских революционных партий и должны приложить все усилия, чтобы *догнать и перегнать их*».²⁷

У Ленина находим ещё несколько похожих выражений, к соперничеству между государствами он призывает лишь постепенно. Ещё в 1912 пишет, что:

«...Плох тот русский рабочий, – сказали бы мы, переделывая одну известную поговорку, который не надеется догнать и перегнать своего американского собрата».²⁸

Американский собрат постепенно становится не только конкурентом, но в лице своей общественно-экономической формации, переходит на позиции идеологического врага. Но это позже, сначала на него, как это видно и у Ленина, надо было ровняться. Хотя в упрощенном виде, но всё-таки довольно эффектно, Джеймс Х. Биллингтон утверждает, что «русские переняли в X веке искусство и религию от византийцев и первые современные формы правления от шведов, чему предшествовали десятилетия взаимной борьбы. Соединённые Штаты заняли во второй половине XX века место Германии позднего XIX и раннего XX вв. (которое раньше упряднила Франция конца восемнадцатого и начала девятнадцатого столетий) как основного «Западника», на которого публично ровнялись а, в частности, от которого учились».²⁹

Хрущёв был личным свидетелем произносимых Сталиным слов:

«Мы *догнали и перегнали* передовые капиталистические страны в смысле установления нового политического строя, Советского строя. Это хорошо. Но этого мало. Для того, чтобы добиться окончательной победы социализма в нашей стране, нужно еще *догнать и перегнать эти страны* также в технико-экономическом отношении. Либо мы этого добьемся, либо нас затрут».³⁰

²⁶ см. довольно проблематичную работу ГОРБ, Бронислав. 2001. *Шут у трона революции*. Москва: УЛИСС-МЕДИА, 2001. 612 с.

²⁷ ЛЕНИН, Владимир. 1967. Насущий вопрос. In: *Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 4. 1898 – апрель 1901*. Москва: Издательство политической литературы, 1967. С. 194.

²⁸ ЛЕНИН, Владимир. Итоги полугодовой работы. In: *Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 21. Декабрь 1911 – июнь 1912*. Москва: Издательство политической литературы, 1968. С. 439.

²⁹ RICHMOND, Yale. 2003. *Cultural Exchange and Cold War: raising the iron curtain*. Pennsylvania State university, 2003. С. 251.

³⁰ СТАЛИН, Иосиф. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. In: *Сталин, И. В. Полное собрание сочинений. Т. 11*. Москва: Госполитиздат, 1946 – 1951. С. 102.

Известно, что на первом месте стояла «Америка», то есть США. Соперничество с Америкой тогда ещё не достигало идеологических спазмов 50-х – 60-х годов, хотя и «Ленин это сказал ясно» а официальный «серпомолоткастый» революционный поэт³¹ после личного знакомства со «страной городов жёлтого дьявола» в половине двадцатых годов с высокопарностью ему присущей пишет:

«Буржуи, дивитесь коммунистическому берегу – на работе, в аэроплане, в вагоне вашу быстроногую знаменитую Америку *мы и догоним и перегоним*».³²

Значит, для произнесения этой знаменитой фразы-обещания официально, на зональном совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик СССР 22 мая 1957 года, была у Хрущёва политическая и пропагандистская подготовка. За призывом *догнать и перегнать* Америку за три года по производству мяса, молока и масла на душу населения, в СССР последовали печально знаменитые «*мясная кампания в Рязани*», известная также как «*Рязанское чудо*», «*кукурузная лихорадка*» или «*молочные рекорды*» и проч., которые стали нарицательными словосочетаниями для неуспеха, необдуманных действий, ведущих к неминуемой катастрофе.

Анализ такого рода дискурса можно при прецеденте Хрущёв продолжать практически без конца. Время, совместно со всеми совершёнными ошибками и невероятными, пропастными различиями в достижениях страны, было необыкновенно насыщено – от полёта первого человека в космос 12 апреля 1961 года, вершины достижения социалистического СССР, до постыдного расстрела в Новочеркасске 2 июня 1962 года, что для страны с социалистическим строем и намеченными рубежами построения следующего бесклассового общественного строя, особенно неприятно. Тем не менее, лингвокультурологические исследования получили необыкновенно живой материал для своих анализов, хотя, в аксиологическом понимании данной проблематики, на поверхность иногда пробивается гоголевский смех сквозь слёзы.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. БАЛАЯН, Лев. 2009. *Сталин и Хрущёв*. Москва: Эксмо/Алгоритм, 2009. 256 с. ISBN 978-5-699-38331-3.

³¹ SIVACHEV, Nikolai – YAKOVLEV, Nikolai. 1980. Russia and the United States. U.S.-Soviet relations from the Soviet point of view. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980. xv + 301 pp.

³² МАЯКОВСКИЙ, Владимир. 1929. «Американцы удивляются». In: *Полное собрание сочинений: в 13 томах. АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького*. Москва: Худож. лит., 1955-1961. Dostupné na internete: < <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/istochnikstihov.html> >

2. БЕЛЮТИН, Эллия. 2008. *Манеж 1 декабря 1962 г.* In: Огонёк. 2008, № 52. Dostupné na internete: <<http://www.ogoniok.com/archive/1997/4532/49-40-44/>>
3. ВОЛКОГОНОВ, Дмитрий. 1999. *Семь вождей. Книга 1.* Москва: Аст, Новости. 1999. 496 с. ISBN 5-237-00813-5.
4. ВОРКАЧЁВ, Сергей 2003. Концепт как «зонтиковый термин». In: Язык, сознание, коммуникация. 2003. Вып. 24. Москва, с. 5–12. ISBN 978-5-317-02619-6.
5. ГОРЬ, Бронислав. 2001. *Шут у трона революции.* Москва: УЛИСС-МЕДИА, 2001. 612 с. ISBN 5-86364-009-X.
6. ГРУГМАН, Рафаэль. 2011. Советский квадрат: Сталин – Хрущёв – Берия – Горбачёв. СПб.: Питер, 2011. 320 с. ISBN 978-5-49807-959-2.
7. ГУЗИ, Любомир. 2009. Языковая игра с исторической метафорой при создании лингвокультурем. In: *Картина мира в славянских и романо-германских языках.* Международный сборник научных трудов по лингвокультурологии. Самара, НОУ ВПО Самарская гуманитарная академия, 2009, с. 14-19.
8. ЕМЕЛЬЯНОВ, Юрий. 2005. *Хрущёв. Смутянин в Кремле.* Москва: Вече, 2005. 431 с. ISBN 5-9533-0379-3.
9. КАРАСИК, Владимир. 2003. Введение. In: Макаров, М. Л. *Основы теории дискурса.* Москва.: ИТДГК « Гнозис », 2003. 280 с. ISBN 5-94244-005-0.
10. КАРАУЛОВ, Юрий. 2010. *Русский язык и языковая личность.* Москва: ЛКИ (Москва), 2010. 264 с. ISBN 978-5-382-01071-7.
11. КОСТОМАРОВ, Виталий. 1999. *Языковой вкус эпохи.* Москва: Златоуст, 1999. 280 с. ISBN 5-86547-070-1.
12. ЛАКОФФ, Джордж. – ДЖОНСОН, Марк.: *Метафоры, которыми мы живём.* Москва: Едиториал, 2004. С. 256. ISBN 5-354-00222-2.
13. ЛЕНИН, Владимир. 1967. Насущий вопрос. In: *Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 4. 1898 – апрель 1901.* Москва: Издательство политической литературы, 1967. с. 193-199.
14. ЛЕНИН, Владимир. 1968. Итоги полугодовой работы. In: *Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 21. Декабрь 1911 – июнь 1912.* Москва: Издательство политической литературы, 1968. С. 427 – 440.
15. МАЯКОВСКИЙ, Владимир. 1929. «Американцы удивляются». In: *Полное собрание сочинений: в 13 томах. АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького* [online]. Москва: Худож. лит., 1955-1961. Dostupné na internete: <<http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/istochnikstihov.html>>

16. НАХИМОВА, ЕЛЕНА. 2007.: *Прецедентные имена в массовой коммуникации*. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» 2007. С. 207. ISBN 5-7186-0238-X.
17. ПРУДНИКОВА, Елена. 2007. *Хрущёв – творцы террора*. Москва: Олма Медиа Групп, 2007. 640 с. ISBN 978-5-373-01461-8.
18. СЕРОВ, Вадим. 2005. *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*. Москва: Локид-Пресс, 2005. 880 с. ISBN 5-320-00323-4.
19. СТАЛИН, Иосиф. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. In: *Сталин, И. В. Полное собрание сочинений. Т. 11*. Москва: Госполитиздат, 1946 – 1951.
20. СУХОДРЕВ, Виктор. 2008. *Язык мой – друг мой. От Хрущёва до Горбачёва*. Москва: Издательский Дом ТОНЧУ, 2008. С. 536. ISBN 978-5-91215-036-4.
21. ХРУЩЁВ, Никита. 1962 – 1964. *Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства*. Т. 1 – 8. Москва: Издательство политической литературы. 1962 – 1964.
22. ХРУЩЁВ, Никита. 1997. *Воспоминания. Избранные фрагменты*. Москва: Варгиус, 1997. 564 с. ISBN 5-7027-0415-0.
23. ХРУЩЁВ, Никита и др. 2010. *Советская история в речах и аудиодокументах (часть №5)*. Москва: Архив Гостелерадио СССР, 2010.
24. ХРУЩЁВ, Сергей. 2010. *Никита Хрущёв. Реформатор. Серия «Трилогия об отце», книга 1*. Москва: Время 2010. 1117 с. ISBN 978-5-9691-0533-1.
25. ШЕВЕЛЁВ, Владимир. 1999. *Хрущёв*. Серия «След в истории». Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 352 с. ISBN 5-222-00701-4.
26. GREENBLATT, Steven. 1990. Culture. In: *Critical Terms for Literary study*. Ed. By Frank Lentricchia and Thomas McLaughlin. Chicago, London: The University of Chicago Press. 1990. pp. 225-232. ISBN 978-0-226-47203-4.
27. RICHMOND, Yale. 2003. *Cultural Exchange and Cold War: raising the iron curtain*. Pennsylvania State university, 2003. 322 pp. ISBN 0-271-02302-3.
28. SUMMERS, Anthony. 2003. *Richard Nixon. Arogance moci*. Praha: BB Art, 2003. 638 s. ISBN 80-7341-036-2.
29. TAUBMAN, William. 2003. *Khrushchev. The man and his era*. New York: W. W. Norton and Company, Inc., 2003. 871 pp. ISBN 0-393-05144-7.
30. SIVACHEV, Nikolai – YAKOVLEV, Nikolai. 1980. *Russia and the United States. U.S.-Soviet relations from the Soviet point of view*. Chicago, London: The Universtiy of Chicago Press, 1980. xv + 301 pp. ISBN 9780226761503.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛАМИ *БЫТИ* И *ИМЕТИ* В ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСНО- ХРОНИКАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ

Анна Калистратова, аспирантка

Кафедра истории русского языка и славянского языкознания, филологический факультет, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, annakalistratova24@gmail.com

ABSTRACT: The article is devoted to analyses of structure and functioning of predicative possessive be- and have-constructions in Old Russian chronicles. We determine a place and a meaning of predicative expressing of possessive relationships in the Old Russian chronicle style. We mark specific features of usage of be- and have-constructions in the text, differences of their correlation in speech. We try to designate the main tendencies of the development of be- and have-constructions.

В XX – начале XXI века появилось большое количество исследований, посвященных категории посессивности и средствам её вербального выражения.¹ Пристальное внимание лингвистов к этой проблематике говорит о том, что, во-первых, средства выражения посессивных отношений занимают далеко не последнее место в системе любого языка, во-вторых, сама категория посессивности как ментальная категория играет и всегда играла важную роль в восприятии и осознании человеком окружающего мира.

Посессивные отношения в любом языке имеют широкий спектр средств выражения – лексических, морфологических и синтаксических. Среди наиболее распространенных в современном русском языке можно назвать притяжательные местоимения (*мой дом*), родительный падеж принадлежности (*стол отца*) и так называемые предикативные посессивные конструкции с глаголами *быть* и *иметь* (*у отца есть машина, он имеет право на защиту своих интересов*). Последний из

---

¹ Среди исследований, наиболее полно рассматривающих общие вопросы категории посессивности на материале различных языков, можно назвать следующие: ИВАНОВ, Вячеслав, и др. 1989. *Категория посессивности в славянских и балканских языках*. Москва: Наука, 1989. 264 с.; BARON, Irène, et. al. 1984. *Dimensions of possession*. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1984. 344 p.

названных способов занимает особое положение среди перечисленных способов выражения посессивных отношений. Он положен в основу классификации языков на *habere*- и *esse*- языки. Так как в современном русском языке предикативные посессивные конструкции с глаголом *иметь* используются крайне ограниченно, то его традиционно относят к *esse*-языкам в противоположность, например, чешскому языку, который является ярким представителем *habere*-языков.

Исследований, посвященных особенностям строения и функционирования предикативных посессивных конструкций с глаголами *быть* и *иметь* в современном русском языке, достаточно много.² Но по-прежнему остается открытым вопрос о том, каким образом сформировалась существующая на данный момент в русском языке функциональная дифференциация *быть*- и *иметь*-конструкций. Почему русский язык «предпочел» *быть*-конструкции как основной способ предикативного выражения посессивных отношений, тем самым некоторым образом противопоставив себя большинству славянских языков. Актуальным представляется изучение особенностей функционирования предикативных посессивных конструкций с глаголами *быть* и *иметь* (др.-рус. *быти* и *имети*) в памятниках древнерусской письменности разной временной и стилевой отнесенности. На наш взгляд, необходим тщательный анализ участников посессивных ситуаций, выраженных в тексте с помощью конструкций *быть*- или *иметь*-конструкций. Подобный анализ даст возможность проследить, существовало ли в древнерусском языке различие в употреблении глаголов *быти* и *имети*, как оно проявлялось в тексте и зависело ли от функционально-стилевой отнесенности конкретного текста.

В науке о истории русского литературного языка до сих пор нет единого мнения на стилистическую дифференциацию древнерусского языка. В нашем исследовании при выделении стилей древнерусского языка мы опираемся на статью С.А. Рылова «Функциональная стратификация древнерусской и старорусской речи».³ В этой работе автор убедительно обосновывает существование 5 основных стилистических разновидностей древнерусского языка – повествовательно-художественного, летописно-хроникального, делового, обиходно-разговорного и церковно-богослужебного стилей. Каждая из названных стилистических разновидностей представляет несомненный

² См. напр. БОНДАРКО, Александр, et. al. 1996. *Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность*. Санкт-Петербург: Наука, 1996. 229 с.

³ РЫЛОВ, Станислав. 2000. Функциональная стратификация древнерусской и старорусской речи. In: *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия ФИЛОЛОГИЯ. 2000, №1, стр. 187 – 196.

интерес и может дать обширный материал для изучения особенностей функционирования предикативных посессивных быть- и иметь-конструкций в древнерусском языке.

В настоящей статье мы обратились к анализу языка древнерусских летописей. Многие исследователи отмечали эклектичность и неоднородность летописно-хроникального стиля: *«По своему составу летописи – сложные произведения. В них представлены разного рода религиозные тексты, деловые документы, самостоятельные сочинения на светские темы и пр., но главным костяком являются погодные записи – описание событий общерусского и местного значений, проходивших в определенные годы»*.⁴ Это, с одной стороны, усложняет анализ речевого материала древнерусских летописных сводов (так, в нашем случае при выделении быть- и иметь-конструкций всегда нужно иметь в виду, что из себя представляет данный фрагмент текста и какие он имел источники), с другой стороны, делает летописные тексты бесценным источником, в котором представлены различные функционально-стилистические пласты древнерусского языка.

Нами было рассмотрено функционирование предикативных посессивных конструкций с глаголами *быти* и *имети* в двух крупнейших древнерусских летописных сводах, дошедших до нас в списках XIV века, – Лаврентьевской летописи и Новгородской первой летописи старшего извода.

1. Посессивные быть- и иметь-конструкции в Лаврентьевской летописи

В Лаврентьевской летописи нами было зафиксировано 129 предикативных посессивных конструкций. В 85% случаев (97 конструкций) для выражения посессивных отношений в качестве предиката используются глагол *имети*. И только 25% (32 конструкции) приходится на глагол *быти*. Рассмотрим в каких конкретных ситуациях употребляется та или иная посессивная конструкция в данном памятнике.

Конструкции с глаголом *быти* встречаются, как правило, в собственно погодных записях, при описании различных событий, связанных с жизнью древнерусского общества того времени. Исключение составляют только несколько отдельных случаев. Одна конструкция с глаголом *быти* встретилась в договоре с греками 945 года – одном из самых ранних древнерусских деловых документов, дошедших до нас: *«В лето 6453. <...> мы же съвещаньемъ все написахомъ на двою харатью и едина харатья есть оу*

⁴ ФИЛИН, Федот. 1981. *Истоки и судьбы русского литературного языка*. Москва: Издательство «Наука», 1981. 328 с.

царства нашего».⁵ Другие два случая отмечены в статье под 986 годом, посвященной выбору веры князем Владимиром. В ней летописец пересказывает основное содержание Священного писания: «*В лето 6494. <...> И посемь възратишися в землю свою, и не бе оу нихъ царя, но архиереи обладаху ими, до Ирода иноплемьникъ, иже облада ими*».

В качестве субъекта посессии в отмеченных быть-конструкциях всегда выступает конкретное лицо, обозначенное именем существительным или местоимением: «*В лето 6485. <...> оу Ярополка же жена Грекини бе и бяше была черницею; В лето 6488. <...> и рече Блудъ Ярополку: „Видиши колько воин у брата твоего, нама ихъ не перебороти“; В лето 6500. <...> и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему Княже есть оу мене единъ сынъ меншеи дома, а с четырьми есмь вышелъ, а онъ дома, отъ детства бо его несть кто имъ оудариль*. Только в одном случае был отмечен неодушевленный субъект посессии: «*В лето 6545. Заложу Ярославъ городъ великий оу него же града суть золотая ворота*». Быть-конструкция здесь употребляется для описания внешнего вида города, заложенного князем Ярославом.

Объектом посессии в отмеченных конструкциях является или лицо (группа лиц), или неодушевленный предмет, конкретный или абстрактный: «*В лето 6488. <...> бе бо женолюбецъ, якоже и Соломанъ бе бо рече оу Соломана женъ 700 а наложницъ 100; идеже ныне Новъгородъ и виде ту люди сущая как есть обычаи имъ; В лето 6532. <...> и приде Якунь с Варягы и бе Якунь слепъ [и] луда оу него золотомъ истъкана*».

Как уже было сказано, конструкции с глаголом *имети* в тексте изучаемого памятника преобладают. Они встречаются в погодных записях, в собственных авторских рассуждениях, в различных включенных в летопись текстах: договорах с греками, поучении Владимира Мономаха и др. Субъект посессии так же, как и в быть-конструкциях, как правило, представляет собой лицо (группу лиц): «*Поляне бо своихъ отцьвь обычаи имуть кротокъ и тихъ; В лето 6605. <...> Василко же обещася прити не ведыи лсти юже имяше на нь Давидъ*». Часто субъект в конструкции вербально не эксплицирован, но из контекста вполне ясно, о ком идет речь. Так, одна из распространенных в летописи речевых ситуаций, где употребляются посессивные иметь-конструкции без указания субъекта, – это наставления героя летописи потомкам или приемникам. Пример из наставлений Феодосия Печерского братии: «*В лето 6582. <...> и к симъ воздержанье имети отъ многого брашна <...> паче же имети в оустехъ*

⁵ Все примеры из Лаврентьевской летописи приводятся в современной орфографии и раскрытыми титлами по изданию: *Полное собрание русских летописей. Т.1: Повесть временных лет*. 3-е издание. Москва: Издательство АН СССР, 1961. 679 с.

*Псталтырь Давидовъ подобаетъ черноризцемъ <...> паче же имети к собе любовь всемъ меншимъ и к стареишимъ покоренье и послушанье старшимъ же к меншимъ любовь и наказанье». Для Лаврентьевской летописи характерно также употребление посессивных конструкций с глаголом *иметь* в форме полных и кратких причастий. Глагол *имети* в таких предложениях часто играет роль второстепенного сказуемого: «В лето 6586. <...> В Заволоши бе бо Глебъ милъстивъ убогымъ и странюлюбивъ тщагье имея к церквямъ теплъ на веру и кротокъ взоромъ красенъ; В лето 6579. <...> он же рече то каци суть бози ваши кде живутъ [онъ же рече] в безднахъ суть же образомъ черни крилаты хвосты имуще».*

Объекты посессии в выделенных конструкциях могут быть как одушевленными: *Амазоне же мужа не имуть*, так и неодушевленным: «В лето 6615. <...> такъ бо **обычаи** имеяше Святополкъ коли идяше на воину или инамо ноли поклонивъся оу гроба Феодосьва и молитву вземъ оу игумена ту суцаго». При этом наблюдается преобладание имен существительных с абстрактным значением: любовь, мир, философская хитрость, ум, помощь от Бога, власть (в значении право), срам, лесть, страх Божий, гнев, помысел, воздержание, печаль, вера, гордость. В некоторых случаях можно сказать, что посессивные конструкции с глаголом *имети* начинают функционировать как определенные речевые формулы. Явные черты устойчивой сочетания приобретает выражение *любовь и мир имети*. Оно отмечается в той или иной форме во всех договорах русских с греками, дошедшими до нас в составе Лаврентьевской летописи: «В лето 6459. <...> Азь Святославъ, князь Рускии, якоже кляхъся и утверждаю на свецанье семь роту свою, хочу **имети миръ и свершену любовь** со всякомъ и велекимъ царемъ Греческаимъ съ Василиемъ и Константиномъ и съ боговдохновенными цари и со всеми людемъ вашими».

2. Посессивные быть- и иметь-конструкции в Новгородской первой летописи старшего извода.

Новгородская I летопись дала значительно меньше материала для изучения посессивных конструкций с глаголами *быти* и *имети*, что объясняется относительно небольшим объемом дошедшей до нас части летописи. Нами было отмечено всего 11 быть-конструкций и 5 иметь-конструкций. Но даже при таком небольшом количестве материала выделяется явное преобладание быть-конструкций над иметь-конструкциями.

Во всех отмеченных быть-конструкциях субъект посессии одушевленный, он выражается именем существительным или местоимением: «В лето 6773. <...> Бяше **оу Миндовга**, князя литовьского, сынъ, имя ему Воишелгъ; В лето 6778. <...> **у нас** князя

*нетуть, но богъ и правда и святая Софья, а тебе не хотимъ».*⁶ Объект посессии в большей части конструкций также одушевленный, но отмечаются и случаи с неодушевленным объектом, представляющим собой конкретное или даже абстрактное понятие: «*В лето 6722. <...> и нету вамъ части въ Русской земли, В лето 6724. <...> кланяемъ ти ся; нету ны с тобою обиды».*

В выделенных иметь-конструкциях одушевленный субъект встречается в двух случаях, неодушевленный – в трех. Причем два раза – это описание городских укреплений: «*В лето 6746. <...> Оттоле же придоша незаконнии, и отступниша Торжекъ на сборъ чистой недели, и отыниша тыномъ весь около, чтоже инии гради имаху; В лето 6819. <...> а Немци въбегоша на Детинец: бяше бо место велми силно, твердо, на камени висоце, не имея приступа ниоткуда же».* Объект посессии только в одном случае – лицо, в остальных – конкретное или абстрактное понятие: «*В лето 6770. <...> но честнаго креста сила и святой Софьи всегда низлагаетъ неправду имеющихъ».*

Таким образом, проведенный нами анализ двух старейших из дошедших до нас древнерусских летописных сводов показал, что предикативные посессивные конструкции с глаголами *быти* и *имети* достаточно активно использовались для передачи посессивных отношений. В Лаврентьевской летописи уже намечается определенная функциональная дифференциация быть- и иметь-конструкций. Быть-конструкции в большинстве случаев употребляются в описаниях событий, происходящих в жизни древнерусского общества. В качестве объектов посессии выступают или люди, или конкретные предметы реального мира. Конструкции же с глаголом *имети* используются в летописи шире: в собственно погодных записях, в различных фрагментах церковно-богослужебного, нравоучительного характера, в записях деловых документов (договоров русских с греками). Глагол *имети* употребляется всегда, когда речь идет об обладании какими-либо абстрактными материями, такими как любовь, вера, страх Божий и пр. Кроме того, в записанных в летописи договорах русских с греками, наблюдается формирование некоторых более или менее устойчивых формул делового языка.

В Новгородской I летописи изучаемых конструкций было зафиксировано относительно мало, но и на их основе можно сделать некоторые выводы. До нас не дошли первые 16 тетрадей Новгородской I летописи старшего извода, в которых, как

⁶ Все примеры из Новгородской I летописи приводятся по изданию: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Москва – Ленинград: Издательство АН СССР, 1950. 576 с.

полагают, отразился так называемый Начальный свод XI века, предшествующий Повести временных лет⁷. В Новгородскую летопись также не включены Поучение Владимира Мономаха, фрагменты, посвященные жизни Киево-Печерского монастыря и Феодосия Печерского, то есть весь текст сосредоточен в основном на описании конкретных событий, происходящих в жизни Новгорода. Можно предположить, что следствием этих фактов и явилось такое ограниченное употребление посессивных конструкций с глаголом *иметь*.

В обоих памятниках в качестве субъекта посессии в большинстве случаев выступает человек. Только за редким исключением мы видим, как предикативная посессивная конструкция употребляется для описания некоего неодушевленного предмета. Можно сделать предположение, что для древнерусского языкового сознания возможность обладать чем-либо (в широком смысле слова: другим человеком, предметом или качеством) – это способность в первую очередь присущая человеку. Категория посессивности в сознании наших предков была еще исключительно антропоцентрична, но она уже начинала распространяться и на предметы окружающего мира.

Круг возможных объектов посессии шире. Это могут быть люди, конкретные предметы реального мира, абстрактные качества и понятия. Важно, что здесь, в зависимости от описываемой посессивной ситуации, как мы уже говорили, отражается функциональная дифференциация *быть*- и *иметь*-конструкций. Всегда, когда речь идет об обладании абстрактными вещами, в текстах летописей употребляется глагол *имети*. Глагол *быти* в подобных контекстах не отмечается.

Как мы уже упоминали в начале статьи, в современном русском языке глагол *иметь* употребляется, как правило, в книжных стилях речи и в составе устойчивых сочетаний. Посессивные конструкции с глаголом *быть*, напротив, являются стилистически нейтральным и основным средством предикативного выражения посессивных отношений. По всей видимости, тенденция к такой функциональной дифференциации *быть*- и *иметь*-конструкций складывается еще в древнерусский период и находит отражение в обоих изученных нами памятниках.

Отмеченные нами тенденции несомненно требуют дальнейшего анализа, сравнения с материалом памятников других стилей древнерусского языка.

---

⁷ *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1-2.* [online]. Ленинград: Наука, 1987-1989. [Дата обращения: 13-01-2015]. Код доступа: <<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2048#>>

Немаловажным, на наш взгляд, представляется также рассмотрение этих тенденций в исторической перспективе и сравнение их с конкретными данными современных русских текстов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. BARON, Irène, et. al. 1984. *Dimensions of possession*. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1984. 344 p.
2. БОНДАРКО, Александр, et. al. 1996. *Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность*. Санкт-Петербург: Наука, 1996. 229 с.
3. ИВАНОВ, Вячеслав, и др. 1989. *Категория поссесивности в славянских и балканских языках*. Москва: Наука, 1989. 264 с.
4. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Москва – Ленинград: Издательство АН СССР, 1950. 576 с.
5. *Полное собрание русских летописей. Т.1: Повесть временных лет*. 3-е издание. Москва: Издательство АН СССР, 1961. 679 с.
6. РЫЛОВ, Станислав. 2000. Функциональная стратификация древнерусской и старорусской речи. In: *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия ФИЛОЛОГИЯ*. 2000, №1, стр. 187 – 196.
7. *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1-2*. [online]. Ленинград: Наука, 1987-1989. [Дата обращения: 13-01-2015]. Доступно в интернете: <<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2048#>>
8. ФИЛИН, Федот. 1981. *Истоки и судьбы русского литературного языка*. Москва: Издательство «Наука», 1981. 328 с.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕРМИНОВ «ПРЕДЛОЖЕНИЕ» И «ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ» НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ЧЕШСКИХ ГРАММАТИК

Mgr. Olga Berger

Ústav slavistiky, Filozofická fakulta, Masarykova univerzita v Brně olgaberger@centrum.cz

ABSTRACT: Present contribution is focused on Russian and Czech syntactic terminology. The article compares the approaches of Russian and Czech linguists to the terms of the Sentences and Simple sentences. To study the similarities and differences the author refers to the conceptual framework of these terms. Revealed that in the conceptual structure of these terms clearly and successively on the difference in schools.

XX век характеризуется интенсивной разработкой синтаксической науки: возникают новые идеи, концепции, оформляются новые направления, школы, что, несомненно, не могло не отразиться на синтаксической терминологии. Появляются новые термины, переосмысливаются старые, что отражается в изменяющихся отношениях внутри терминосистемы синтаксиса. Русская синтаксическая терминология XX века как часть метаязыка науки является весьма развитой, разнообразной и в количественном, и в качественном отношении. Для чешской синтаксической терминологии XX век тоже стал значимым, потому что именно синтаксис интересовал таких известных чешских лингвистов, как Р. Мразек, П. Кубик, Ружичка, М. Грепл, П. Адамец, Ф. Данеш и др.

Целью данного исследования является сопоставительный анализ семантических структур 2 рядов базовых синтаксических терминов **предложение/простое предложение** и **věta/jednoduchá věta** на материале АГ-54 под ред. В.В. Виноградова, «Русской грамматики» под редакцией Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина (1989), грамматики чешского языка «Česká mluvnice» Б. Гавранека и А. Йедлички (1963), учебника по чешскому синтаксису «Skladba spisovné češtiny» М. Грепла и П. Карлика (1989). Для данной статьи мы выбрали эти работы, чтобы проанализировать общее и различное в самых популярных синтаксических трудах 50-80-х гг. XX в.

Как показало исследование, в указанных грамматиках представлены достаточно развитые системы синтаксических терминов, в частности микросистема «Предложение»

(в каждой из выбранных для анализа работ терминосистема «Предложение» фиксируется не менее 200 терминов).

Анализируя семантическую структуру терминов, мы использовали метод компонентного анализа лексических значений, широко распространившийся в языкознании во второй половине XX в. Применение этого метода к терминологиям отдельных областей знаний помогает в теории и практике терминографии, при создании специальных словарей и тезаурусов, выделении иерархических отношений внутри изучаемой терминосистемы. Изначально при семном анализе учитывались только дифференциальные семантические признаки, с 60-х гг. традиционная теория дополняется концепцией интегральных признаков, еще позже признается необходимость рассмотрения ассоциативных или потенциальных признаков. При таком подходе на первый план выдвигается иерархическая организация значения слова (термина), семы, отражающие существенные признаки объекта, могут быть представлены в родовидовых отношениях.

В семантической структуре термина выделяются архисема, дифференциальная и ассоциативная (потенциальная) семы. Архисема (или родовая сема) – интегрирующая сема, свойственная всем единицам определенного класса и отражающая их общие категориальные свойства и признаки. Дифференциальная сема (видовая сема) отличает данное значение от соотносимого с ним родового понятия, описывает различия анализируемых единиц. В ассоциативной семе могут отражаться несущественные, периферийные признаки или различные ассоциации, связывающиеся с обозначаемым предметом или явлением.

Семантическая структура термина **предложение** (Виноградов В.В.) следующая: архисема – *«единица речи»*, *«категория синтаксиса»*, видовые семы: *«целостная единица речи»*, *«грамматическая оформленность»*, *«средство формирования, выражения и сообщения мысли»*, *«наличие интонации»*, *«предикативность»*. Для термина **простое предложения** соответственно архисема – *«предложение»*, видовая сема – *«единство предикативного ядра»*.

Наличие у термина предложение архисемы *«категория синтаксиса»* ставит этот термин в один ряд с термином **словосочетание**. Это семантический компонент не противопоставляет данный термин другим в пределах синтаксической терминосистемы. Признаки, отраженные в семях *«грамматическая оформленность»*, *«наличие интонации»*, *«предикативность»*, отграничивают термин **предложение** от термина **словосочетание**. Видовая сема термина **простое предложение** *«единство*

предикативного ядра», противопоставляет эту терминоподдиницу **сложному предложению**.

Интересно, что именно интонация, по Виноградову, является «грамматическим средством оформления предложения и выступает в качестве одного из постоянных характерных признаков предложения, именно в этом признаке – в наличии интонации сообщения – заключается одно из коренных отличий предложения от словосочетания».¹

Семантическая структура термина **предложение** в «Русской грамматике» такова:

Архисема – «*сообщающая единица*», что ставит предложение в один ряд со словосочетанием и особыми единицами сообщения, которые «не имеют собственных грамматических характеристик и объединяются с грамматическими предложениями функционально».² Наличие дифференциальной семы «*грамматическая единица*» отражает важный элемент синтаксической теории РГ: подчеркивается выделяется важность именно грамматического, формального подхода, для авторов грамматики в первую очередь важна грамматическая структура предложения, наличие неких синтаксических образцов, по которым строится предложение, что отражается и в дифференциальной семе «*построение по синтаксическому образцу*». На концепцию авторов РГ повлияли работы членов Пражского лингвистического кружка и их учение об актуальном членении предложения, что отразилось в семе «*наличие темы и ремы*». Об отличии предложения от других единиц свидетельствуют также дифференциальные семы «*коммуникативность*», «*предикативность*». Семы «*наличие категориальной синтаксической структуры*», «*способность вступать в синтаксические отношения с другими грамматическими единицами*» можно отнести к ассоциативным.

В «Чешской грамматике» Гавранека система единиц языка представляют собой что-то вроде матрешки, простейшие единицы складываются в более сложные, и это отражено в архисеме термина **предложение** «мысль, выраженная словами».³ В дифференциальных семах отражены важнейшие признаки предложения: «закрепленная грамматическая форма», «выражение отношения говорящего к выражаемой действительности», «связь содержания с ситуацией». Интересно, что эти признаки напоминают сформулированные иначе дифференциальные семы «построение по синтаксическому образцу и «предикативность» (АГ-54, РГ-89).

¹ *Грамматика русского языка*. т.2. 1954. Москва: Издательство Академии наук СССР. с. 76

² ШВЕДОВАЯ. Н.Ю. – ЛОПАТИН В.В. 1989. *Русская грамматика*. Москва: Русский язык 1989. с. 404

³ *Myšlenka, která je vyjadřena slovy*. Здесь и далее перевод с чеш. автора статьи.

Структура термина предложение у Грeпла выглядит следующим образом: архисема – «элементарная единица текста», дифференциальные семы: «интонационная закрытость», «коммуникативная функция», «наличие значения, наличие содержания», «грамматическая структура», «наличие темы и ремы». Привлекает внимание факт, что в концепции Грeпла **предложение** и **высказывание** (věta/výpověď) – синонимы, поэтому семантическая структура этих терминов совпадает.

Иерархия семантических компонентов представлена в таблице 1.

Таблица 1. Семантические компоненты термина **предложение**

автор	В.В. Виноградов	Русская грамматика	Česká mluvnice Havránek-Jedlička	Skladba spisovné češtiny M. Grepl
архисема	<i>единица речи, категория синтаксиса</i>	<i>сообщающая единица</i>	<i>Myšlenka, která je vyjádřená slovy</i>	<i>Elementární jednotka textu</i>
дифференциальная сема	<i>целостная единица речи, грамматическая оформленность, наличие интонации, средство формирования, выражения и сообщения мысли, предикативность,</i>	<i>грамматическая единица, построение по синтаксическому образцу, коммуникативная функция, предикативность, наличие темы и ремы,</i>	<i>ustalená mluvnická podoba, vyjádření stanoviska mluvčího k vyjadřované skutečnosti, souvislost obsahu se situací</i>	<i>Intonační uzavřenost, komunikativní funkce, význam, obsah, mluvnická (syntaktická) struktura, téma a réma</i>
ассоциативная сема		<i>наличие категориальной синтаксической структуры, способность вступать в синтаксические</i>		

		<i>отношения с другими грамматическими единицами</i>		
--	--	--	--	--

Зачастую термины **предложение** и **простое предложение** используются как синонимы и как варианты одного термина. Интересно, что иногда ученые, описывая простое предложение, указывают общие характеристики для любого предложения (напр., «Простое предложение является тем построением, в котором прежде всего находят свое конструктивное применение словосочетание и форма слова»⁴). Слово простой иногда выпускается при использовании составных терминов для экономии, например, **простое распространенное предложение – распространенное предложение, простое двусоставное предложение – двусоставное предложение.**

При анализе семантической структуры термина **простое предложение (АГ-54)** можно выделить следующие компоненты значений: архисема – «*предложение*», видовая сема, признак, отличающий простое предложение от сложного, – «единство предикативного ядра». Несмотря на различие концепций, иерархия сем в АГ-54 и РГ-89 очень похожи, но у термина в РГ-89 есть и ассоциативная сема – «*участвует в формировании сложного предложения*».

У Гавранека архисема термина **простое предложение**⁵ – «*предложение*», видовая сема – выражение одной мысли. Такая связь предложения с выражаемой мыслью не типична для второй половины 20 века, подобные идеи были популярны в 18-19 вв., когда синтаксис был более тесно связан с логикой и философией.

И когда речь заходит о термине **простое предложение**, различия во взглядах ученых проявляются четче. Семантическая структура термина **простое предложение** зафиксирована в таблице 2. Особый интерес представляет концепция Грепла, потому что он не пользуется термином **простое предложение (jednoduchá věta)**. В его работе термин **предложение (věta)** часто используется как синоним термину **высказывание (vypověď)**, обычная оппозиция терминов со значением **простое предложение – сложное предложение** представлена противопоставлением терминов **vypověď – souvětí**.

Таблица 2. Семантические компоненты термина **простое предложение**

⁴ ШВЕДОВАЯ, Н.Ю. ЛОПАТИН В.В. 1989. *Русская грамматика*. Москва: Русский язык 1989. с. 405

⁵ Jednoduchá věta.

автор	В.В. Виноградов	Русская грамматика	Česká mluvnice	Skladba spisovné češtiny
архисема	<i>предложение</i>	<i>предложение</i>	<i>věta</i>	
видовая сема	<i>единство предикативного ядра</i>	<i>наличие предикативной основы</i>	<i>Vyjádření jedné myšlenky</i>	
Ассоциативная сема		<i>участвует в формировании сложного предложения</i>		

Особенности семантической структуры терминов **предложение** и **простое предложение** обусловлены взглядами ученого, использующего данные термины, и всей его концепцией. Именно поэтому наличие или отсутствие определенных сем базового термина, несомненно, влияет на состав и структуру терминосистемы. Данный анализ показал нам, что, когда заходит речь о термине простое предложение, различия в концепциях, взглядах проявляются отчетливее, ярче. Напр., Грепл даже отказывается от традиционного термина *jednoduchá věta* (простое предложение), а Гавранек возвращается к традициям 19 века, считая отличительной чертой простого предложения способность выражать одну (а не несколько) мысль.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. ГОЛОВИН, Борис – КОБРИН Рафаил. 1987. *Лингвистические основы учения о терминах*. Москва: Высшая школа, 1987. 105 с.
2. *Грамматика русского языка*. т.2. 1954. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1954. 443 с.
3. ШВЕДОВАЯ. Н.Ю – ЛОПАТИН В.В. 1989. *Русская грамматика*. Москва: Русский язык, 1989. 639 с.
4. HAVRÁNEK, Bohuslav – JEDLIČKA, Alois. 1963. *Česká mluvnice*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1963. 561 s.
5. GREPL Miroslav, KARLÍK Petr. 1989. *Skladba spisovné češtiny*. 2. vyd. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1989. 474 s.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗВУКОВЫХ ОБРАЗОВ В ПОЭЗИИ Б. ПАСТЕРНАКА

Девизова Анна Владимировна, кандидат филологических наук

Кафедра русского языка, Филологический факультет научного исследовательского Томского государственного университета в Томске, deagirl@mail.ru

ABSTRACT: Present contribution is focused on sound characteristics of objects of perception presented in Boris Pasternak's poetry. Predicate is the basis of syntactic model of perception situation in lyrics of the studied author, however non-predicative method is also productive for verbalization of semantics of aural perception. This method is represented by a wide range of linguistic units with the seme «sound» and some marks of acoustic sense.

Обращение к творческому языковому сознанию предоставляет возможность для раскрытия потенциала языка, проявляющегося на различных уровнях. При этом описание и анализ языковых единиц со значением того или иного типа чувственного восприятия и специфики его функционирования в творчестве конкретного автора является одним из самых продуктивных способов изучения идиостиля в рамках лингвоперсонологического подхода. С этой точки зрения изучался идиостиль И. Бунина, Ю. Балтрушайтиса, С. Есенина, В. Брюсова и др.

Слух (наряду со зрением) стоит во главе иерархически организованной сенсорной системы и играет важнейшую роль в жизнедеятельности человека. Звукообразы зачастую имеют особую смысловую нагрузку в рамках творчества того или иного автора. Например, в стихотворениях В. Соловьева звукообразы выделяются как специфическая художественная категория, представленная «в контексте творчества писателя семантической насыщенностью и философско-эстетической значимостью».¹

В предлагаемой статье материалом для исследования послужили 499 стихотворений Б. Пастернака.² Необходимо отметить, что именно слуховое восприятие (далее СВ) является чувственной доминантой в лирике Б. Пастернака: способность

---

¹ KORYČANKOVÁ, Simona. 2013. *Лексико-семантическое оформление философски значимых образов в поэзии В. С. Соловьева*. Brno: Tisk Books Print, 2013. с. 122.

² После цитирования стихотворения в статье в скобках указывается его номер в соответствии с нумерацией в сборнике: ПАСТЕРНАК, Борис. *Стихотворения и поэмы: в 2 томах*. Ленинград: Сов. писатель, 1990. Т. 1. 504 с. Т. 2. с. 368.

слышать и быть услышанным может быть названа первичной по отношению к иным перцептивным свойствам субъекта и объекта восприятия.

Языковые единицы с семантикой СВ выполняют в поэзии Б. Пастернака смыслообразующую и текстообразующую функции. Звуки в стихотворениях Б. Пастернака «оживают», звучит весь мир, а слух лирического героя всегда обострен до предела. Для актуализации соответствующих смыслов в тексте используется как предикативный, так и непредикативный способ. Разница видна, например, в процессе сравнительного анализа редакций одного и того же поэтического текста. Так, стихотворение «Венеция» имеет два варианта (10 и 336). Данные и выводы сравнительного анализа представлены в табл. 1.

Таблица. 1. Сравнительный анализ редакций стихотворения «Венеция»

№ строфы	Первоначальный вариант, 1913 г.	Итоговый вариант, 1928 г.	Выводы
1	<i>Я был разбужен спозаранку / Бряцаньем мутного стекла</i>	<i>Я был разбужен спозаранку / Щелчком оконного стекла.</i>	Изменяется качество звука (не форма выражения)
2	<i>Висел созвучьем Скорпиона / Трезубец вымерших гитар, / Еще морского небосклона / Чадающий не касался шар</i>	<i>Все было тихо, и, однако, / Во сне я слышал крик, и он / Подобьем смолкнувшего знака / Еще тревожил небосклон</i>	Непредикативный способ сменяется предикативным. При этом ситуация отсутствия звучания представлена сочетанием <i>вымерших гитар</i> , на смену приходят лексемы <i>тихо</i> и <i>смолкнувшего</i>
3	<i>В краях, подвластных зодиакам, / Был громко одинок аккорд. / Трехжальем не</i>	<i>Он вис трезубцем Скорпиона / Над стихших гладыю мандолин / И женщиною</i>	<i>Аккорд</i> сменяется криком; противопоставление звучания и тишины усиливается

	<i>встревожен знаком, / Вершил свои туманы порт</i>	<i>оскорбленной, / Быть может, издан был вдали</i>	добавлением слова <i>стиших</i>
4	–	<i>Теперь он стих и черной вилкой / Торчал по черенок во мгле</i>	Ситуация СВ во второй редакции заканчивается указанием на отсутствие СВ
5	–	–	–
6	<i>И пеной бешеных цветений, / И пеною взбешенных морд / Срывался в брезжущие тени / Руки не ведавший аккорд</i>	–	Ситуация СВ в первой редакции заканчивает стихотворение композиционно и разворачивается в ситуацию звучания

Распределение лексики с семантикой СВ в двух вариантах, таким образом, равномерно, но не идентично по своему качеству: с течением времени ситуация СВ меняет свое значение и место в тексте. В первой редакции проанализированного стихотворения акцент сделан на звучании музыкального свойства (*гитары, аккорд* – 2 словоупотребления), во второй – ситуация СВ организована как чередование громкости звуков – то вокруг становится тихо, то вновь слышен крик. Этот факт отражает эволюцию поэтического восприятия и поэтической «перцептивной» картины мира Б. Пастернака.

Как видно, предикативный и непредикативный способы могут сменять друг друга, выполняя различные авторские задачи.

Непредикативный способ связан с вербализацией в тексте индивидуально-авторской модели восприятия и репрезентирован большим разнообразием существительных (номинативные предложения), прилагательных, причастий, деепричастий, наречий.

Роль существительных с семой «звук» в организации ситуации СВ может быть различной. Они выступают в качестве объекта ситуации собственно СВ (*Во сне я слышал крик* (10)), субъекта и объекта ситуации звучания (*Он [гул] снится мне за*

массой действий <...> И подымает страшный шум (167)), квалификатором (Где-то с шумом падает вода (177)). Такие существительные могут организовывать ситуацию СВ непредикативным способом: *Шелест* налившихся слив (432). В поэзии Б. Пастернака существительные с семантикой СВ представлены следующими группами слов:

– существительные, связанные со звуками, издаваемыми человеком: *крик, вскрик, вопль, стон, смех, хохот, шепот, голос, голошенье, реплики, возглас, выклик, рыданье, плач, всхлип, пыхтенье, отголосок, стенанье, храп, таратор, шушуканье, хрип, визг, нытье, взрыды, всхнык* и др.;

– существительные, связанные со звуками, издаваемыми животными: *лай, вой, клекот, тьяканье, рычанье, бляенье, щебет, фыркание*;

– существительные, обозначающие звуки особого качества и способ их распространения: *щелчок, щелканье, шорох, шелест, гром, скрежет, шипение, завыванье, плеск, плескание, топот, стук, звон, треск, шарканье, гул, грохот, рокот, свист, гуденье, бряцанье, лязг, лясканье, копошенье, хрустенье, хряск, залп, раскат, бой, хлопанье, клохтанье, эхо*;

– существительные, связанные со звучанием и пением: *музыка, песня, мелодия, мотив, пенье, хор, хорал, альт, фальцет, марш, аккорд, колокол, соната*;

– существительные, обозначающие присутствие/отсутствие звука вообще и его характеристику: *звук, шум, гам, гул, галдеж, гомон, тишина, тишь, молчанье, затишье, безмолвие, звонкость, затишь*;

– существительные, обозначающие способность/неспособность слышать: *глухота, слух*;

– звуки, издаваемые специальными инструментами: *свисток, звоночек*;

– соматизмы: *уши, глотка, горло, рот, уста, язык, губы*;

– характеристика поведения человека: *тихоня, горлопан, рассказчик, слушатель*.

Использование просторечных (*хряск*), разговорных форм (*галдеж*), устойчивых сочетаний (*тишь гробовая*), образование окказионализмов (*взрыды, всхнык*) говорит об использовании поэтом всех возможностей, предоставляемых языком, для передачи своих ощущений и идей через звукообразы.

Наблюдается нанизывание звуков для создания полного, полифонического звукового образа, усиления эффекта, например в стихотворении «Определение поэзии» дается следующая характеристика центрального образа: «*Это – круто налившийся свист, / Это – щелканье сдавленных льдинок, / Это – ночь, леденящая лист, / Это – двух соловьев поединок*» (71).

Для этой же цели используются лексические повторы. Например: «*И рассыпал гармонист / Снова на баяне / Плеск ладоней, блеск монист, / Шум и гам гулянья. // И опять, опять, опять / Говорок частушки / Прямо к спящим на кровать / Ворвался с пирушки. // А одна, как снег, бела, / В шуме, свисте, гаме / Снова павой поплыла, / Поводя боками*» (272). Такой прием «нанизывания» репрезентируется ситуацией звучания, выраженной существительными.

Полные прилагательные, выступающие в качестве квалификатора звука, характеризуют и другие явления и предметы действительности, привнося в контекст семантику СВ в виде свернутой пропозиции (часто это осуществляется посредством метафоризации):

1. Громкость: *тихий, громче, звонкий, шумный, громогласный, наиглушайший.*

2. Качество звука или голоса: *гундосый, гулкий, сильный, хриплый, раскатистый, певческий, певучий, напевный, скрипучий.*

3. Характеристика относительно способности издавать/воспринимать звуки: *говорливый, горластый, крикливый, молчаливый, безгласный, немой (немы), глухой (глух), шумный (шумней), неслышный, немолчный, полношумны.*

Прилагательное *глухой* нередко демонстрирует вторичные значения в контекстах (в бору глухом, в глухой лощине и т.п.).

В стихотворениях Б. Пастернака встретились следующие причастия, содержащие свернутую пропозицию СВ: *услышанный, отвеивший, рыдающий, гремящий, хохочущий, гудевший, шелестящий* и др.

Помимо одиночных употреблений существительных, прилагательных и причастий с семантикой СВ, непредикативный способ репрезентации ситуации СВ представлен:

– деепричастиями: *слыша, крича, заслышав, щелбеча, свища, ляская, разлаявшись, шумя, жужжа, онемев, смеясь, стуча, гремя, окликаая, рыдая* и т.д.;

– наречием, категорией состояния: *громко, тихо (тише), тихомолком, молча, молчаливо, крикливо, глухо, вслух, беззвучней, гулко, нараспев, охрипло, втихомолку.*

Ситуация звучания репрезентируется также звукоизобразительными и звукоподражательными единицами языка³: «*И возникающий в форточной раме / Дух*

³ МИШАНКИНА, Н. А. 2002. *Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. с. 5.

сквозняка, задувающий пламя, / Свечка за свечкой / явственно вслух: / Фук. Фук. Фук. Фук» (241).

Следует отметить, что в поэтических текстах Б. Пастернака преобладают комбинированные способы репрезентации СВ. Для ситуации звучания характерны принцип дополнения и расширения звукового образа (с этим связана полипропозитивность многих высказываний со значением СВ). Например, так создается яркий звуковой образ весеннего оживления в стихотворении «Чирикали птицы и были искренни...» (147): пробуждение природы связано с появлением большого многообразия звуков, и поэту нужно усилить, «оживить» их. Помимо повторения предложения *чирикали птицы* в пределах одной строфы встречаем дополнительно лексемы *немолчное пенье, щелканье, цокал*.

В некоторых контекстах лексемы, не содержащие сему «звук» непосредственно (маркеры), могут рассматриваться как косвенное и более сложное средство выражения ситуации восприятия.

Одним из примеров маркера СВ служит лексема *соловей* (в узусном и символическом понимании ассоциируется с пением: «маленькая певчая перелетная птица сем. дроздовых, с серовато-бурым оперением, отличающаяся красивым пением»⁴). У Б. Пастернака встречаем: *Это – двух соловьев поединок* (71); в контексте явно представлена ситуация звучания, а не физической схватки птиц. Всегда остается вероятность, что оригинальность поэтического сознания не связывает образ с тем, с чем его связывают все остальные. Подтверждение или опровержение этому мы находим в текстах: «*Соловьи славословьем грохочущим / Оглашают лесные пределы* (265); *Бился, щелкал, царил и сиял соловей* (101); *Как гулкий колокол набата / Неистовствовал соловей»* (266) и др. Видно, что ассоциации между соловьем и издаваемыми им звуками отражены в стихотворениях. Лексема *соловей* встречается в стихотворениях Б. Пастернака 7 раз и является маркером СВ.

То же касается лексемы *петух* (пение петуха является признаком раннего утра⁵). В текстах Б. Пастернака эта птица нередко предстает субъектом в ситуации звучания на формальном уровне: «*На том конце, где громыхали дрожки, / Запел петух* (186); *И где-то за лесной трясинной / Поют в селенье петухи»* (301). В другом высказывании лексема

⁴ ЕВГЕНЬЕВА, А. П. 1999. *Словарь русского языка: в 4 томах*. 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. с. 191.

⁵ ЕВГЕНЬЕВА, А. П. 1999. *Словарь русского языка: в 4 томах*. 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. с. 116.

петух выступает как маркер звука, что подтверждаются и окружающим контекстом: «**Шарманка** ль, **петух** или **окрик татар**, / **Иль хрипы** хронических гриппов, / **Но ясны клики**: „Готовься, готовься“ <...>». В следующем примере метафорически представлен крик испуганного петуха, хотя субъектом на формальном уровне является уже чувство страха: происходит перегруппировка понятий, их художественное переосмысление: «**Но вот петухи** начинали пугаться / **Потемок** и силились скрыть перепуг, / **Но в глотках** рвались холостые фугасы, / **И страх фистулой** голосил от потуг» (46). Слово *петух* моментально отсылает нас к ситуации СВ, которая разворачивается далее.

В стихотворении «Осенний лес» ситуация СВ пронизывает весь текст, представлена она через крики петуха, которые репрезентированы самыми разнообразными лексемами с семантикой звучания; многочисленные лексические повторы усиливают эффект звучания: «**Петух** свой **окрик прогорланит**, / **И вот он** вновь надолго **смолк**, / **Как будто он** раздумьем занят, / **Какой в запевке** этой толк. // **Но где-то в дальнем** закоулке / **Прокукарекает** сосед. / **Как часовой** из караулки, / **Петух откликнется** в ответ. // **Он отзовется** словно эхо, / **И вот, за петухом петух** / **Отметят глоткою**, как вехой, / **Восток и запад**, север, юг. // **По петушиной** переключке / **Расступится к опушке** лес / **И вновь увидит** с непривычки / **Поля и даль и синь** небес» (301). Стоит отметить, что такие названия, как «Петухи» или «Дрозды», сигнализируют о дальнейшем развертывании ситуации звучания, которая является формальной и семантической основой текстов. «Пение» птиц связывает мир природы и мир музыки: наверное, по этой причине можно говорить о наличии целой группы «птичьих» звуковых маркеров в поэзии Б. Пастернака: «**И на пруду** цвели кувшинки, / **И птиц** безумствовали оргии» (259).

Примеры «звукового» маркирования представляют собой названия музыкальных инструментов, фамилии композиторов; лейтмотивными звуковыми образами в поэзии Б. Пастернака являются бой часов и звуки шагов. Последние демонстрируют теснейшую связь семантики звучания и движения (ср.: «**Чтобы под ладонью** / **Слушать**, как **поет** / **Бегство и погоня**, / **Трепет и полет**» (472)). Лексема *бег* также подразумевает наличие звуковой составляющей значения: «**Вдруг бег** пса / **Пробуждает сад**» (96).

Лексема *шаги* становится маркером звука, реализуя свое вторичное значение «звуки, возникающие при таком движении»⁶. Такие звуки могут иметь дополнительную

⁶ ЕВГЕНЬЕВА, А. П. 1999. *Словарь русского языка: в 4 томах.* 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. с. 696–697.

звуковую характеристику (*скрипучие шаги, хрустят шаги, трещат шаги, замолкли шаги*) или же характеризовать через специфику звука шагов другие объекты. Например, Москва представляется лирическому герою так: «*Она **гремит**, как только кандалы / Греть умеют **шагом** арестанта* (426); звук тишины сравнивается с беззвучным «шагом» гепарда: *И только **шагом** схожая с гепардом, / В одной из крайних комнат тишина*» (178).

Одинокое употребление слова *шаги* также актуализирует ситуацию СВ в процессе комплексного восприятия: «*Обрывки цветов, и **шаги**, / И приторный привкус эфира* (214); *Где ж начинаются пустые небеса, / Когда, куда ни глянь, – без передышки / В **шаги**, во взгляды, в сны и в голоса / Земле врываться, век стуча задвижкой!* (426); *Ждет – улягутся. Вдруг – гигант из **затемн**, / И другой. **Шаги**. «Тут есть болт». / **Свист и зов: тубо!**» (96). Во всех этих контекстах *шаги* – это маркеры ситуации СВ (ср.: «*Дорога под луной бела, / Казалось, **полнилась шагами***». А. Блок).*

Таким образом, специфика представления СВ в лирике Б. Пастернака заключается в маркировании ситуации звучания: маркеры играют особую роль не только для «встраивания» в сжатую форму емкого содержания, но и для демонстрации системы поэтического миропонимания, которое воспринимает мир в едином комплексе ощущений и ассоциаций. В целом следует отметить, что в исследуемых текстах преобладают комбинированные способы репрезентации СВ. Для ситуации звучания характерны принцип нанизывания, дополнения и расширения звукового образа, с чем связана полипропозитивность многих высказываний со значением СВ.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. KORYČÁNKOVÁ, Simona. 2013. *Лексико-семантическое оформление философски значимых образов в поэзии В. С. Соловьева*. Brno: Tisk Books Print, 2013. 202 s. ISBN 978-80-210-6658-8.
2. ЕВГЕНЬЕВА, А. П. 1999. *Словарь русского языка*: в 4 томах. 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. ISBN 5-87548-048-3.
3. МИШАНКИНА, Н. А. 2002. *Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 23 с.
4. ПАСТЕРНАК, Борис. 1990. *Стихотворения и поэмы*: в 2 томах. Ленинград: Сов. писатель, 1990. Т. 1. 504 с. ISBN 5-265-01643-1.
5. ПАСТЕРНАК, Борис. 1990. *Стихотворения и поэмы*: в 2 томах. Ленинград: Сов. писатель, 1990. Т. 2. 368 с. ISBN 5-265-01643-1.

~ Translatologická sekcia ~

REÁLIE V INTERNETOVÝCH MÉDIÁCH AKO PREKLADATEĽSKÝ PROBLÉM

Mgr. Andrej Zahorák

Katedra translológie, Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre
andrejzahorak@gmail.com

РЕЗЮМЕ: В данной статье предметом рассмотрения является перевод реалий из интернет-СМИ с русского языка на словацкий – проводится их сравнительный анализ. Классификация реалий осуществляется по С. Влахову и С. Флорину (2009), в том числе учитываются оптимальные и негативные трансформации. В конце даётся комплексное резюме несовпадающих решений перевода реалий в интернет-СМИ.

S reáliami a ich prekladom sa stretávame vo všetkých funkčných jazykových štýloch a žánroch. Vyskytujú sa v beletristických textoch, ale ich výskyt nie je zanedbateľný ani v hovorovom, publicistickom, náučnom a dokonca aj v administratívnom štýle. Keďže preklad reálií patrí k tzv. „úskaliam“ prekladateľa, vyžaduje si nielen preukázanie odbornej prekladateľskej kompetencie, ale aj celkové spoločenské, kultúrne a historické vedomosti a znalosti východiskového ako aj cieľového jazyka a kultúry. Presné ekvivalenty v cieľovom jazyku totiž často nenachádzame a hoci ruština a slovenčina patria k slovanským jazykom, ktoré sú blízko príbuzné, aj v rámci týchto dvoch jazykových systémov býva preklad reálií často problematický.¹ Hovoríme o tzv. nepreložiteľnosti, ktorá sa spája s transferom textu do cieľového jazyka, kultúry ako aj s otázkou naturalizácie, exotizácie a pod. Nepreložiteľnosť istých prvkov textu je možná, ale pokiaľ vnímame text ako celok, je preložiteľný.²

Vymedzenie reálií

„Reálie ponímame ako skutočnosti, javy, resp. poznatky z geografie, histórie, ekonomiky, politiky, spoločenského diania, literatúry, umenia, vedy, techniky a pod., čiže všetky entity, ktoré spoločne vytvárajú kultúru určitej krajiny a národa, resp. národov.“³ A. Popovič definuje reálie ako prvky kultúrneho kódu, ktoré sa realizujú v téme originálu. Výrazy, ktoré sa vzpierajú preložiteľnosti sú späté s príslušnou kultúrou národa, so stupňom technického

¹ porov. DEKANOVA, E. – LEKAREVA, I. 2012. *Reálie a preklad (realita vs. tradícia, norma a úzus)*. In: *Preklad a kultúra 4*. Nitra: UKF, 2012. ISBN 978-80-558-0143-8, s. 279-285.

² porov. POPOVIČ, A. 1983. *Originál-preklad*. Bratislava: Tatran, 1983. s. 174.

³ DEKANOVA, E. – LEKAREVA, I. 2012. *Reálie a preklad (realita vs. tradícia, norma a úzus)*. In: *Preklad a kultúra 4*. Nitra: UKF, 2012. ISBN 978-80-558-0143-8, s. 279-285.

rozvoja atď. Ide napríklad o miery, váhy, názvy mincí, zbrane, jedlá, nápoje, hudobné nástroje, spoločenské skupiny a i.⁴

N. Cartagena chápe reálie ako špecifické, kultúrne podmienené prvky, ktoré majú politický, inštitucionálny, sociálny alebo geografický charakter.⁵ Cartagena pracuje na vytvorení databanky reálií v Heidelbergskom inštitúte pre preklad a tlmočenie, pričom v databanke sú zmapované reálie z rôznych oblastí – geografia, etnografia, história, mytológia a i.

Translácia reálií v internetových médiách

V príspevku sa zameriavame na preklady konkrétnych reálií v internetových médiách a následné skúmanie adekvátnosti ich translácie z ruského do slovenského jazyka. Zdrojom bola ruská stránka <http://rus.ruvr.ru/> – *Голос России*, ktorá uverejňuje aktuálne správy z rôznych oblastí – politiky, ekonomiky, vedy a techniky, kultúry, pričom je prekladaná do rôznych jazykov – angličtina, francúzština, španielčina a i. Pre potreby nášho výskumu sme sústredili pozornosť na stránku slovenských prekladov <http://slovak.ruvr.ru/>. Reálie systematicky zaradujeme do skupín podľa klasifikácie S. Vlachova a S. Florina.⁶ Naším cieľom je zdôrazniť aj zložitosť prekladu bezekvivalentnej lexiky a poukázať na to, že pri mnohých prekladoch v internetových médiách snád ani nedochádza k jednotlivým fázam prekladateľského procesu. V praxi sa čoraz častejšie stretávame s javom, že prekladateľovi sa nepodarí vytvoriť adekvátny preklad. Dôvodom môže byť skutočnosť, že samotný prekladateľ nerešpektuje špecifiká originálu, častejšie sa ale objavujú prípady nepochopenia východiskového textu, keď prekladateľ nesprávne prekóduje príslušné roviny – morfológickú, syntaktickú, lexikálnu, štylistickú. Doslovný preklad nie je taktiež v mnohých prípadoch správnym prekladateľským riešením, hoci sa prekladateľ uchýľuje práve k tomuto prekladateľskému postupu.

Jedným z dôvodov neadekvátnych prekladov môže byť aj skutočnosť, že v mnohých prípadoch patrí autorstvo prekladu nositeľom ruského jazyka. Autorizované sú iba niektoré preklady, väčšina prekladateľov sa neuvádza, čo je však pri neliterárnych prekladoch bežným javom. Súčasne sa domnievame, že autori analyzovaných prekladov nemajú v procese prekladu ucelenú prekladateľskú koncepciu ani stratégiu. Na osi približovania (exotizácia), resp. vzdďalovania sa (naturalizácia) od východiskového textu, možno uvedené transláty hodnotiť

⁴ porov. POPOVIČ, A. 1971. *Poetika umeleckého prekladu*. Bratislava: Tatran, 1971. S. 14.

⁵ porov. CARTAGENA, N. 2005. *Persilschein und Glockenturm* [cit. 20-11-2013] <<http://www.uni-heidelberg.de/uni/presse/rc11/4.html>>

⁶ ВЛАХОВ, С. И. – ФЛЮРИН С. П. 2009. *Непереводимое в переводе. 4 -е издание*. Москва: Валент, 2009. 360 с. ISBN 978-5-93439-256-8. С. 51.

ako exotizujúce, čo je zrejme opätovne determinované národnou príslušnosťou prekladateľov daných textov.

Uvedieme príklady z našej excerpcie podľa jednotlivých skupín. V texte analýzy pracujeme so skratkami VT = východiskový text; CT = cieľový text; NP = navrhovaný preklad.

Etnografické reálie

a) Umenie a kultúra – divadlo, film: VT → *В конкурсе на ее получение в 2013 году участвуют 56 новых постановок 46 театров.* CT → *Na súťaži sa tento rok zúčastňuje 56 nových hier a 46 divadiel*

V tomto prípade bola lexéma *постановка* preložená ako *hra* (divadelná). Tento preklad je akceptovateľný, my by sme ale zvolili ekvivalent *inscenácie*, ktorý v divadelnom umení zastrešuje spracovanie divadelnej hry, ale aj opery. Inscenácia – úprava, spracovanie na istý druh inscenovania, napr. divadelná, rozhlasová inscenácia.⁷ V preklade nachádzame nelogickú formuláciu, ktorá vznikla z dôvodu nesprávneho syntagmatického skladu, keď prekladateľ využil viacnásobný podmet – *56 nových hier a 46 divadiel*. V origináli sa hovorí, že súťaže sa zúčastní 56 nových hier štyridsiatich šiestich divadiel, čiže potrebné je zmeniť aj poradie vetných členov. NP → *Na súťaži sa v roku 2013 zúčastní 46 nových divadiel s 56 novými inscenáciami.*

b) Umenie a kultúra – výtvarné umenie: VT → *Морские пейзажи известного крымского художника-мариниста экспонируются в Центральном доме художника* CT → *V Moskve sa v Centrálnom dome umelca vystavujú morské krajinky krymského umelca – marinistu Sergeja Grigoraša.*

V tomto prípade zaznamenávame jeden negatívny posun. Ide o termín z oblasti maliarstva *морские пейзажи*, prekladateľ text determinologizoval, keď ho preložil ako *morské krajinky*. Vo výtvarnom umení má obraz, na ktorom je znázornené more, svoje presné pomenovanie – je to *marína* (z lat. mare – more, fr. marine – časť mora). Marína vo výtvarnom umení predstavuje motív voľného mora alebo mora pri pobreží. More je zobrazované za rôznych prírodných podmienok – bezvetrie, búrka, ale aj s rôznymi objektmi – s loďami alebo bez nich. Autor zachytáva prírodný ráz pevniny a morský živel, ale často aj život rybárov či prístavy⁸. Umelec, ktorý tvorí maríny je teda marinista (maliar mora). V prípade prekladu termínu *маринист* sme využili postup generalizácie (*krymský umelec*), aby nedošlo

⁷ porov. KAČALA, J. – PISARČIKOVÁ, M. 1997. *Krátky slovník slovenského jazyka*. Tretie doplnené a upravené vydanie. Bratislava: Veda, 1997. 943 s. ISBN 80-224-0464-0, s. 212.

⁸ porov. KUBIČKA, R., et. al. 2006. *Výkladový slovník: Malířství, grafika, restaurátorství*. Praha: Grada Publishing, 2006. 341 s. ISBN 80-247-9046-7, s. 214.

k opakovaniu lexém s rovnakým slovotvorným základom. **NP**→ *Марины известного крымского уелса Сергея Григораша сý vystavené v Centrálnom dome umenia v Moskve.*

c) Náboženstvo: **VT**→ *На Богослужении присутствовали не только представители разных конфессий, но и политического истеблишмента страны.*
CT→ *Na službe v chráme boli prítom predstavitelia rôznych konfesií a politických strán.*

Богослужение prekladateľ preložil ako *služba*, čo pokladáme za neadekvátne prekladateľské riešenie. Prvotný význam slova *služba* je vykonávanie práce za plat, pravidelné vykonávanie povolania alebo nejakej činnosti.⁹ Je teda jasné, že ekvivalent zvolený prekladateľom je neprípustný. V slovenčine sa v súvislosti s náboženským obradom používa termín *bohoslužba* – náboženská ceremónia, resp. obrad. Pripomienky máme aj k prekladu druhej časti vety. V slovenskom preklade bolo ponechané slovo cudzieho pôvodu *konfesia* (z lat. *confessio* – *конфессия* v ruštine). *Slovník cudzích slov* vysvetľuje termín *konfesia* nasledovne – *konfesia* – náboženské vyznanie, vyznanie viery: byť bez konfesie – bez vyznania. Ponechanie lexémy cudzieho pôvodu v cieľovom texte nepovažujeme za adekvátne, nahradili by sme ju domácim náprotivkom *náboženské vyznanie*. Prekladateľ nesprávne prekódoval informáciu z východiskového do cieľového jazyka, keď *политический истеблишмент страны* preložil ako *politické strany*. Nazdávame sa, že celkom nepochopil zmysel výpovede v origináli. *Истеблишмент* – z angl. *Establishment* v prenesenom význame označuje politickú elitu, skupinu významných politických predstaviteľov. Ide o ľudí, ktorí zastávajú vedúce postavenie v sociálno-politickom systéme. Práve z tohto dôvodu generalizáciu zo strany prekladateľa a slovenský preklad – *politické strany* nepovažujeme za vhodný. **NP**→ *Na bohoslužbe boli prítomní nielen predstavitelia rôznych náboženských vyznaní, ale aj politická elita.*

d) Život – doprava, dopravné prostriedky: **VT**→ *Они посещают Пушкинский музей, катаются на речном теплоходе.* **CT**→ *Navštívia Puškinské múzeum, povožia sa na riečnom parníku.*

Preklad názvu múzea *Puškinské múzeum* nie je adekvátny. Jeho oficiálny názov v ruštine je *Государственный музей изобразительных искусств имени Александра Сергеевича Пушкина*, do slovenčiny sa prekladá ako *Štátne múzeum výtvarných umení Alexandra Sergejeviča Puškina*. Používa sa aj skrátená forma názvu – *Пушкинский музей*. Optimálnym prekladateľským riešením by bolo využitie formy nezhodného prívlastku genitívom substantíva – *Múzeum Puškina*, poprípade *Puškino múzeum*. *Речной теплоход*

⁹ porov. KAČALA, J. – PISARČIKOVÁ, M. 1997. *Krátky slovník slovenského jazyka*. Tretie doplnené a upravené vydanie. Bratislava: Veda, 1997. 943 s. ISBN 80-224-0464-0, s. 650

preložil prekladateľ ako *riečny parník*, nie je to adekvátny preklad. Parník (po rusky *пароход*), teda loď na parný pohon, sa predsa v origináli nespomína. Autor hovorí o *меллоходе* – motorovej lodi, ktorá slúži predovšetkým na prepravu turistov s cieľom rekreácie. V slovenskej terminológii sa pre loď s takýmto účelom využíva pomenovanie riečna výletná loď. NP→ *Navštívia Múzeum Puškina, budú sa plaviť na riečnej výletnej lodi.*

Spoločensko-politické reálie

a) administratívno-územné usporiadanie – administratívno-územné časti: VT→ *Географически озеро Лабынкыр находится в Оймяконском районе на востоке Якутии.* CT→ *Geograficky jazero Labyňkyr leží na východe Jakutska.*

Doslovný preklad slova *географически* – *geograficky* nie je vhodným riešením. Nahradili by sme ho slovným spojením z geografického hľadiska. Pokiaľ by bol text určený nižšej vekovej kategórii (čo sa môže stať, pretože je dostupný na internete a jeho hlavnou témou je záhadný tvor z ruského jazera, o ktorom si radi prečítajú aj deti, resp. mládež), mohli by sme si využiť slovné spojenie – na mape. V cieľovom texte sme sa stretli s vynechávkou – *в Оймяконском районе*, ktorá ale podľa nášho názoru nie je opodstatnená. Keď sa podáva informácia, v tomto prípade z geografického hľadiska, má byť presná a úplná. Východ Jakutska je predsa obrovský. *Район* má vo význame územného členenia slovenský náprotivok *okres*. V prípade, ak sa hovorí o *городском районе*, preklad bude znieť *mestská štvrť*. Ak v danom prípade použijeme ekvivalent *okres*, pôjde o istý stupeň naturalizácie, ale bude to z aspektu administratívneho a územného členenia Ruska (okruhy, oblasti, kraje, okresy atď.) relevantný náprotivok. Správna forma toponyma *Оймякон* v súlade s pravidlami prepisu z azbuky do latinky¹⁰ bude *Ojmiakon*. NP→ *Z geografického hľadiska leží jazero Labyňkyr v Ojmiakonskom okrese na východe Jakutska.*

VT→ *Он приступил к работе над книгой об одном из районов Чикаго.* CT→ *Začal písať knihu o jednej z chicagských oblastí.*

Prekladateľ preložil jednotku administratívneho členenia *район* ako *oblasť*, čo nepokladáme za adekvátny preklad. Lexikálnu jednotku *район* možno preložiť ako *okres* (ak ide o väčšie vidiecke celky); *mestský obvod* či *štvrť* v rámci mesta. Keďže však ide o administratívne členenie Spojených štátov amerických, konkrétne mesta Chicago, zvolili by sme ekvivalent *okrsok*.¹¹ NP→ *Začal písať knihu o jednom z okrskov v Chicagu.*

¹⁰ porov. *Pravidlá slovenského pravopisu*. 2000. Bratislava: Veda, 2000. 592 s. ISBN 80-224-0655-4, s. 77-78.

¹¹ porov. DEKANOVA, E. – LEKAREVA, I. 2012. *Realita a preklad (realita vs. tradícia, norma a úzus)*. In: *Preklad a kultúra 4*. Nitra: UKF, 2012. ISBN 978-80-558-0143-8, s. 279-285.

b) Spoločensko-politický život – tituly, hodnosti, oslovenia: VT→ *Папа римский Бенедикт XVI проведет сегодня, 28 февраля, последний день в ранге предстоятеля католической церкви.* CT→ *Rímsky pápež Benedikt XVI. sa bude dnes 28. februára nachádzať posledný deň v range predstaveného Katolíckej cirkvi.*

Opäť analyzujeme slovo, slovné spojenie, ktoré je preložené doslovne. Pápež sa nachádza v *range* – ide o nevhodné a neadekvátne prekladateľské riešenie. Prekladateľ sa až priveľmi držal originálu a výsledkom je kalk, ktorý sa v slovenčine nezvykne používať a pôsobí cudzorodo. *Slovník cudzích slov* definuje *rang* ako: 1. služobné (hodnostné, platové) poradie alebo postavenie v spoločnosti (*úradník vysokého rangu*) 2. oblasť pôsobenia, náplň práce.¹² Variety slova *rang* v ruskom jazyku označujú: 1. triedu, kategóriu (*высший ранг – najvyššia trieda*) 2. hodnosť, stav, (*дипломатические ранги – diplomatické hodnosti*); nám. *капитан первого, второго, третьего ранга – prvý, druhý, tretí kapitán*. Rovnako aj prekladateľské riešenie *предстоятель – predstavený* nie je optimálne. Preklad tejto lexémy vo väčšine dostupných rusko-slovenských slovníkoch nenachádzame. Vo Výkladovom slovníku ruského jazyka sa uvádza, že *предстоятель* je jedným z pomenovaní hlavy pravoslávnej cirkvi.¹³ Za adekvátne prekladateľské riešenie pokladáme: *posledný deň na poste hlavy katolíckej cirkvi.* NP→ *Rímsky Pápež Benedikt XVI. bude dnes, 28. februára, posledný deň na poste hlavy Katolíckej cirkvi.*

Vojenské reálie: VT→ ... *российские и голандские военные инженеры* CT→ ... *holandský inžiniersky batalión*

Prápor (staršia podoba *batalión*) je podľa *Slovníka cudzích slov* vojenská jednotka pozostávajúca z veľkého počtu vojakov – 300 až 1200. Väčšinou je tvorený dvoma až siedmimi rotami. Veliteľom je major, podplukovník, zriedkavejšie plukovník.¹⁴ Prekladateľ využil termín vojenskej jednotky, hoci nemohol vedieť či skutočne ide o batalión – mohla to byť predsa aj iná vojenská jednotka, napr. čata. V uvedenom príklade v cieľovom texte vynechal adjektívum – *российские*, čo podľa nás nie je opodstatnené a v preklade tak figurujú iba holandskí vojenský inžinieri. Ide pritom o ženijných dôstojníkov. NP →... *ruskí a holandskí ženijní dôstojníci.*

Skratky: VT→ *В совместном заявлении министров иностранных дел стран БРИКС...* CT→ *V spoločnom vyhlásení ministrov zahraničných vecí BRIČJ...*

¹² porov. PETRÁČKOVÁ, V. – KRAUS, J. 1997. *Slovník cudzích slov*. Bratislava: SPN, 1997. 991 s. ISBN 80-08-02673-1, s. 777.

¹³ porov. СКЛЯРЕВСКАЯ, Г.Н. 1998. *Толковый словарь русского языка конца XX в.* Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998. 700 с. ISBN 5-7827-0100-X, с. 500.

¹⁴ porov. PETRÁČKOVÁ, V. – KRAUS, J. 1997. *Slovník cudzích slov*. Bratislava: SPN, 1997. 991 s. ISBN 80-08-02673-1, s. 118.

Skratka *БРИКС* označuje hospodárske zoskupenie krajín Brazílie, Ruska, Indie, Číny a Južnej Afriky (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика). Pôvodne mala skratka znenie BRIC (БРИК v ruštine). Názov je odvodený od začiatkových písmen 4 krajín – Brazil, Russia, India, China – z angl. V r. 2010 sa do skupiny pripojila Juhoafrická republika (South Africa) a jej názov je odvtedy *BRICS*, resp. *БРИКС* po rusky. Prekladateľ skratku do slovenčiny preložil ako BRIČJ, teda zo začiatkových písmen krajín, ktoré sú v zoskupení (Brazília, Rusko, India, Čína, Juhoafrická republika). Nevyužil pritom ich pôvodné anglické názvy, ale názvy v slovenčine. Táto skratka sa na celom svete – i na Slovensku ponecháva v anglickej verzii – *BRICS*.

Na základe komplexnej analýzy prekladov internetových médií z ruštiny do slovenčiny sme prišli k záveru, že v prekladoch sa objavujú tri okruhy chýb a nedostatkov.

1. Nesprávne uvedené podoby toponým v slovenčine. Paradoxom je, že tieto chyby sú frekventované aj napriek tomu, že Pravidlá slovenského pravopisu¹⁵ uvádzajú presné pravidlá prepisu z cyriliky (azbuky) do latinky. Antroponymá boli až na menšie výnimky prepísané správne.

2. Doslovný (neadekvátny) preklad reálií, resp. ich transliterovaná podoba. K týmto prekladateľským postupom sa prekladateľ uchýľoval v mnohých prípadoch, hoci zvolený náprotivok nevystihoval podstatu reálie. Slovenskému čitateľovi „cudzí“ ekvivalent v transliterovanej podobe nič nehovorí, ak navyše nie je bližšie vysvetlený, čitateľ nemusí správne pochopiť nielen význam jednotlivex lexiemy, ale ohrozené je aj celkové pochopenie textu. Prevalha exotizujúcich prvkov v preklade nie je v mnohých prípadoch opodstatnená, a preto považujeme toto riešenie za neadekvátne.

3. Významovo nesprávne zvolený ekvivalent v slovenčine, časté vynechávky lexém či celých slovných spojení. Prekladateľ neporozumel lexéme v origináli a nahradil ju nevhodným ekvivalentom. Tento nedostatok môže súvisieť s nedostatočnou translátorskou kompetenciou alebo s nedostatočnými historickými, kultúrными znalosťami daného národa či krajiny. Vynechávky, ktoré boli v preklade pomerne frekventované, sú podobným prípadom. Môžeme konštatovať, že preklad reálií si vyžaduje nielen odbornú lingvistickú kompetenciu, ale celkové historické, spoločenské, kultúrne poznanie krajiny a národa. (Ne)adekvátnosť analyzovaných prekladov potvrdzuje túto skutočnosť.

---

¹⁵ Pravidlá slovenského pravopisu. 2000. s. 77-78.

BIBLIOGRAFIA:

1. CARTAGENA, N. 2005. *Persilschein und Glockenturm* [cit. 20-11-2013] Dostupné na internete: <<http://www.uni-heidelberg.de/uni/presse/rc11/4.html>>
2. DEKANOVÁ, E. – LEKAREVA, I. 2012. *Realie a preklad (realita vs. tradícia, norma a úzus)*. In: *Preklad a kultúra 4*. Nitra: UKF, 2012. ISBN 978-80-558-0143-8. s. 279 – 285.
3. KAČALA, J. – PISARČIKOVÁ, M. 1997. *Krátky slovník slovenského jazyka*. Tretie doplnené a upravené vydanie. Bratislava: Veda, 1997. 943 s. ISBN 80-224-0464-0.
4. KENÍŽ, A. 2008. *Preklad ako hra na invariant a ekvivalenciu*. Bratislava: AnaPress, 2008. 96 s. ISBN 978-80-89137-38-1.
5. KUBIČKA, R., et. al. 2006. *Výkladový slovník: Malíarstvo, grafika, reštaurátorstvo*. Praha: Grada Publishing, 2006. 341 s. ISBN 80-247-9046-7.
6. PETRÁČKOVÁ, V. – KRAUS, J. 1997. *Slovník cudzích slov*. Bratislava: SPN, 1997. 991 s. ISBN 80-08-02673-1.
7. POPOVIČ, A. 1983. *Originál-preklad*. Bratislava: Tatran, 1983. 368 s.
8. POPOVIČ, A. 1971. *Poetika umeleckého prekladu*. Bratislava: Tatran, 1971. 168 s.
9. ВЛАХОВ, С. И. – ФЛОРИН С. П. 2009. *Непереводимое в переводе*. 4 -е издание. Москва: Валент, 2009. 360 с. ISBN 978-5-93439-256-8.
10. ЛАТЫШЕВ Л. К. 2008. *Технология перевода*. Москва: Академия, 2008. 317 с. ISBN 978-5-7695-5251-9.
11. ОЖЕГОВ, С. И. – ШВЕДОВА, Н. Ю. 2010. *Толковый словарь русского языка*. Москва: Российская академия наук, 2010. 874 с. ISBN 978-5- 9900358-1-2.
12. СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н. 1998. *Толковый словарь русского языка конца XX в.* Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998. 700 с. ISBN 5-7827-0100-X.

PREKLAD VEDECKO-TECHNICKÝCH TEXTOV AKO SÚČASŤ INTERKULTÚRNEJ (ODBORNEJ) KOMUNIKÁCIE

Mgr. Daniela Timárová, PhD. – doc. PhDr. Eva Dekanová, PhD.

Jazykové centrum, Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre,
dtimarova@ukf.sk

Katedra rusistiky, Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre,
edekanova@ukf.sk

РЕЗЮМЕ: Стаття посвящена вопросам оптимального межкультурного восприятия научно-технических текстов. Авторами подчеркивается влияние уровня языковой, переводческой, профессиональной и межкультурной компетентности переводчика на ход и результат переводческого процесса. Особенности перевода Н-Т текстов объясняются на примере конкретных языковых единиц, причем уделяется внимание также креолизации данных текстов, т.е. слиянию вербальных и невербальных компонентов (например, формул, графиков, таблиц, технических рисунков и др.), без которых Н-Т текст утрачивает свою познавательную сущность, и в конечном счете свою текстуальность.

Výmena vedecko-technických informácií, rozvoj nových technológií, vznik rôznych medzinárodných organizácií a spoločenstiev a s ním spojené prijímanie nadnárodných (medzi inými i technických) noriem ovplyvňujú aj komunikačnú sféru a vnáša do nej interkultúrny fenomén. Keďže reflexiou komunikačného procesu medzi individuálnymi i nadindividuálnymi subjektmi rozdielnych kultúr je práve interkultúrna komunikácia.

Z komunikačného hľadiska považujeme text za bázu, pomocou ktorej sa uskutočňuje jazyková komunikácia, pri ktorej dochádza k prenosu informácie a ktorá sa uskutočňuje v rámci komunikačného modelu autor – text – adresát. Pri definovaní verbálnej komunikácie sme vychádzali z komunikačnej schémy J. Horeckého. Expedient kóduje správu a prostredníctvom informačného kanálu sa správa dostáva k recipientovi, ktorý túto správu dekóduje. Pre úspešnú komunikáciu, musí vysielateľ, resp. expedient poznať kód a pravidlá kódovania a na druhej strane musí aj prijímateľ poznať ten istý kód a pravidlá kódovania v opačnom zmysle, totiž pravidlá dekódovania.

V interkultúrnej komunikácii môže však nastať aj situácia, keď expedient a recipient nie sú nositeľmi toho istého jazyka. V takom prípade vstupuje do komunikácie prekladateľ, ktorý

sprostredkúva prenos informácie medzi komunikantmi a vystupuje v úlohe autora i recipienta zároveň.

Z aspektu interkultúrnej komunikácie, t. j. komunikovania vedecko-technických textov v širšom medzinárodnom kontexte, pokladáme za relevantné sa zmieniť o problematike prekladu týchto textov. Preklad je z nášho pohľadu jedným z hlavných fenoménov sprostredkujúcich optimálnu odbornú komunikáciu. V preklade technických (v našom prípade strojárskych) textov zohráva v tomto smere významnú úlohu znalosť terminológie a disponovanie tzv. technickými predpokladmi, ktoré umožňujú presne definovať (identifikovať) reálne objekty a javy, najmä však jednoznačný prenos odborných poznatkov. V translácii strojárskych textov sa musí zachovať presnosť termínu, jeho význam (zmysel), ktorý možno následne premostiť do logickej definície ako základnej zložky týchto komunikátov.

Popri terminologickej zložke patrí k špecifikám odborného štýlu pomerne veľký výskyt profesionalizmov. Ako sme už uviedli, sú to slová a slovné spojenia, ktoré nemožno zaradiť k termínom, používa ich takmer výlučne iba úzka odborná komunita v úzkej sfére odbornej komunikácie v príslušnom odbore. Odborníci v danej oblasti ich bežne používajú na pomenovanie rozličných pojmov, objektov i procesov v danej oblasti, sú pre nich všeobecne zrozumiteľné a nespôsobujú problémy v komunikácii. Táto lexika však zvyčajne nie je fixovaná v slovníkoch, nie je presne definovaná a možno ju zaradiť k špeciálnej lexike, charakteristickej pre odborný štýl príslušného odboru.

Efektívna medzinárodná spolupráca v oblasti vedy i techniky je podľa nášho názoru determinovaná optimálnou odbornou komunikáciou, čo si vyžaduje správne pochopiť a využiť informačné toky zahraničných zdrojov. Jedným z predpokladov môže byť perfektná znalosť cudzieho jazyka. V mnohých prípadoch však v súčasnosti zohrávajú dôležitú úlohu v interkultúrnej odbornej komunikácii profesionálni prekladatelia (i tlmočníci).

Pre odborný štýl, najmä však štýl technických, resp. strojárskych textov je charakteristická takmer absencia obrazných prostriedkov. Autori komunikátov tejto proveniencie využívajú uvedené výrazové prostriedky iba v ojedinelých prípadoch (Poznamenávame, že viaceré profesionalizmy sa tvoria na báze metaforizácie, resp. metonymizácie).

Základnou požiadavkou vedeckého výkladu je presnosť a zrozumiteľnosť. Ruské vedecko-technické (strojárské) texty sú neosobné, zámená a slovesá 1. osoby sa v nich takmer nevyskytujú, zato v hojnej miere sa využívajú abstraktné a všeobecné pojmy, slovesá so širším sémantickým významom, logické súvislosti. V samotnom výklade sa preferujú konštrukcie

(slovné spojenia), ktorých jadrom je substantívum. Pomerne frekventované sú viacnásobné vetné členy, participiálne a prechodníkové konštrukcie.

V strojárskych textoch sú nositeľmi významu termíny, všeobecná odborná lexika a všeobecná lexika plní len „pomocnú“ funkciu. Terminológia umožňuje presný, zreteľný a úsporný výklad skúmanej problematiky, umožňuje formulovať definície, ako aj správne pochopiť podstatu skúmaného problému.

Keďže je pre lexiku strojárskych textov charakteristický veľký výskyt odborných termínov, kľúčovou pri ich preklade je znalosť terminológie, zachovanie obsahovej presnosti termínov pri ich adekvátnom „pretlmočení“ z východiskového do cieľového jazyka. Pre interlingválnu harmonizáciu terminologických sústav pri ich translácii je dôležitá identifikácia dištingtívnych črt v systéme pojmov. Termíny patria k základným lexikálnym jednotkám jazykových a odborných znalostí nielen autora textu, ale i prekladateľa. Ich správna identifikácia vo východiskovom texte a následná adekvátna translácia (substitúcia) umožňuje optimálnu odbornú interkultúrnu komunikáciu.

Špecifiká prekladu vedecko-technických textov ilustrujeme na konkrétnych príkladoch strojárskkej terminológie z nášho výskumného korpusu textov, ktorý tvorili rozličné žánrové podoby odborného štýlu (vedecké štúdie, odborné články, učebné texty, technická dokumentácia atď.). Zameriavame sa na výstavbu jednoslovných či viacslovných termínov a ich komparáciu v ruskej a slovenskej terminologickej sústave.

Termíny – jednoslovné či viacslovné, ktoré označujú vlastnosti konštrukčných materiálov (fyzikálne, mechanické, technologické, atď.) sa vo väčšine prípadov v ruštine tvoria od podstatných mien sufixom *-ость*, napr. *трещиностойкость*, *ковкость*, *свариваемость*, *обрабатываемость (резанием)*, *жаростойкость*, *жаропрочность*, *износостойкость*, *плотность*, *теплопроводность*, *электропроводность*, *прочность*, *твёрдость*, *упругость*, *пластичность*, *(ударная) вязкость*, *усталость (выносливость)*, resp. s použitím sufixu *-еть*, napr. *жидкотекучесть*, *ползучесть*. Výnimkou sú napríklad termíny *газонасыщение*, *усадка* označujúce vlastnosti, ktoré však majú podobu slovesných podstatných mien a na ich tvorbu sa využívajú sufixy *-ни(е)*, *-к(а)*, resp. viaceré termíny sa tvoria bezsufixálne.

V slovenčine sa analogicky pri termínoch – jednoslovných i viacslovných, ktoré označujú vlastnosti používajú prevažne podstatné mená so sufixom *-osť*, napr. *zabiehavosť*, *kujnosť*, *zvariteľnosť*, *obrobiteľnosť*, *žiaruvzdornosť*, *žiaropevnosť*, *(tepelná, elektrická) vodivosť*, *pružnosť*, *pevnosť*, *ťažnosť*, *tvrdosť*, *tvárnosť*, *(vrúbová) húževnatosť*, *zlievateľnosť*, *tvárniteľnosť*.

Niektoré z týchto termínov majú v ruštine tvar *skratkových slov*, v ktorých sa prvá (adjektívna) časť skrakuje, substantívna zostáva v plnom tvare. Ich terminologické náprotivky v slovenčine:

- sú v tvare plných tvarov adjektíva a substantíva: *теплопроводность* – *tepelná vodivosť*, *теплоёмкость* – *tepelná kapacita*, *электропроводность* – *elektrická vodivosť*;
- majú tiež tvar skratkových slov so skrátenou adjektívnou časťou: *жаростойкость/огнеупорность* – *žiaruvzdornosť*, *жаропрочность* – *žiaropevnosť*;
- majú tvar nezhodného prívlastku: *износостойкость/износоустойчивость* – *odolnosť proti opotrebovaniu*, *трещиностойкость* – *odolnosť proti trhlinám*.

Pri tvorbe termínov na označenie povrchových úprav a príprav kovových a nekovových materiálov sa používa postup odvodzovania, kde sa od substantíva (ktoré vyjadruje statický opis) odvodí sloveso, tvoriace základ pre tvorbu slovesných podstatných mien, slúžiace na terminologické označenie jednotlivých úprav a príprav (slovesá i slovesné podstatné mená tak slúžia na opis dynamického deja), napríklad: *цин* – *цинovať* – *cínovanie*; *хлннк* – *хлннкovať* – *hliníkovanie*; *хрóm* – *хрómovať* – *chrómovanie*; *ков* – *покóвывать* – *pokovovanie*; *никел* – *никлóвать* – *niklovanie*; *нитрид* – *нитридóвать* – *nitridácia/nitridovanie*; *óлово* – *поóловить* – *poolovenie*; *oxid* – *oxidóвать* – *oxidácia*; *цинк* – *цинкóвать* – *zinkovanie*; *злато* – *златить* – *zlátenie*. Analogický postup sa používa aj pri tvorbe príslušných termínov v ruskom jazyku: *золото* – *золотить* – *золочение*; *латунь* – *латунировать* – *латунирование*; *металл* – *металлизировать/наносить металлическое покрытие* – *металлизация/нанесение металлического покрытия*; *никель* – *никелировать* – *никелирование*; *нитрид* – *азотировать/нитрировать* – *азотирование/азотизация/нитрирование*; *окисел/оксид* – *окислять/оксидировать* – *окисление/оксидирование*; *óлово/полуда* (*цинóвый повлак – полуда – покрывать полудой = лудить*) – *лудить* – *лужение*; *хром* – *хромировать* – *хромирование*; *цинк* – *цинковать* – *цинкование*.

Dané jednoslovné termíny (v tvare slovesného podstatného mena) označujúce povrchovú prípravu alebo úpravu sa následne rozširujú pridaním prídavného mena na viacslovné terminologické pomenovania, čím sa zužuje ich význam a determinuje sa konkrétny typ povrchovej úpravy, resp. prípravy: *цинóвание* – galvanické c., bezprúdové c., žiarové c.; *хлннкóвание* – žiarové h., difúzne h.; *хрómóвание* – galvanické ch., tvrdé ch., difúzne ch.; *никлóвание* – galvanické n., bezprúdové n.; *покóвание* – difúzne p., galvanické p., žiarové p. (ponorové); *поóловение* – žiarové p.; *цинкóвание* – galvanické z., bezprúdové z., žiarové z., difúzne z., z. suché, z. mokré; *златение* – bezprúdové z.; *лужение* – гальваническое (или

электролитическое) л., горячее л.; *цинкование* – гальваническое ц., горячее ц., диффузионное ц.; *хромирование* – твёрдое х., диффузионное х.; *металлизация* – диффузионная м., газовая м., пламенная м., электродуговая м., многослойная м.; *никелирование* – гальваническое (или электролитическое) н., химическое н.; *азотирование* – антикоррозионное а., газовое а.; *окисление/ оксидирование* – химическое окисление/оксидирование, электрохимическое окисление.

Pri termínoch, ktoré označujú mechanické úpravy, resp. prípravу povrchu sa používajú slovesné podstatné mená odvodené od príslušných slovies pomocou sufixu –ni(e), napríklad: *brúsiť* – *brúsenie*, *leštiť* – *leštenie*, *otryskávať* – *otryskávanie*, *omielať* – *omielanie*, *odmasťovať* – *odmasťovanie*, *moriť* – *morenie*.

Z translačného hľadiska je v rámci strojárскеj terminológie zaujímavé porovnať označovanie ocelí v ruštine a slovenčine. Pri definovaní označovania ocelí v ruštine sme vychádzali z delenia ocelí podľa účelu použitia^{1,2,3}. Toto členenie iba čiastočne korešponduje so slovenským. Uvedieme zostručnený výklad osobitne pre ruštinu a slovenčinu.

A. Členenie ocelí podľa ruských noriem

1) Univerzálnе ocele (стали общего назначения)

Do tejto skupiny patria uhlíkové ocele zvyčajnej akosti, napríklad Ст2кп, Ст3кп, Ст3пс. Označujú sa písmenami Ст (ocel') a číslom od 0 do 6, ktoré slúžia ako konvenčné označenie druhu ocele podľa jej chemického zloženia. Index na konci (кп, пс, сп) označuje ocel' podľa spôsobu dezoxidácie: neupokojené ocele (кп – кипящая), poloupokojené ocele (пс – полуспокойная), upokojené ocele (сп – спокойная). Napríklad: Ст2кп – uhlíková ocel' zvyčajnej akosti, neupokojená.

2) Konštrukčné ocele (конструкционные стали)

Pri konštrukčných oceliach je označenie podmienené príslušnosťou ocele ku konštrukčným akostným uhlíkovým oceliam alebo k legovaným konštrukčným oceliam.

- a) Konštrukčné akostné uhlíkové ocele sa označujú dvojciferným číslom, ktoré vyjadruje obsah uhlíka v stotinách percenta. Napríklad: *сталь 20* (ocel' s obsahom uhlíka 0,2%), *сталь 45* (0,45%), *сталь 60* (0,6%).
- b) Pri legovaných konštrukčných oceliach, sa legujúce prvky označujú písmenom (každý prvok má konvenčné označenie písmenami ruskej azbuky) a číslom, ktoré

¹ рогов. КОВАЛЕВСКАЯ, Жанна Геннадьевна – БЕЗБОРОДОВ, Валерий Павлович, 2009. *Основы материаловедения. Конструкционные материалы: учебное пособие*. Томск: Изд-во Томского политехнического университета. 2009, с. 39 – 40.

² Центральный металлургический портал РФ [cit. 17.06.2014] <<http://metallischekiy-portal.ru/>>

³ Марочник стали и сплавов [cit. 16.06.2014] <<http://www.splav-kharkov.com/main.php>>

označuje približný obsah príslušného legujúceho prvku. A na konci označenia znamená, že ide o vysokokvalitnú oceľ. Napríklad: *сталь 20Г* – legovaná k.o. s obsahom uhlíka 0,2% a obsahom mangánu približne 1%; *сталь 30ХНМА* – vysokokvalitná legovaná k.o. s obsahom uhlíka 0,3% a približným 1% obsahom chrómu, 1% obsahom niklu a 1% obsahom molybdénu.

Konvenčné označenie prvkov písmenami azbuky	Ruský názov prvku	Slovenský názov prvku	Medzinárodné označenie prvkov podľa Periodickej tabuľky
А	азот	dušík	N
Б	ниобий	niób	Nb
В	вольфрам	volfrám	W
Г	марганец	mangán	Mn
Д	медь	meď	Cu
К	кобальт	kobalt	Co
М	молибден	molybdén	Mo
Н	никель	nikel	Ni
П	фосфор	fosfor	P
Р	бор	bór	B
С	кремний	kremík	Si
Т	титан	titán	Ti
Ф	ванадий	vanád	V
Х	хром	chróm	Cr
Ц	цирконий	zirkónium	Zr
Ю	алюминий	hliník	Al

3) *Нáстројовé оcele (инструментальные стали)*

- a) *Uhlíkové (nástroјové) ocele* sa označujú písmenom Y a číslom označujúcim obsah uhlíka v desatinách percenta. Napríklad: *сталь У8* – uhlíková oceľ s obsahom uhlíka 0,8%, *сталь 13* – uhlíková oceľ s obsahom uhlíka 1,3%.
- b) *Nízkolegované nástroјové ocele* sa označujú rovnako ako ocele konštrukčné, ale obsah uhlíka sa uvádza v desatinách percenta. Ak prvé číslo v označení ocele chýba, znamená to, že obsah uhlíka je väčší ako 1%. Napríklad: *сталь 9ХС* – nástroјová

ocel' s obsahom uhlíka 0,9%, obsahom chrómu približne 1% a obsahom kremíka približne 1%.

- c) *Rýchlorezné nástrojové ocele* sa označujú písmenom *P*. Nasledujúce číslo označuje obsah volfrámu v percentách. Keďže obsah uhlíka v rýchlorezných oceliach je ~1% a obsah chrómu je ~4%, v označení sa neuvádzajú. Ostatné prvky sa označujú rovnako ako v ostatných legovaných oceliach. Napríklad: *сталь P6M5Φ2K8* – r.n.o. s obsahom volfrámu 6%, molybdénu 5%, vanádu 2% a kobaltu 8%.

B. Členenie ocelí podľa slovenských noriem

V slovenčine sa ocele označujú podľa Slovenských technických noriem (STN), resp. po vstupe Slovenska do Európskej únie a implementácii európskych noriem sa ocele označujú podľa noriem EN a EN ISO.

Norma STN rozdeľuje ocele podľa spôsobu spracovania, chemického zloženia a podľa použitia do *tried: ocele triedy 10 a 11* – ocele zvyčajnej akosti; *ocele triedy 12* – uhlíkové konštrukčné ocele; *ocele triedy 13 – 16* – konštrukčné ocele legované, zaradenie do triedy zodpovedá druhu legujúcich prvkov, resp. legúr; *ocele triedy 17* – ocele pre špeciálne pracovné podmienky; *ocele triedy 19* – nástrojové ocele.

„Tvárnené ocele sa podľa STN označujú päťmiestnou *základnou* značkou, pričom dvojčíslicie z dvoch prvých číslíc označuje triedu ocele“⁴ a môžu byť doplnené o dvojmiestne doplnkové číslo, ktoré označuje stav ocele, podľa druhu tepelného spracovania a stupeň tvárnenia. Napríklad: ocel' 17 240: 17 – ocel' pre špeciálne pracovné podmienky, 2 – ocel' chrómniklová, 4 – vyjadruje obsah chrómu.

„Európske normy (EN) umožňujú dva spôsoby označovania ocelí:

- názvom ocele, resp. kombináciou písmen a číslíc podľa EN 10027-1 (napr. S 235JR)
- číslom podľa EN 10027-2 (napr. 1.0037)⁵.

„Podľa STN EN 10027-2 sa označujú ocele trojprvkovým označením 1+ +++, kde 1 značí ocel', druhý prvok (dvojčíslicie) triedu [...] a tretí prvok (dvojčíslicie) má význam poradového čísla“⁶. Napríklad: ocele obvyklých akostí 1.00XX, 1.90XX; konštrukčné ocele pre všeobecné použitie 1.01XX, 1.91XX, nástrojové ocele 1.20XX, 1.21XX.

⁴ SKOČOVSKÝ, Petr, et al. 2000. *Konštrukčné materiály*. Žilina: Žilinská univerzita v Žiline, 2000. 338 s. ISBN 80-7100-608-4, s. 50.

⁵ BALÁŽ, Ivan. 2005. *Označovanie ocelí a EN 10025: November 2004, nová európska norma pre konštrukčné ocele*. In: časopis EUROSTAV 1/2005. [cit. 19.06.2014] <http://www.casopiseurostav.sk/documents/eurokody/2005/eurokodyes1_05.pdf>, s. 62.

⁶ SKOČOVSKÝ, Petr, et al. 2000. *Konštrukčné materiály*. Žilina: Žilinská univerzita v Žiline, 2000. 338 s. ISBN 80-7100-608-4, s. 50

Pre porovnanie uvádzame označenia niektorých ocelí podľa noriem STN a podľa noriem EN 10027-1 a EN 10027- 2.

Značka ocele podľa STN	Značka ocele podľa EN	
10 004	S185	1.0035
11 373	S235JRG1	1.0036
12 023	C15E	1.1141
13 141	28Mn6	1.1170
14 140	37Cr4	1.7034
15 130	25CrMo4	1.7218
16 343	34CrNiMo6	1.6582
17 023	X30Cr13	1.4028
19 487	21MnCr5	1.2162

V uvedenom členení druhov ocelí v slovenskom a ruskom odbornom jazyku zaznamenávame v označovaní ocelí určité rozdiely. Tieto rozdiely vyplývajú zo skutočnosti, že pri označovaní ocelí v slovenčine sa používajú medzinárodné značky platné na označenie chemických prvkov, kým v ruštine sa legujúce prvky označujú konvenčným označením písmenami ruskej azbuky; ďalšie rozdiely pozorujeme aj pri označeniach písmenami, ktoré poukazujú na použitie ocele. Z hľadiska odbornej komunikácie, je dôležité, aby tieto rozdiely poznali nielen odborníci v danej oblasti, ale i prekladatelia. Iba tak možno predísť prípadným chybám, ktoré by mohli byť spôsobené jednoduchým prepísaním označenia ocele, bez prihliadnutia na normy platné v ruštine a slovenčine.

Dôležitou súčasťou vedecko-technických textov sú rôzne grafy, náčrty, diagramy, obrázky, ktoré dopĺňajú písaný text, čím uľahčujú recepciu textu a zabezpečujú adekvátnu komunikáciu. V niektorých prípadoch sú nevyhnutné, kvôli zložitosti textu náročného na schopnosť recipienta predstaviť si sprostredkúvanú informáciu, čo zvyšuje zrozumiteľnosť textu a zabezpečuje úspešnú komunikáciu. Napríklad:

*„**Диаграмма состояния сплавов с полной нерастворимостью компонентов в твердом состоянии (механических смесей компонентов).** Компоненты таких сплавов в жидком состоянии неограниченно растворимы друг в друге, а в твердом не вступают в химическое взаимодействие друг с другом и не растворяются друг в друге. Такая форма сплава возникает при большом различии в свойствах образующих его металлов. К сплавам с полной нерастворимостью компонентов в твердом состоянии относятся сплавы Al – Si, Pb – Sb, Be – Al, Sn – Zn и др.*

На диаграмме (рис. 2.16) линия АДВ является линией ликвидус, выше неё сплав находится в жидком состоянии; линия СДЕ является линией солидус, ниже неё сплав находится в твердом состоянии и представляет собой механическую смесь компонентов А и В.

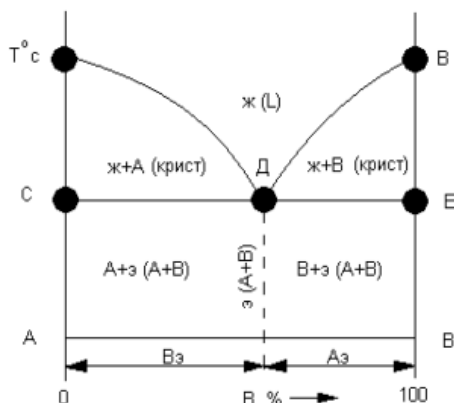

Рис. 2.16. Диаграмма состояния сплавов с полной нерастворимостью компонентов

находится в твердом состоянии и представляет собой механическую смесь компонентов А и В. Выше линии солидус, но ниже линии ликвидус сплав

состоит из жидкости (ж) и кристаллов А – левее точки Д; из жидкости (ж) и кристаллов В – правее точки Д.

При концентрации компонентов $A_э$ и $B_э$ – в точке Д – на диаграмме происходит кристаллизация из жидкости механической смеси кристаллов А и В – эвтектики. Эвтектика имеет наименьшую температуру плавления (кристаллизации) в данной системе и представляет собой сложную структуру чередующихся фаз А и В.⁷

Uvedený fázový diagram dvoch kovov s úplnou vzájomnou nerozpustnosťou v tuhom stave zobrazuje zliatiny prvkov А а В, ktorých zložky sú medzi sebou v pevnej fáze nerozpustné. Komponenty týchto zliatin sú v kvapalnom stave vzájomne rozpustné, ale v pevnom skupenstve sú vzájomne nerozpustné а nedochádza medzi nimi к chemickým reakciám, dôvodom čoho sú veľké rozdiely vo vlastnostiach kovov tvoriacich zliatinu.

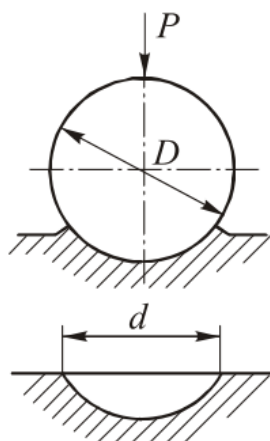
Na základe tohto diagramu adresát identifikuje líniu АДВ ako tzv. likvidus, nad hranicou ktorého je zliatina в kvapalnom skupenstve, vytvára teda homogénnu tekutú фазу – taveninu; líniu СДЕ, tzv. solidus, pod ktorou je zliatina в pevnom skupenstve а tvorí tak mechanickú zmes prvkov А а В. Nad hranicou solidu, ale pod hranicou likvidu sa vytvára zliatina zložená з taveniny (ж) а kryštálov prvku А (naľavo od bodu Д) alebo з taveniny а kryštálov prvku В (napravo od bodu Д). Pri koncentrácii komponentov $A_э$ а $B_э$ – в bode Д dochádza к vytvoreniu tzv. eutektika, t.j. dochádza ку kryštalizácii kvapalnej mechanickej zmesi kryštálov А а В.

⁷ КОВАЛЕВСКАЯ, Жанна Геннадьевна – БЕЗБОРОДОВ, Валерий Павлович, 2009. *Основы материаловедения. Конструкционные материалы: учебное пособие.* Томск: Изд-во Томского политехнического университета. 2009, 110 с. 27 – 28.

Konštatujeme, že v analyzovanom príklade sa verbálna zložka s neverbálnou (čiže s iným semiotickým kódom) približne v rovnakej miere podieľajú na sprostredkovanvej informácii.

Neoddeliteľnou súčasťou vedecko-technických textov sú vzorce, teda „grafické vyjadrenie vzťahov, v ktorom sú skutočné hodnoty nahradené všeobecnými značkami“⁸, napríklad:

Твёрдость по Бринеллю (НВ) определяют вдавливанием в поверхность металла стального закаленного шарика диаметром 2,5; 5 и 10 мм (рис.1.10). Прикладываемая нагрузка задается в зависимости от вида испытываемого материала и размера образца.

Число твёрдости НВ определяют отношением нагрузки (P) к площади сферической поверхности отпечатка (F):

$$HB = \frac{P}{F}.$$

Если вычислить поверхность отпечатка, имеющего форму шарового сегмента, то НВ определится формулой

$$HB = \frac{2P}{\pi D \cdot (D - \sqrt{D^2 - d^2})},$$

Рис. 1. 10. Схема измерения твердости по Бринеллю

где P – приложенная нагрузка, кгс; D – диаметр шарика, мм; d – диаметр отпечатка, мм.

V uvedenom príklade⁹ sa nachádza vzorec na výpočet *tvrdosti podľa Brinella* (твёрдость по Бринеллю), doplnený o grafické znázornenie priebehu skúšky tvrdosti podľa Brinella (označenie skúšky НВ). Pri tejto skúške sa do skúšaného materiálu vtlačá s určitým zaťažením (приложенная нагрузка) P guľôčka z tvrdokovu s priemerom D. Guľôčka zanechá v skúšanom materiáli vtlačok (отпечаток) s priemerom d. Tvrdosť podľa Brinella sa vypočíta ako $HB = \frac{P}{F}$, kde P je veľkosť zaťaženia a F je povrch vtlačku. Ak chceme číselne vyjadriť

povrch vtlačku získame vzorec $HB = \frac{2P}{\pi D \cdot (D - \sqrt{D^2 - d^2})}$, kde P je veľkosť zaťaženia, D je

priemer guľôčky z tvrdokovu a d je priemer vtlačku. Tento príklad je názornou ilustráciou takého typu textu, v ktorom je zárukou adekvátnej komunikácie pertraktovaných poznatkov

⁸ *Slovník slovenského jazyka* [cit. 14.06.2014] < <http://slovníky.korpus.sk> >

⁹ КОВАЛЕВСКАЯ, Жанна Геннадьевна – БЕЗБОРОДОВ, Валерий Павлович, 2009. *Основы материаловедения. Конструкционные материалы: учебное пособие*. Томск: Изд-во Томского политехнического университета. 2009, с. 10.

znakový kód v podobe vzorcov, resp. grafov a verbálna zložka má z aspektu správnej recepcie textu nižšiu výpovednú hodnotu.

Veľký význam pripisujeme zaradeniu neverbálnych prostriedkov (grafov, diagramov, vzorcov atď.) do učebných textov, v ktorých je prepojenie verbálnej a neverbálnej zložky z hľadiska určenia a adresáta týchto textov viac-menej zárukou správneho pochopenia komunikovaných poznatkov, čiže aj nevyhnutným predpokladom adekvátnej odbornej komunikácie. V prípade strojárskych textov sme v našom korpuse nezaznamenali výraznejší rozdiel v stupni kreolizácie textov medzi vysokoškolskými učebnými textami a ostatnými skúmanými odbornými žánrami (okrem technickej dokumentácie). Dôvodom môže byť náročnosť recepcie strojárskych textov, ale najmä ich špecifický charakter, keďže vedecko-technické texty vo všetkých svojich žánrových podobách sa prioritne radia k textom kreolizovaným, kde je neverbálny komponent záväznou súčasťou verbálneho textu¹⁰. Rozdiely sú evidentné iba v miere zastúpenia príslušnej zložky v jednotlivých žánrových podobách. Napríklad v technickej dokumentácii sú vzorce, symboly, grafy, technické nákresy a pod. nositeľmi samotného zmyslu textu, sprostredkujú jeho obsah. Verbálny text tu plní iba funkciu istých „konektorov“ a v podstate neovplyvňuje výpovednú hodnotu daného komunikátu.

Na záver poznamenávame, že pri preklade vedecko-technických textov má veľký význam profesionálna (odborná) kompetencia prekladateľa. Na jednej strane, je preklad odborného textu zdanlivo jednoduchší ako preklad umeleckého textu, keďže úlohou prekladateľa odborného textu je „len“ pretlmočiť autorove myšlienky, prípadne zachovať jeho idiolekt. Na druhej strane, sa musí prekladateľ vedecko-technických textov vyznať v danom odbore, musí ovládať príslušnú terminológiu vo východiskovom i cieľovom jazyku. To znamená, že prekladateľ ako sprostredkovateľ optimálnej odbornej interkultúrnej komunikácie musí disponovať jazykovou, translačnou i translatickou, ale najmä profesionálnou (odbornou) kompetenciou, čiže znalosťou príslušného odboru.

BIBLIOGRAFIA:

1. BALÁŽ, Ivan. 2005. Označovanie ocelí a EN 10025: November 2004, nová európska norma pre konštrukčné ocele. In: *časopis EUROSTAV 1/2005*. [cit. 19.06.2014] <http://www.casopiseurostav.sk/documents/eurokody/2005/eurokodyes1_05.pdf>
2. DEKANOVÁ, Eva. 2003. Špecifiká prekladu odborného textu. In: *Preklad a tlmočenie 5*. Banská Bystrica: FF UMB, 2003, s. 156 – 161.

¹⁰ рогов. ВАЛГИНА, Нина Сергеевна. 2003. *Теория текста*. Учебное пособие. [pdf]. Москва: Логос, 2003, с. 118 – 119

3. DEKANOVÁ, Eva. 2009. *Kapitoly z teórie a didaktiky prekladu odborných textov*. Nitra: FF UKF, 2009. 151s. ISBN 978-80-8094-598-5
4. HORECKÝ, Ján. 1982. *Spoločnosť a jazyk*. Bratislava: VEDA Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1982. 106 s. ISBN neuvedené.
5. SKOČOVSKÝ, Petr, et al. 2000. *Konštrukčné materiály*. Žilina: Žilinská univerzita v Žiline, 2000. 338 s. ISBN 80-7100-608-4
6. TIMÁROVÁ, Daniela. 2013. Odborná lexika ako základná zložka odborného (náučného) štýlu. In: *Rossica Iuvenum: zborník príspevkov, ktoré odzneli vo forme referátov v rámci Nitrianskych rusistických dní*. Nitra. 7. – 8. novembra 2013. Nitra: UKF, 2013, s. 107 – 118.
7. TIMÁROVÁ, Daniela. 2012. Špecifiká prekladu vedecko-technických textov. In: *Medzinárodné setkání mladých slavistů, Ostrava 27. a 28. 3. 2012 Slavica Iuvenum XIII*. Ostrava: Ostravská univerzita, 2012, s. 308 – 313.
8. Slovník slovenského jazyka [cit. 14.06.2014] <<http://slovníky.korpus.sk>>
9. ВАЛГИНА, Нина Сергеевна. 2003. *Теория текста*. Учебное пособие. Москва: Логос, 2003. 173 с. [cit. 12.06.2014] <[http://www.e-reading.ws/bookreader.php/136078/Valgina - Teoriya teksta. Uchebnoe posobie.pdf](http://www.e-reading.ws/bookreader.php/136078/Valgina_-_Teoriya_teksta._Uchebnoe_posobie.pdf)> ВАСИЛИК, Михаил Алексеевич. (ред.). 2003. *Основы теории коммуникации*. Учебник. Москва: Гардарики, 2003. 615 с. ISBN 5-8297-0135-9
11. КОВАЛЕВСКАЯ, Жанна Геннадьевна – БЕЗБОРОДОВ, Валерий Павлович, 2009. *Основы материаловедения*. Конструкционные материалы: учебное пособие. Томск: Изд-во Томского политехнического университета. 2009. 110 с. ISBN neuvedené.
12. *Марочник стали и сплавов* [cit. 16.06.2014] <<http://www.splav-kharkov.com/main.php>>
13. *Центральный металлический портал РФ* [cit. 17.06.2014] <<http://metallcheckiy-portal.ru/>>

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕДАЧИ ЕДИНИЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ В МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Mgr. Stanislava Adámková

Кафедра русского языка и литературы, Философский факультет Университета им. Масарика в Брно, stanislava.adamkova@gmail.com

ABSTRACT: The paper is focused on the transfer of anthroponyms (names of human beings) into a new language environment, mainly from Russian to Czech and vice versa. In the first part of the text we give advice on how to deal with different types of names in different types of texts (journalistic texts, legal documents, fiction). The second part of the study deals with different types of anthroponyms, such as first names, surnames, name derivatives, aptronyms (so called nomen omen), Russian patronymics, names of famous people, names of mythological and Biblical characters, names of saints and monarchs. It gives some recommendations on how to transfer them and how to integrate them in the translated text correctly.

С проблемой переноса иностранных антропонимов (то есть имен собственных, принадлежащих как живым и умершим людям, так и вымышленным персонажам), повседневно встречаются не только переводчики, но и общественные деятели, работники СМИ и многие другие люди, не работающие с языком на профессиональном уровне. Перенос иностранного антропонима затрудняется тем, что большинство имен собственных выражает свою основную **функцию (идентификация носителя имени)** при помощи **сочетания звуковой** (фонетической), **графической** (письменной), а иногда и **смысловой** (семантической) оболочки слова. Это сочетание, которое является неразрывным в языке-источнике, к сожалению, распадается при переносе в новую языковую среду. При переносе между языками, использующими одинаковые графические системы, нарушается только звуковая и смысловая (если такова имеется¹) оболочка слова. Таким образом, при переносе имени собственного (далее ИС), например, с английского на чешский язык, имя графически никак не меняется, не смотря на то, что носители языка-приемника могут исказить звуковое оформление слова из-за плохого

---

¹ О смысловой оболочке у антропонимов говорим только в случае так называемых говорящих имен (nomen omen). У других типов ИС, например, у хремотонимов, смысловое значение намного важнее и подлежит переводу на первых порах.

владения языком-источником. Однако при переносе между языками с разными графическими системами (чешский – русский) дело обстоит иначе. Первоначальной проблемой является то, что носители языка-приемника не в силах даже прочитать исходную форму слова (это затруднение вступает в силу только при переносе с русского на чешский/словацкий/английский, так как большинство русских умеет читать на латинице). С другой стороны, при переносе с чешского/словацкого/английского на русский вполне возможно (и часто применяется) использование латиницы в русском тексте (так называемый **прямой графический перенос**). Такой метод выгоден тем, что не искажает графическую форму слова, однако затрудняет его включение в синтаксические связи принимающего языка (слова без соответствующего суффикса не склоняются) и вызывает искажение фонетической оболочки слова. Чтобы избежать таких проблем, переводчики имеют под рукой многие другие методы передачи ИС.

Использование отдельных методов не регламентировано и всегда зависит от типа ИС, его функции в тексте и типа самого текста. Поскольку эта тема слишком широка, чтобы в одном докладе привести методику переноса для всех ИС, ограничимся способами передачи только для антропонимов. Как мы упомянули выше, антропонимы обозначают реально существующих и существовавших когда-либо людей, а также вымышленных персонажей, существующих в сказках, легендах, мифах и т. п. Такие антропонимы называются **единичными** (ИС вызывает в конкретном языковом обществе коннотации с одним конкретным персонажем – *William Shakespeare, царь Соломон, Stanislava Adámková*). Носители единичных антропонимов, конечно, имеют своих тезок, но в конкретном языковом обществе все понимают, о ком идет речь. Напротив – **множественные антропонимы** обозначают скорее некий тип человека, персонажа или литературного героя („*byl to takový švejka*“: человек, поведение которого напоминает героя романа Гашека – Švejka; „*byla to nějaká gertruda*“: в понимании чехов – немка; „*běž domů Ivane, čeká tě Nataša*“ – лозунг чехов, требовавших, чтобы русские оккупанты 68 года покинули Чехию и вернулись домой, *Иван* и *Наташа* здесь являются заменой этнонимов русский, русская). Самым важным элементом у множественных антропонимов является коннотативное поле, которое они создают, и поэтому методика их передачи особая и очень отдаленная от передачи единичных антропонимов (передача множественных антропонимов приближается к переводу нарицательных имен). В нашем докладе будем заниматься только передачей единичных антропонимов, с которыми пользователи языка встречаются намного чаще.

1. Передача антропонимов в зависимости от типа текста

а) Как мы уже отметили, передача всех типов ИС узко связана с типом текста, который мы переводим. Передача антропонимов в **публицистических текстах** осуществляется чаще всего при помощи **практической транскрипции**.²

Пример: *Зденек Юрачка выражает надежду, что большинство продавцов все же снизят цены.*³

б) При передаче антропонимов в областях, где необходимо **сохранить однозначную графическую идентификацию**, а также возможность однозначного **обратного перевода слова** (паспортное дело, каталогизация, библиографические списки и т. п.), используется одна из норм **транслитерации**. К сожалению, до сих пор не была принята единая норма транслитерации, поэтому в этой области существуют разногласия. В настоящий момент насчитывается около 11 разных норм транслитерации, разработанных, принятых и используемых разными органами (в Чешской республике имеем, например, норму ISO 9; норму, изданную Национальной библиотекой ЧР (*Doporučení pro přepis nelatinkových písem do latinky*); в Русской федерации чаще используется норма ГОСТ 7.79-2000 (ГОСТ А, ГОСТ Б); существует также специальная норма для заграничных паспортов, которая к сожалению отличается от нормы для водительских прав. В международной среде используют, например, норму, изданную ООН и т. д.

в) Последняя область, в которой часто встречаемся с антропонимами – это **художественная литература**. Это единственная область, в которой применимы практически все методы переноса ИС. Антропонимы здесь чаще всего передаются при помощи **практической транскрипции**. Возможна, однако, и передача при помощи **кальки** (буквальный перевод слова или словосочетания) или **онимическая замена** (переводчик выбирает новое имя, несвязанное с исходным ИС). Возможна также **деонимизация**, то есть перевод, в котором ИС пропускается.

---

² Таблицы практической транскрипции с чешского на русский см. ADÁMKOVÁ, Stanislava. 2013. Otázka praktické transkripce názvů českých měst v ruskojazyčných textech. In: *Podoby a proměny města ve slovanských a vybraných neslovanských kulturách, literaturách a jazycích*. Brno: Masarykova univerzita, 2013. (s. 5–17). Сравнительная таблица практической транскрипции с русского на чешский и английский см. ADÁMKOVÁ, Stanislava. 2014. Problematika přenosu chrématonym do nového jazykového prostředí. In: *Mladá slavistika*. Brno: Masarykova univerzita, 2014. (s. 5–36).

³ Inosmi 2015. Dostupné na internete <<http://inosmi.ru/world/20150104/225334731.html>>

2. Передача антропонимов в зависимости от типа имени собственного

2.1 Личные имена

Основным правилом передачи личных имен является передача посредством **транскрипции** или **транслитерации** (в документах с правовым действием). Очень часто, однако, встречаемся с передачей ИС при помощи **транспозиции** (передача посредством так называемого **экзонима**, то есть посредством местного варианта иностранного ИС, который с ним связан этимологически). Таким образом, русское *Михаил* иногда (неправильно) передается в чешских текстах *Michal*, а не *Michail*; *Евгений* передается *Evžen*, а не *Jevgenij*. Такие варианты передачи сегодня считаются устаревшими, т. к. они нарушают идентификационную и классификационную функции ИС (читатель текста-перевода не может определить, из какой страны происходит персонаж).

Из этого правила, конечно, существует большое количество исключений. Личные имена можно передавать при помощи транспозиции, например, в детской литературе. Также имена известных персонажей и названия книг сохраняют ранее принятый способ передачи (*Петр Ильич Чайковский* традиционно передается на чешский как *Petr Iljič Čajkovskij*, а не *Pjotr Iljič Čajkovskij*).

2.2 Дериваты личных имен

С дериватами личных имен (домашние, уменьшительно-ласкательные или наоборот грубые варианты антропонимов) встречаемся чаще всего в **художественной литературе** или в **фильмах**, т. к. они выражают эмоции. Передача дериватов затрудняется тем, что словообразовательные суффиксы в большинстве случаев не совпадают в переводной паре языков или даже могут выражать противоположное значение, т. к. несут семантическую информацию. Таким образом, чешский суффикс *-ка* может в некоторых сочетаниях звучать для русского человека грубо, тогда как у нас он является либо составной частью основного варианта имени (*Hanka, Lenka*), либо ласкательным суффиксом (*Janka, Věrka*). Наоборот, русское *Ксюша* (от имени *Ксения*) звучит не совсем благозвучно чешскому слушателю. Если у переводчика возникнет подозрение, что транскрипция имени с его суффиксом может вызвать неправильные коннотации у читателя/слушателя, необходимо приступить либо к замене суффикса, либо к использованию исходного варианта ИС.

Другая проблема с передачей дериватов заключается в том, что форма деривата иногда графически слишком отличается от исходной формой ИС. При передаче с

помощью транскрипции читатель переводного текста может не понять, что речь идет об одном и том же лице (ср., например *Александр* > *Александрюшка, Саня, Санюра, Санюха, Санюша, Алексаха, Алексаша, Саша, Сашуля, Сашуня, Шура, Алексюша; Анна* > *Нюра, Анюта; Josef* > *Jožka, Josífek, Jožin, Joža, Jožan, Pepa, Pepík, Pepek, Pepiček, Pepan, Pepíno, Pepín, Pepánek; Jan* > *Honza, Honzík, Honzíček, Honzín, Jéňa, Jeník, Jeníček*). Решением такой ситуации является ограничение вариативности ИС, то есть использование только одной или двух форм одного имени, не смотря на то, что в тексте-источнике встречается больше вариантов.

2.3 Говорящие имена и клички животных

«Говорящие фамилии – это придуманные автором фамилии, которые характеризуют моральные качества литературного героя, либо указывают на его профессию. Таким фамилиям свойственна однозначная и экспрессивная этимология».⁴ Говорящие фамилии и имена отличаются от остальных антропонимов тем, что их семантическое поле имеет важное значение для понятия всего текста, и как таковое должно быть сохранено при переводе. Поэтому такие имена переводим при помощи методов, сохраняющих значение единицы (чаще всего **калька**). Передача при помощи транскрипции обычно не затрудняет восприятие всего текста, но может привести к потере некоторых художественных ценностей и стилистических оттенков.

Пример перевода при помощи **транскрипции**:

*Minulou neděli zajeli k řece. Graf byl, to se ví, věčně ve vodě, hrabal něco u břehu.*⁵

*В прошлое воскресенье они выезжали на реку. Граф, конечно, не вылезал из воды, чего-то рыл у берега.*⁶

Пример перевода при помощи **кальки**:

„To by stačilo,“ přerušil ho Poustevník.

Zavládlo ticho.

„Poslyš, tebe taky vyhodili?“ přerušil ho Šestiprstý.⁷

– Хватит, – сказал Затворник.

Наступило молчание.

⁴ УНБЕГАУН, Борис. 1989. *Русские фамилии*. Москва: Прогресс, 1989. с.443.

⁵ GRIŠKOVEC, Jevgenij. 2007. *Pohřbívání anděla*. In: *Antologie ruských povídek*. Brno: Větrné mlýny, 2007, s. 173.

⁶ ГРИШКОВЕЦ, Евгений. 2006. *Погребение ангела*. [online]. 2006. Dostupné na internete <<http://magazines.russ.ru/znamia/2006/2/gr4.html>>

⁷ PELEVIN, Viktor. 2007. *Poustevník a šestiprstý*. In: *Antologie ruských povídek*. Brno: Větrné mlýny, 2007, s. 253.

– *Слушай, а тебя тоже прогнали? – нарушил его Шестипалый.*⁸

2.4 Отчества

Отчества (или патронимы) являются специальной формой именования, присущей некоторым славянским и неславянским языкам. Русские патронимы служат для выражения почтения его носителю и отвечают чешскому сочетанию *pan/paní + фамилия*. Наоборот, использование одного отчества выражает фамильярность.

В художественной литературе и в СМИ следует сохранять отчества и передавать их при помощи **транскрипции**, т. к. они служат для однозначной идентификации своего носителя, классифицируют его (принадлежность к русскому народу), а также определяют его социальный статус в разговоре (уважение или фамильярность). Однако с учетом того, что не все читатели знают подробности культуры русской речи, переводчику необходимо добавить в текст перевода и другие индикаторы уважения/фамильярности, чтобы не лишить читателя экстратекстуальных смысловых оттенков.

Таким образом, в письменном переводе отчества не пропускаются, но в устном переводе их можно при некоторых условиях опустить. Если устный переводчик переводит текст для аудитории, которая не совсем разбирается в русских реалиях и нет опасности перепутать двух персонажей, переводчик может заменить отчество, например, словом Ms./Mr. или *paní/pan* (*И теперь слушаем Добролюбову, Александру Сергеевну* > *Now let's listen to Ms. Alexandra Dobroljubova* > *Nyní si poslechneme paní Alexandru Dobroljubovovou*).

2.5 Фамилии

Современную практику передачи фамилий можно определить как «стремление к возможно более точному сохранению оригинала в передаче заимствованного собственного имени».⁹ Поэтому фамилии (кроме говорящих) не переводим, а **транскрибируем**.

а) Практика, однако, показывает, что некоторые сочетания звуков (таких, как *-ský, -ský*) принято не транскрибировать, а **русифицировать**. Таким образом, имя *Palacký*

⁸ПЕЛЕВИН, Виктор. *Затворник и шестипалый*. [online]. 1990. Dostupné na internete <<http://pelevin.nov.ru/pov/pe-zatv/1.html>>

⁹ КАЛАКУЦКАЯ, Л.П. 1984. *Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке*. Москва: Наука, 1984. с.152.

передается как *Палацкий* а не *Палацки*. Женские фамилии с подобными окончаниями -ská, -ská), наоборот, русификации не подлежат и сохраняют свое транскрибированное окончание (*Зузана Быдэжовска, Злата Адамовска, Петра Черноцка, Татьяна Медвеца*). «Мужская фамилия оформляется по русскому образцу, женская – по польскому. Этот способ передачи для русского языка абсолютно лишен внутренней логики, но, как это ни странно, он встречается даже в лингвистических изданиях».¹⁰ Т. к. русифицированные окончания легче включить в морфосинтаксические связи русского языка (их можно склонять), Д.И. Ермолович советует русифицировать даже женские варианты фамилий: «Общая рекомендация переводчику: если фамилия, использованная в иностранном тексте, принадлежит лицу славянского происхождения, предпочтительнее использовать соответствие с русской флексией (-ский, -цкий, -ская, -цкая), например Zbigniew Brzezinski – Збигнев Бржезинский, Zapolska – Заполская. Если же славянские корни носителя фамилии неочевидны или уходят на несколько поколений в прошлое, следует использовать усеченную несклоняемую форму фамилии (Monica Lewinsky – Моника Левински)».¹¹

Что касается неурегулированной передачи окончания -ý/-á (*Nový, Nová*), предпочитаем соблюдение транскрипционного принципа (*Нови, Нова*), вместо русифицированного *Новый, Новая*.

б) При переводе с русского на чешский иногда возникает похожая проблема с окончаниями -ий, которые не следует чехизировать (правильно *Dostojevskij*, а не *Dostojevský, Čajkovskij* вм. *Čajkovský* и т. п.). Наше утверждение подтверждают и данные из *Чешского национального корпуса (Český národní korpus)*, где фраза *Dostojevskij* дает 382 результата, а фраза *Dostojevský* только 71 результат. В косвенных падежах, однако, будем использовать чешские суффиксы мужских прилагательных (*bez Dostojevského*). У женских фамилий наблюдаем противоположную тенденцию, т. к. у них прижилась тенденция чехизировать все фамилии женского рода и присваивать им чешские словообразовательные суффиксы -á, -ová.

В чешском обществе существуют разного рода мнения касательно дилеммы прибавлять или не прибавлять суффикс -ová к иноязычным фамилиям. Решение вопроса усложняется тем, что в него вступают не только лингвистические, но и

¹⁰ КАЛАКУЦКАЯ, Л.П. 1984. *Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке*. Москва: Наука, 1984. с.160.

¹¹ ЕРМОЛОВИЧ, Д.И. 2005. *Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи*. Москва: Р. Валент, 2005. 416 с. ISBN 5-93439-153-4.с. 206-207.

экстралингвистические факторы (вопрос феминизма, сохранение исходной формы имени с целью правовой идентификации, склонение фамилии, не грамматикализованный структура чешского языка). Хотя использование суффикса -ová не нормировано законодательством, *Институт чешского языка Академии наук ЧР (Ústav pro jazyk český Akademie věd ČR)* его рекомендует. Таким образом получаем чешские варианты фамилий как *Muchinová* от *Мухина*, *Šubinová* от *Шубина* и т. д. В русском языке многие фамилии оканчиваются на -ова, -ева и такие фамилии приобретают в чешском языке двойное сочетание букв -ovov- или -evov- (*Muchinonová* от *Мухинова*, *Šubinonová* от *Шубинова*, *Dobroljubonová* от *Добролюбова*). *Институт чешского языка* советует чехизировать и русские женские фамилии, оканчивающиеся на -ая (*Борковская* > *Borkovská*, *Улицкая* > *Ulická*).

Если участник языковой ситуации (письменной или устной) решит не использовать чешские суффиксы (на что он имеет полное право), то это имя не склоняется. Во всех падежах будет использоваться форма именительного падежа, что может, однако, привести к потере смысла предложения, т.к. чешский язык не имеет грамматикализованный порядок слов (отношение подлежащего к дополнению выражается суффиксом, а не порядком слов в предложении).

2.6 Имена библейских и мифологических персонажей, святых, церковных деятелей и монархов

Имена исторических персонажей и монархов передаем при помощи так называемой **транспозиции**, то есть употребление исходной формы имени, используемой в пространстве языка-приемника в первых письменных источниках (Библия, мифы и легенды и т. п.). Таким образом *svatá Barbora* на русском будет *святая Варвара*, а не *святая Барбора*; *svatý Jiljí* будет *святой Эгидий*, а не *Илий* или *Йилий*. Наоборот, русский святой *Николай Чудотворец* будет на чешском *svatý Mikuláš*, а не *svatý Nikolaj*. Также и с именами церковных деятелей: *Svatý Jan Pavel II – Pope John Paul II – Иоанн Павел II* (не *Джон*, не *Ян*). А также имена монархов: английская королева *Elizabeth II* будет на чешском *Alžběta II.* и на русском *Елизавета II* (не *Елизабет*). В случае, если имя ни в каком источнике принимающего языка не существует, на русский язык оно часто передается посредством немецкого языка (*Karel IV* > *Карл IV*). В остальных случаях используем правила фонетической транскрипции.

Надо также иметь в виду, что в случае монархов это правило не всегда действует. Например, английский принц *Charles, Prince of Wales* на русский всегда передается при

помощи транскрипции: *Чарльз, принц Уэльский* (не *Карл*). В таких случаях надо всегда придерживаться чаще используемого варианта.

2.8 Имена известных деятелей культуры и прославленных персонажей из сказок, книг, фильмов и т. п.

Перевод ИС, наполненных культурно-историческим содержанием, усложняется тем, что читатель переводного текста может не обладать достаточными фоновыми знаниями. В таком случае переводчик имеет несколько возможностей решения ситуации: а) **указание нужной информации в сноске**; б) **транскрипция** имени там, где пробелы в фоновых знаниях не препятствуют восприятию текста; в) **деонимизация**, то есть пропуск имени там, где его использование служит, например, в качестве сравнения; г) **онимическая замена**, то есть использование имени из онимического фонда собственного языка.

В заключение можно сказать, что антропонимы часто бывают для переводчиков и других участников межъязыковой коммуникации камнем преткновения. Чтобы избежать лишних ошибок, надо придерживаться следующих правил: а) форму (правописание) имени не следует произвольно менять, т. к. имя является идентификатором его носителя и имеет правовое значение; б) форму имени менять только тогда, когда этого требует сам его носитель или когда речь идет о мифологических или библейских персонажах; в) чтобы включить имя в морфосинтаксические связи языка-приемника, в некоторых случаях можно использовать собственные формообразующие суффиксы.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. ВАСИНКЕВИЧ, Ольга. 2015. В Чехии подешевеют лекарства, книги и детское питание. In: *Inosmi.ru*. [online]. 2014 (04.01.). [cit. 11. 1. 2015]. Dostupné na internete <<http://inosmi.ru/world/20150104/225334731.html>>
2. ГРИШКОВЕЦ, Евгений. 2006. *Погребение ангела*. [online]. 2006. [cit. 11. 1. 2015]. Dostupné na internete <<http://magazines.russ.ru/znamia/2006/2/gr4.html>>
3. ЕРМОЛОВИЧ, Д.И. 2005. *Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи*. Москва: Р. Валент, 2005. 416 с. ISBN 5-93439-153-4.
4. КАЛАКУЦКАЯ, Л.П. 1984. *Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке*. Москва: Наука, 1984.

5. ПЕЛЕВИН, Виктор. *Затворник и шестипалый*. [online]. 1990. [cit. 11. 1. 2015]. Dostupné na internete <<http://pelevin.nov.ru/pov/pe-zatv/1.html>>
6. УНБЕГАУН, Борис. 1989. *Русские фамилии*. Москва: Прогресс, 1989. 443 с.
7. GRÍŠKOVEC, Jevgenij. 2007. Pohřbívání anděla. In: *Antologie ruských povídek*. Brno: Větrné mlýny, 2007, s. 171-197. Перевод Vlasta Smoláková.
8. KŘEN, M., et al. 2010. *Český národní korpus: SYN2010: žánrově vyvážený korpus psané češtiny*. [online]. Praha: Ústav Českého národního korpusu FF UK, 2010. [cit. 11-1-2015]. Dostupné na internete <<https://www.korpus.cz/>>
9. PELEVIN, Viktor. 2007. Poustevník a šestiprstý. In: *Antologie ruských povídek*. Brno: Větrné mlýny, 2007, s. 251-279. Перевод Nikolaj Mokryj.

SLOVENSKÉ PREKLADY DIEL PRE DETI A MLÁDEŽ Z RUSKOJAZYČNÉHO PRIESTORU OD ROKU 2000

Mgr. Zuzana Lorková, PhD.

Katedra jazykovedy a translológie, Fakulta aplikovaných jazykov Ekonomickej univerzity v Bratislave, zuzana.lorkova@euba.sk

РЕЗЮМЕ: В предлагаемой статье хотим исследовать проблематику перевода детской литературы на словацкий язык за последнее пятнадцать лет. В центре нашего внимания будет анализ переводов таких текстов литературы для детей и молодежи, которые присутствуют в словацкой культуре уже несколько десятилетий. С одной стороны, эта литература играет важную роль в воспитании, образовании и формировании личности самого младшего поколения, а с другой стороны в восприятии русской культуры, специфическое место занимают переводы тех текстов, которые в словацком культурном пространстве известны в форме телевизионных мультфильмов.

Úvod

Literatúra pre deti a mládež je neoddeliteľnou súčasťou knižnej produkcie na Slovensku, najmä prekladovej literárnej tvorby, ktorá do istej miery už začiatkom 90. rokov minulého storočia prevalcovala domácu tvorbu. Už len pri letmom pohľade na police kníhkupectiev a knižníc je zrejme, že spomedzi inonárodných diel dominujú knihy preložené z anglického jazyka, čo je spôsobené zrejme viacerými faktormi, ako je stratégia vydavateľských domov, preferencie súčasných čitateľov a dopyt po istých typoch diel, v neposlednom rade to súvisí aj so silným rozmachom a „agresivitou“ anglofónnej predovšetkým americkej, kultúry a jej popularitou nielen na Slovensku, ale aj v celoeurópskom priestore. V súvislosti s tým by sme chceli spomenúť fakt, že podobné postavenie ako má v súčasnosti anglofónna literatúra mala v minulosti (do roku 1989) ruskojazyčná tvorba, čo bolo podmienené viacerými politickými, spoločenskými a následne kultúrnymi faktormi. Po spomínanom roku 1989 sa postavenie a vnímanie ruskej literatúry a „všetkého ruského“ zásadným spôsobom zmenilo – spoločnosť aj inštitucionálne začala obracať svoju pozornosť na Západ a ruská literatúra sa ocitla na okraji záujmu. Táto „averzia“ voči ruskému pretrvávala približne desaťročie. Istý prirodzený zlom vo

vnímaní ruskej literatúry a kultúry a opätovný návrat k jej dielam nastal po roku 2000¹, hoci si dovoľíme tvrdiť, že ani zd'aleka nemá také postavenie ako v minulosti (a zrejme ani mať nebude). Práve preto sme si zvolili rok 2000 ako východiskový a domnievame sa, že na základe bližšieho pohľadu na ruskú tvorbu od tohto roku až po súčasnosť si môžeme vytvoriť jasnejšiu predstavu o fungovaní ruskej literatúry (v našom prípade ruskej literatúry pre deti a mládež) na Slovensku.

Definovanie pojmu literatúra pre deti a mládež

Literatúru pre deti a mládež vo všeobecnosti chápeme ako tú časť literárnej tvorby, ktorá zahŕňa diela určené pre deti od prvého roku života až po mladých ľudí do dovŕšenia dospelosti. Vo všeobecnosti je tento typ textov charakteristický osobitným jazykom a štylistikou, obsahovou a tematickou stránkou, rovnako aj výraznou vizuálnou a grafickou stránkou v podobe ilustrácií (najmä pri textoch určených pre najmenších) a v súčasnej dobe nezriedka aj interaktívnou časťou diela – počítačové softwary, obsahujúce rôzne hry a aktivity.

História vzniku a vývinu literatúry pre deti a mládež siaha do 18. a 19. storočia, do obdobia spoločenských zmien, kedy sa začalo v Európe presadzovať všeobecné základné školské vzdelanie. Dovtedy sa literatúra pre deti nevyčleňovala, nevenovala sa jej toľká pozornosť a len postupne sa dostávala z okrajovej a druhoradej pozície. Dnes je literatúra pre deti a mládež nevyhnutnou a neoddeliteľnou zložkou pri výchove a vzdelávaní najmladšej populácie, hoci pozorujeme klesajúcu tendenciu. Literatúra sa tak prispôsobuje trendom, aby dokázala osloviť čoraz náročnejšieho detského čitateľa, na ktorého sa hrnú podnety a možnosti zábavy z každej strany v podobe počítačových hier, internetu, filmov a podobne. Preto sa objavujú čoraz častejšie experimentálne diela, s výraznou vizuálnou stránkou alebo alternatívnym prístupom rozprávača k čitateľovi.

Aj súčasná literatúra pre deti a mládež sa vyznačuje žánrovou pestrosťou – od obrázkových kníh s minimom textu (leporelá), určených pre najmenších, cez knihy hier a rečňovaniak, ľudové rozprávky, bájky, encyklopédie a príručky (napr. skautské), až po dobrodružné a sci-fi príbehy alebo detektívne či hororové romány.

Nezabudnime aj na jazykovú stránku literatúry, keďže rozvíja jazyk a myslenie dieťaťa. Jazyk textov pre deti a mládež by mal vynikať jednoduchosťou, stručnosťou, presnosťou, ale aj pestrosťou. Jednoznačne by mal nadväzovať na reč dieťaťa, vychádzať z detskej slovnjej

---

¹ MATTOVÁ, Lucia, et. al. 2010. *Podoby a premeny reflexie ruskej literatúry na Slovensku v rokoch 1996 – 2009*, s. 25. [CD-ROM]. Bratislava: Stimul, 2010. [cit. 23-11-2011]. ISBN 978-80-8127-006-2. Dostupné na internete: < <http://stella.uniba.sk/texty/MHL-podoby.pdf> >

zásoby a frazeológie, a zároveň „detský“ jazyk rozvíjať, rozširovať slovnú zásobu, i sféry použitia, ale nemal by byť príliš expresívny, sentimentálny či vyumelkovaný.

Ak by sme si teda zhrnuli fakty, medzi literatúrou pre dospelých a literatúrou pre deti a mládež pozorujeme „... pomerne výrazné rozdiely, ktoré však netreba zovšeobecňovať. Tieto rozdiely vyplývajú predovšetkým z aspektu prispôsobenia diela veku čitateľov, teda z aspektu prístupnosti a zrozumiteľnosti, teda líšia sa na úrovni predmetu alebo obsahu toho či iného diela. Ale skutočnosť, že je literatúra určená deťom vo vzťahu k literatúre pre dospelých obyčajne myšlienково, tvarovo a výrazovo a pod. menej náročná, nijako neznamená, že je aj umelecky podradná.² Naopak, pravdou je, že v súčasnosti pozorujeme tendencie spisovateľov experimentálne pracovať s textom a témami, čo do istej miery môže súvisieť aj s intelektuálnou vyspelosťou novej generácie detí. Už z pomenovania danej literatúry vyplýva, že „jej základným špecifikom je presne určený čitateľ, známy pred vznikom textu. Adresátom textu je dieťa, ale čitateľom môže byť a často aj býva dospelý čitateľ s rôznymi čitateľskými záujmami.³ Prekladateľ, autor ani redaktor však nesmú preceňovať ani podceňovať túto skutočnosť, pretože okrem iného „... nad nimi vždy visí hrozba stať sa pre detského čitateľa alebo ‚dospelo‘ nezrozumiteľným, to znamená čitateľsky nezaujímavým, alebo – a to je ešte horšie – myšlienково a umelecky ‚detským‘, to znamená primitívnym a takisto čitateľsky nezaujímavým.⁴ Tieto fakty musí mať na zreteli nielen autor literatúry pre deti a mládež, ale aj jej prekladateľ, ktorý sa často musí popasovať s prekladateľskými orieškami, prirodzene vznikajúcimi pri preklade do iného jazyka.

Medzi najproblematickejšie oblasti (ktoré sú problémovými oblasťami v preklade celkovo, ale v detskej literatúre zvlášť) patria slovné hry, onomatopoja, rým, aliterácia, nárečia, funkčné mená, homonymá, či reálie (pri preklade musí prekladateľ zvážiť, či je nevyhnutné danú reáliu prekladať, meniť, prispôbiť domácemu prostrediu alebo je už natoľko známa, že môže ostať v pôvodnom tvare). Prekladateľ nesmie zabúdať, že reálie a iné „cudzíe“ prvky nesmú pôsobiť rušivo, mal by vždy uvažovať nakoľko je ich zachovanie alebo prispôbenie dôležité. Miera exotizácie a naturalizácie je pomerne komplikovaná otázka a neexistuje jednotný postup alebo princíp.

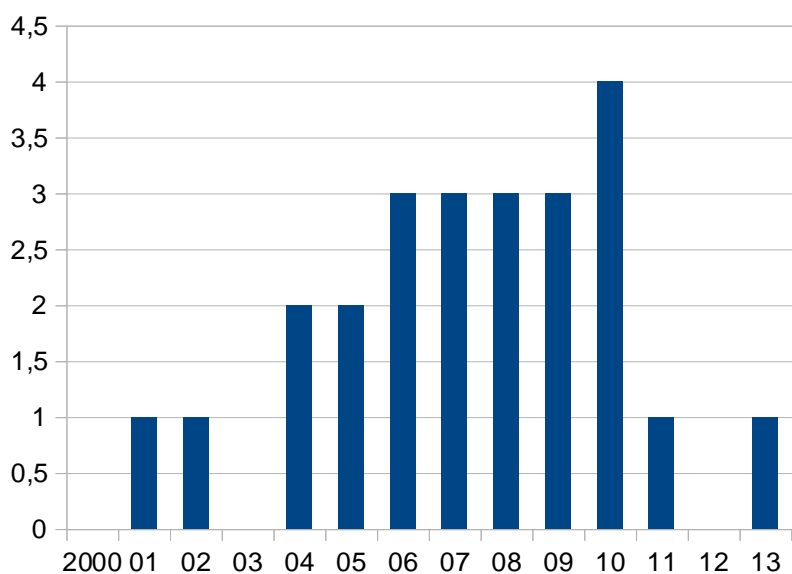
² HARPÁŇ, M.: *Teória literatúry*. Bratislava: Tigra, 2004, s. 12. ISBN 80-88869-36-6.

³ FERENČÍK, J.: *Kontexty prekladu*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, s. 116-117.

⁴ Tamže, s. 118.

Preklady ruskojazyčných diel pre deti a mládež do slovenského jazyka

Jedným z dôležitých ukazovateľov fungovania ruskej literatúry, v našom prípade literatúry pre deti a mládež, je počet publikovaných knižných prekladov do slovenského jazyka. Na základe rešerší SNK a internetových zdrojov sme dospeli k počtu dvadsaťštyri titulov⁵ (dva tituly z toho vyšli v dvoch reedíciách) za obdobie pätnástich rokov. Len pre lepšiu predstavu sme sa pokúsili dospieť k celkovému počtu publikovaných prekladových titulov pre deti a mládež za toto obdobie – je to viac ako 9300 titulov.⁶

Obrázok 1: Počet preložených titulov pre deti a mládež za obdobie rokov 2000-2014

⁵ Do počtu sme nezahrnuli encyklopédie, učebnice, omaľovanky atď.

⁶ Nedovolíme si uvádzať presný údaj, keďže počet bol spracovaný na základe rešerší SNK a bolo viac ako nemožné osobne sa dostať ku všetkým titulom.

Autor	Nazov diela	Rok
Gubskaja, M.	Zázračné slovička	2004
Kamov, F. S. et al	No počkaj! 1 Pite mrkvovú šťavu	2005
Kamov, F. S. et al	No počkaj! 2 Hókus-Pókus	2006
Kamov, F. S. et al	No počkaj! 3 Trampoty na ceste	2006
Kamov, F. S. et al	No počkaj! 4 Pripraviť sa na štart	2006
Kamov, F. S. et al	No počkaj! 5 Ó, sole mio!	2007
Kamov, F. S. et al	No počkaj! 6 Záhradné strašidlo	2007
Krjukova, T.	Dom hore nohami	2007
Krylov, I. A.	Sviňa a iné bajky	2011
Lichoded, V. G.	Medvedíkov sen	2010
Moskvínová, M.	Môj pes má rád džez	2008
Nosov, I.	Nevedkove dobrodružstva	2001
Nosov, I.	Nevedkov ostrov	2002
Nosov, I.	Nevedkov ostrov	2004
Nosov, N. N.	Nevedko na Mesiaci	2009
Tolstoj, L. N.	Rozprávky a bajky	2008
Uspenskij, E.	Krokodíl Geňa a jeho priatelia	2013
	Najkrajšie ruské rozprávky	2005
	Mrázik a iné ruské rozprávky	2008
	Baba Jaga a iné rozprávky	2009
	Rozprávky o bosorkách, čarodejniciach a ježibabách	2010
	Rozprávky o škriatkoch, čertoch a o dobrých i zlých vílach	2010
	Drevený zámoček	2010
	Máša a medveď – rozprávky o Máši a medveďovi	2014
	Najkrajšie ruské rozprávky	2009

Tabuľka 1: Zoznam prekladov

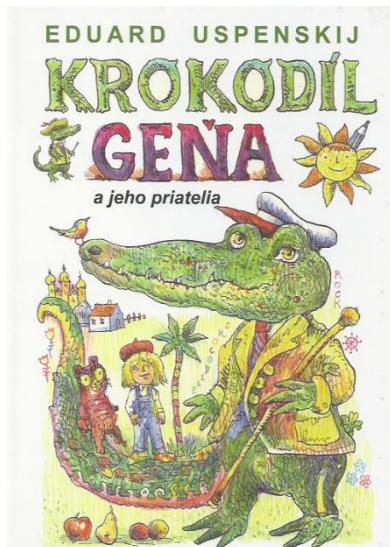
Spomedzi titulov dominujú diela v slovenskom kultúrnom priestore už istým spôsobom známe ako sú tradičné ruské rozprávky (*Drevený domček*, *Rozprávky a bajky* L. N. Tolstého, *Najkrajšie ruské rozprávky* atď.), niektoré texty sa uvádzajú bez konkrétneho autora. Nazdávame sa teda, že vydavateľstvá pri výbere prekladov z ruského jazyka skôr zvyknú „staviť na klasiku“ a len opatrne vyberajú texty, ktoré sa rozhodnú publikovať. Za zmienku z publikovanej „klasiky“ jednoznačne stoja texty I. A. Krylova *Sviňa a iné bajky*, ktoré vyšli v slovenskom jazyku už v niekoľkých vydaniach. Jazyk posledného vydania z roku 2011 je aktualizovaný a súčasný, zrozumiteľný aj pre deti, hoci primárne nejde o texty pre deti. Príbehy z každodenného života sú doplnené čierno-bielymi a farebnými ilustráciami českého maliara a umelca A. Borna.

Na druhej strane, ako výsledok pravdepodobne marketingového ťahu vnímame vydanie titulu *Máša a medveď – rozprávky o Máši a medveďovi*, ktorý obsahuje príbehy z populárneho animovaného ruského seriálu spracovaného v 3D grafike. Seriál *Máša a medveď* sa začal vysielat' v roku 2009 a popularitu si získal po celom svete (vysielala ho aj česká televízia ČT1). K šíreniu jeho popularity zrejme prispelo niekoľko faktorov – okrem prepracovanej grafiky, vtipných príbehov, sympatických postáv a minima slov, aj jeho bezplatná dostupnosť na internetovej stránke youtube.com, vytvorenie počítačovej hry, atď.

Pri práci nás okrem iného zaujal aj fakt, že sa objavili texty, ktoré boli v minulosti známe na Slovensku (možno najmä pre generáciu detí narodených v osemdesiatych rokoch minulého

storočia) v podobe kreslených seriálov či televíznych rozprávok a v knižnej sa objavili len nedávno. Ide o diela ako *Krokodíl Geňa a jeho priatelia* a *No počkaj!*, ktorým budeme venovať väčšiu pozornosť.

Krokodíl Geňa a jeho priatelia

Autorom „románu“⁷/rozprávky je ruský spisovateľ a autor detských kníh Eduard Uspenskij (1937), ktorý vytvoril známe postavy ako Krokodíl Geňa (Крокодил Гена), Čeburaška (Чебурашка), Ujo Fedor (Дядя Федор) atď., ktoré sa stali neoddeliteľnými ba až kultovými postavami z ruskej kultúry. E. Uspenskij začínal ako satirik v sovietskych časopisoch v období šesťdesiatych rokov minulého storočia, ale niektoré jeho príspevky boli cenzurované, a tak sa preorientoval na tvorbu pre deti a mládež.

Príbeh o Krokodílovi Geňovi bol prvýkrát publikovaný vo vydavateľstve Detskaja literatura v roku 1966 a o tri roky neskôr vznikol podľa jeho námetu animovaný film *Krokodíl Geňa*. Od svojho vzniku bola rozprávka preložená do mnohých svetových jazykov. Hlavnými postavami sú spočiatku osamelý päťdesiatročný africký krokodíl Geňa, ktorý pracuje v zoológickej záhrade a fajčí tabak z fajky (kvôli čomu takmer zakázali vysielanie tohto animovaného filmu v Rusku, k čomu sa neskôr vrátíme), jeho kamarát Čeburaška (v slovenskom preklade Strepaj/Strepajko,⁸ nižšie na obrázku) – neidentifikovateľné zviera z tropických lesov a bábika Gaľa, ktorí spolu vybudujú dom priateľstva.

Slovenský preklad diela *Krokodíl Geňa a jeho priatelia* vyšiel už v roku 1983 vo vydavateľstve Mladé letá, potom v roku 2013 vo Vydavateľstve Spolku slovenských spisovateľov v preklade Miloša Ferka s ilustráciami slovenského maliara a ilustrátora Martina Kellenbergera. Do tohto vydania boli zaradené aj príbehy *Strýko Fedor, pes a kocúr* (Дядя Фёдор, пёс и кот (1973)) a *Záruční ľudiečkovia* (Гарантийные человечки» (1975)).

⁷ Takto ho autor pomenoval.

⁸ Domnievame sa, že voľba „prekladu“ mena tejto postavy je inšpirovaná prekladom z prvého prekladu z pera Eleny Linzbothovej, ale v súčasnosti nie je najšťastnejšie riešenie, najmä ak vezmeme do úvahy, že mnohí čitatelia nedokážu identifikovať túto postavu podľa mena Strepaj, ale skôr ako Čeburašku.

Na prvý pohľad jednoduché príbehy obsahujú didaktickú zložku, ktorú ponúkajú detskému čitateľovi veľmi nevtieravým spôsobom – bezprostredné nadväzovanie spoločenského kontaktu a utužovanie priateľských vzťahov, vytváranie vzťahu k zvieratám (nešťastný pes, ktorého vyhnali z domu, keď vyrástol zo šteňaťa), potrestanie neslušného správania atď.

Jazyk diela *Krokodil Geňa* z roku 2013 je živý a súčasný, s aktualizovanými doplneniami a vysvetleniami – v zátvorke nájdeme, napríklad, vysvetlenie, že v období, kedy sa odohráva príbeh, neexistovali mobilné telefóny, alebo vysvetlenie pojmu „slovník“ a toho, načo podobné knihy slúžia). Príležitostne sa v texte objavia aj výrazy, ktoré nemusia byť detskému čitateľovi jasné – reparátnik, príručka, smena, cviker atď., predpokladáme však, že autor/prekladateľ počítali s pomocou ilustrácií, staršieho či dospelého čitateľa, ktorý dokáže ozrejmiť jednotlivé výrazy.

Rozprávka o zvláštnych priateľoch ako taká si získala úspech nielen v Rusku, ale aj v zahraničí. Napríklad, v sedemdesiatych rokoch minulého storočia vo Švédsku vznikla séria televíznych a rozhlasových relácií s postavami krokodíl Geňa (Gena po švédsky) a Čeburaška (Drutten po švédsky) – teda s podobnými menami aj vzhľadom, ale na tom sa ich podoba skončila. Obe postavy rozprávajú a prežívajú iné príbehy, žijú na inom mieste, čo je dôvodom, že si mnohí Švédi nespájajú „svojich“ so sovietskymi protagonistami.

Len pred pár rokmi obe postavy získali popularitu aj v Japonsku⁹, kde natočili príbehy v podobe trojdielného seriálu *Čeburaška* (2010), neskôr vznikol v spolupráci Japonska, Ruska a Kórey nový animovaný film *Čeburaška* (2013), ktorý mal premiéru až v roku 2014.

No počkaj!

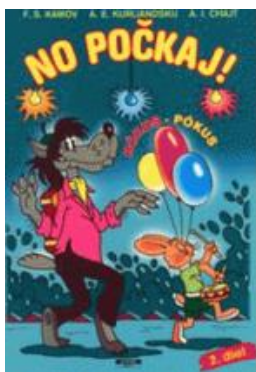
Nepochybne najznámejším sovietskym detským animovaným seriálom nielen na Slovensku sú príbehy vlka a zajaca s názvom *No počkaj!* (Ну погоди!), ktorý vznikol ako protipól amerického seriálu Tom a Jerry. V porovnaní s príbehom Krokodíla Geňu, seriál *No počkaj!* najprv vznikol ako televízny animovaný seriál v roku 1969, autorom ktorého je Gennadij Sokol'skij, až neskôr bol spracovaný v knižnej podobe. Od svojho vzniku vystupujú vlka a zajac vo viac ako dvadsiatich častiach, ktoré vznikali v rôznych televíznych a filmových štúdiách a tak sa časom menila aj grafika, humor či vzhľad postáv. Seriál *No počkaj!* do istej miery ponúka spätný a

⁹ Cit. podľa: <<http://www.dni.ru/culture/2010/5/19/191892.html>>. [28.01.2015]

nostalgický pohľad do sovietskej každodennosti, hoci nepochybne v prvom rade ide o zábavný seriál s poučnými scénami, teda opäť aj s didaktickou zložkou¹⁰.

Vlk v rozprávke zosobňuje chuligána, vandala, ktorý ničí vecí okolo seba, hodnotné pamiatky, znečisťuje svoje okolie, ubližuje slabším a príležitostne fajčí a pije alkohol. V súvislosti s tým nadviažeme aj na vyššie spomínaný prípad, kedy v roku 2012 v Rusku hrozilo, že sa v súvislosti s prijatím zákona o ochrane detí zavedie zákaz v priebehu dňa (do jedenástej večer) vysielat' rozprávky, ktoré obsahujú nevhodné modely správania, medzi ktoré patrili aj animované filmy *Krokodíl Geňa* aj *No počkaj!*, keďže obe postavy fajčia a nie sú tak vzorom pre najmladšiu generáciu¹¹, v konečnom dôsledku boli tieto postavy „omilostené“ a môžu sa objavovať na obrazovkách aj v priebehu dňa.

Zajac je absolútnym protikladom vlka – je to kladná postava, priam až ideálny sovietsky školák, empatický športovec s umeleckým cítením a hudobným nadaním. Vlka nevníma ako hrozbu, skôr ako nepríjemnú súčasť života, ktorej sa snaží vyhýbať, hoci si niekedy navzájom aj pomôžu alebo bojujú za spoločnú vec.

V roku 1990 ruské vydavateľstvo Samovar publikovalo knižnú šesťdielnu sériu *No počkaj!*, ktorá predstavovala výber niektorých dielov animovaného seriálu s opismi deja. Podľa recenzií a ohlasov na internetových portáloch sme však dospeli k záveru, že si knižná séria nezískala priveľký čitateľský úspech a oslovila najmä známymi ilustráciami, ktoré sú vybrané z filmu. Slovenský preklad série *No počkaj!* postupne vznikol v období rokov 2005-2007 vo vydavateľstve Slovart-Print v preklade Ivety Cimprichovej. V prípade prvého dielu sa uvádza ako prekladateľ agentúra Aspena, čo vnímame ako nekorektný postoj voči prekladateľovi ako tvorcovi a autorovi prekladu. V praxi však tento jav nie je ojedinelý.

Pri analýze daných prekladov sme však narazili na niekoľko problematických miest/aspektov, ktoré môžu čiastočne zdôvodniť slabý čitateľský záujem o tento titul, ale vzhľadom na rozsah danej práce ich len stručne spomenieme. Istotne si už najmenší čitateľ všimne, že na viacerých miestach text nezodpovedá ilustrácii. Uvedme si niekoľko príkladov:

„Jedného dňa šiel po ulici vlk. Košielka na hrudi rozopnutá, trčí z nej bruško, širokánskymi nohavicami zametá chodník, v kútiku úst mu dymí cigaretka...“ (na obrázku však v skutočnosti nemá cigaretu) (1.diel, s.2.)

¹⁰ Cit. podľa: <<http://www.nashfilm.ru/multifilms/821.html>> [28.01.2015]

¹¹ Cit. podľa: <<http://www.interfax.ru/russia/262824>> [28.01.2015]

„Vlk hodil kačku do vody.“ (Vlk aj kačka sú ale pod vodou) (1. diel, s. 24)

„Vlk vyšiel v oranžovej koženej bunde, v zvonových nohaviciach, za opaskom žlté motorkárske rukavice (na obrázku nemá nijaké rukavice, o pár strán neskôr sú tmavej farby) (3. diel, s.2)

Podobných problematických miest je na ploche zbierky príbehov niekoľko, ktoré naozaj môžu pôsobiť na čitateľa máľúco, najmä ak si všimne nejasné opisy scén alebo dokonca vynechané scény z pôvodného seriálu. Ďalším problémom môže byť aj použitá lexika: objavuje sa, napríklad, slovné spojenie „šiltovka aerodynamického strihu“ (3. diel, s. 16), ale na druhej strane aj pomerne veľa zdobnenín v súvislosti s Vlkom, napríklad, „... Vlk ‚nevinnúčky‘ – prázdne dlane ukazuje, vrecká vyvracia – nič neskrývam, pred zákonom som čistý...“. Vo všeobecnosti môžeme skonštatovať, že čitateľom, ktorí poznajú animovaný seriál nemusí vyhovovať zvolený jazyk na štylistickej úrovni. Hoci ide o detskú knižku, zvolené opisy, prirovnania a slovné výrazy môžu pôsobiť priam rušivo.

Ukázalo sa tak, že vydanie knižného výberu príbehov až „chorobne“ známych z animovanej podoby môže byť pomerne komplikovaná úloha, ktorá nemusí dopadnúť veľmi úspešne. Potvrďuje sa opäť dôležitosť „súhry“ a dôslednosti pri spracovaní ilustrácií a textu. Tak isto sa ukázala konfrontácia medzi vizuálnou a slovesnou stránkou diela, najmä ak ide primárne o filmové diela, neskôr spracované do printovej podoby.

Záver

Literatúra pre deti a mládež a animované filmy tvoria neoddeliteľnú zložku vo výchove, vzdelávaní a zábave detí, rovnako ako aj pri formovaní ich charakteru. Aj z tohto dôvodu sa kladie veľký doraz nielen na ich vizuálnu podobu, ale aj jazykové spracovanie, s ktorým pracuje autor/prekladateľ, keďže je od začiatku jasný adresát výsledného diela. Na jednej strane sa ukázalo sa, že slovenskej najmladšej generácii sú vo väčšine prípadov ponúkané kvalitne spracované tituly z ruskojazyčného prostredia, ktoré sú už pomerne známe v slovenskom kultúrnom priestore z minulosti, hoci ich počet je naozaj nízky. Na druhej strane, na krátkej analýze dvoch animovaných diel a ich knižnej podoby sme potvrdili, že najmä k dielam známych viacerým generáciám je nevyhnutné pristupovať skutočne citlivo a dôsledne, voliť adekvátne jazykové prostriedky, tak aby výsledné diela dieťa zaujali, zároveň vzdelávali, ale aj zabávali.

Z krátkej analýzy vyplynulo, že aj printové spracovanie primárne audiovizuálneho diela môže naraziť na viaceré úskalía (vizuálna a slovesná stránka), najmä ak ide o medzinárodne známe animované dielo.

BIBLIOGRAFIA:

1. KRYLOV, I. A.: *Sviňa a iné bájky*. Bratislava: Slovart, 2011, 175 s. ISBN 978-80-556-0253-0
2. KAMOV, F. S. – KURLIANDSKIJ, A. E. – CHAJT, A. I.: *No počkaj! 1. Pite mrkvovú šťavu*. Bratislava: Slovart-Print, 2005. ISBN 80-969369-0-5
3. KAMOV, F. S. – KURLIANDSKIJ, A. E. – CHAJT, A. I.: *No počkaj! 2. Hókus-Pókus*. Bratislava: Slovart-Print, 2006, 47 s. ISBN 80-89242-01-4
4. KAMOV, F. S. – KURLIANDSKIJ, A. E. – CHAJT, A. I.: *No počkaj! 3. Trampoty na ceste*. Bratislava: Slovart-Print, 2006, 52 s. ISBN 80-89242-05-7
5. KAMOV, F. S. – KURLIANDSKIJ, A. E. – CHAJT, A. I.: *No počkaj! 4. Pripraviť sa na štart*. Bratislava: Slovart-Print, 2006, 43 s. ISBN 80-89242-21-9
6. KAMOV, F. S. – KURLIANDSKIJ, A. E. – CHAJT, A. I.: *No počkaj! 5. Ó, sole mio!* Bratislava: Slovart-Print, 2007, 39 s. ISBN 80-89242-28-6
7. KAMOV, F. S. – KURLIANDSKIJ, A. E. – CHAJT, A. I.: *No počkaj! 6. Záhradné strašidlo*. Bratislava: Slovart-Print, 2007, 55 s. ISBN 978-80-89242-49-8
8. USPENSKIJ, E.: *Krokodíl Geňa a jeho priatelia*. Bratislava: Mladé letá, 1983, 127 s.
9. USPENSKIJ, E.: *Krokodíl Geňa a jeho priatelia*. Bratislava: Vydavateľstvo Spolku slovenských spisovateľov, 2013, 164 s. ISBN 978-80-8061-729-5
10. DUTKA, E.: *Minimum z dejín svetovej animace*. Praha: Akademie múzických umění, 2012, 170 s. ISBN 978-80-7331-253-4
11. FERENČÍK, J.: *Kontexty prekladu*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, s. 116-117.
12. HARPÁŇ, M.: *Teória literatúry*. Bratislava: Tigra, 2004, s. 12. ISBN 80-88869-36-6
13. MATTOVÁ, Lucia, et. al. 2010. *Podoby a premeny reflexie ruskej literatúry na Slovensku v rokoch 1996 – 2009*, s. 25. [CD-ROM]. Bratislava: Stimul, 2010. [cit. 23-11-2011]. ISBN 978-80-8127-006-2. Dostupné na internete: <<http://stella.uniba.sk/texty/MHL-podoby.pdf>>

Internetové zdroje:

1. Крокодил Гена и Волк бросают курить. Dostupné na internete: <<http://www.interfax.ru/russia/262824>> [28.01.2015]
2. Даря Печорина. Ну, погоди! – история советской повседневности. Dostupné na internete: <<http://www.nashfilm.ru/multifilms/821.html>> [28.01.2015]
3. Япония показала свою версию Чебурашки. Dostupné na internete: <<http://www.dni.ru/culture/2010/5/19/191892.html>> [28.01.2015]

~ Literárnovedná sekcia ~

КОНЦЕПЦИЯ МИРА И ЧЕЛОВЕКА В СЕНТИМЕНТАЛЬНЫХ ПОВЕСТЯХ ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА ИЗМАЙЛОВА

Малгожата Пжепюрка, аспирантка

Институт русистики, Факультет прикладной лингвистики, Варшавский Университет,
przepiorka.malgorzata@gmail.com

ABSTRACT: Present contribution is focused on Russian Sentimentalism – literary movement, chronologically following Neoclassicism and preceding Romanticism. The article contains presentation of Vladimir Izmailov's creativeness. Izmailov was one of the best imitators of Karamzin. The main line of research are Vladimir Izmailov's novels: *Rostov lake (Ростовское озеро)* and *Beautiful Tatiana, who lives at the foot of Sparrow Hills (Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьёвых гор)*. The research theme in these novels is conception of the world, the man and characters. There are shown dominant trends occurring in the literature of that period. It is worth noticing that except of "sentimental novel" there is the term "sensitive story". The authors of the sentimental tales pointed out the hero's feelings, his psyche, relationships with others and the context of human nature. Vladimir Izmailov was the first writer who began to reveal the essence of the sentimental novel.

Владимир Васильевич Измайлов (1773-1830) – прозаик, поэт, издатель, переводчик, литературный критик. Он принадлежит к малоизвестным представителям сентиментализма. Дебют Измайлова – это психологический очерк «Чувства мои над гробом доброй Марии, 12-летней девушки», опубликованный в 1794 г. в журнале «Приятное и полезное препровождение времени». Стоит подчеркнуть, что большинство произведений автор помещал в издаваемых им журналах. В 1804 г. в журнале «Патриот» опубликовал повесть под заглавием: «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор», а в 1814 г. возглавлял журнал «Вестник Европы».

В литературе кроме «сентиментальной повести» существует термин «чувствительная повесть». Однако первое определение является более распространённым, потому что указывает на литературное течение. Авторы сентиментальных повестей представляли чувства героя, его психику, отношения с другими людьми, вписывали человека в контекст природы. Герой являлся по крайней мере частью гармоничного, уложенного естественного мира.

Исследовательница Магдалена Домбровска констатирует, что Владимир Измайлов был первым писателем, который раскрывал суть сентиментальной повести.¹ В 1804 году в журнале «Патриот» появилась его статья «Взгляд на Повести, или Сказки».² Писатель замечает влияние западноевропейских авторов на сентиментальную повесть. Он ценит Мармонтеля³ настолько, что сравнивает его с Вольтером. Потом Измайлов сравнивает французского писателя с русскими сентименталистами (Николай Карамзин и его «Бедная Лиза» и «Юлия»).

Измайлов свою писательскую деятельность начал с сотрудничества с журналом «Приятное и полезное препровождение времени». В 1795 году опубликовал Ростовское озеро. Затем в журнале «Патриот» печатается его повесть «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьёвых гор». Следующим значительным произведением является «Путешествие в полуденную Россию».⁴

Нельзя забывать, что важным в произведении является выбор рассказчика и героев, а также способ проведения рассказа. Тут стоит привести слова Марии Ясинской, которая пишет, что очень важным является анализ реальных фактов, состоящий в раскрытии связи рассказчика с исторической реальностью, с идеологией произведения, его литературной традицией, литературным течением, а также с индивидуальной концепцией произведения и её разными свойствами.⁵

В повести Владимира Измайлова «Ростовское озеро» появляется повествование, в котором можно выделить два «голоса» от первого лица. В этом произведении рассказчиком является свидетель событий: «С тех времён исчезла для меня вселенная, люди чужды моему сердцу и жизнь тяжким бременем тяготит душу мою»⁶; и их участник: «Тут молодой несчастливец замолчал и погрузился в мрачное уныние. Я глядел на него и обливался слезами».⁷

¹ DĄBROWSKA, M. 2004. *Rosyjska opowieść sentymentalna przełomu XVIII i XIX wieku*, Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego 2004, s. 45. ISBN 9788323504115.

² О.О.О (ИЗМАЙЛОВ, В. В. *Взгляд на Повести, или Сказки*. In: *Патриот* 1804, т. 2, с. 205-2014.

³ Жан Франсуа Мармонтель (1723-1799) – известный французский писатель, окончил Иезуитскую школу и занимал кафедру философии в Тулузе, в Иезуитской коллегии. В 1743 г. написал первую оду, но не получил за неё награду. Затем обратился к Вольтеру с обжалованием за неудачу и тем самым началась их дружба. При содействии Вольтера Мармонтель написал много произведений. В творчестве писателя действие разыгрывается в светском обществе, а герой попадает в разные романтические приключения.

⁴ DĄBROWSKA, M. 2004. *Rosyjska opowieść... op. cit.* s. 45.

⁵ JASIŃSKA, M. 1967. *Narrator w powieści (Zarys problematyki zadań)*. In: *Problemy teorii literatury*, Wrocław – Warszawa – Kraków. Czytelnik. 1967, s. 288.

⁶ ИЗМАЙЛОВ, В. В. 1990. *Ростовское озеро*. В: КОРОВИН, В. В. И. 1990, *Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма*, Москва. Современник. 1990, с. 84.

⁷ Ibidem. с. 85.

В повести читатель узнаёт историю молодого человека, сироты с отличительной чувствительностью, который отправляется в путь по России с целью найти любовь. Он находится у берега Ростовского озера и тут замечает крестьянку – Анюту, читавшую «Новую Элоизу» Руссо. К сожалению, их счастье не длится долго. Ребёнок супругов умирает сразу после рождения и затем умирает Анюта.

По структуре эту сентиментальную повесть можно разделить на три части. Первая начинается со вступления, в котором появляется образ рассказчика. Читатель узнаёт действие романа, место и время. В тексте появляется рамочный рассказчик (в начале и заключении).⁸ Вторая часть – самая важная потому, что здесь появляется рассказ личного повествователя. Эта часть произведения является центральной с идейной и композиционной точек зрения.

Рамочный рассказчик это молодой, благородный россиянин, у которого уже некий жизненный опыт в любовной сфере. Рассказчик является человеком начитанным, хорошо образованным. В произведении он вспоминает мифологических героев и античных божеств: *«На каждом шагу встречались мне прекрасные места...[...]...цветущие берега, которые, может быть, ничто в сравнении с леманскими, прославленными Жаном Жаком Руссо и молодым Верном, но на которых осмеливался я поселять новую Юлию, сам быть вторым Сен-Пре и жить там с нею в тишине уединения»*⁹; *«Едва ли нежная Евридика сама, следуя за влюбленным своим Орфеем...»*¹⁰; *«Несколько минут стоял он неподвижен, устремив глаза свои на место, засыпанное землею; казалось, что смертное отчаяние, подобно как Иобу, превратило его в камень»*.¹¹

Вышеуказанные примеры свидетельствуют о высоком интеллектуальном уровне рассказчика.

Нельзя забывать о важной черте, появляющейся в эпоху сентиментализма, чувствительности, которая нашла отклик в произведениях этого периода: *«Сердце мое, приятно растроганное, билось от томно-радостных восторгов своих, нежно горестные слёзы капали на туманную зелень и сливались с вечернею росой; искры электрического чувства, которое на ту минуту казалось мне потрясающим все три царства природы, летели из моей груди и сверкали в пламенных моих взорах»*.¹²

⁸ DĄBROWSKA, M. 2004. *Rosyjska opowieść...* op. cit. s. 71.

⁹ ИЗМАЙЛОВ, В. В. 1990. *Ростовское озеро...* op. cit. s. 69.

¹⁰ Ibidem, s. 71.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem, s. 69.

Рассказчик предпочитает природу цивилизации. Можно прийти к выводу, что у sentimentalного рассказчика и героя существует неотъемлемая связь с натурой. Она является важным элементом в произведении, появляется во многих описаниях. В «Ростовском озере» рассказчик гуляет *«в один из тех неизреченно приятных майских часов»*.¹³

Рассказчик всё время находится в пути. Он гуляет и размышляет. У него нет конкретного плана: *«Таким, образом, бродил я около часа, будучи углублен в самого себя, как вдруг ясный свет месяца пролился на мрачную поверхность воды и прервал нить моих принятых мыслей»*.¹⁴

Однако, Магдалена Домбровска подчёркивает, что это только «обманчивая случайность».¹⁵ Путешествие рассказчика является хорошо запланированным. В повести идейный порядок соединяется с философией Просвещения. Писатель обращается к теории Руссо, теме возвращения к природе.¹⁶ Рассказчик бродит по конкретным местам, которые пробуждают в нём чувства, эмоции, впечатления, волнения. Рассказчик описывает окружающую его действительность через эмоции, вызванные конкретным местом¹⁷: *«В стенах монастыря царствовало мертвое молчание; высокие его башни заслоняли ночное светло; везде была ужасающая темнота, сквозь которую едва прорывался томный луч огня, светившегося в монашеских кельях. Куда не обращались взоры мои и куда ни ступал я, повсюду казалось мне, что я заносу ногу в оную непроницаемую мглу, где кроются хладные остатки человечества; повсюду встречались мне унылые обители мертвых, расселины надгробных камней, могилы, седым мхом обросшие, повсюду представлялся печальный образ разрушения – смерти и вечности. Я чувствовал в себе необычайный трепет...»*¹⁸

Рассказчик находится в пути и встречается с незнакомым человеком. Благодаря этому приёму читатель узнаёт судьбу и биографию случайно встреченного человека. Рамочный рассказчик приобретает функцию слушателя. С рассказа незнакомца в «Ростовском озере» узнаём, что он сирота. После его рождения умерла мать, а затем

¹³ ИЗМАЙЛОВ, В. В. 1990. *Ростовское озеро...* op. cit. s. 69.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ DĄBROWSKA, M. 2004. *Rosyjska opowieść...* op. cit. s. 74.

¹⁶ Французский философ и писатель, представитель сентиментализма. С позиции деизма осуждал официальную церковь и религиозную нетерпимость. Выдвинул лозунг «Назад к природе!». Основные произведения «Юлия, или Новая Элоиза» (1761), «Эмиль, или О воспитании» (1762), «Об общественном договоре» (1762), «Исповедь» (1781-1788). Жан Жак Руссо родился 28 июня 1712 года в Женеве, а умер 2 июля 1778; ЖАН ЖАК РУССО (1712-1778) In: *Великие мыслители* [online]. [cit. 22-12-2014]. <<http://bibliotekar.ru/filosofia/49.htm>> .

¹⁷ DĄBROWSKA, M. 2004. *Rosyjska opowieść...* op. cit. s. 75.

¹⁸ ИЗМАЙЛОВ, В. В. 1990. *Ростовское озеро...* op. cit. s. 71.

также отец. Рассказчик чувствует себя виноватым в смерти его «путеводителей юности».¹⁹ Но он благодарный природе, которую сравнивает с «нежной матерью».²⁰ Он замечает: «*Природа дала мне, если смею сказать, пылкое воображение, простое, но чувствительное сердце – самое приятное, но и нагубное свойство, которым она может наделить человека*».²¹ Затем мы узнаём, что рассказчик учился в Московском университете. Он скучал по близким и хотел возвратиться в деревню, в которой провёл детство. В повести речь идёт о учёных, что свидетельствует о том, что это хорошо образованный человек: «*Научившись с Невтоном познавать законы физического мира и с Поне моральную натуру человека...*»²²

Рассказчик сосредоточивается только на важных событиях, имеющих для него важное значение. Вспоминает, что во время путешествия он заметил прекрасную крестьянку, которая привлекла его взор. Затем они венчаются, но во время родов Аня умирать.

Рассказчик не остаётся равнодушным к услышанной истории.²³ Такую структуру повествования характеризует огромная степень раскрытия рассказчика. Этот приём существует благодаря употреблению повествования от первого лица, комментариев, а также оценок мира.

Следующую группу сентиментальных повестей составляют произведения с повествованием от третьего лица. К этой группе принадлежит «*Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьёвых гор*». По мнению Ясинской, суть повествования от третьего лица заключается в том, что рассказчик рассказывает историю, но рассказываемый им ряд событий не является элементом его жизни.²⁴ Рассказчик обладает огромными, неограниченными знаниями. Это обозначает, что он располагает всеми данными, нужными для характеристики окружающей его действительности. Он сможет описать фон, мысли и чувства участвующих персонажей, а также их взаимные отношения.

В русских сентиментальных повестях появляются обобщения по моральным темам о жизни, обычаях, часто несвязанных с рассказанной историей.²⁵ В «*Прекрасной*

¹⁹ ИЗМАЙЛОВ, В. В. 1990. *Ростовское озеро...* op. cit. s. 75.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem.

²² ИЗМАЙЛОВ, В. В. 1990. *Ростовское озеро...* op. cit. s. 76.

²³ JASIŃSKA, M. 1967. *Narrator w powieści...* op. cit., s. 280.

²⁴ JASIŃSKA, M. 1965. *Narrator w powieści przedromantycznej (1776-1831)*, Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. 1965, s. 90. ISBN 0073-246X

²⁵ FRIEDMAN, N. 1971. *Punkt widzenia w powieści. Rozwój pojęcia*. In: *Przegląd Humanistyczny*. 1971. nr 3. s. 118.

Татьяне, живущей у подошвы Воробьёвых гор» комментарии появляются в ходе повествования: *«Итак, первое действие порочных страстей есть то, что они не дают нам наслаждаться благополучием других людей и заставляют нас завидовать их блаженной доле, которой собственная воля нас лишает»*.²⁶

Читатели повести также «связаны» с рассказчиком. Вольфганг Кайсер пишет: «читатель и рассказчик принадлежат к поэтическому миру, они остаются в неразлучной связи».²⁷ В тексте появляются непосредственные обороты, функцией которых является как будто «вход» читателя в пространство мира: *«Но сквозь самый блеск красоты ее видно было стесненное сердце, изнемогающие под бременем молчания и печали. Подгорюнившись правою рукою, держала она в левой развернутую книгу (представьте себе моё удивление!)»*.²⁸

В начале сентиментальные повести были посвящены женщинам. В произведениях появляется мотив чувствительности и любви. Читателем мог быть только чувствительный человек.²⁹

Уместным будет сказать, что в сентиментальных повестях появляются диалоги, которые напоминают нам драматургические тексты. Появляются также поэтические фрагменты, выступающие в функции эпитафии, например:

Ainsi s'eteint tout se qui brille un moment sur la terre

J. J. Rousseau {*}

{*Так угасает все, что блистало краткий миг на земле. Ж. -Ж. Руссо}.³⁰

В сюжете сентиментальной повести появляется пара любовников. Девушка – это «молодая сельская красавица», отличающаяся именно чувствительностью. Молодой человек является благородным, хорошим, чувствительным мужчиной, ищущим любви. В *Ростовском озере* мы читаем: *«Минута моего рождения, так начал говорить почтенный мой знакомец {читатели позволят мне умолчать о его роде и имени}, и сердечное чувство запечатлело все слова его в моей памяти, была минутой и сиротства. Жизнь моя навлекла смерть дражайшей родительницы и несчастному отцу моему, который с печали через несколько дней за нею последовал. Хотя потеря эта не*

²⁶ ИЗМАЙЛОВ, В. В. 1990. *Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьёвых гор*. In: КОРОВИН, В. И. 1990, *Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма*, Москва. Современник. 1990, с. 215.

²⁷ KAYSER, W. 1959. *Narrator w powieści*. In: *Twórczość*. 1959. nr 5. s. 106. (Собственный перевод).

²⁸ ИЗМАЙЛОВ, В. В. 1990. *Ростовское озеро...* op. cit. s. 78.

²⁹ GALON-KURKOWA, K. 1987. *Mieszkańcy Krainy Czulości (Z problematyki antropologicznej rosyjskiej prozy sentymentalnej)*. In: *Slavica Wratislaviensia*, 1987, XLI. s. 25.

³⁰ ИЗМАЙЛОВ, В. В. 1990. *Ростовское озеро...* op. cit. s. 69. (Перевод иностранного текста даётся в редакции составителя).

могла тогда быть ещё чувствительна, но, казалось, что небо, лишив меня обоих виновников дней моих, единственных путеводителей юности, любезнейших людей в жизни, хотело чрез то ознаменовать меня печатью горести и злополучия».³¹

Кристина Галон-Курек интерпретирует этот фрагмент как подчёркивание особых связей между родителями и ребёнком.³²

Стефания Скварчинска подчёркивает, что между морально-этическими чертами и внешним видом персонажей существует контраст или единство.³³ В сентиментальных повестях всегда появляется прекрасный герой с внутренней красотой: «На сей раз не лицо, цветущее молодостью и красотой, не темно-русые волосы, развеваемые тихим эфиром, не стройный и легкий стан грации могли пленить в ней взоры и сердце чувствительного человека, но сладкий образ невинности, напечатленный во всех чертах её, но милое выражение взора, полного любви и чувствительности; но счастливая улыбка на устах, которая показывала сердце покойное, ясное и не знакомое с бурями жизни человеческой».³⁴

В характеристике Татьяны писатель обращает внимание на её внешность и возраст.

Стоит подчеркнуть, что автор «Ростовского озера» наделяет Анюту чёрными волосами и голубыми глазами. Этот приём автора прокомментировал Василий Подшывалов, помещая в журнале «Приятное о полезное препровождение времени» соответствующую в тексте сноску.³⁵

«В нескольких сажнях от берега, под густою ивою, сидела на траве молодая крестьянка. На ней была праздничная цветная телогрея, из-под которой, казалось, хотела вырваться полная, высокая грудь; на голове, вместо кокошника, лежал васильковый, из-за него развевались по плечам чёрные волосы, переплетенные зелененькими листочками. Голубые глаза её (Предупреждая критиков, требующих для черных волос черных и глаз, мы скажем, что натура не сообразуется иногда с их правилами.), подобно звездам ночным, сверкали томным огнем, на щеках переливались

³¹ ИЗМАЙЛОВ, В. В. 1990. *Ростовское озеро...* op. cit. с.74 .

³² GALON-KURKOWA, K. 1987. *Mieszkańcy Krainy Czulości (Z problematyki antropologicznej rosyjskiej prozy sentymentalnej)*. In: *Slavica Wratislaviensia*, 1987, XLI. s. 14.

³³ SKWARCZYŃSKA, S. 1954. *Wstęp do nauki o literaturze*, t. 1, Warszawa: PAX, 1954, s. 238.

³⁴ ИЗМАЙЛОВ, В. В. 1990. *Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьёвых гор*. In: КОРОВИН, В. И. 1990, *Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма*, Москва. Современник. 1990, с. 205.

³⁵ DĄBROWSKA, M. 2004. *Rosyjska opowieść...* op. cit, с. 110.

*из цвета в цвет румянец и белизна, на устах расцветал розовый поцелуй; казалось, что это была богиня любви во образе какой-нибудь альпийской пастушки».*³⁶

Надо заметить, что в сентиментальных повестях значительно меньше описаний мужчин.

Важную роль в сентиментальных повестях играет природа. Она является неотъемлемым элементом жизни человека: *«На каждом шаге встречались мне прекрасные места, романтические убежища блаженства, цветущие берега, которые, может быть, ничто в сравнении с леманскими, прославленными Жаном Жаком Руссо и молодым Верном {Я не имел счастья видеть сцены Верновой поэмы и Руссова романа.}, но на которых я осмеливался поселять новую Юлию, сам быть вторым Сен-Пре* и жить там с нею в тишине уединения посреди слабых существ (...)».*³⁷

Жители деревни сердечны и искренны. Их характеризует гостеприимство, трудолюбие, доброжелательность.

Герой повести Измайлова сильно привязан к дому и природе. Он скучает по друзьям и хочет вернуться в деревню: *«Сердце мое было так сильно привязано к ближним моим, что один печальный взгляд их, одно печальное слово пронизало мне прямо в душу и производило в ней некоторое уныние, так как одна их радостная улыбка была для меня неоценным счастьем в жизни. Взгляните на сих беспечных и веселых птичек, которые с громким свистом вьются над головами нашими: они чувствуют радостное обновление природы и вместе с нею веселятся, но зашумят грозные бури, забушуют осенние ветры – и унылый крик бедных птичек раздастся по опустевшим рощам и полям. Вот точный образ тогдашнего положения души моей, которая вместе со всеми предметами, ее окружавшими, изменялась в чувствах своих!»*³⁸

Природа является участником событий. Как справедливо замечает Магдалена Домбровска, мир природы является духовным убежищем молодого человека. Он бросает городские развлечения, чтобы в уединении гулять по сельским окрестностям с книгой в руке.³⁹ В таком случае возвращение на лоно природы закончилось браком с Анютой. Природа влияет на поведение и настроение героя: *«Ночные тени исчезают перед белеющим светом, утренняя заря сыпала бледные розы по голубому небу, легкий ветерок струил синюю поверхность воды, вся природа пребывала в благоговейном*

³⁶ ИЗМАЙЛОВ, В. В. 1990. *Ростовское озеро...* op. cit. с. 77.

³⁷ Ibidem, с. 69.

³⁸ Ibidem, с. 75.

³⁹ DĄBROWSKA, M. 2004. *Rosyjska opowieść...* op. cit, s. 125.

молчании, которое от времени до времени прерывалось нежною мелодиею жаворонка, голосами поющих петухов и тихим звоном колокола. Мы также молчали, как будто подражая окружающим нас предметам...»⁴⁰

В произведении введены месяцы, время дня и ночи, времена года.

По мнению Натальи Кочетковой, в «Ростовском озере» Владимира Измайлова самую важную роль играет «Новая Элоиза» Руссо⁴¹. Это произведение формирует сюжетно-тематическую доминанту, а также кодовый знак, позволяющий героям лучше познакомиться друг с другом⁴²: *«Между тем сердце моё требовало решительного выбора: желало, предмета, достойного любви своей, Образ новой Элоизы, прекраснейшего из всех существ, когда-либо воображением произведенных, обитали душе моей и служил мне путеводителем в моем искании».*⁴³

Поэтому книга, которая у Анюты в руках, является знаком для героя, что нашёл соответствующую женщину. Мужчине не мешает крестьянское происхождение девушки. Она говорит на французском языке.⁴⁴

Одно из важных мест в русской сентиментальной прозе занимают любовные переживания главных героев.⁴⁵ В исходной фазе произведения сентименталисты стараются выдвинуть на первый план объяснение в любви, а также первую встречу героев: *«Не кровь, но пламя потекло в жилах моих, и по глубине сердца далеко отзывался её божественный голос. Мне нельзя уже было противиться влечению какой-то неизъяснимой силы; забыв все – все, кроме стоящего передо мной божества, бросился я на колени и воскликнул: „Ты овладела душою моею... и я твой навеки!“ Она затряслась, вскричала „боже мой!“ – хотела уйти, но ноги ее подкосились. Она упала на мои руки и после минутного молчания, сквозь теплый ручей катящихся слез произнесла прерывающимся голосом: „Люблю тебя!“»⁴⁶*

Первая встреча – всегда чрезвычайное стечение обстоятельств, чаще всего на лоне природы.⁴⁷ Существование препятствий на дороге любовников не всегда приводит к

⁴⁰ ИЗМАЙЛОВ, В. В. 1990. *Ростовское озеро...* op. cit. с. 78.

⁴¹ КОЧЕТКОВА, Н. Д. 1996. *Герой русского сентиментализма. Портрет и пейзаж в литературе русского сентиментализма.* Санкт-Петербург: Наука, 1996. с. 132.

⁴² Ibidem.

⁴³ ИЗМАЙЛОВ, В. В. 1990. *Ростовское озеро...* op. cit. с. 54.

⁴⁴ DĄBROWSKA, M. 2004. *Rosyjska opowieść...* op. cit, s. 137.

⁴⁵ ОРЛОВ, П. А. 1977, *Русский сентиментализм*, Москва: Издательство Московского Университета, 1977. с. 54.

⁴⁶ ИЗМАЙЛОВ, В. В. 1990. *Ростовское озеро...* op. cit. с. 82.

⁴⁷ DĄBROWSKA, M. 2004. *Rosyjska opowieść...* op. cit. s. 158.

несчастливым результатам. Если героям удаётся преодолеть любовные перипетии, то это всегда случай.⁴⁸

Русская сентиментальная повесть на рубеже XVIII и XIX вв. имела огромное влияние на развитие отечественной литературы и литературные формы. Сентиментализм сыграл важную роль в истории русской литературы. Домбровска подчёркивает, что развитие русской сентиментальной повести повлияло на структуру чтения в России, а также место и роль писателя в обществе.⁴⁹ Уже повести Карамзина привлекли внимание читателей. В связи с такой популярностью среди читателей творчества Карамзина появился новый термин – «карамзинский период»⁵⁰ в истории русской литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. БЕЛИНСКИЙ, В. Г. *Полное собрание сочинений*. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. 7.
2. BRANG, P. 1960. *Studien zu Theorie und Praxis der russischen Erzählung 1770-1811*. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1960. 285 s. ISBN B0000BGS3I.
3. CIENSKI, M. 2000. *Pejzaże oświeconych. Sposoby przedstawiania krajobrazu w literaturze polskiej w latach 1770-1830*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000.
4. DĄBROWSKA, M. 2004. *Rosyjska opowieść sentymentalna przełomu XVIII i XIX wieku*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2004. 256 s. ISBN 9788323504115.
5. FRIEDMAN, N. 1971. Punkt widzenia w powieści. Rozwój pojęcia. In: *Przegląd Humanistyczny*. 1971. nr 3.
6. GALON-KURKOWA, K. 1987. Mieszkańcy Krainy Czułości (Z problematyki antropologicznej rosyjskiej prozy sentymentalnej). In: *Slavica Wratislaviensia*, 1987, XLI.
7. ИВАНОВ, М. 1996. *Судьба русского сентиментализма*. Санкт-Петербург: ФКИЦ «ЭЙДОС», 1996. 336 с. ISBN 5-88607-003-6.
8. ИЗМАЙЛОВ, В. В. Взгляд на Повести, или Сказки. In: *Патриот*, 1804, т. 2, с. 205-2014.

---

⁴⁸ Ibidem. s. 183.

⁴⁹ DĄBROWSKA, M. 2004. *Rosyjska opowieść...* op. cit. s. 228.

⁵⁰ БЕЛИНСКИЙ, В. Г. *Полное собрание сочинений*. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. 7. с. 139.

9. ИЗМАЙЛОВ, В. В. 1990. Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьёвых гор. In: КОРОВИН, В. И. 1990. *Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма*. Москва: Современник, 1990.
10. ИЗМАЙЛОВ, В. В. 1990. Ростовское озеро. In: КОРОВИН, В. И. 1990. *Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма*. Москва: Современник, 1990.
11. JASIŃSKA, M. 1967. *Narrator w powieści (Zarys problematyki zadań)*. In: *Problemy teorii literatury*. Wrocław – Warszawa – Kraków: Czytelnik, 1967.
12. JASIŃSKA, M. 1965. *Narrator w powieści przedromantycznej (1776-1831)*, Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1965. ISBN 0073-246X.
13. KAYSER, W. 1959. Narrator w powieści. In: *Twórczość*. 1959. nr 5.
14. КОРОВИН, В. И. 1990. *Ландшафт моих воображений. Страницы прозы русского сентиментализма* (состав., автор вступ. статьи и примеч. – В. И. Коровин), Москва: Современник, 1990. 623 с. ISBN 5-270-00454-2.
15. КОЧЕТКОВА, Н. Д. 1996. *Герой русского сентиментализма. Портрет и пейзаж в литературе русского сентиментализма*. Санкт-Петербург: Наука, 1996.
16. КОЧЕТКОВА, Н. Д. 1994. *Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания)*, Санкт-Петербург: Наука, 1994. 279 с. ISBN 5-02-028096-8.
17. МЕЙЛАХ, Б. С. 1973. *Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра*. Ленинград: Наука, 1973. 565 с. ISBN: 978-5-458-50207-8.
18. ОРЛОВ, П. А. 1979. *Русская сентиментальная повесть* (состав., общая ред., вступ. статья и коммен. П. А. Орлова), Москва: Издательство Московского университета, 1979.
19. ОРЛОВ, П. А. 1977, *Русский сентиментализм*. Москва: Издательство Московского Университета, 1977.
20. ПАВЛОВИЧ, С. 1974. *Пути развития русской сентиментальной прозы XVIII века*. Саратов: Издательство Саратовского Университета, 1974.
21. СКИПИНА, К. 1926. *О чувствительной повести* (в:) *Русская проза* (под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова). Ленинград: Academia, 1926.
22. SKWARCZYŃSKA, S. 1954. *Wstęp do nauki o literaturze*, t. 1, Warszawa: PAX, 1954.
23. СУРКОВ, Е. 1991. *Русская повесть первой трети XIX века (Генезис и поэтика жанра)*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1991.

24. ЖАН ЖАК РУССО (1712-1778) In: *Великие мыслители* [online]. [cit. 22-12-2014].
<<http://bibliotekar.ru/filosofia/49.htm>>

BYRONOVE „VÝCHODNÉ POÉMY“ AKO INŠPIRAČNÝ ZDROJ PUŠKINOVÝCH „JUŽNÝCH POÉM“

Mgr. Ľubica Bezáková

Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií, Filozofická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave, lsecova@yahoo.com

РЕЗЮМЕ: Темой этой работы является сопоставление южных поэм А. С. Пушкина и восточных поэм Г. Г. Байрона с точки зрения их тематики, композиции и образности. Мы сосредоточили внимание на лиро-эпический жанр романтической поэмы в творчестве обоих авторов и на основе анализа данного материала, мы пытаемся объяснить, что заимствовал Пушкин из поэтики Байрона, как приспособил заимствованное и каковы особенности его стиля.

Témou tejto práce je porovnanie južných poém A. S. Puškina a východných poém G. G. Byrona z hľadiska ich tematiky, kompozície a obraznosti. Pri výbere témy sme sa rozhodli upriamiť pozornosť práve na lyricko-epický žáner romantickej poémy, pretože sa domnievame, že tejto oblasti Puškinovej tvorby sa slovenská literárna veda venuje menej ako jeho ostatným lyrickým či epickým žánrom. Naším cieľom je prispieť k preskúmaniu autorského vývoja A. S. Puškina a na materiáli jeho južných poém zmapovať jeho posun od klasického žánru eposu (epickej básnickej skladby) k žánru romantickej poémy byronovského typu.

Začiatkom 20. rokov XIX. storočia patrila mladý Puškin k čitateľom Byronových diel a na ich príklade si uvedomil, že literatúra ukrýva oveľa širšie možnosti, ako obmedzené tvorenie podľa šablón, ktoré stanovila vtedajšia klasicistická estetika. Bol jedným z prvých ruských autorov, ktorý sa odhodlal prevziať nový žáner romantickej poémy a preniesť ho do ruského prostredia, spracovaný podľa svojich individuálnych predstáv. Ako európski, tak aj ruskí čitatelia prahli po nových, vzrušujúcich a intímnych témach, ktoré našli v žánri romantickej poémy a tak sa prirodzene, aj vďaka Puškinovi, stal tento žáner v Rusku veľmi populárnym. 20. a 30. roky XIX. storočia sa právom označujú ako „Zlatý vek“ ruskej literatúry a tvorba tohto obdobia mala nemalý dopad aj na smerovanie svetovej literatúry. Začiatkom storočia sa teda literatúra oddiaľuje od klasicizmu, po prvý krát sa objavujú črty básnika-profesionála, lyrika sa stáva vnútornejšou, osobnejšou.

Tradičný typ klasickej epickej básnickej skladby, ktorý bol rozšírený v XVIII. storočí na Západe i v Rusku mal pevne stanovené pravidlá. Nedovoľoval miešanie literárnych žánrov

či dokonca druhov a vymedzoval hranice každého z nich. Hrdinský epos klasicistického obdobia bolo lineárne rozprávanie s pomaly odvíjajúcim sa dejom, bez lyrických vstupov či emocionálnej zaangažovanosti autora. Zvyčajne obšírny sujet bol postavený na idealizovaných hrdinských činoch a historických udalostiach národného či svetového významu. Diela obsahovali množstvo dejových línií a postáv – reálnych, vymyslených i alegorických, ktoré zosobňovali vlastnosti hrdinov. Boli písané vo vysokom štýle a hovorový jazyk sa v nich nepoužíval.

Sujet novej romantickej poémy je cyklický, sústreďuje sa okolo jedného hrdinu a zážitku jeho vnútorného prežívania, akým je napríklad láska, priateľstvo či duševný konflikt. Hrdinom je bežný človek, osoby sú reprezentantmi dobovej reality, niekedy nemajú mená. Kompozícia synkretizuje literárne druhy, často sa v nej vyskytuje lyrický, epický i dramatický rozmer, ako sú napríklad lyrické úvody (uvertúry), náhle uvedenie do deja prostredníctvom dramatickej scény, lyrické i epické rozprávanie prerušované dialógmi a monológmi. Jednota času a miesta sa nedodržiava, jednotlivé časti poémy nemusí spájať dejová následnosť. Poémy tohto typu často nemajú jasný koniec. Medzi ďalšie charakteristické črty kompozície romantickej poémy patrí fragmentárnosť, vyhrotenosť a nedopovedanosť deja. Lyrický spôsob rozprávania – opakovania, otázky, deklamácie i lyrické odbočenia autora podčiarkujú jeho emocionálnu zainteresovanosť v osude hrdinov. V byronovských poémach sa autor často s hrdinom stotožňuje. Svojho nového hrdinu Byron nazýva „polorytierom a polozločincem” – “not quite a felon, yet but half a knight”. Je to zvyčajne človek tajomný, hrdý, s nejasnou minulosťou, jeho charakter je daný, nevyvíja sa. „*В центре поэмы он поставил однообразно повторяющийся образ ‘байронического героя’, неизменный по своей внешности, жестам и позам и раз навсегда определенный по своим внутренним качествам.*”¹ Takýto je i Puškinov Aleko. Motívmi romantických poém Byrona boli exotické obrazy Orientu, bitky, únosy, prestrojenia, útoky zbojníkov či pirátov ale najmä romantické city ako láska, žiarlivosť a odvaha. Tento nový typ poémy sa stal veľmi obľúbeným a šíril sa v rôznych obmenách po celej Európe.

V rámci skúmania Puškinovho básnického odkazu sa problému jeho „byronizmu“ venovali mnohí literárni vedci a kritici. Medzi najvýznamnejšie patrí určite práca V. M. Žirmunského, ktorý vo svojej knihe *Байрон и Пушкин* vymedzuje svoje skúmanie na byronovské poémy ako umelecké artefakty, nevidí opodstatnenie v porovnávaní autorov z hľadiska ich prostredia, životných skúseností či osobnostných črt. „...однако, имея перед

¹ ŽIRMUNSKIJ, V. M. *Байрон и Пушкин*. Leningrad: Nauka 1978, s. 31

собой как предмет изучения поэмы Байрона и Пушкина, между которыми сравнение устанавливает отчетливую зависимость, мы не станем осложнять проблему их взаимоотношения введением в исследование таких неизвестных величин, как «душа» Байрона и «душа» Пушкина.”² Ako hovorí Žirmunskij, nemožno stotožňovať umelecký obraz s pocitmi a zážitkami autora, jeho ľudskou a empirickou skúsenosťou.

К д'алším významným zdrojom patrí kniha I. G. Neupokojevovej *«Революционно-романтическая поэма первой половины XIX века. Опыт типологии жанра»*. V práci G. M. Fridlendera *Поэмы Пушкина 1820-х годов в истории эволюции жанра поэмы в мировой литературе* čítame: „Как справедливо подчеркивает И. Г. Неупокоева, романтическая поэма – не статический, всегда равный себе, но динамический жанр. Поэтому вопреки традиционному представлению большинства прежних исследователей пушкинского романтизма возможности ее развития не были исчерпаны на том первом его этапе, который был ознаменован созданием... восточных поэм Байрона. Великий английский поэт был первым блестящим представителем нового жанра, испытавшего ряд дальнейших исторических трансформаций и в его собственном творчестве и в других странах. Причем каждая ступень в развитии жанра романтической поэмы, там, где она приводила к серьезным и значительным художественным результатам, была связана с видоизменением и обновлением структуры его, а нередко и с рождением новых жанрообразующих принципов.“³

Pre našu analýzu je dôležité to, čomu sa Puškin u Byrona naučil, čo od neho prevzal a ako si prispôbil to, čo prevzal.

Na Puškina mali vplyv najmä Byronove poémy londýnskeho obdobia (1812-1816) *Džaur*, *Nevesta z Abydu*, *Korzár*, *Lara*, *Obliehanie Korintu* a *Parizina*. Inšpirovali ho svojou tematikou, kompozíciou i poetikou. 20. roky XIX. storočia sú pre Puškina obdobím „južného vyhnanstva“, kedy je jeho tvorba poznačená cestovaním po Kaukaze a pobytom v Kišineve a Odese. Na vlastnej koži zažíva návrat k prírode, stretáva sa s príslušníkmi rôznych etník, inšpiruje sa exotikou prostredia. Ako sám priznáva, jeho južné poémy „отзываются чтением Байрона, от которого я с ума сходил.“⁴ V tomto období vznikajú poémy *Kaukazský zajatec* (1821-1822, *Кавказский пленник*), *Vratia zbojníci* (1821-1822, *Братья разбойники*), *Bachčisarajská fontána* (1823, *Бахчисарайский фонтан*) či *Cigáni* (1824, *Цыганы*).

² ŽIRMUNSKIJ, V. M. *Bajron i Puškin*. Leningrad: Nauka 1978, s. 23.

³ FRIDLENDER, G. M. *Poemy Puškina 1820-tych godov v istorii evolucii žanra poemy v mirovoj literature*. Moskva: Nauka, 1974, s. 102.

⁴ ŽIRMUNSKIJ, V. M. *Bajron i Puškin*. Leningrad: Nauka 1978, s. 10.

Poéma *Kaukazský zajatec* má autobiografické prvky, jeho protagonista je dobovým obrazom rozčarovaného mladého človeka, ktorý je sklamaný spoločenskou realitou a hľadá slobodu a šťastie v prostredí divokej prírody Kaukazu. Hrdinom tejto poémy je mladý kozácky vojak, ktorý je na Kaukaze ranený a privlečený do miestnej osady. Tam sa doňho zamiluje mladá Čerkeska, no on, chladný a zatrpknutý, jej lásku odmieta. V závere mu pomôže ujsť na slobodu a sama umiera.

Za tému poémy *Bratia zbojníci* si Puškin zvolil byronovský útek zo spoločnosti. Centrom jeho záujmu je tu individuálny morálny prerod človeka. Poéma rozpráva príbeh dvoch osirelých bratov, ktorí sa vzbúria proti zákonu a vyberú si cestu zločinu. Na úteku z väzenia mladší z nich ťažko ochorie, začne blúzniť a prenasledujú ho výčitky svedomia. Prosí brata, aby prestal vraždiť, a ten po jeho smrti svoj sľub dodrží.

Bachčisarajská fontána je príbehom nenaplnenej lásky krymského chána Gireja k jeho zajatkyni – poľskej kňažnej Márii. Mária jeho lásku neopätuje, no napriek tomu je trn v oku chánovej obľúbenkyne Zarémy, ktorá na ňu žiarli. Keď Mária za nejasných okolností zomiera, chán nechá zabiť i Zarému a na Máriinu pamiatku nechá v meste Bachčisaraj postaviť tzv. Fontánu slz.

Počas svojho pobytu v Kišineve strávil Puškin pár týždňov v cigánskom tábore a túto skúsenosť spracoval v poéme *Cigáni*. V nej sa mladá cigánka Zemfira zaľúbi do cudzinca Aleka, ktorý sa nevie zmieriť so spoločenským poriadkom a tak sa rozhodne pripojiť k cigánom. Rozpor medzi nimi nastáva v chápaní voľnosti, Aleko nie je schopný prijať fakt, že ho Zemfira po čase prestala ľúbiť. Hrdosť mu bráni v tom, aby ju nechal slobodne ísť a tak zavraždí ju aj jej nového milenca. Slobodu chce len pre seba, nechápe ju ako absolútnu hodnotu a tak ho Zemfirin otec odsudzuje a posiela z tábora preč. V tejto poéme sa však Puškin odkláňa od byronovského romantizmu, spochybňuje romantickú predstavu, že návratom k prírode a zrieknutím sa civilizácie je možné dosiahnuť obrodzenie. Ani nestavia do protikladu civilizovanú spoločnosť a nevinnosť exotických, vzdialených národov. Cigánsky tábor nebol idylickým prostredím ani pred príchodom Aleka, pretože ľudia sú všade obeťami svojich vášní a túžob.

Jednou z Byronových poém, ktorou sa Puškin inšpiroval, je poéma *Lara*. Lara je typ záhadného človeka, šľachtica s nejasnou minulosťou, ktorý pohádza okolitým svetom, no aj keď navonok pôsobí zatrpknuto a chladne, je stále schopný citu. Po dlhej dobe sa vracia na svoje panstvo, sprevádzaný len cudzokrajným pážaťom Kaledom. O jeho minulosti sa nedozvedáme skoro nič, iba toľko, že v porovnaní s divokými rokmi svojej mladosti v cudzine skrotol a vyzrel. Dej sa začína odvíjať od oslavy na Othovom hrade, kde Laru spozná istý Ezzelin,

ktorý nejasnou výčitkou napadne Larovu česť. Na nasledujúci deň sa má preto medzi nimi konať súboj, no Ezzelin sa nedostaví a v hádke dôjde k súboju Laru s pánom hradu Othom. Ten je ranený, no vyviazne živý a stane sa Larovým úhlavným nepriateľom. Larova tajomná minulosť a všeobecné podozrenie, že má tiež na svedomí Ezzelinovo záhadné zmiznutie, má za následok, že Lara je čoraz viac v svojich kruhoch nenávidený. Napriek nepriazni šľachty je však Lara obľúbený medzi svojimi poddanými a obyčajnými ľuďmi, stavia sa do čela ich povstania a v bitke s Othovým vojskom nakoniec hynie. Keď nad jeho mŕtvym telom omdlie jeho verný sluha Kaled, zistí sa, že Kaled je žena, ktorá Laru milovala tak oddane, že kvôli nemu opustila i svoj domov.

V úvode k českému prekladu Laru z roku 1909 píše prekladateľ František Tropp nasledovné: „*Pravda sic, že Lara není prost vad v koncepci; tou jest ku př. epizoda I. zpěvu (odst. XII. a XIII.), kdy Lara po půlnočním výkřiku o pomoc nalezen omdlelý na dlažbě své síně. Neníť mezi ní a ostatním dějem spojitosti, pročť jest zbytečnou; v básni schází bližší udání o předběžném životě hrdinově, důvod náhlého zmizení Ezzelina, tak jako příčina jeho zasáhnutí do děje, vytčení původu Kaledova a leckterá jiná podrobnost.*“⁵ Je zřejmé, že táto „недоказанность“, nedopovedanosť, ako ju nazýva Žirmunskij, bola ešte aj začiatkom 20. storočia recipientami vnímaná ako istá nedotiahnutosť, nedôslednosť či nekonceptnosť. My za týmto vidíme autorský zámer a jednu z príznačných črt romantickkej poémy, ktorá má u čitateľa vyvolať zvedavosť či pocit záhadnosti, mystérie alebo strachu. Nočná príhoda Larovho blúznenia či panického záchvatu môže síce nesúvisieť so zbytkom deja, no má svoju funkciu v tom, že dokresľuje čitateľovi Larov psychický stav, ktorý je odrazom prežitých útrap. Autor je zhovievavý k Larovi aj v tom, že jeho domnelá temná stránka nie je podložená žiadnymi skutkami. Neoznačí Laru za Ezzelinovho vraha, čitateľ to môže len tušiť na základe zmienky, že Lara v cudzine stratil svoje ideály a prestal rozlišovať medzi dobrom a zlom, alebo tiež na základe príhody o vražde, ktorú na konci poémy rozpovie istý sedliak. Podobnú funkciu plnia i ďalšie zamlčané podrobnosti. Určitý autorský zámer za tým napokon vidí i Tropp, ktorý ďalej píše: „*Než o to tu v první řadě nejde, poněvadž dle všeho básníkovi byly domnělé nedostatky prostředkem zamýšleného účinku, jímž se – v době romantiky – též neminul. Jest charakteristické, že právě tato stránka básně, zvláští ono pološero a těžkomyslnost, jež osoby v ní jednající opřádá, následovníky Byronovy od prvních dob jeho působnosti lákala k napodobení.*“⁶

S touto nedopovedanosťou sa stretávame aj v Puškinových poémach, napríklad v prípade Aleka, o ktorého minulosti sa nedozvedáme nič, môžeme sa len domnievať, či spáchal

⁵ BYRON. *Lara*. Praha: J Otto, asi 1909. s. 8.

⁶ Tamže, s. 9.

nejaký zločin už predtým, ako sa pridal k cigánom, a čo bolo rozhodujúcim popudom na to, aby odišiel zo svojho domáceho prostredia. O kaukazskom zajatcovi, jeho predošlom živote a láske či o príčine smrti poľskej kňažnej Márie sa tiež nič nedozvieme.

Tajomstvom je zahalený i Konrád v ďalšej Byronovej poéme *Korzár* – nevieme prečo sa stal pirátom, ani to, aké zločiny má za sebou. Je to uznávaný vodca, zdržanlivý, s chladnou hlavou, zdá sa neprístupný, no vie byť i prívetivý. Lahko si vie ľudí podmaniť a cení si poslušnosť. „*Pre generácie, ktoré nepoznali silné city, bol taký Konrád konečne stelesnením mužnej bytosti, celkom sa dávajúcej viesť pudmi.*“⁷ Na pirátskom ostrove má milú Medoru, odtiaľ podniká výpravy so svojou družinou. Keď napadnú turecké mesto, kde vládne paša Sid, zo začiatku majú prevahu, založia požiar, no po tom, ako sa snažia zachrániť ženy z horiaceho háremu, sú porazení. Konrád je zajatý a uväznený. Na ďalší deň ho čaká poprava, no podarí sa ju oddialiť krásnej Gulnar, Sidovej obľúbenkyni, ktorú Konrád zachránil pred ohňom. Tá z lásky ku Konrádovi zabije v spánku nenávideného Sida, oslobodí Konráda a ujde s ním na pirátsky ostrov. Tam ho víta zvyšok jeho družiny, no keď Konrád zistí, že jeho milovaná Medora zomrela, v žiali sa stratí nevedno kam.

V Puškinovej poéme *Bratia zbojníci* nachádzame podobnosť s *Korzárom* v obraze väzňa, ktorý sa v svojom utrpení dostáva k prehodnocovaniu svojich zločinov:

„*myšlienka, slovo, čin – už nesvieti,
no nikdy nezhasne ti v pamäti,
kedysi ľúbezne a ľahké činy
dnes úvaha už ráta za zločiny,
neodhalené zlo v tom vetchom byte
nehryzie slabšie za to, že je skryté.*“⁸

Bratia zbojníci:

„*То снова разгорались в нем
Докучной совести мученья:
Пред ним толпились привиденья,
Грозя перстом издалека.*“⁹

V Byronových poémach sa často opakuje jedna základná sujetová schéma – vyskytujú sa tu tri osoby 1) hrdina (vyhnanec/zločinec), 2) jeho milovaná (východná, alebo kresťanská

⁷ BYRON. *Korzár*. Bratislava: Slovenský Spisovateľ, 1983, s. 132-

⁸ Tamže, s. 93.

⁹ PUŠKIN, A. S. *Sobranije sočinenij*. Moskva, 1960, s. 542.

krásavica a 3) hrdinov protivník. Hrdina a jeho vnútorný svet stojí vždy v centre diania a všetko sa odvíja od jeho konania a citov.

V Puškinových poémach je hrdina tiež najdôležitejšou postavou, no popri ňom sú aktívne i ďalšie postavy, ktorých konanie je síce ovplyvnené hrdinom, no predsa konajú samostatne. Hrdina tak nie je vždy v centre diania. Vidíme to na príklade *Bachčisarajskej fontány*, kde hrdinom je chán Girej, no dej sa odvíja od konania žiarlivej Zarémy, ktorá tu vystupuje v roli jeho protivníka. V *Cigánoch* vystupuje Aleko v roli protivníka, pretože Zemfira ľúbi iného a je to jej konanie, čo ovplyvňuje smerovanie deja. Puškin takto vedome presúva uhol pohľadu a tým mení i zmysel sujetu.

Z kompozičného hľadiska je sujet vystavaný podobne u oboch autorov. Začiatok poém nás uvádza do deja in medias res (napr. v *Kavkazskom zajatcovi*, *Bachčisarajskej fontáne* či *Cigánoch*). Časti medzi dramatickým rozprávaním vyplňa Byron lyrickými opismi prírody, opismi zovňajšku i charakterových vlastností hrdinov, opismi ich duševného rozpoloženia či lyrickými odbočeniami a úvahami. Tieto elementy nachádzame aj u Puškina, no napríklad Byronove dlhé psychologické charakteristiky hrdinov sa u Puškina redukujú len na funkčné fakty, niekedy podané formou hrdinovho monológu. Puškinove poémy sú zas v porovnaní s Byronovými oveľa bohatšie na opisy prírody. Jednotlivé dramatické scény u Puškina bývajú tiež previazané krátkymi epickými rozprávaniami, čo u Byrona nájdeme len sporadicky. Napríklad v poéme *Kaukazský zajatec*:

„Deň za dňom mizne ako tieň.
Zakutý v horách s krotkým stádom,
zajatec trávi deň čo deň“

alebo

„Odvtedy blúdi neborák
sám vôkol aulu smútkom chorý.
Na rozpálený nebasklon,
deň za dňom vchádza v svite zory;“¹⁰

Puškin sa nesnažil od Byrona slepo kopírovať motívy, obrazy či charaktery. Napríklad Aleko i kaukazský zajatec neboli vytvorení na akýsi anglický obraz, ale vznikli z Puškinovej osobnej skúsenosti a z ruského preddekabristického priestoru. I keď sám priznáva vplyv Byrona, a ten je v južných poémach očividný, neustále si zachováva svojský, originálny štýl. Nie je Byronovým imitátorom, ale jeho nasledovníkom.

¹⁰ KUPEC, I. a kol. *A.S.Puškin: Lyrika, poémy a rozprávky*. Bratislava: Tatran, 1982, s.345.

Vo svojej tvorbe sa postupne od Byrona vzd'ahuje a jeho romantizmus naberá nový, kritickejší, triezvy pohľad. Ako píše v svojej knihe Žirmunskij „... сопоставление вскрыло глубокое различие между искусством Байрона и Пушкина. С самого начала школа Байрона была связана для Пушкина с внутренним сопротивлением и борьбой против учителя, которая в конце концов должна была привести к окончательному преодолению «байронизма».“¹¹ V porovnaní s jeho súčasníkmi, Puškinov lyrický subjekt nie je úplne totálny, v každom diele je iný. Je to tabula rasa, na ktorú sa vpisujú zážitky.

Je zrejmé, že Puškin si čítaním Byrona osvojil novú kompozičnú formu lyricko-epickej poémy a množstvo jednotlivých poetických tém a motívov, charakteristických pre tento typ poémy. Zachoval si v nich však jedinečnosť a svojbytnosť a tak aj v rámci rovnakého žánru, v ktorom sú spracované rovnaké témy, môžeme nachádzať rozdiely v umeleckom štýle. „Путь Пушкина привел его от романтического субъективизма Байрона к классически объективному реалистическому искусству его позднего творчества.“¹²

BIBLIOGRAFIA:

1. BYRON, G. G. 1983. *Korzár*. Preložili J. Buzássy, Z. Hegedüsová. Bratislava: Slovenský Spisovateľ, 1983, 141 s.
2. BYRON, G. G. 1909. *Lara*. Preložil František Tropp. Praha: J. Otto, asi 1909. 68 s.
3. FRIDLINDER, G. M. 1974. *Poemy Puškina 1820-tych godov v istorii evolucii žanra poemy v mirovoj literature*. Moskva: Nauka, 1974, s. 100-122. Dostupné na internete: <<http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is7/is7-100-.htm>>
4. KUPEC, I. a kol. 1982. *Alexander Sergejevič Puškin: Lyrika, poémy a rozprávky*. Bratislava: Tatran, 1982, 512 s.
5. ŽIRMUNSKIJ, V. M. 1978. *Bajron i Puškin*. Leningrad: Nauka 1978, 422 s.
6. PUŠKIN, A. S. 1960. *Sobranije sočinenij*. 1960. Moskva 542 s. Dostupné na internete: <<http://rvb.ru/pushkin/tocvol3.htm#787>>

---

¹¹ ŽIRMUNSKIJ, V. M. *Bajron i Puškin*. Leningrad: Nauka 1978, s. 10.

¹² Tamže.

ПОВЕСТВОВАНИЕ ГОГОЛЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНВЕНЦИИ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ¹

Евгений Анатольевич Филонов, магистр филологии

Кафедра истории русской литературы, Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, philonove@mail.ru

ABSTRACT: The article discusses evolution of Nicolay Gogol's narrative as a problem of narratology and historical poetics. The paper represents time period of 1830–1840ies as a 'time of transition' in the Russian literature history, and as a period of shaping and establishment of literary realism principal convention. Gogol's works took a significant part in that process.

В русскоязычной научной традиции начало литературоведческой теории повествования было положено работами формалистов, предпринявших первые попытки типологического описания повествовательных форм и приемов. В западноевропейской традиции на изучение литературного нарратива значительное влияние оказали концепции структурной лингвистики, восходящие к трудам Ф. де Соссюра. Современная нарратология унаследовала главное свойство формализма и структурализма – принципиальную неисторичность. Уязвимость историко-литературных построений формальной школы была отмечена критиками уже вскоре после их появления,² в западной же традиции исторической проблематике до недавнего времени уделялось мало внимания в нарратологических исследованиях.³

Предлагая универсальный категориальный аппарат для анализа различных нарративных феноменов в системе культуры, современная теория повествования, по сути, оказывается не в состоянии описать художественный нарратив как специфический феномен. В рамках исторической поэтики художественная литература понимается как *динамичная* система, а история литературы – как *диалектический* процесс, для описания

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 31.38.301.2014.

² См.: МЕДВЕДЕВ, Павел Николаевич. 2003. *Формальный метод в литературоведении*. Москва: Лабиринт, 2003. 191 с. ISBN 5876040223 (первое издание – 1928 г.).

³ См. об этом: FLUDERNIK, Monika. 2003. The Diachronization of Narratology. In: *Narrative*. 2003, Oct., vol. 11, № 3. p. 331–348.

которого структурно-типологический подход является недостаточным.⁴ Таким образом, использование широких аналитических возможностей нарратологии в литературоведческом (то есть историко-литературном) исследовании представляется проблемой.

«Диахронизация» повествовательной теории (широко обсуждаемая нарратологами в последнее десятилетие) понимается большинством исследователей как задача очередной модификации некоей универсальной классифицирующей системы.⁵ Подобные разработки едва ли могут стать решением выше обозначенной проблемы, требующей не усовершенствования типологии, а совмещения структурно-типологического и герменевтического подходов. Между тем, в ходе теоретического развития нарратологии, кажется, уже был намечен путь, предоставляющий возможность такого совмещения, – он связан с исследовательским потенциалом категории события.

В настоящее время событийность осознана теоретиками как герменевтическая категория: будучи *значимым* нарушением нормы, событие в конкретном нарративе зависит от субъекта и контекста его интерпретации.⁶ Рассматривая художественное повествование как феномен литературы, под общим контекстом событийности следовало бы понимать *литературную эпоху* (как часть целого литературного процесса).⁷ При этом очевидно, текст является не только фактом литературной эпохи, но и актом коммуникации. Соответственно субъект событийности (в самом широком смысле) может быть соотнесен с фигурой имплицитного читателя – именно в перспективе читателя то или иное нарушение нормы получает релевантность в смысловой организации текста.

В аспекте исторической поэтики концептуализировать контекстную и субъектную обусловленность события в художественном нарративе можно посредством понятия *литературной конвенции*. Конвенция – это некое характерное для определенной эпохи представление о природе и основаниях литературного творчества, разделяемое одинаково писателями и читателями и предшествующее эстетической коммуникации.

⁴ См. об этом: МИХАЙЛОВ, Александр Викторович. 2008. *Методы и стили литературы*. Москва: ИМЛИ РАН, 2008. 175 с. ISBN 978-5-9208-0312-2 – и мн. др.

⁵ См.: de JONG, Irene J. F. 2013. Diachronic Narratology. (The Example of Ancient Greek Narrative). In: *The living handbook of narratology* [online]. Hamburg: Hamburg University, 2009–2015, [cit. 08-01-2015]. Доступно в Интернете: <<http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/diachronic-narratology-example-ancient-greek-narrative>>; FLUDERNIK, Monika. Op. cit. – и мн. др.

⁶ См. об этом: ШМИД, Вольф. 2010. Событийность, субъект и контекст. In: *Событие и событийность*. Москва: Издательство Кулагиной; Intrada, 2010, с. 13–23.

⁷ Представление о литературной эпохе как динамичном и диалектичном феномене сформулировано в рамках исторической поэтики П. М. Медведевым (М. М. Бахтиным) и А. В. Михайловым – см.: МЕДВЕДЕВ, Павел Николаевич. Указ. соч.; МИХАЙЛОВ, Александр Викторович. Указ. соч.

Подобный подход требует рассматривать повествовательную структуру текста, принадлежащего той или иной литературной системе, как реализацию конвенционально заданной (а не универсальной) модели, – что позволяет преодолеть «ахронность»⁸ структуральной нарратологии.

Такая «историзация» нарратологического исследования позволяет и сами категории повествовательной теории увидеть в их исторической обусловленности. Теоретический аппарат нарратологии был разработан главным образом на материале литературы реалистической и постреалистической эпох – и оказывается практически мало применим для анализа текстов, принадлежащих риторической культуре.⁹ Соответственно, в рамках исторического подхода корректно говорить не об универсалиях повествования, а об элементах *реалистической* (и др.) *повествовательной конвенции*.

Так, для реалистического нарратива¹⁰ характерно, во-первых, стремление к созданию иллюзии реальности (мир повествуемый должен быть отождествлен читателем с миром внелитературным); во-вторых, представление о событии как непредсказуемом нарушении нормы (так понятая событийность становится организующим центром литературного текста в его движении к поиску новых – беспрецедентных – смыслов); в-третьих, этико-эстетическая реакция читателя на литературное произведение (воспринимая пространство повествования как до определенной степени тождественное внелитературной действительности, читатель оценивает художественное событие как имеющее отношение к его собственной жизни).

Риторическая эпоха, предшествовавшая в истории культуры эпохе реализма, предполагала совершенно иной тип отношения к литературному тексту. Образ мира, слагающийся в риторическом слове (в большей степени осмысленный и оформленный и более значимый, чем внелитературная действительность), не должен создавать иллюзии реальности; «нормативность» же риторического мышления обуславливала негативное отношение к событийности (понятой как нарушение запрета) – и т. д.¹¹

⁸ Определение И. де Йонг – см.: de JONG, Irene J. F. Op. cit.

⁹ См. об этом, например: ШМИД, Вольф. Указ. соч., с. 20–23.

¹⁰ Предлагаемое здесь в виде упрощенной модели описание повествовательной конвенции реалистической эпохи опирается на классические концепции исторической поэтики, разработанные в трудах М. М. Бахтина и А. В. Михайлова — см.: БАХТИН, Михаил Михайлович. 1975. *Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Художественная литература, 1975. 809 с.; МЕДВЕДЕВ, Павел Николаевич. Указ. соч.; МИХАЙЛОВ, Александр Викторович. Указ. соч. – и мн. др.

¹¹ См. об этом: МИХАЙЛОВ, Александр Викторович. Указ. соч.

Соответствующая реалистической конвенции модель литературного нарратива не универсальна – она возникает на определенном этапе развития культуры; процесс ее формирования и становления, очевидно, можно проследить в каждой из национальных европейских литератур.

В русской литературе «переходным временем», предшествовавшим расцвету реалистического романа, оказываются 1830-е гг. А. В. Михайлов характеризует это десятилетие как своего рода «эпилог» грандиозного культурного перелома, совершавшегося на рубеже XVIII – XIX вв.¹² В этот период, для которого характерно «бессистемное» сосуществование множества различных литературных тенденций при отсутствии единой доминанты, постепенно слагается и утверждается реалистическая конвенция. Творчество Н. В. Гоголя, которое почти целиком принадлежит 1830-м годам (основные его произведения созданы в 1829-1842 гг.), может быть рассмотрено как один из ярких фактов в этом процессе.

«Вечера на хуторе близ Диканьки» (1829-1833) появляются в рамках традиции романтического новеллистического цикла. В основе романтической модели эстетической коммуникации лежит отчетливое ощущение границы между фиктивным миром искусства и жизненной реальностью. Мир текста может отсылать к некоей автономной эстетической системе (как, например, в русской поэзии «золотого века») или же к самому себе (если этот мир всецело подчинен своему творцу – художнику-демиургу), но не к жизненной действительности читателя, находящейся вне эстетической сферы. При интерпретации внутренних законов этого мира читатель не может опереться на собственный жизненный опыт, – поэтому событийность текста обуславливает здесь эстетическую, а не этико-эстетическую реакцию (приращения жизненного опыта читателя в результате чтения не происходит).

Как одно из проявлений подобной установки на расподобление мира текста и действительности читателя можно рассматривать интерес романтизма к экзотике и ее наиболее радикальной форме – фантастике. Разграничивая (и зачастую противопоставляя) художественную реальность и внелитературную действительность, романтическое повествование *на структурном уровне* реализует мировоззренческую модель двоемирия.

---

¹² См.: МИХАЙЛОВ, Александр Викторович. 2000. *Обратный перевод. Русская и западноевропейская культура: проблемы взаимосвязей*. Москва: Языки русской культуры, 2000. 856 с. ISBN 5-7859-0034-3, с. 332–333.

В «Вечерах» образ фиктивного адресата, посредством которого задается отношение читателя к изображаемому миру, выстраивается в рамочном повествовании – в предисловиях «издателя» Рудого Панька. Описывая столицу и Диканьку как два совершенно непохожие друг на друга и даже чуждые друг другу мира, повествователь как бы убеждает читателя (находящегося в «Петербурге»), что оценивать изображаемый полуфантастический мир с точки зрения жизненных закономерностей, актуальных для мира столицы, невозможно. Неспособность читателя понять Диканьку, глядя на нее «извне», распространяется даже на язык повествования – за текстом предисловия в виде словаря приводится список слов, «которые в книжке этой не всякому понятны» (I, 107).¹³

В этом смысле приглашение в гости в конце первого предисловия («...как будете, господа, ехать ко мне, то прямехонько берите путь по столбовой дороге на Диканьку...» – I, 106–107) можно воспринять как приглашение забыть на время чтения привычные законы реального мира и проникнуть в незнакомый, но привлекательный для читателя повествуемый мир, воспринять его внутреннюю логику.

В дальнейшем образ фиктивного адресата изменяется: рассказчики сказовых новелл обращаются уже не к далекому читателю, а к своим слушателям-односельчанам. Дистанция между читателем и изображаемым как бы исчезает; читатель готов эмоционально приобщиться к этому непохожему на его действительность миру, сопереживать протагонистам фантастических историй, забывая, что все описываемое невозможно в реальности.

Однако трагедии героев «Вечера накануне Ивана Купала» и «Страшной мести», равно как и приключения героев «Сорочинской ярмарки», «Майской ночи» и т. д. могут волновать читателя лишь в момент чтения. Закрывая книгу, он вновь возвращается в собственную реальность, не имеющую ничего общего с пространством Диканьки. События повествуемого мира, его противоречия и проблемы оказываются неактуальными за пределами текста, – они становятся частью эстетического опыта читателя, но не обогащают его жизненным опытом. Эта повествовательная стратегия гоголевского цикла соответствует романтическому типу эстетической коммуникации.

В «Вечерах» смысловые потенции такой нарративной модели были целиком исчерпаны. На следующих этапах творческого развития Гоголя эволюция его повествовательной системы определяется стремлением преодолеть в читательском

---

¹³ Все цитаты из произведений Гоголя приводятся по изданию: ГОГОЛЬ, Николай Васильевич. 1937–1952. *Полное собрание сочинений*: В 14 т. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1937–1952. 14 т. В тексте даются ссылки с указанием тома и страницы.

восприятию границу между фиктивным литературным миром и пространством жизненного бытия.

«Миргород» и «Арабески» (1833-1834) отражают поиски Гоголя в этом направлении. Базовая коммуникативная ситуация в повестях сборников – это проблематизация конвенциональной установки романтического повествования; их нарративные стратегии направлены на то, чтобы некоторым образом сблизить мир текста и действительность читателя.

В основе изображаемого мира находится неисправимое противоречие: в «Старосветских помещиках» это противоречие между душевной привлекательностью героев и пустотой их жизни; в «Тарасе Бульбе» – конфликт двух «правд» (коллективных ценностей казачьего братства и личных ценностей индивидуалистического мировоззрения); в «Записках сумасшедшего» – противоречие личности героя, с одной стороны, осознающего свое человеческое достоинство, с другой стороны, подверженного разрушительному действию безумия – и т. д.

Уподобляя отчасти изображаемую действительность внетекстовой реальности, «втягивая» читателя в свой мир, текст заставляет его остро переживать находящееся в основе этого мира противоречие. Осуществляя этическую оценку – например, осуждая героев (в «Старосветских помещиках», «Повести о том...», «Портрете») или сострадая им (в «Невском проспекте», «Портрете» и т. д.), читатель стремится разрешить конфликт текста, опираясь на свой жизненный опыт (в осуждении или оправдании поступков героев он пытается исходить из собственных представлений о жизни).

Между тем, в повествовании то и дело обнаруживается фиктивная природа изображаемого, что делает неуместным вышеописанную этико-эстетическую читательскую реакцию. Так, например, в «Записках сумасшедшего» в тот момент, когда читатель, сопереживая страдающему герою, готов осудить мучающий его миропорядок, текст напоминает, что весь повествуемый мир выстроен сознанием безумца: «Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку посмотри, как мучат они его! прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет места на свете! его гонят! – Матушка! пожалей о своем больном дитятке!.. А знаете ли, что у французского короля шишка под самым носом?» (III, 214). В конечном счете читатель вынужден остро переживать неразрешимые противоречия заведомо фиктивной реальности.

Граница, отделяющая подчиненный авторской фантазии мир текста от мира действительного, в повестях «Миргорода» и «Арабесок» еще не преодолевается в читательском восприятии (что соответствовало бы конвенциональной модели

реалистического повествования), однако становится уже предметом рефлексии текста и читателя.

В 1843 г. в составе третьего тома «Сочинений Николая Гоголя» впервые появляются т. н. «петербургские повести» в том виде, в каком они знакомы современному читателю. Этот «несобранный» цикл (в который вошли «Невский проспект» и «Записки сумасшедшего» без изменений, «Портрет» и «Нос» в новых редакциях 1837-1841 гг. и ранее не публиковавшаяся «Шинель» – 1839-1841) на новом этапе творческой эволюции Гоголя стал самостоятельным произведением, в котором оформились повествовательные принципы, соответствующие установившейся впоследствии реалистической конвенции.

Повествовательная поэтика «петербургского цикла» описана В. М. Марковичем: суггестивное повествование создает здесь мощную иллюзию реальности, при этом событийность в повествуемом мире проблематизирована (рассказчик то и дело снимает с себя ответственность за рассказываемое). Отождествляя бессобытийный повествуемый мир с пространством собственного бытия, читатель фактически должен увидеть и собственную реальность как мир хаоса. Результатом чтения, таким образом, должно стать некое новое знание о мире внетекстовой действительности.¹⁴

Как формируется эта новая стратегия, можно увидеть, сравнив, например, две редакции повести «Нос». В первоначальном ее варианте (1836) в финале содержалось объяснение фантастических событий сном героя и ироническое рассуждение рассказчика о бессмысленности собственного рассказа. Эта ирония, вполне очевидно, была направлена против примитивного прочтения литературного текста, которое, игнорируя автономию художественной реальности, требует от нее прямого правдоподобия, соблюдения логики обыденного. Эта коммуникативная стратегия ориентирована на экспликацию границы между миром литературного вымысла и жизненной действительностью (как и в других гоголевских повестях 1833–1835 годов).

Во второй редакции исчезает эпизод пробуждения героя, а заключительный «монолог» повествователя превращается в отказ от ответственности за повествуемое. Текст втягивает читателя в фантастичный мир, но никак не объясняет его фантастики – ни рациональными мотивировками, ни автономией эстетического. Не видя внешней границы изображаемой реальности, читатель стремится отождествить ее с пространством собственного бытия и уже там искать мотивировки сверхъестественному.

¹⁴ См.: МАРКОВИЧ, Владимир Маркович. 1989. *Петербургские повести Н. В. Гоголя*. Ленинград: Художественная литература, 1989. 208 с. ISBN 5-280-00728-5.

Те же повествовательные принципы реализованы в «Шинели» и во второй редакции «Портрета». В составе нового единства «петербургского цикла» получают иной смысл и те две повести «Арабесок», которые вошли в собрание сочинений без переработок. Стратегии сборников 1835 года направлены на то, чтобы внушить читателю переживание трагической иррациональности жизни; реалистический же тип эстетической коммуникации ведет от переживания противоречия к его уяснению: текст провоцирует читателя сформулировать для себя некий «положительный ответ» – осмыслить причины иррациональности бытия и возможности ее преодоления.

Повествование, ориентированное на привлечение жизненного опыта читателя к интерпретации художественного мира, предполагает возможность разных прочтений. Литературный текст – в рамках представления о диалектической взаимосвязи искусства и действительности – может актуализировать разные стороны смысла в зависимости от актуального внелитературного контекста. Именно такую «многозначность» и обнаруживают «петербургские повести» как факт русской культуры.

Характер эволюции гоголевского повествования был определен общекультурными процессами «переходного времени» 1830-х гг. В этот период формирование нового типа отношений между литературой и действительностью связано с установлением реалистической конвенции. В гоголевском творчестве новая форма эстетической коммуникации складывается в ходе постепенного преодоления в читательском восприятии границы между пространством действительности и повествуемым миром. В последующую эпоху эта модель станет в русской литературе основой парадигмы реалистического романа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. de JONG, Irene J. F. 2013. Diachronic Narratology. (The Example of Ancient Greek Narrative). In: *The living handbook of narratology* [online]. Hamburg: Hamburg University, 2009–2015, [cit. 08-01-2015]. Доступно в Интернете: <<http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/diachronic-narratology-example-ancient-greek-narrative>>
2. FLUDERNIK, Monika. 2003. The Diachronization of Narratology. In: *Narrative*. 2003, Oct., vol. 11, № 3. p. 331–348.
3. БАХТИН, Михаил Михайлович. 1975. *Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Художественная литература, 1975. 809 с.

4. ГОГОЛЬ, Николай Васильевич. 1937–1952. *Полное собрание сочинений*: В 14 т. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1937–1952. 14 т.
5. МАРКОВИЧ, Владимир Маркович. 1989. *Петербургские повести Н. В. Гоголя*. Ленинград: Художественная литература, 1989. 208 с. ISBN 5-280-00728-5.
6. МЕДВЕДЕВ, Павел Николаевич. 2003. *Формальный метод в литературоведении*. Москва: Лабиринт, 2003. 191 с. ISBN 5876040223.
7. МИХАЙЛОВ, Александр Викторович. 2008. *Методы и стили литературы*. Москва: ИМЛИ РАН, 2008. 175 с. ISBN 978-5-9208-0312-2.
8. МИХАЙЛОВ, Александр Викторович. 2000. *Обратный перевод. Русская и западноевропейская культура: проблемы взаимосвязей*. Москва: Языки русской культуры, 2000. 856 с. ISBN 5-7859-0034-3.
9. ШМИД, Вольф. 2010. Событийность, субъект и контекст. In: *Событие и событийность*. Москва: Издательство Кулагиной; Intrada, 2010, с. 13–23.

FORMOVANIE ETICKÉHO IDEÁLU V TVORBE F. M. DOSTOJEVSKÉHO

PaedDr. Lenka Paučová

Ústav slavistiky, Filozofická fakulta Masarykovej univerzity v Brně, 40234@mail.muni.cz

Резюме: Главной темой статьи является религиозное мирозерцание Ф. М. Достоевского и формирование представлений об этическом идеале в его творчестве. Автор показывает, что среди героев Достоевского можно выделить «голоса „униженных и оскорбленных“», «голос Дона Кихота» и «голос героя, защищающего христианские идеалы». Князя Мышкина, анализированного как «голос „положительно прекрасного человека“», автор интерпретирует как этический идеал или синтез образа Жана Вальжана, Дона Кихота и Христа.

Na úvod

Problematike skúmania etického ideálu u F. M. Dostojevského sme sa v minulosti už venovali.¹ V našej štúdií sa zameriame na Dostojevského predstavu o etickom ideáli, bude nás zaujímať, ako sa táto predstava v tvorbe spisovateľa rozvíjala, až nakoniec vyvrcholila v postave Мышкина z románu *Idiot* (1868). V tejto súvislosti sa pokúsime odpovedať na otázku, akými atribútmi sa podľa Dostojevského vyznačoval ideál, ktorý by v sebe zjednocoval tie najkrajšie, najčistejšie a najúprimnejšie city, akých je človek schopný. Naša práca vychádza z tvorivého smerovania nitrianskej rusistiky, esteticko-antropologickej koncepcie literatúry ako tvorby človeka o človeku a pre človeka (A. Červeňák), zároveň by sme však chceli poukázať na našu koncepciu genézy Dostojevského predstáv o etickom ideáli. Formovanie etického ideálu v troch fázach evokuje triadickosť myslenia spisovateľa, samotných hrdinov vnímame ako nositeľov svojej pravdy, túto pravdu nazývame „hlasom“, čím akcentujeme polyfóniu Dostojevského diel (M. Bachtin).

Etický ideál a jeho formovanie

Vo februárovom čísle *Denníku spisovateľa* z roku 1876 Fiodor Michajlovič Dostojevskij uvádza: „Dobre sa pozrite a uvidíte, že u nás je na prvom mieste viera v ideu, v ideál a pozemské slasti až potom.“² Viera v ideu a v ideál bola podľa spisovateľa v ruskom

¹ PAUČOVÁ, L. 2014. *Hľadanie etického ideálu v tvorbe F. M. Dostojevského*. In: *Almanach Nitra*. Nitra: Nitrianska odbočka SSS, 2014. s. 242 – 252.

² DOSTOJEVSKIJ, F. M. 2010. *Rusko a Európa: Z Denníka spisovateľa*, s. 9.

prostredí tou najdôležitejšou. Aj Dostojevskij veril v ideu a ideál, zároveň však bol ich neúnavným hľadačom. Hľadaniu absolútneho dobra, lásky a krásy, etického ideálu a morálneho imperatívu zasvätil takmer celý svoj život.

Aby sme sa ďalej mohli venovať etickému ideálu u Dostojevského, najprv musíme charakterizovať vzťah spisovateľa k otázkam viery a náboženstva. V ruskej dostojevskológii sa často stretávame s vnímaním Dostojevského ako náboženského spisovateľa (T. A. Kasatkinová, J. G. Novikovová, G. G. Jermilovová a ďalší), preto by sme chceli zdôrazniť, že Dostojevskij nebol ortodoxným pravoslávny kresťanom, ale vieru v Boha ponímal viac z filozoficko-etického a ontologického hľadiska. Súčasníci vnímali Dostojevského ako kresťana veľmi rozporuplne. Ako uvádza prof. Červeňák, farár Janyšev nazýval Dostojevského kacírom, vysoký úradník pravoslávnej cirkvi, Pobedonoscev, zasa ideálnym kresťanom, v skutočnosti však spisovateľa nemožno považovať ani za jeden z týchto extrémov. Bol predovšetkým hlbavým mysliteľom, ktorého altruizmus, filantropia, bohohľadačstvo sa prejavuje v každom diele.³

Dostojevského predstavu o ideáli podľa nás tvorí *triáda* Dobro, Láska a Krása. Dobro sa u spisovateľa spája s utrpením a obetovaním seba samého. Postavy prežívajú utrpenie, obetujú sa v mene lásky a šťastia blížneho. Láska sa spája so súcitom. Postava sa rozvíja ako filantrop, zbavený akýchkoľvek prejavov egoizmu či samofúboosti, svoju lásku-súcit prejavuje ku všetkým ľuďom (altruizmus). Fyzická krása je podľa Dostojevského pominuteľná, krása duševná naopak večnou. Duševnou krásou vynikajú aj jeho postavy. V tejto súvislosti si pripomeňme slová kniežaťa Myškina: „*krása spasí svet*“⁴.

Pre Dostojevského bol etickým ideálom Kristus, ktorý stelesňuje Dobro, Lásku aj Krásu. Podľa spisovateľa neexistovalo nič krajšie ako Kristus a viera v neho. Pripomeňme si Dostojevského slová z listu N. D. Fonvizinovej: «*нет ничего прекраснее, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть.*»⁵ Podľa spisovateľa len Bohočlovek dáva zmysel ľudskej existencii, len on môže vykúpiť ľudské utrpenie a uspokojiť túžbu človeka po dokonalosti. Spisovateľ tak prichádza k záveru, že by radšej zostal s Kristom než s pravdou.

Keď sa pozrieme na tvorbu F. M. Dostojevského, jeho etický ideál sa rozvíjal v *troch* fázach:

³ ČERVEŇÁK, A. et al. 2005. *Rozjímání o Velkém inkvizitorovi*, s. 35.

⁴ DOSTOJEVSKIJ, F. M. 2012. *Idiot*, s. 368.

⁵ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М. 1985. *Полное собрание сочинений в тридцати томах: Письма 1832 – 1859*, с. 176.

1. **Hlasy „ponížených a urazených“** predstavujú dve postavy – Makar Devuškin z románu *Chudobní ľudia* (1846) a Ivan Petrovič z románu *Poníženi a urazení* (1861). Možno ich nazvať Valjeanmi, pretože sa prejavujú predovšetkým v sociálnej rovine. Láska k sirote Vareňke dávala Devuškinovi zmysel života, silu na boj s predsudkami a predurčením. Ivan Petrovič pomáha Nataši Ichmenevovej, Nelly a ich rodinám, ktoré rozvrátil knieža Valkovskij. V nepriaznivej realite oživa láska hrdinov, pocit hrdosti, dôstojnosti, cit pre spravodlivosť, preto sú akoby prvým stupienkom na ceste k etickému ideálu v tvorbe Dostojevského.

2. **Hlasom Dona Quijota** je statkár Jegor Il'jič Rostanev z novely *Obec Stepančikovo a jej obyvatelia* (1859). Hrdina nám pripomína Dona Quijota najmä tým, ako kráča za svojim ideálom, hľadá dobro v duši každého človeka, hoci v skutočnosti jeho dobrotu zneužíva vlastná rodina. Rostanev prejavuje k ľuďom súcit podobne ako knieža Myškin. Don Quijote dodáva Rostanevovi filozofický rozmer, hrdina preto predstavuje ďalší stupeň na ceste k ideálu.

3. Soňu Marmeladovovú z románu *Zločin a trest* (1866) sme nazvali **hlasom postavy, bojujúcej v mene kresťanských ideálov**. Vnímame ju ako nositeľku kresťanských ideálov, akými sú láska k blížnemu, pokora, súcit či sebaobetovanie. Zmyslom Soninho života sa stali súcit, obeta a aktívna, pomáhajúca láska k blížnym. Jej vplyv spôsobil prerod Raskol'nikova. Soňu Marmeladovovú by sme preto mohli označiť za etický ideál ženy v tvorbe F. M. Dostojevského. K Soni môžeme zaradiť aj Dostojevského postavy z neskorších románov – Makara Ivanoviča Dolgorukého z románu *Výrastok* (1875) a starca Zosimu z románu *Bratia Karamazovovci* (1880). Hrdinovia majú viaceré spoločné znaky, aj keď nakoniec umierajú, ich ideály sú večné, pretože zostali v srdciach ľudí, ktorí ich budú šíriť ďalej.

Napokon môžeme počuť **hlas „dokonale krásneho človeka“**. V postave kniežat'a Myškina z románu *Idiot* (1868) vyvrcholili Dostojevského predstavy o ideáli. Hrdina je stelesnením Dobra, Lásky a Krásy; ideálom nielen etickým, estetickým, ale všeľudským. Môžeme ho vnímať z hľadiska výsledného obrazu, ale aj samotného vývinu, pretože všetko plynie, všetko sa vyvíja (*panta rhei*) – aj autor, aj jeho dielo, aj postavy. Andrej Červeňák interpretuje postavu kniežat'a Myškina práve z hľadiska ontogenézy. Vo vývine Myškina sleduje *tri* etapy. Hrdina najprv získal črty prírodného (Ivanuška-hlupáčik), potom sociálneho (Judejský vládca) a nakoniec duchovného individua (Kristus). Obraz Krista sa stal v jeho charakteristike dominantným.⁶

V postave kniežat'a Myškina možno taktiež sledovať *tri* paralely. Z náboženského pohľadu Myškin vytvára paralelu s Kristom, z filozofického pohľadu s Donom Quijotom.

⁶ МУРАНСКА, Н. 2011. *Русская литература в восприятии проф. Андрея Червеняка*, с. 189-196.

V sociálnej oblasti býva hrdina stotožňovaný s Jeanom Valjeanom alebo Pickwickom. Kým postavy z predchádzajúcich románov Dostojevského boli Valjeanmi (Makar Devuškin, Ivan Petrovič), Don Quijotmi (Jegor Iljič Rostanov) alebo zosobňovali kresťanské ideály (Soňa Marmeladovová, Makar Ivanovič Dolgorukij, Zosima), v Myškinovi tieto snahy vyvrcholili. Hrdina predstavuje syntézu obrazu Jeana Valjeana, Dona Quijota a Krista.

Na paralelu s Jeanom Valjeanom, postavou z románu Victora Huga *Bedári* (1865) alebo taktiež s pánom Pickwickom z románu Charlesa Dickensa *Kronika klubu Pickwickovcov* (1836-1837) poukazuje napríklad N. N. Nasedkin. Podľa nášho názoru sa táto paralela v porovnaní s Kristom a Donom Quijotom prejavuje najmenej. Paralelu medzi Myškinom a Jeanom Valjeanom či Pickwickom vnímame v rámci sociálnej roviny ako prejav sociálneho dobra.

Vo filozofickej rovine románu vnímame postavu kniežat'a Myškina ako Dona Quijota. Môžeme teda hovoriť o paralele medzi Myškinom a Donom Quijotom, pretože hrdina bojoval s petrohradskou spoločnosťou ako Don Quijote s veternými mlynmi. Túto paralelu rozvíjal predovšetkým ruský dostojevskológ K. Stepaňan. Cervantesov prínos do svetovej literatúry v podobe románu *Dômyselný rytier Don Quijote de la Mancha* (1605) si Dostojevskij veľmi vážil: „*Také knihy posielajú sa ľudstvu po jednej za niekoľko storočí.*“⁷ Podľa Dostojevského sa Cervantesovi v tejto knihe podarilo najviac poodhaliť *tajomstvo* človeka, pretože ho zobrazil v jeho duševnej kráse, čistote, mravnosti, úprimnosti, dobrosrdečnosti. Knieža Myškin túžil po stretnutí s ľuďmi. Hľadal v nich dobro, ale jeho ilúzia dobra v každom človeku sa rozplynula. „Dobří“ ľudia v ňom videli idiota, hlupáka, žobráka či príživníka, ktorý chce využiť svoju chorobu, aby získal peniaze a kontakty vo vyššej spoločnosti. Tí istí „dobří“ ľudia spôsobili, že hrdina nakoniec prežíva dezilúziu a upadá do svojej duševnej choroby.

Práve paralela s Kristom je podľa nášho názoru tou dominantnou, najdôležitejšou a najsilnejšou spomedzi ostatných. Podľa Dostojevského jedine Kristus predstavuje ideál: «*На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо.*»⁸ Spisovateľ vytvoril postavu kniežat'a Myškina ako ideál, človeka duševne nesmierne krásneho a dokonalého. Osud a utrpenie hrdinu stotožnil s osudom Krista, doslova ho Kristom i nazýva («*князь Христос*»). Tento prístup akcentujú napríklad práce A. B. Galkina, G. G. Jermilovovej a ďalších.

⁷ LOSSKIJ, N. O. 2009. *Dostojevskij a jeho kresťanský svetonáhľad*, s. 155.

⁸ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М. 1985. *Полное собрание сочинений в тридцати томах: Письма 1860 – 1868*, с. 251.

Lev Nikolajevič Myškin prichádza do Petrohradu ako novodobý Kristus. Prichádza ako stelesnenie absolútneho Dobra, Lásky a Krásy, ako ideál do neideálneho sveta, do sveta, kde vládnu relatívne hodnoty, peniaze, úspech, pretváarka, karierizmus. Knieža Myškin prejavuje vo vzťahu ku každému človeku nekonečnú lásku a súcit, prežíva jeho utrpenie. V charakteristike hrdinu dominuje súcit. Myškin s každým človekom súciti, v každom hľadá Pravdu, Dobro a Krásu (Aristoteles). Jeho filozofia je filozofiou súcitu: „*Súcit je hlavný a možno jediný zákon bytia celého ľudstva.*“⁹ Ľudí svojej doby Myškin ani prostredníctvom vlastnej filozofie zmeniť nedokázal. Hrdina postupne zisťuje, že vytvoriť raj na zemi už nie je možné. Ľudia jeho filozofiu pokory, súcitu a lásky človeka k človeku neprijímajú.

Knieža Myškin má preto oveľa bližšie k deťom. V spoločnosti detí sa cíti lepšie ako v spoločnosti dospelých. Napriek tomu chcel dať ľuďom šancu, aby mu dokázali, že boli a stále sú dobrými ľuďmi. Vo vzťahu Myškina k deťom sa podľa nás taktiež prejavuje paralela s Kristom, pretože v obraze Myškina medzi deťmi akoby sme videli Krista. Deti sú nevinné, majú čistú dušu, nevedia klamať, aj preto má k nim Myškin blízko. Detsky nevinnú, čistú dušu Myškin chcel a túžil vidieť aj u dospelých ľudí v petrohradskej spoločnosti. Sám Dostojevskij miloval deti. Podľa slov Anny Grigorievny, jeho druhej manželky, sa s nimi dokázal celé hodiny hrať, mal k nim osobitý prístup, razom si vedel získať dôveru nielen svojich, ale aj cudzích detí.¹⁰ Okrem toho Dostojevskij sledoval súdne spory proti rodičom, ktorí svoje deti dokonca týrali, prejavoval súcit s nešťastím týchto detí.

V rámci paralely s Kristom by sme ešte chceli charakterizovať postoj Myškina k viere. Knieža Myškin sa o svojej viere vyjadruje pomerne málo. V otázke viery sa Myškin najviac prejavuje na oslave u JAPANČINOVCOV, keď dáva najavo svoj odmietavý postoj ku katolíckej viere. Knieža reflektuje názory Dostojevského, ktoré zaznievajú v poéme o *Velkom inkvizítovi*: „*Ateizmus len hlása, že niet Boha, ale katolicizmus ide ďalej: hlása Krista zdeformovaného, prekrúteného a zneucteného, Krista naruby! On hlása Antikrista, verte mi, prisahám!*“¹¹ Dostojevského knieža Myškin nie je ortodoxným kresťanom. Pohybuje sa medzi náboženstvom a filozofiou ako jeho tvorca.

Okrem paralely s Jeanom Valjeanom, Donom Quijotom a Kristom by sme chceli ešte poukázať na to, ako je postava kniežaťa Myškina spätá so samotným Dostojevským. V hrdinovi môžeme pozorovať viaceré autobiografické črty či analógie so životom a charakterom spisovateľa. Aj Dostojevského knieža Myškin trpí epilepsiou. Epileptický záchvat vníma ako

⁹ DOSTOJEVSKIJ, F. M. 2012. *Idiot*, s. 222.

¹⁰ DOSTOJEVSKÁ, A. G. 1981. *Spomienky*, s. 278.

¹¹ DOSTOJEVSKIJ, F. M. 2012. *Idiot*, s. 522.

krásku i modlitbu, stav, v ktorom si najviac uvedomoval seba samého. Jeden takýto okamih pre neho znamenal toľko ako celý život.

Prostredníctvom Myškina nám Dostojevskij rozpráva o svojich dojmach z obrazu Hansa Holbeina ml. *Telo mŕtveho Krista*, ktorý znázorňuje Spasiteľa, práve zloženého z kríža. Keď knieža navštívil Rogožina, všimol si kópiu Holbeinovho obrazu. Tento obraz videl predtým v cudzine a nemohol naň zabudnúť: „*Ten obraz! – skríkol odrazu knieža pod vplyvom náhlej myšlienky. – Ten obraz! Ved' pred tým obrazom môže niekto aj vieru stratiť.*“¹² Spomínaný obraz Dostojevskij videl v múzeu v Bazileji. Nesmierne ho uchvátil. K obrazu Hansa Holbeina ml. sa vracia ešte raz a to prostredníctvom postavy Ippolita Terentieva, ktorý taktiež videl kópiu Holbeinovho obrazu u Rogožina. Autor tým akcentuje myšlienku, že spomínaný obraz môže v človeku vyvolať pochybnosti alebo dokonca stratu viery. Prečo? Holbein zobrazil Kristovu tvár, na ktorej sa odzrkadľuje nesmierne utrpenie. Pri pohľade na Krista, ktorý nevstal z mŕtvych, by človek naozaj mohol stratiť vieru. Vidno, že obrazy Hansa Holbeina spisovateľa veľmi upúťali. V románe môžeme nájsť ešte jedno miesto, kde sa s menom maliara do *tretice* stretávame – keď Myškin prirovnáva tvár Adelaidy k Holbeinovej *Madonne*.

Dostojevskij k nám prostredníctvom svojho hrdinu prehovoril aj o utrpení a spomienkach na ortieľ smrti. V románe sa k nim vracia celkovo *trikrát*. Myškin rozpráva komorníkovi o odsúdenom na smrť, ktorý sa pred vynesením rozsudku rozplakal. Rozsudok smrti, samotná istota, že človek umrie, je podľa neho horšia ako napríklad lúpežná vražda. Muža odsúdeného za politický zločin Myškin spomína druhýkrát v rozhovore s generálkou a jej dcérami. Hovorí o odsúdenom, ktorý si myslel, že ho popavia až o týždeň, ale rozsudok smrti prišiel skôr. Knieža opisuje posledné chvíle, myšlienky odsúdeného. *Tretí raz* Myškin rozpráva príbeh človeka, ktorého odsúdili na smrť zastrelením, ale v poslednej chvíli ho omilostili. Na tých niekoľko minút odsúdený nikdy v živote nezabudol: „*Čo keby som neumrel! Čo keby sa mi vrátil život – tá nekonečnosť! A toto všetko by bolo moje! Potom by som každú minútu premenil na celý život, nič by som nepremárnil, každú minútu by som zlatom vyvažoval, nič by som nepremrhal zbytočne!*“¹³ Utrpenie, pocity, myšlienky odsúdencov pred rozsudkom smrti a po omilostení sú spomienkami spisovateľa na tieto okamihy. Zmenou rozsudku smrti na nútené práce sa Dostojevskij doslova po druhý raz narodil. Nasledujúce štyri roky v trestaneckom tábore mali pre neho rozhodujúci význam, pretože spôsobili jeho duchovnú očistu, katarziu. Zo spomienok spisovateľa sa navyše dozvedáme, že práve na nútených prácach sa zrodili jeho najlepšie a najhlbšie myšlienky.

¹² DOSTOJEVSKIJ, F. M. 2012. *Idiot*, s. 211.

¹³ Tamže, s. 58.

Len čo knieža Myškin zdedil nevelký majetok, začali za ním chodiť veritelia, pretože im vraj nebohý kupec dlžil peniaze. Mnohí začali túto situáciu zneužívať, keď sa dozvedeli, aký je knieža dôverčivý. Podobná situácia sa analogicky vyskytuje aj v živote Dostojevského. Podľa slov baróna Vrangel'a: „*Všetci osudom ukrivdení, nešťastní, chorí a biedni sa u neho stretávali so zvláštnym súcitom ... jeho neobyčajná dobrota je známa každému, kto ho bližšie poznal ... Zhovievavosť Fiodora Michajloviča k ľuďom bola akoby z iného sveta.*“¹⁴ Charakter spisovateľa sa vyznačoval dobrosrdečnosťou, dôverčivosťou, zhovievavosťou a súcitom k ľuďom. Po smrti brata Dostojevskij síce majetok nezdedil, ale začali za ním chodiť rôzni ľudia so slovami, že im nebohý Michail Michajlovič zostal dlžný peniaze. Mnohí z nich týmto spôsobom Dostojevského dôverčivosť iba zneužívali.¹⁵

Dostojevskij vytvoril postavu kniežaťa Myškina ako etický ideál. Vnímame ho však ako ideál vo svete neideálnom, absolútne Dobro, Lásku a duševnú Krásu vo svete, plnom relatívnych hodnôt. Ako uvádza Andrej Červeňák, Myškin chcel vytvoriť raj na zemi, lenže v skutočnosti v mene dobra zapríčinil ľuďom bolesť a trápenie, jeho dobrý úmysel sa tak premenil na zlo: „*Knieža Myškin je morálnym imperatívom, absolútnym etickým princípom, ktorý sa vo svete zrelativizovaných ľudských hodnôt stáva absurdným. ... Myškin okrem útechy nikomu nič neprinesol. Naopak: stal sa príčinou ľudských bolestí, nešťastí a tragédií. Absolútne dobro sa v reálnom kontexte prejavilo ako zlo.*“¹⁶

Myškin sa preto stáva ideálom tragickým. Všetci hrdinovia románu ku kniežaťu inklinujú, v konfrontácii s ním si však uvedomujú vlastné nedostatky, preto sa Myškin stáva ich nepriateľom, zostáva vo svojej podstate osamotený, nepochopený. Ako ideál je ideálom tragickým, v istom zmysle zbytočným. Myslíme si, že z celej plejády Dostojevského hrdinov má práve Aľoša Karamazov k Myškinovi najbližšie. Je akoby jeho mladším bratom. Aj Aľošu by sme mohli interpretovať ako Jeana Valjeana či Dona Quijota, ale v porovnaní s Myškinom sa nenachádza tak blízko k obrazu Krista. Ľudia v ňom vidia ideál, morálny imperatív. „*Neukrižujú*“ ho ako Myškina, pretože stojí bližšie k nim. V porovnaní s Myškinom ho vnímame ako postavu aktívnejšiu, môžeme ho preto považovať za nositeľa princípu života, lenže aj Aľoša nakoniec v reálnom živote zlyháva.

Na záver

Myšlienka vytvoriť duševne krásneho a dokonalého človeka je nesmierne krásna. V tvorbe F. M. Dostojevského sa rozvíjala v *troch* fázach, až nakoniec vyvrcholila v štvrtej –

¹⁴ LOSSKIJ, N. O. 2009. *Dostojevskij a jeho kresťanský svetonáhľad*, s. 17.

¹⁵ DOSTOJEVSKÁ, A. G. 1981. *Spomienky*, s. 157.

¹⁶ ČERVEŇÁK, A. 1991. *Tajomstvo Dostojevského*, s. 33.

postavou kniežaťa Myškina, ktorá v ruskej literatúre nemá obdobu. Postava kniežaťa Myškina zosobňuje etický ideál, ako ho vnímal Dostojevskij. Svedčí o tom nádherná paralela medzi osudom Myškina a Krista v náboženskej rovine, medzi Myškinom a Donom Quijotom vo filozofickej rovine a s Jeanom Valjeanom alebo Pickwickom v rovine sociálnej. Myškin sa pohybuje medzi náboženstvom a filozofiou ako sám autor. Prostredníctvom hrdinu Dostojevskij vypovedá o sebe, svojej chorobe, spomienkach na rozsudok smrti.

Na záver si položíme otázku: mohol by byť človek tvorcom ideálu alebo tento ideál reprezentovať? Človek prirodzene túži po dokonalosti, ale je odsúdený na život vo svete nedokonalom, vo svete, kde vládnu relatívne hodnoty, prekážkou na ceste k dokonalosti je práve on sám, jeho ľudská podstata. Z tohto hľadiska by etický ideál nebolo možné uskutočniť, pretože by predstavoval *contradictio in adiecto*. Ľudia však potrebovali, potrebujú a potrebovať budú svoj ideál v podobe Myškina, aby aspoň na chvíľu pocítili, ako sa vzdialili od svojej podstaty. Posolstvo kniežaťa Myškina, jeho filozofia dobra, lásky a súcitu sa v literatúre rozširuje dodnes.

BIBLIOGRAFIA:

1. ČERVEŇÁK, Andrej, et al. 2009. *Don Quijote a Idiot*. Nitra: Spolok slovenských spisovateľov, 2009. 98 s. ISBN 978-80-8061-398-3.
2. ČERVEŇÁK, Andrej, et al. 2005. *Rozjímanie o Veľkom inkvizítovi*. Bratislava: Spolok slovenských spisovateľov, 2005. 128 s. ISBN 80-8061-224-2.
3. ČERVEŇÁK, Andrej. 1991. *Tajomstvo Dostojevského*. Nitra: Pedagogická fakulta v Nitre, 1991. 139 s. ISBN 80-85183-46-3.
4. DOSTOJEVSKÁ, Anna Grigorievna. 1981. *Spomienky*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1981. 384 s.
5. DOSTOJEVSKIJ, Fiodor Michajlovič. 2012. *Idiot*. Bratislava: Ikar, 2012. 590 s. ISBN 978-80-551-2826-9.
6. DOSTOJEVSKIJ, Fiodor Michajlovič. 2010. *Rusko a Európa: Z Denníka spisovateľa*. Bratislava: Európa, 2010. 144 s. ISBN 978-80-89111-66-4.
7. LOSSKIJ, Nikolaj Onufrievič. 2009. *Dostojevskij a jeho kresťanský svetonáhľad*. Bratislava: Vydavateľstvo Spolku slovenských spisovateľov, 2009. 319 s. ISBN 978-80-8061-365-5.
8. PAUČOVÁ, Lenka. 2014. *Hľadanie etického ideálu v tvorbe F. M. Dostojevského*. In: *Almanach Nitra*. Nitra: Nitrianska odbočka SSS, 2014. s. 242 – 252.

9. ДОСТОЕВСКИЙ, Фёдор Михайлович. 1985. *Полное собрание сочинений в тридцати томах: Письма 1832 – 1859*. Ленинград: Наука, 1985. 554 с.
10. ДОСТОЕВСКИЙ, Фёдор Михайлович. 1985. *Полное собрание сочинений в тридцати томах: Письма 1860 – 1868*. Ленинград: Наука, 1985. 617 с.
11. КАСАТКИНА, Татьяна Александровна, et al. *Роман Ф. М. Достоевского „Идиот“: Современное состояние изучения*. Москва: Наследие, 2001. 560 с. ISBN 5-9208-0044-5.
12. МУРАНСКА, Наталия. 2011. *Русская литература в восприятии проф. Андрея Червеняка*. Нитра: Философский факультет Университета им. Константина Философа, 2011. 222 с. ISBN 978-80-8061-444-7.

PORTRÉT, KONANIE A MYSLENIE HRDINOV U I. S. TURGENEVA A F. M. DOSTOJEVSKÉHO

Mgr. Kristína Ševečková

Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií, Filozofická fakulta univerzity Komenského v Bratislave, seveckova3@uniba.sk

РЕЗЮМЕ: В предлагаемой статье дается сравнение двух романов с точки зрения используемых в них отдельных элементов – портрета, мыслей, поступков. Речь идет о романах «Рудин» И.С. Тургенева и «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского. Мы сосредоточиваем внимание на значении портрета главных героев в них, средствах, используемых авторами для изображения мыслей и переживаний героев, а также на функцию описания поступков персонажей в данных романах.

Úvod

Hrdina je jednou z centrálnych postáv v literárnom diele, je stredobodom pozornosti autora. V románoch I.S. Turgeneva a F.M. Dostojevského možno pozorovať odlišnosti v spôsobe zobrazenia hlavných hrdinov. V príspevku sa pokúsime poukázať práve na tieto odlišnosti, a to prostredníctvom nasledujúcich otázok:

1. Aký priestor v románe – v predstavení hlavného hrdinu – zaujíma jeho portrét?
2. Využitím akých prostriedkov oboznamuje autor čitateľa s myslením a prežívaním hlavného hrdinu?
3. Aké postavenie v románoch má opísanie konania hrdinu?

Portrét hlavných hrdinov v románoch

I.S. Turgenev vykresľuje portrét hlavného hrdinu – Rudina poukázaním na niekoľko dôležitých detailov. Rudin prichádza na scénu až v tretej kapitole, kde autor ako prvú informáciu podáva práve jeho portrét. V žiadnom prípade však nejde o detailný opis zovňajšku, ale skôr o zvýraznenie určitých črt, ktorými upriamuje pozornosť čitateľa na dôležité aspekty charakteristiky tejto postavy. Tak napr. na s. 13: *„Вошел человек лет тридцати пяти, высокого роста, несколько сутуловатый, курчавый, смуглый, с лицом неправильным, но выразительным и умным, с жидким блеском в быстрых темно-синих глазах, с прямым широким носом и красиво очерченными губами. Платье на нем было не ново и узко,*

словно он из него вырос.»¹; «Тонкий звук голоса Рудина не соответствовал его росту и его широкой груди».² Dôležité črty hrdinu – bol to pomerne mladý muž, s inteligentným výrazom tváre, vysoký, s peknými perami čitateľovi napovedajú viac o osobe Rudina – bol pravdepodobne vzdelaný, jeho slová boli pekné a príjemne sa počúvali, príjemný bol aj pohľad na jeho pery. V opísaní zovňajšku hrdinu Turgenev využíva aj kontrasty: vysoká postava – tenký zvuk hlasu, biedne oblečenie – krásne reči, a i., ktoré akoby mali čitateľa pripraviť na to, že Rudin je niečím zvláštny.

O niekoľko strán ďalej sa dozvedáme, že sa smial len občas: „– А подо все другое можно? – спросил Рудин и засмеялся, что с ним случалось очень редко. Когда он смеялся, лицо его принимало странное, почти старческое выражение, глаза ежились, нос морщился...“³, z čoho by sme mohli usúdiť, že sa zaoberá vážnymi a dôležitými otázkami, ale pravdepodobne nie je šťastný (nesmeje sa).

Zovňajšok hlavného hrdinu Turgenev opisuje ešte v závere knihy, kde je Rudin zostarnutý, šedivý, biedne oblečený, so smutným, až pokorným výrazom: «человек высокого роста в фуражке и старом запыленном плаще. То был Рудин. Он сидел понуриив голову и нахлобучив козырек фуражки на глаза. (...) серебряные нити заблестали кой-где в кудрях, и глаза, все еще прекрасные, как будто потускнели; мелкие морщины, следы горьких и тревожных чувств, легли около губ, на щеках, на висках»⁴; «(...) Было что-то беспомощное и грустно-покорное в его нагнутой фигуре»⁵; «(...) в похолодевшей, как бы разбитой речи высказывалась усталость окончательная, тайная и тихая скорбь».⁶ Uvedené pozorovania poukazujú na zmeny v živote hrdinu, ako aj na jeho nie práve najšťastnejší duševný stav.

Z uvedeného vyplýva, že tu je portrét dôležitou súčasťou charakteristiky hlavného hrdinu. Nájdeme ho (takmer) v úvode a v závere knihy. Okrem toho, že vďaka portrétu si vieme predstaviť, čím bol Rudin zaujímavý a čo bolo pre neho typické, ponúka aj kontrastnosť – pozorovaním portrétov vieme, že hrdina sa zmenil, prežil niečo, čo na ňom zanechalo stopy, i keď, ako vyplýva z jeho nasledovného správania, niektoré vlastnosti si zachoval po celý život. U Turgeneva je portrét doplnený aj nepriamou charakteristikou – zobrazením správania a rozprávania, dôležitú úlohu však plní i sám o sebe.

¹ ТУРГЕНЕВ, И. С. Рудин. Дворянское гнездо. Накануне. 2003, s.13.

² Tamže, s.13.

³ Tamže, s.20.

⁴ Tamže, s. 56.

⁵ Tamže, s. 57.

⁶ Tamže, s. 58.

F.M. Dostojevskij v románe Zločin a trest zoznamuje čitateľa so svojím hrdinom už na prvých stránkach diela úplne odlišne: robí tak v deň, kedy chcel hrdina vykonať „skúšku“ zločinu. Autor využíva opis životných pomerov Raskoľnikova (býval v podnájme, v kutici: *„Каморка его приходилась под самую кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру.“*⁷). Vovádza nás priamo do vnútra hrdinu, odhaľuje jeho myšlienky (*„На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь!“*⁸). A až na tomto mieste akoby mimochodom (t.j. nepredkladá tomu asi veľký význam) dáva portrét hrdinu: *„Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен“*⁹, a opisuje Raskoľnikovov odev: *„Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посоветился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу“*¹⁰ spolu s vysvetlením, prečo sa za svoje hrozné oblečenie nehanbil. Informuje nás aj o spoločenskom živote Raskoľnikova – už sa so svojimi priateľmi málo stretával. Ponúka znovu aj náhľad do mysle hlavného hrdinu – kráčajúc po ulici (pred „skúškou“) ho oslovenie „ty klobúčiar“ vystrašilo (mohlo sa stať, že sa prezradí).¹¹

Môžeme teda pozorovať, že portrét a oblečenie sú zasadené do konkrétnej situácie – plánovanie vraždy. Okrem predstavenia hrdinu Dostojevskij umožňuje čitateľovi nahliadnúť v tej chvíli aj do jeho myšlienok. V ďalšej časti románu už doplnenie portréту hlavného hrdinu nenachádzame.

Možno teda konštatovať, že u Dostojevského sa portrét samotný v diele nevyskytuje, je skôr len útržkovito vložený do súboru myšlienok, prežívania hlavného hrdinu. Nemá takú významnú funkciu ako u Turegeneva, skôr len dopĺňa celkový obraz.

Myslenie a prežívanie Rudina a Raskoľnikova

Myslenie a prežívanie Rudina I.S. Turgenev vo väčšine prípadov nekomentuje priamo. Výnimkou sú iba dve udalosti.

Jednou je scéna stretnutia Rudina a Natálie pri besiedke: Rudin netrpezlivo čakal na Natáliu (*„Рудин стоял, скрестив руки на груди, и слушал с напряженным вниманием. Сердце в нем билось сильно, и он невольно удерживал дыхание.“*). Následne v rozhovore

⁷ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. *Преступление и наказание*. 2012, s. 31.

⁸ Tamže, s. 32.

⁹ Tamže, s. 32.

¹⁰ Tamže, s. 33.

¹¹ «Я так и знал! – бормотал он в смущении, – я так и думал! Это уж всего сквернее! Вот эдакая какая-нибудь глупость, какая-нибудь пошлейшая мелочь, весь замысел может испортить! Да, слишком приметная шляпа... (...) Мелочи, мелочи главное!.. Вот эти-то мелочи и губят всегда и всё...» (Tamže, s.33-34).

s ňou vyjadruje svoje túžby – túžbu vidieť ju, túžbu povedať jej, že ju miluje: „– *Наталья Алексеевна!* – заговорил он трепетным шепотом, – я хотел вас видеть... я не мог дожидаться завтрашнего дня. Я должен вам сказать, чего я не подозревал, чего я не сознавал даже сегодня утром: я люблю вас. (...) – Я люблю вас, – повторил он, – и как я мог так долго обманываться, как я давно не догадался, что люблю вас!.. А вы?.. Наталья Алексеевна, скажите, вы?..“¹²

Autor zdôvodňuje šťastie, ktoré Rudin v danej chvíli prežíval – i prostredníctvom slov k Natálii: „– *Вы говорите, вы счастливы?* – спросила Наталья. – *Я? Нет человека в мире счастливее меня! Неужели вы сомневаетесь?*“; aj pre seba, polohlasne: „– *Я счастлив,* – произнес он вполголоса. – *Да, я счастлив,* – повторил он, как бы желая убедить самого себя.“¹³ Pri besiedke teda môžeme nájsť dva momenty, v ktorých autor vyjadril prežívanie hlavného hrdinu: netrepezlivo čakal, v rozhovore – vyjadrenie lásky k Natálii, a priame slová: som šťastný.

Podobne aj v ďalšej situácii je možné nájsť takéto momenty: druhému stretnutiu Rudina a Natálie predchádza hrdinov strach z rozuzlenia a neistota, či Natáliu naozaj ľúbi. Autor tu dáva do kontrastu hrdinovo prežívanie a jeho sebavedomé správanie: „*Он видел, что развязка приближалась, и втайне смущался духом, хотя никто бы этого не подумал, глядя, с какой сосредоточенной решимостью он скрещивал руки на груди и поводил кругом глазами*“. Na tomto mieste Turgenjev sprístupňuje čitateľovi aj myšlienky hrdinu: „*Рудин, умный, проницательный Рудин, не в состоянии был сказать наверное, любит ли он Наталью, страдает ли он, будет ли страдать, расставшись с нею. (...) Отчего ожидал ее с тайным трепетом?*“ Čitateľovi tak umožňuje všimnúť si Rudinovo váhanie, neistotu, a z toho vyplývajúcu nevedomosť, ako sa zachová. Pocity hrdinu vyjadril v slovách adresovaných Natálii: „– *За что мы так несчастливы!* (...) *У меня голова кругом идет – я ничего сообразить не могу... Я чувствую только свое несчастье... удивляюсь, как вы можете сохранять хладнокровие!*..“ Rudin prežíva rozčarovanie, je nešťastný, nevie, ako vyriešiť vzniknutú situáciu, nedokáže premýšľať.

Po rozhovore s Natáliou sa cítil veľmi nepríjemne: „*Рудин долго еще стоял на плотине. Наконец он встrepенулся, медленными шагами добрался до дорожки и тихо пошел по ней. Он был очень пристыжен... и огорчен*“. Autor čitateľovi sprístupňuje aj Rudinovo premýšľanie: o láske k Natálii, o tom, či k nej ešte lásku cíti: „*Она права; она*

¹² ТУРГЕНЕВ, И. С. *Рудин. Дворянское гнездо. Накануне*. 2003, s.38.

¹³ Там же, s.38.

стоит не такой любви, какую я к ней чувствовал... Чувствовал?.. – спросил он самого себя. – Разве я уже больше не чувствую любви?..“

Z uvedených dvoch situácií by sa dalo konštatovať, že v románe I. S. Turgenev pomerne málo využíva vykreslenie myslenia a cítenia hlavného hrdinu priamo. I v dvoch, dalo by sa povedať, najdôležitejších situáciách v románe (v živote hrdinu) – pri vyznaní lásky a pri skončení vzťahu, Turgenev používa túto formu len minimálne.

Naopak, F.M. Dostojevskij nás hneď v úvode svojho románu akoby vovádza do „mysle“, odkrýva myšlienky Raskoľnikova, zobrazuje aj pocity hlavného hrdinu. Všetky spomenuté prvky majú dôležitú funkciu. Čitateľ sa vďaka nim dozvedá, že hrdina mal vraždu naplánovanú a snažil sa zapamätať si čo najviac podrobností pre jej hladší priebeh, atď. Myšlienky Raskoľnikova sú v texte pomerne hojne prezentované, tvoria podstatnú časť románu. Uvedieme len niekoľko príkladov:

Tak napr. cestou k starene, pri pokuse o „skúšku“ plánovanej vraždy, Dostojevskij upriamuje pozornosť čitateľa na Raskoľnikovovo myslenie, prežívanie tohto momentu, ktorý je súčasťou jeho rozhodovania, či spáchať vraždu alebo nie: *„С замиранием сердца и нервной дрожью подошел он к преогромнейшему дому, ...“*; *„Если о сию пору я так боюсь, что же было бы, если б и действительно как-нибудь случилось до самого дела дойти?..“*¹⁴ Raskoľnikov bol nervózny, vystrašený, počínal si opatrne, nevedel si predstaviť, že sa v budúcnosti k vražde odhodlá. *„Может, впрочем, она и всегда такая, да я в тот раз не заметил“*, – *подумал он с неприятным чувством*¹⁵; *„И тогда, стало быть, так же будет солнце светить!..“*; *Слышно было, как она отперла комод. Должно быть, верхний ящик, – соображал он.*¹⁶ Myšlienky hrdinu odhaľujú zaujímavú skutočnosť: bol aj prekvapený obozretným a neprijemným správaním stareny, aj si všímal každý detail, ktorý by mu mohol pomôcť pri plánovaní samotného skutku – svetlo, zariadenie poslednej izby.

Ďalej autor vyjadruje pocity hrdinu: *„Раскольников вышел в решительном смущении. Смущение это всё более и более увеличивалось. Сходя по лестнице, он несколько раз даже останавливался, как будто чем-то внезапно пораженный.“*¹⁷

V opísanej situácii sa teda striedajú miesta vyjadrujúce pocity (strach, prekvapenie), myšlienky (plánovanie) a znovu pocity.

¹⁴ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. Преступление и наказание. 2012, s. 34.

¹⁵ Там же, s. 36.

¹⁶ Там же, s. 37.

¹⁷ Там же, s. 38.

Inou situáciou je Raskoľnikovovo predvolanie na políciu z dôvodu nezaplatenej dlžoby (nasledujúce krátko po zločine). Autor upriamuje pozornosť čitateľa na hrdinove myšlienky cestou na políciu, súvisiace s eventuálnym priznaním sa k vražde („Если спросят, я, может быть, и скажу“; „Войду, стану на колена и всё расскажу...“¹⁸), ako aj pocit úľavy bezprostredne po zistení, že ho nepredvolali kvôli tomuto skutku. Vďaka zobrazeniu myšlienok Raskoľnikova môžeme pozorovať jeho snahu neprezradiť sa: „Какая-нибудь глупость, какая-нибудь самая мелкая неосторожность, и я могу всего себя выдать!“¹⁹ i potešenie, že nie je podozrivý: „...он вздрогнул от радости. **Ему стало** вдруг ужасно, невыразимо **легко**. Всё с плеч слетело. (...) Это была минута полной, непосредственной, чисто животной **радости**“.²⁰

Autor poukazuje na zmenu jeho pocitov – píše, že hrdina pocítil chuť byť priateľský, rozprávať sa: „Раскольникову вдруг захотелось сказать им всем что-нибудь необыкновенно приятное“²¹, no vzápätí sa ho zmocnil aj silný pocit odcudzenia, osamotenosti: „Мрачное ощущение мучительного, бесконечного уединения и отчуждения вдруг сознательно сказалось душе его; – это было (...) мучительнейшее ощущение из всех до сих пор жизнью пережитых им ощущений.“²² Po odchode v jeho vedomí však znova ožíva strach: „Обыск, обыск, сейчас обыск! – повторял он про себя, торопясь дойти; – разбойники! подозревают!» Давешний страх опять охватил его всего, с ног до головы.“²³

V tomto prípade ide o striedavé zobrazenie myšlienok a pocitov hlavného hrdinu. Autor upriamuje pozornosť na premenlivosť Raskoľnikovových pocitov.

Môžeme teda konštatovať, že myslenie a pocity hlavného hrdinu sú čitateľom dobre známe, čo je podmienené tým, že im autor v texte mnohokrát umožní nazerať do mysle tejto postavy.

Konanie hlavných postáv u Turgeneva a Dostojevského

U Turgeneva skutky Rudina a jeho správanie dotvárajú obraz hlavného hrdinu a zároveň vytvárajú dej: Rudin prichádza do dediny, usadí sa v dome D. Michajlovny, celú spoločnosť zabáva svojimi filozofickými úvahami, zaľúbi sa, svoje úmysly a city vyjadrí Volyncevovi. O chvíľu však odmieta niest' zodpovednosť (nepriazeň Natáliinej matky), zrieka sa vz'ahu. Píše

¹⁸ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. *Преступление и наказание*. 2012, s. 133.

¹⁹ Tamže, s. 134.

²⁰ Tamže, s. 136.

²¹ Tamže, s. 141.

²² Tamže, s. 143.

²³ Tamže, s. 146.

listy na rozlúčku, náhlivo opúšťa toto miesto, zamestnáva sa ako učiteľ, znovu je nútený odísť, atď, atď.

Pri prvej návšteve u D. Michajlovny sa krátko po predstavení dáva do reči s Pigasovom – preberá obsah barónovho článku, pričom v rozhovore odhalí svoje vedomosti z oblasti filozofie. Pigasova „porazí“ a získa si priazeň všetkých. „– Прекрасно! – промолвил Рудин, – стало быть, по-вашему, убеждений нет? – Нет – и не существует. – Это ваше убеждение? – Да. – Как же вы говорите, что их нет? Вот вам уже одно на первый случай“. Neskôr je jediným, kto rozpráva, a všetci ho so záujmom počúvajú: „Разговор завязался. Рудин сперва как будто колебался, не решался высказаться, не находил слов, но, наконец, разгорелся и заговорил. Через четверть часа один его голос раздавался в комнате. Все столпились в кружок около него“.²⁴

I keď by da dalo povedať, že charakteristickou črtou Rudina je práve neschopnosť konať, autor prostredníctvom takých bežných, každodenných situácií, ako vyššie zobrazená, charakterizuje správanie sa hlavného hrdinu.

V románe F. M. Dostojevského sú skutky priamym dôsledkom myslenia a prežívania hrdinu. Autor ich využíva často, nezobrazujú však tak veľa ako v prípade Rudina, lebo im zväčša predchádza odkrytie myšlienok, ktoré k nim vedú. Aj toto konštatovanie sa pokúsime dokumentovať niekoľkými príkladmi:

Vražda: Raskoľnikov mal všetky úkony súvisiace s vraždou vopred premyslené. Autor v kapitole 7 podrobne opisuje hrdinovo konanie, komentujúc, či daný úkon plánovaný bol alebo nie. Autor informuje, že Raskoľnikov sa nedostal k sekere, ktorú plánoval použiť, musel hľadať na inom mieste. Cestou k stareninmu bytu kráčať pomaly, dôstojne, aby nevzbudil podozrenie. Zazvonil v byte, vtlačil sa dnu, podal starene záloh. Pred samotnou vraždou však stratil duchaprítomnosť a pocítil strach: „Он чувствовал, что теряется, что ему почти страшно, до того страшно, что кажется, смотри она так, не говори ни слова еще с полминуты, то он бы убежал от нее.“²⁵ Zostal bledý a ruky sa mu triasli „– Да чтой-то вы какой бледный? Вот и руки дрожат!“; „Руки его были ужасно слабы, самому ему слышалось, как они, с каждым мгновением, всё более немели и деревенели. Он боялся, что выпустит и уронит топор... вдруг голова его как бы закружилась.“²⁶

Po zabití stareny znovu nabral síl, konal s rozvahou, aby sa nezašpinil od krvi: „Он положил топор на пол, подле мертвой, и тотчас же полез ей в карман, стараясь не

²⁴ТУРГЕНЕВ, И. С. Рудин. Дворянское гнездо. Накануне. 2003, s. 16.

²⁵ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. Преступление и наказание. 2012, s. 114.

²⁶Там же, s. 115.

*замараться текущею кровию, – в тот самый правый карман, из которого она в прошлый раз вынимала ключи. Он был в полном уме, затмений и головокружений уже не было, но руки всё еще дрожали.*²⁷ *Zužitkoval vedomosti z predchádzajúcej návštevy stareny, aby sa dostal ku kľúčom a cennostiam.*

Po zavraždení Lizavety už úplne stratil duchapritomnosť a chcel čo najrýchlejšie utiecť: *„Страх охватывал его всё больше и больше, особенно после этого второго, совсем неожиданного убийства. Ему хотелось поскорее убежать отсюда.*²⁸

Môžeme pozorovať, že i keď Dostojevskij opisoval priebeh vraždy a všetko konanie Raskoľnikova veľmi podrobne (koľkokrát zaťal starene do temena, koľkokrát zazvonil, ktorým kľúčom otvoril, a pod.), text je celý popretkávaný zachytením pocitov (*„Отвращение особенно поднималось и росло в нем с каждою минутою.; (...) только что он начал прилаживать ключи к комоду (...), как будто судорога прошла по нем. Ему вдруг опять захотелось бросить всё и уйти.*“)²⁹ a aj myšlienok: *„мучительная, темная мысль поднималась в нем, – мысль, что он сумасшествует, что вовсе, может быть, не то надо делать, что он теперь делает... ‘Боже мой! Надо бежать, бежать!’ – пробормотал он.*³⁰

V súvislosti s konaním hlavného hrdinu Dostojevskij akoby poukazoval na rozdiel v správaní v momentoch, keď bol Raskoľnikov pri plnom vedomí, a naopak, keď bol pod stresom. Pomáha si pritom opisom prežívania premýšľania hlavného hrdinu.

Z ďalšej situácie – vypočúvania u Porfirija Petroviča – jasne vidno, že v tomto prípade Dostojevskij epizódu vystupňoval, konanie Raskoľnikova v románe zobrazil v súvislosti s jeho cítením a prežívaním, pričom postupoval od miernejšieho správania:

*„– Порфирий Петрович! – проговорил он громко и отчетливо, хотя едва стоял на дрожавших ногах, – я, наконец, вижу ясно, что вы положительно подозреваете меня в убийстве этой старухи и ее сестры Лизаветы. С своей стороны объявляю вам, что всё это мне давно уже надоело. Если находите, что имеете право меня законно преследовать, то преследуйте; арестовать, то арестуйте. Но смеяться себе в глаза и мучить себя я не позволю.*³¹

cez nervozitu:

²⁷ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. *Преступление и наказание*. 2012, s. 116.

²⁸ Tamže, s. 119.

²⁹ Tamže, s. 119.

³⁰ Tamže, s. 120.

³¹ Tamže, s. 407.

„Вдруг губы его задрожали, глаза загорелись бешенством, и сдержанный до сих пор голос зазвучал.– Не позволю-с! – крикнул он вдруг, изо всей силы стукнув кулаком по столу, – слышите вы это, Порфирий Петрович? Не позволю!– Не позволю! – крикнул было другой раз Раскольников.“³²

vystupňovanú nervozitu:

„– Повторяю вам, – вскричал в ярости Раскольников, – что не могу дольше переносить...– Чего-с? Неизвестности-то? – перебил Порфирий. – Не язвите меня! Я не хочу!.. Говорю вам, что не хочу!.. Не могу и не хочу!.. Слышите! Слышите! – крикнул он, стукнув опять кулаком по столу.“³³

Až k totálnej strate sebaovládania v závere:

„– Лжешь ты всё! – завопил Раскольников, уже не удерживаясь, – лжешь, полишинель проклятый! – и бросился на ретировавшегося к дверям, но нисколько не струсившего Порфирия.“³⁴

Dostojevskij upriamuje pozornosť na hlas oboch vystupujúcich postáv (tichý hlas, krik, šepot), gestá (Raskol'nikov chcel vyšetrovateľa niekoľkokrát napadnúť), telesné prejavy, napr. triašku („Раскольников вздрогнул всем телом; Раскольников сел; дрожь его проходила, и жар выступал во всем теле“³⁵), hnev zračiaci sa v očiach („Он продолжал в упор смотреть на него, говоря это, и вдруг опять беспредельная злоба блеснула в глазах его“³⁶).

Celý dialóg Porfirija Petroviča a Raskol'nikova bol obohatený ďalšími prvkami, ako cítenie, prežívanie, myšlienky hrdinu, jeho vnútorný monológ. Podobne ako v prípade portrétu, konanie tu teda nie je osamotené, ale prezentované v súčinnosti s vyššie spomenutými prvkami, ktoré sa dopĺňajú a objasňujú navzájom. Vnútorné monológy („Как же это, он, стало быть, знает про квартиру-то? – подумалось ему вдруг, – и сам же мне и рассказывает!“³⁷) napr. zahŕňajú Raskol'nikovovo premýšľanie o tom, ako má konať, či už vyšetrovateľ o jeho zločine vie, alebo sa len tak tvári, Raskol'nikovove pocity (zlosť, hnev, vnútorná bolesť) dopĺňajú zmenu správania sa postavy voči Porfirijovi Petrovičovi (zvýšenie hlasu, fyzické napadnutie).

³² ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. Преступление и наказание. 2012, s. 407.

³³ Там же, s. 413.

³⁴ Там же, s. 415.

³⁵ Там же, s. 409.

³⁶ Там же, s. 411.

³⁷ Там же, s. 409.

Záver

Záverom možno konštatovať, že I. S. Turgenev a F. M. Dostojevskij postupujú pri charakterizovaní hrdinu odlišne. Obaja autori síce využívajú aj portrét, aj myšlienky, aj konanie pri charakteristike svojich hrdinov, nedeje sa tak však v rovnakej miere. Okrem toho môžeme pozorovať, že v texte I. S. Turgeneva prevláda oddelené využívanie vyššie spomenutých prvkov, v románe Dostojevského ide skôr o prepojenie viacerých z nich (napr. konania a myslenia) v zobrazených situáciách.

BIBLIOGRAFIA:

1. ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. *Преступление и наказание*. 2012. Санкт-Петербург: Азбука, 2012. 667 s. ISBN 978-5-389-02279-9.
2. ТУРГЕНЕВ, И. С. *Рудин. Дворянское гнездо. Накануне*. 2003. Москва : Дрофа, 2003. 637 s. ISBN 5-7107-7281-X.

TERORISTA REVOLUCIONÁŘ, NARUŠOVÁNÍ MÝTU

Mgr. Kateřina Judith Krulišová

Ústav slavistiky, Filosofická fakulta Masarykovy univerzity v Brně, 384475@phil.muni.cz

РЕЗЮМЕ: Сергей М. Степняк-Кравчинский создал типичный образ революционера террориста в своем собрании революционных профилей «Подпольная Россия». Народовольцы, обладающие свойствами героев, жизнь которых превратилась в миф, послужили преобладающей моделью для изображения революционера террориста в литературе. Антон П. Чехов и Владимир Г. Короленко в своих произведениях о революционерах использовали другие типы модусов художественности (сатиру и трагику) с целью постепенно нарушить единственный тип изображения революционера в литературе второй половины XIX века. В данном докладе рассматривается то, как автором осуществленный выбор разных типов модусов художественности изменил героя и привел к нарушению мифа.

Revoluční tematika v ruské literatuře se začíná objevovat po roce 1861, tedy po zrušení nevolnictví. Do té doby díla básníků po potlačení děkabristického povstání pouze odráží revoluční náladu ve společnosti, zatím se ale nejedná o revoluci jako téma, které by do literatury uvedlo specifického literárního hrdinu v podobě revolucionáře. Toho na scénu přivádí až Sergej Michajlovič Stěpňak-Kravčinskij. Vdechuje mu život ve svém souboru revolučních profilů z roku 1882 *Подпольная Россия*.

Stěpňak-Kravčinskij, revolucionář a terorista, se v duchu hesla: „казнящий нарушителя законов божественных, человеческих и естественных – отнюдь не убийца, а страж законности, защитник справедливости“¹ ve snaze měnit myšlenky v činy chopil dýky a zabodl ji do četnického velitele Mezenceva. Po atentátu emigroval do Itálie a za hranicí už zůstal. Právě tam vznikly jeho stěžejní práce pojednávající o teroristech revolucionářích. V této době rozpoznal sílu literatury a jejího potenciálu, který se nezakládá pouze na předání informace, ale především na zprostředkování dojmu a předání emoce čtenáři. V literatuře viděl prostředek, kterým je možné formovat veřejnost, a protože se mu psaní beletristických děl stalo v emigraci jedinou metodou boje proti vládnímu mechanismu v Rusku, rozhodl se hrdiny svých knih popsat takovým způsobem, který by zaručil jejich kladné přijetí ze strany čtenáře. Stěpňak-

---

¹ ОДЕССКИЙ, Михайл и Давид ФЕЛЬДМАН. Поэтика террора: (А. Пушкин, Ф. Достоевский, Андрей Белый, Б. Савинков). In: *Федеральный образовательный портал* [online]. 1992, [cit. 2015-01-14]. Dostupné na internete: <http://ecsocman.hse.ru/data/430/925/1219/9-Mihail_ODESSKIJ.pdf>

Kravčinskij položil základní kámen mýtu o revolucionáři, revoluční mytologie, jak tento literární fenomén nazývá Marina Molginer.

Ta vznik mýtu přičítá pocitům zbytečnosti a neužitečnosti inteligence v době, kdy se vzdálila jak od národa, tak od vládních struktur a zůstala někde na půl cesty mezi nimi zcela vykořeněná, neukotvená ani v tradici, ani v současnosti. Zástupci inteligence, zmítaní pocitem nepotřebnosti, který je v jistém ohledu radikalizoval, v procesu hledání svého místa ve společnosti, začali vytvářet iluzorní mýty, které by ospravedlnily jejich existenci v přítomnosti poukázáním na tradici historické mise, myšlenku, jíž se stali nositeli. Pověření úkolem reorganizace společnosti, dali vzniknout mýtu „*об идеальной стране, населенной идеальными людьми – Подпольной России*“.²

Klasická literární díla, ve smyslu největšího přiblížení se literárnímu kánonu, který se zformoval na počátku dvacátého století, vznikala „v předvečer“ první ruské revoluce.³ Počínaje Stěpňakem-Kravčinským spisovatelé vytvářeli normativní podobu hrdiny, jenž byl nositelem syžetu s určitou funkcí. V závislosti na proměně systému hodnot konkrétního spisovatele se literární hrdina přibližoval původnímu modelu heroického hrdiny mýtu, nebo se od něho vzdaloval.

Archetyp teroristy revolucionáře, manifestovaný v mýtech *Подпольной России*, se proměňoval podle měnícího se „модусу художественности“ jak ho popsal Igor Tjupa. A tak se heroický modus v podání Sergeje Stěpňaka-Kravčinského mění v satirický u Antona Čechova a tragický u Vladimíra Korolenka, jejichž literární díla, v nichž se revolucionář objevoval, narušovala mýtus, k jehož rozložení došlo až mnohem později.

Туру „модусов художественности“, které Valerij Igorjevič Tjupa dělí na heroiku, satiru, tragiku, ironii, idylický modus „новой художественности“, elegický dramatismus, humor, romantiku a sarkasmus jsou způsobem existování uměleckého díla. Ve vztahu k autorovi textu vyjadřují jeho přístup k zobrazované skutečnosti, tedy druhy patosu⁴, ve vztahu ke čtenáři vystupují jako druhy katarze a v rámci vztahu literárních hrdinů a jejich charakterů jako „*традиционные, трансисторические стратегии типизации*“.⁵

² МОГИЛЬНЕР, Марина. 1999. *Мифология подпольного человека: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа*. Moskva: Новое литературное обозрение, 1999.

³ Tamtéž.

⁴ ПОСПЕЛОВ, Геннадий. 1978. *Теория литературы*. Moskva: Высшая школа, 1978.

⁵ ТЮПА, Валерий. 1987. *Художественность литературного произведения*. Красноярск: Издательство красноярского университета, 1987.

Každá z kategorií, která definuje konkrétní rod umělecké celistvosti literárního díla je charakterizována vnitřně jednotným systémem hodnot, typem hrdiny a situací, autorskou pozicí, čtenářskou recepcí a poetikou.⁶

Pro účely této práce je níže podána charakteristika třech typů „модусов художественности“, které se promítly do analyzovaných děl, heroiky, tragiky a satiry.

Heroika se v literatuře objevuje poté, co byla rozložena mytologická monofорма⁷, v níž existovala jednota mezi hrdinovým systémem hodnot a systémem hodnot světového řádu. Slábnoucí vztah jedince se světovým řádem vytváří hrdinu, který si je vědom rozdílu mezi svým osobním a nad-osobním generovaným zákonitostmi světového řádu, avšak bez váhání nad-osobní přijímá za své. Tím se dobrovolně zříká možnosti výběru a nadále jedná pouze v zájmu vyšších cílů světového řádu.

Sebeurčení člověka definuje jeho vnitřní hranici, jeho místo ve světovém řádu určuje vnější hranici. Heroické je ztotožnění vnitřní a vnější hranice hrdiny. Klíčovým aktem sebeurčení hrdiny je tedy sloučení osobního s nad-osobním. To je prezentováno jako forma podvolení se světovému řádu, osudu. K přijetí této nevyhnutelnosti, k návratu k nesmrtnosti původních hrdinů mýtů, vede cesta prostřednictvím vykonání hrdinského činu. Aby se hrdina stal nesmrtelným, už se nemusí nesmrtelným narodit. Smrt v procesu vykonávání hrdinského činu je cesta zpět k jednotě osobního s nad-osobním a stává se druhem nesmrtnosti. Hrdina přežívá v paměti.

Heroické se podle Pospělova objevuje tehdy, když na sebe jedinec bere zodpovědnost za stav společnosti a aktivně se účastní její přeměny. Tak tomu bylo v případě revolucionáře teroristy, kterého Stěpňak-Kravčinský popisuje jako někoho, kdo „*взял на себя защиту оскорбленного, униженного народа.*“ Terorista – „*один среди народа рабов присвоил себе право за всех все решать.*“⁸

Hegel heroické spojuje s raným stádiem vývoje společnosti a za heroické hrdiny označuje lidi žijící ve „věku hrdinů“⁹, kdy vládní mechanismus buď ještě nevzniknul, nebo byla jeho moc omezená a tak nelimitoval svobodu jednotlivce. Tehdy „*сила нравственности покоится только на индивидах, становящихся по своей частной воле и благодаря выдающейся силе и влиянию их характера во главе той действительности, в которой они*

⁶ ТЮПА, Валерий. 1987. *Художественность литературного произведения*. Красноярск: Издательство красноярского университета, 1987.

⁷ Тамtéž.

⁸ СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ, Сергей. 1987. *Подпольная Россия*. Москва: Художественная литература, 1987.

⁹ HEGEL, Georg. 1975. *Aesthetics: Lectures on fine arts*. Oxford: Oxford University Press, 1975.

живут.“¹⁰ Tento stav společnosti se odrazil převážně v mýtech mnohých národů. Stěpňak-Kravčinský sice dává vzniknout mýtu o teroristovi, jeho postavy z hlediska svého zobrazení ale spadají do heroického módu. Liší se od hrdinů nejstarších mytologických vyprávění, kteří ještě nebyli odděleni od svého osudu.

Heroické se od dob vyčlenění z mýtu transformovalo, s rozvojem státu se heroické možnosti lidí nezmenšily, pouze změnilы svou formu. Jejich vnější projevy byly omezeny, ale na vnitřní úrovni jejich morální důležitost rostla. Heroismus na sebe vzal podobu pocitu cti a morálního dluhu vůči společnosti.

Hegel nebral v úvahu reakční síly státu, které mohou vystřídat ty progresivní. Návrat do doby hrdinů tedy nemusí následovat jen po oslabení nebo rozrušení sil státní moci, kdy se nová vláda teprve pomalu formuje a zodpovědnost, která do té doby náležela vládnímu mechanismu, na sebe berou málo organizované národní síly, ale i společenská hnutí, jejichž činnost usiluje o revoluční svržení staré vlády. Tyto snahy pak nutně potřebují heroické zastřešení.

Účast v revolučním hnutí je podmíněna existencí vysokých ideálů, které v lidech probouzí silný pocit dluhu vůči společnosti a morální odpovědnosti, jimiž se jedinec obtěžkal dobrovolně. Obětování se v zájmu vyššího cíle je vedlejším produktem snahy o spojení osobního s nad-osobním, ale i heroickou hodnotou samo o sobě.

Stěpňak-Kravčinskij sepsáním revolučních profilů Věry Zasulič, Sofji Perovské, Gesji Gelfman, Dmitrije Lizoguba, Petra Kropotkina a dalších vytváří typického ideálního hrdinu, který jedná na základě své touhy splynout se systémem hodnot světového řádu, a tak bez váhání překračuje hranici, která odděluje vnitřní od vnějšího a vnější přijímá za své. Hrdina *Подпольной России* „среди коленапреклоненной толпы он один высоко держит свою гордую голову, изъязвленную столькими молниями, но не склонявшуюся никогда перед врагом. Он прекрасен, грозен, неотразимо обаятелен, так как соединяет в себе оба высочайшие типа человеческого величия: мученика и героя.“¹¹ Stěpňak-Kravčinský popisuje teroristu jako člověka na cestě k božskému splynutí v jednotě světového řádu: „если он родился смельчаком – в этой борьбе он станет героем.“¹² Jeho svoboda je právě v přesvědčení, že jednat v souladu se svými vnitřními hodnotami je jedinou možnou volbou. Přestože hrdinský čin často vede ke smrti, terorista s touto možností dopředu počítá, nezná tak jako tragický hrdina dilema a volbu. Touha konat hrdinské činy, stejně tak jako rozhodnutí

¹⁰ СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ, Сергей. 1987. *Подпольная Россия*. Москва: Художественная литература, 1987.

¹¹ Тамtéж.

¹² Тамtéж.

zemřít za vyšší ideu jsou v něm přítomny neustále, což dokládá hrdinka «Подпольной России» Sofja Perovská: „я жила так, как подсказывали мне мои убеждения; поступать же против них я была не в состоянии; поэтому со спокойной совестью ожидаю все, предстоящее мне.“¹³

Satirický „модус художественности“ je produktem rozpadu heroického. Ve své podstatě si tedy satira heroický ideál jednoty osobního s nad-osobním uchovává, k jeho realizaci ale nedochází, protože osobní je užší než nad-osobní a hrdina s tímto ideálním stavem tedy nemůže splynout. Satirické poznání hrdinů o svém postavení ve světě je hořkým poznáním nemožnosti propojit svůj osobní systém hodnot s nad-osobním.¹⁴ Hrdina trpí pod tíhou existence vnějšího systému hodnot a tak si vytváří osobní, které s vnějšími nekorespondují. Přestože satirický hrdina touží zaujmout ve světovém řádu místo a propojit osobní s nad-osobním, výsledkem jeho snah je pouze potvrzování lživých hodnot a předstírání, že jsou skutečnými.

Tak jako heroická postava dosahuje svého završení v procesu vykonávání hrdinského činu, tak satirická postava, neschopná zaplnit prázdno v sobě vnějším systémem hodnot, dochází svého vrcholu v odmítnutí sebe sama. Pouze v procesu prosazování sebe sama, které vede k sebepopření, se hrdina stává sám sebou.

Anton Pavlovič Čechov ve své povídce „Рассказ неизвестного человека“ popisuje teroristu Vladimíra Ivanoviče, který se pod falešnou identitou lokaje Stěpana vydává do domu petřeburského úředníka Orlova, syna významného představitele státní moci v naději, že mu vyslechnuté rozhovory a zápisky, které u něj najde, pomohou naplánovat teroristický útok na jeho otce.

Stěpan se z pozice vypravěče minulých událostí čtenáři snaží přiblížit změnu, kterou v té době prošel. Není si jist tím, co k této změně, která později vedla k přehodnocení jeho světonázoru, vedlo, ale projevovala se tím, že jím, přestože měl před sebou úkol v podobě teroristického činu, „изо дня в день овладевала страстная, раздражающая жажда обыкновенной, обывательской жизни.“¹⁵ Stěpan záhy zjišťuje, že mu setrvání v domě Orlova v jeho věci nijak nepomůže, přesto zůstává.

¹³ СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ, Сергей. 1987. *Подпольная Россия*. Москва: Художественная литература, 1987.

¹⁴ ТЮПА, Валерий. 1987. *Художественность литературного произведения*. Красноярск: Издательство красноярского университета, 1987.

¹⁵ ЧЕХОВ, Антон. 2002. Рассказ неизвестного человека. In: *Фундаментальная электронная библиотека "Русская литература и фольклор"* [online]. 2002, [cit. 2015-01-14]. Dostupné na internete: <<http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/sp8/sp8-139-.htm>>.

Čechovův hrdina snad tuší, že se na této pozici stává zbytečným, ke své situaci se ale nevyjadřuje a odvádí pozornost čtenáře ke skutkům Orlova a jeho přátel, které považuje za hanebné. Vzniká tu jistá paralela mezi popisovanými intrikami, podvodným chováním a předstíráním, kterého se dopouští Orlov ve vztahu ke své milence a podváděním sebe sama, kterého se Štěpan dopouští sám na sobě.

Štěpan usiluje o co nejdelší setrvání ve stavu úporné snahy o začlenění svého osobního systému hodnot do většího celku systému hodnot teroristů revolucionářů, kteří z hlediska hodnotové hierarchie heroických postav stojí vysoko nad ním. Štěpan předstírá, že je jedním z nich, nasazuje si masku teroristy, kterou zakrývá maskou lokaje, aby nemusel čelit faktu, že ve skutečnosti není hrdinou, jímž touží být.

Srážku se skutečností a tedy i sám se sebou zažívá Štěpan ve chvíli, kdy do domu Orlova přichází jeho otec a on se nedokáže přinutit jednat. Marně v sobě hledá dřívější nenávisť, kterou k němu cítil, ale co nikdy nebylo, nemůže být vzkříšeno. Obrat ve svém systému hodnot přičítá změně, po které se stal někým jiným. Ve skutečnosti byl tento moment popřením jeho masky a tedy přijetím sebe sama. Štěpan se teprve teď před čtenářem ukazuje takový, jaký skutečně je. Prázdnou, které v sobě náhle pociťuje, by nedokázaly zaplnit ani odpovědi na otázky kdo jsem, co mám dělat a co si myslet, jež si klade. Nicotu ve svém „já“, příliš úzkém na to, aby mohlo aspirovat na propojení s hodnotami světového řádu, plní pocity neutuchající chutě k životu. Až nyní přesvědčen o nesmyslnosti setrvání na místě, rozhodne se z domu Orlova odejít. Znovu přesvědčuje sám sebe, že ačkoliv už z hlediska svého starého já nemá pro co žít, může se pokusit o vzkříšení hrdinského ideálu života jinde, jindy a s někým jiným. Partnera pro svůj budoucí život, který by svou slávou a velikostí očistil ten, který dosud vedl, nachází v opuštěné milence Orlova. I tu ale svým předstíráním oklame a nakonec dochází k názoru, „*что в жизни этой женщины я играю странную, вероятно фальшивую роль и что уже не в моих силах изменить эту роль.*“¹⁶

Žena, kterou nadchl pro terorismus a jeho hodnoty, na něž z pozice satirického hrdiny není schopen dosáhnout, která nemůže, tak jako to udělal on, „*попасть в ложное положение...играть какую-то нелепую роль*“¹⁷ umírá jako tragická hrdinka, ze zoufalství spáchá sebevraždu.

¹⁶ ЧЕХОВ, Антон. 2002. Рассказ неизвестного человека. In: Фундаментальная электронная библиотека "Русская литература и фольклор" [online]. 2002, [cit. 2015-01-14]. Dostupné na internete: <<http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/sp8/sp8-139-.htm>>

¹⁷ Tamtéž.

Satiricky zobrazený terorista je karikatura hrdiny. Čechov se prostřednictvím něj nevysmívá hrdinskému ideálu, ale jeho špatnému, neoprávněnému napodobování.¹⁸ Stěpan ve své snaze dosáhnout hrdinského ideálu, je hrdinou jen povrchně a hrdinskými projevy pouze zakrývá smutný fakt, že hrdinou není a nebude.

Tragika je opačným módem satiry. Tragické se objevuje tehdy, když vnitřní hranice vlastního sebeurčení je širší, než vnější hranice určující jeho roli ve světovém řádu, osobní systém hodnot hrdiny neodpovídá vnějšímu systému hodnot. Tragický hrdina chce být svobodný, ale tato svoboda, kterou pociťuje, je nadbytečná a neúměrně velká v porovnání se svobodou, která je mu přisouzena v rámci jeho role ve světovém řádu. Tragický hrdina přistupuje k činu nikoliv v souladu s vnějšími nařízeními, ale na základě vnitřního rozhodnutí, svého vlastního systému hodnot, protože podle pravidel, která nepřijal za svá, žít nemůže.

Smrt tragického hrdiny je nevyhnutelný následek rozkolu mezi osobním a nad-osobním, ke kterému dochází buď odmítnutím světa, nebo odmítnutím sebe sama, zřeknutím se svého systému hodnot nebo jeho podřízením vnějším standardům.

Změna myšlení hrdiny, ke které dochází buď postupně, nebo náhle následkem ztráty důvěry v to, co bylo dosud oporou hrdinovy existence, je předpokladem pro vyčlenění systému hodnot hrdiny z jednoty systému hodnot světového řádu. Začíná tragická bitva mezi nevyhnutelností odvrhnutí někdejších ideálů a touhou navrátit se zpět k původnímu stavu, který představoval jejich nadvládu. Jedinec se vydává na pouť individuálního protestu a cestu zpátky má uzavřenou poznáním hlubokého nesouladu mezi osobním směřováním, které mu bylo přisouzeno a jeho nad-osobními ideály. Protože je osobní širší než nad-osobní, hrdina se neztotožňuje se sebou samým a přestupuje hranici mezi ním danou světovým řádem, překračuje práh všeho, čím je navenek a navzdory své nevýhodné pozici, bojuje za svoje právo narušit vnější limity.

Vladimír Korolenko narušuje výše zmíněný mýtus o revolucionáři vytvořený Stěpňakem-Kravčinským popisem hrdinky v črtě «Чудная», jíž přisuzuje charakteristiky tragického hrdiny. Mýtus rozrušuje výběrem vypravěče. Tím se stává člen eskorty, který je zodpovědný za převoz politické vězeňkyně do místa výkonu trestu. Změnou perspektivy nahlížení na události, které jsou viděny zvenku, tedy očima někoho, kdo je z hlediska své funkce, politické a sociální příslušnosti považován za nepřítele revolucionářů, mění se i popis hrdiny. Vnitřní motivace hrdinky nám, jako čtenářům, unikají a sledujeme pouze její vnější projevy. Její vnitřní systém hodnot nám, až na jednu výjimku, kdy tragickou hrdinku komentuje

¹⁸ АНДРЕЕВ, Анатолий. 1998. Культурология. Личность и культура. Минск: Дизайн ПРО, 1998.

jeden z jejích soudruhů slovy: „Сломать ее, говорит, можно...Вы и то уже сломали...Ну, а согнуть,-сам, чай, видел: не гнутся этакие“¹⁹, není přibližován jako je tomu v případě *Подпольной России*, kde vypravěč-autor podává svědectví o revolucionářích z pozice jednoho z nich.

Revolucionářka už není zobrazována jako jediná spravedlivá uprostřed nepřátelského davu. Vypravěč projevuje city a ze vzdáleného objektu personifikovaného vládního mechanismu klesá na úroveň člověka. I on je nyní obdařen lidskými vlastnostmi. Hranice mezi dvěma přísně rozdělenými světy se pomalu bortí a s ní i iluze ideálního hrdiny a ideálního prostředí.

K hrdince črty je referováno jako k „боярыне Морозовой“, což je jméno starověrkyně ze sedmnáctého století, která se navzdory výhrůžkám a mučení odmítla vzdát své víry a byla poslána do kláštera, kde zemřela hladem. Jméno předurčuje tragický osud hrdinky črty a mučednický charakter jejího života.

Mladá žena, jejíž zločin nebyl specifikován, zákony světa nepřijímá za své a nebojí se svůj postoj dát najevo. Z pohledu proměny heroického „модусу художественности“ v tragický, hrdinka pocituje rozpor mezi svým systémem hodnot a hodnotami světového řádu, krok směrem k sloučení osobního s nad-osobním není v jejím případě automatický jako by tomu bylo u hrdiny heroického módu, přesto hrdinka hodnoty vnějšího světa odmítá. Překročila vnitřní hranici, vystoupila ze sebe sama na základě vnitřního rozhodnutí, které vedlo k rozrušení jednoty vnitřního a vnějšího systému hodnot a toto dobrovolné přestoupení hranice dané světovým řádem, jehož důsledky si tragická hrdinka uvědomuje, je potrestáno smrtí. „Боярыня Морозова“ neumírá, jako její jmenovkyně, za zdmi kláštera, umírá svobodná, nehradila sama sebe.

BIBLIOGRAFIA

1. HEGEL, Georg. 1975. *Aesthetics: Lectures on fine arts*. Oxford: Oxford University Press, 1975.
2. АНДРЕЕВ, Анатолий. 1998. *Культурология. Личность и культура*. Минск: Дизайн ПРО, 1998. ISBN 985-6182-39-5.
3. КОРОЛЕНКО, Владимир. 1994. *Чудная* [online]. 1994, [cit. 2015-01-14]. Dostupné na internete: <<http://lib.ru/RUSSLIT/KOROLENKO/chudnaya.txt>>

---

¹⁹ КОРОЛЕНКО, Владимир. 1994. Чудная. In: Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова [online]. 1994, [cit. 2015-01-14]. Dostupné na internete: <<http://lib.ru/RUSSLIT/KOROLENKO/chudnaya.txt>>

4. МОГИЛЬНЕР, Марина. 1999. *Мифология подпольного человека: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа*. Москва: Новое литературное обозрение, 1999. ISBN 5-86793-061-0.
5. ОДЕССКИЙ, Михайл и Давид ФЕЛЬДМАН. *Поэтика террора: (А. Пушкин, Ф. Достоевский, Андрей Белый, Б. Савинков)* [online]. 1992, [cit. 2015-01-14]. Dostupné na internete: <http://ecsocman.hse.ru/data/430/925/1219/9-Mihail_ODESSKIJ.pdf>
6. ПОСПЕЛОВ, Геннадий. 1978. *Теория литературы*. Москва: Высшая школа, 1978.
7. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ, Сергей. 1987. *Подпольная Россия*. Москва: Художественная литература, 1987.
8. ТЮПА, Валерий. 1987. *Художественность литературного произведения*. Красноярск: Издательство красноярского университета, 1987.
9. ЧЕХОВ, Антон. 2002. Рассказ неизвестного человека [online]. 2002, [cit. 2015-01-14]. Dostupné na internete: <<http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/sp8/sp8-139-.htm>>

СТИХОТВОРЕНИЯ О РОССИИ В СБОРНИКЕ

Г. В. ИВАНОВА «РОЗЫ» (1931):

ПОЭТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА

Мария Наймушина, докторант

Отделение славянской филологии Колледжа мировых языков и культур философского факультета Тартуского университета, maria21@ut.ee

ABSTRACT: The article studies the group of poems about Russia (“Zakroješ glaza na mgnovenje...”, “Khorošo, što net Tsar’a...” etc.) from the collection of poems “Rozy” (“Roses”, 1931) written by G. Ivanov. Structure of motifs and themes, as well as strata of allusions and reminiscences are analyzed. The place and role of the group of poems in the composition of the book of poetry “Rozy” are described.

«Розы» (1931) – первый эмигрантский сборник стихотворений Георгия Иванова, составленный из поэтических текстов, написанных в 1922 – 1930 гг., т.е. в начальный период жизни автора за границей. В стихотворениях этого сборника, предположительно, находит отражение как, с одной стороны, авторское осмысление своего положения в новой исторической эпохе, чужом географическом и культурном пространстве, так и, с другой – естественная рефлексия относительно утраченного отечества и прошлого в целом.

Особого исследовательского внимания в свете обозначенной проблемы заслуживают, на наш взгляд, те включенные в состав «Роз» стихотворения, в текстах которых названы конкретные топосы, а именно – Петербург и Россия.

В рамках настоящей статьи мы ограничиваемся по необходимости краткой характеристикой стихотворений с упоминанием Петербурга в более подробно останавливаясь на разборе стихотворений о России.

Топосы Петербурга (в стихотворениях «Черная кровь из открытых жил...», «В тринадцатом году, еще не понимая...», «Январский день. На берегах Невы...») и Парижа («Глядя на огонь или дремля...», «По улицам рассеяно мы бродим...», «Как скучно, и все же как хочется жить...») соотнесены с прошлым и настоящим лирического героя сборника соответственно, что отчетливо и естественно проецируется как на биографию самого автора сборника, так и на судьбы русской эмиграции в целом. Отличительной

особенностью Ивановских «Роз» является не просто органическое присутствие в «петербургских» стихотворениях отсылок к собственному литературному прошлому, знаковым местам и событиям ушедшей эпохи (прежде всего, к деятельности кабаре «Бродячая собака», самоубийству поэта Всеволода Князева)¹, но и имплицитная в «парижских» текстах сборника попытка определить место и роль русского литератора в изгнании. При этом, вопреки распространенной в поэзии эмигрантов первой волны тенденции, в стихотворениях «Роз» отсутствует смешение или даже просто сближение топосов двух столиц – Петербурга и Парижа – в целом временную (а вместе с ней и пространственную) организацию лирического сюжета сборника «Розы» можно охарактеризовать знаменитой цитатой «распалась связь времен».

Своеобразно осмысляется в «Розах» и топос России. Впрямую названа страна в трех стихотворениях сборника: «Закроешь глаза на мгновенье...» (1925), «Хорошо, что нет Царя...» (1930), «Россия, Россия “рабоче-крестьянская...”» (1930). Все эти написанные в разное время и уже публиковавшиеся ранее в эмигрантской периодической печати отдельно друг от друга тексты Иванов располагает в «Розах» почти последовательно, практически в середине сборника (21-й, 22-й и 24-й тексты при общем количестве стихотворений в книге 41). 23-ю позицию занимает стихотворение «В тринадцатом году, еще не понимая...» (1926), в котором не называется никакой конкретный топос. Однако, как будет показано ниже, именно включение этого текста в группу стихотворений с упоминанием России во многом задает направление его интерпретации. Обратимся к последовательному краткому разбору текстов обозначенной группы.

Первый из интересующих нас текстов – «Закроешь глаза на мгновенье...». Открывается текст обращением или призывом (об этом свидетельствует использование глаголов в форме настоящего времени второго лица единственного числа «закроешь», «вдохнешь») к некоему собеседнику. Заметим, что вообще в «Розах» за «ты», адресатом подобного обращения чаще всего стоит героиня-возлюбленная лирического героя (см., напр., финал стихотворения «Черная кровь»: «Это было тысячу лет назад/Так давно, что забыла ты»), однако в разбираемом стихотворении любовная тематика, хотя и присутствует, но не играет первостепенной роли. Здесь же эмоция, состояние, в которое призывает погрузиться лирический герой текста, нарочито неопределенно, размыто («И

¹ Обстоятельную характеристику «петербургского текста русской эмиграции» в целом см.: ТИМЕНЧИК Р. – ХАЗАН В. 2010 «На земле была одна столица...» в кн. *Петербург в поэзии русской эмиграции: первая и вторая волна*. СПб: Академический проект. Изд-во ДНК, 2006. 848 с. ISBN 5-7731-0295-0. С. 5 – 57.

вместе с прохладой вдохнешь/**Какое-то** дальнее пенье/**Какую-то смутную** дрожь»). Соглашаясь с утверждением А.Ю. Арьева о том, что «„дальнее пенье“ у Г<еоргия>. И<ванова> амбивалентный знак родины и ее утраты, дающий возможность и право на обретение новой, высшей реальности»², добавим, что словосочетание «дальнее пенье», возможно интерпретировать также как отсылку к античной мифологии, мифам о сиренах, сладкозвучным пением заставлявших мореплавателей сбиться с пути и погибнуть. Эта отсылка, как нам представляется, усиливает семантику опасности, гибельности того отрешения от всего земного, к которому призывает лирический герой стихотворения (ср. появление того же мотива пения в другом тексте сборника: «Как в Грецию Байрон, о без сожаленья, /Сквозь грезы, и розы, и тьму/На голос бессмысленно-сладкого пенья/– И ты не поможешь ему...»)³.

Предположение о том, что в первой строфе «Закроешь глаза на мгновенье...» герой побуждает или сам стремится отрешиться от всего, подтверждается во втором четверостишии. Причем это отрешение происходит как бы по нарастающей, от реального, более частного – к всеобщему («И нет ни России, ни мира...») и далее – к избавлению от плена чувств («И нет ни любви, ни обид»).

Заключительное двестише («По синему царству эфира/Свободное сердце летит»), как замечает А.Ю. Арьев, «навеемо лермонтовским “Демоном”»⁴. Однако значимой, на наш взгляд, является у Иванова замена субъекта действия по сравнению с претекстом: «по синему царству эфира» летит не ангел, посланец высшего мира, а «свободное сердце» человека.

Однако если в анализируемом стихотворении уход от земного («...ни России, ни мира... ни любви, ни обид») еще представляется лирическому герою желанным (хотя и с ошутимыми нотами трагизма), избавлением, то в следующем, центральном тексте сборника – «Хорошо, что нет Царя...», который А.Ю. Арьев считает главным в «Розах»⁵, мотивы всеотрицания становятся доминирующими. Подобно тому, как это было сделано в предыдущем тексте сборника, происходит отвержение всех ценностей по нарастающей

² АРЬЕВ А., 2010 *Комментарии* в кн. ИВАНОВ Г., 2010. *Стихотворения* СПб. – М. Издание второе, исправленное и дополненное Академический проект. Изд-во ДНК, 2010. 848 с. ISBN 978-5-901562-87-1. С. 589.

³ ИВАНОВ Г. 1975, С. 172.

⁴ АРЬЕВ А., 2010 *Комментарии*... С. 176.

⁵ Трактовку этого текста с точки зрения предложенной исследователем апофатической концепции лирики Иванова см. АРЬЕВ А. 2010 *Пока догорала свеча* (о лирике Георгия Иванова) в кн. . ИВАНОВ Г., 2010. *Стихотворения* СПб. – М. Издание второе, исправленное и дополненное Академический проект. Изд-во ДНК, 2010. 848 с. ISBN 978-5-901562-87-1. С. 61 – 64. Мы же в рамках настоящей статьи обращаем внимание лишь на некоторые не отмеченные ранее характеристики текста, важные в контексте сборника в целом.

– от земных к небесным: «... нет Царя... нет России... Бога нет». Однако теперь нигилистический пафос усилен и приобретает трагическую окраску: отрицание звучит здесь отчаянным призывом о помощи (тема отчаяния, возникшего от осознания печальной участи России, эксплицируется позже, в стихотворении «Россия, Россия „рабоче-крестьянская“...», о чем см. ниже). Усиление эмоционального напряжения, отражающего теперь более конкретизированные, даже злободневные переживания лирического героя, проявляется на различных уровнях организации текста. Прежде всего, на метрико-ритмическом: на смену плавному трехстопному амфибрахию с регулярным чередованием женских и мужских клаузул в «Закроешь глаза на мгновенье...» приходит динамичный четырехстопный хорей (чередование мужских и женских клаузул вольное) в «Хорошо, что нет Царя...». На лексическом уровне названный эффект поддерживается за счет использования анафоры («Хорошо...» в первой строфе, «Только...» – во второй...»).

В финальной строфе стихотворения отчаяние и нигилизм достигают апогея («Что мертвее быть не может/И чернее не бывать»), а так же возникает коллективный лирический субъект стихотворения («Никто **нам** не поможет/И не надо помогать»).

На наш взгляд, тот же самый коллективный субъект присутствует в следующем стихотворении «Роз» («В тринадцатом году, еще не понимая...», 1925). Прямое упоминание России в нем отсутствует, однако нам представляется, что этот текст также является органической частью группы стихотворений о России, развивая тематику двух предыдущих текстов. Продемонстрируем сказанное, обратившись к разбору стихотворения.

В начале текста обозначаются временные координаты («в тринадцатом году»). Такое акцентирование времени изначально детерминирует отнесенность лирического сюжета текста первой строфы не просто к плану прошлого (об этом же свидетельствует употребление глагола в форме прошедшего времени «встречали»), но к конкретному «тринадцатому году». При этом очевидно, что вся первая строфа представляет собой описание конкретного события в прошлом – встречи Нового года («мы весело встречали – Новый год»).

Появление в тексте глаголов в форме будущего времени («будет», «ждет») в рамках высказывания, в целом выдержанного в прошедшем времени, заставляет предположить, что в первой строфе разбираемого стихотворения представлено воспоминание коллективного лирического субъекта, появляющегося и в следующей строфе («Как мы состарились! Проходят годы, / Проходят годы – их не замечаем мы...»).

В пользу этого утверждения свидетельствует и грамматический строй стихотворения «В тринадцатом году...»: если в первой строфе используется только глагол в прошедшем времени («встречали»), то во втором пятистишии дублируется глагол НСВ настоящего времени «проходят» («проходят годы / Проходят годы – их не замечаем мы...»). Таким образом, один и тот же коллективный субъект стихотворения – «мы» – оказывается противопоставлен самому себе во времени: в первой строфе перед нами ретроспективное «мы» прошлого, во второй же «мы» соотнесены со «здесь и сейчас».

В завершении второй строфы тема воспоминания эксплицирована уже явно: «Но этот воздух смерти и свободы/И розы, и вино, и счастье той зимы/Никто не позабыл, о, я уверен...». В заключительных строках стихотворения появляется сравнение прошлого с настоящим («Должно быть, сквозь свинцовый мрак/На мир, что навсегда потерял,/Глаза умерших смотрят так»), уподобляющее «мы» настоящего мертвецу, прошлое – утраченной жизни и, соответственно, настоящее – загробному миру.

Таким образом, логично предположить, что и в стихотворении «В тринадцатом году...» также вспоминается утраченное отечество. При этом образ из заключительного трехстишия «В тринадцатом году...» – «мир, что навсегда потерял» – прочитывается как аллегорическое наименование России⁶.

Отметим, что в контексте сборника «Розы» в целом лирический сюжет стихотворения «В тринадцатом году, еще не понимая...», подобно тому, как первая его строфа представляет собой воспоминание коллективного лирического субъекта второй, прочитывается как ретроспекция по отношению к предшествующему тексту («Хорошо, что нет Царя...»). Коллективный лирический субъект этого стихотворения, выдержанного в настоящем времени, сближается с коллективным лирическим субъектом второй строфы текста «В тринадцатом году, еще не понимая...», также

---

⁶ Заметим, что обращение к уже публиковавшимся на момент написания стихотворения «Петербургским зимам» Иванова дает основание утверждать, 1913 г. неразрывно связан в памяти поэта с деятельностью кабаре «Бродячая собака», завсегдатаем которой был и сам молодой поэт. В тексте «Зим» Иванов цитирует знаменитое ахматовское стихотворение, также описывающее жизнь «Бродячей собаки»: «Все мы бражники здесь, блудницы...», датированное 1-м января 1913 г. Та же дата обозначена и под другим текстом, гораздо менее известным сегодняшнему читателю, нежели чем ахматовский, но, вероятно, известным Иванову и не утратившим для него актуальности и годы спустя. Это стихотворение Вс. Князева «За раскрытую розу – мой первый бокал!» (1 января 1913 г.) явные мотивные переключки с которым есть в разбираемом тексте Иванова. («И розы, и вино, и счастье той зимы», «бокал в Новый год») появляется неслучайно, имплицитно вводя в это стихотворение аллюзию на широко известную в литературных кругах Петербурга историю самоубийства Всеволода Князева весной 1913 г. Таким образом, возникающие в тексте аллюзии на события литературной жизни Петербурга 1913 г. позволяют предположить, что за «мы» разбираемого Ивановского стихотворения стоит не только обобщенный образ русского эмигранта, размышляющего о судьбе потерянной родины, но и автобиографичный образ человека из круга петербургских литераторов, из круга «Бродячей собаки».

являясь носителем недоступного в прошлом страшного знания того, «что будет с нами, что нас ждет...». Такой порядок расположения стихотворений в сборнике как бы заранее помогает читателю понять, чем сменится счастливое неведение коллективного лирического субъекта в прошлом, что принесет будущее – «Нет Царя... Нет России... нет Бога...».

Характерно, финалы обоих стихотворений сближает также присутствие мотива смерти, (ср. «И **мертвее** не бывать...» и «Глаза **умерших** смотрят так...»). И, как было показано выше, смерти в двух проанализированных текстах уподобляется настоящее коллективного лирического субъекта (в реальном, биографическом плане – эмигрантское бытие автора и его современников), причем очевидно, что причиной этой «смерти» стала для него утрата России, а вместе с ней и всего мира (теперь ретроспективно трагическую окраску приобретают и строки «и нет ни России, ни мира...» из стихотворения «Закроешь глаза на мгновенье...»).

Однако восприятие настоящего как смерти в сборнике «Розы» относится не только к настоящему лирического героя сборника (и жизни в изгнании его автора). Тема неизбежной гибели, обреченности является главной в следующем, последнем в «Розах» стихотворении, содержащем теперь уже не просто название страны, а уже прямое обращение к России – «Россия, Россия “рабоче-крестьянская”»⁷ (1930).

Примечательно, что автор стихотворения намеренно дистанцируется от современной ему России, заключая в кавычки характеристику «рабоче-крестьянская», очевидно, не просто потому, что эти слова являются «чужими», пришедшими из официальных лозунгов советского государства, но и для подчеркнутой демонстрации чуждости его для себя, восприятия как «своей» лишь той ушедшей, не существующей более России, о которой речь шла в предыдущих стихотворениях.

Но и судьба современной автору «рабоче-крестьянской» России предрешена: весь текст, по сути, представляет собой развернутую метафору гибели, отсутствия будущего («едва началось твое счастье цыганское/И вот уж **кончается...**», «лед твой **не тронется...**»). Интересно отметить, что тема смерти, гибели регулярно коррелирует в «Розах» с мотивами холода, снега, льда (см., напр., стихотворение «Черная кровь из открытых жил...»). Текст же «Россия, Россия “рабоче-крестьянская...”» завершает отчасти оксюморонное («солнце холодное») описание заката («Едва поднялось твое солнце холодное/И вот уже клонится»). Закат также является распространенной

---

⁷ ИВАНОВ Г. 1975, с. 177.

метафорой гибели, смерти, и появление ее в финале стихотворения Иванова подводит итог не только этого текста, но и всей группы стихотворений о России, уравнивая судьбу как России прошлой, так и нынешней.

Итак, группа стихотворений с упоминанием России, помещенная Георгием Ивановым в середину сборника «Розы», может быть рассмотрена как смысловой и композиционный центр первой эмигрантской книги поэта, где аккумулярованы ключевые для сборника темы. Это, прежде всего, размышления о судьбе отечества и изгнанников, осмыслением прошлого России как подлинной жизни (осложненные и конкретизированные у Иванова привнесением сугубо автобиографического подтекста через отсылки к знаковым именам и событиям литературной и культурной жизни довоенного Петербурга). Настоящее как страны, так и тех кто навсегда покинул ее, неизменно уподобляется смерти.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. АРЬЕВ, Андрей. 2010. Пока догорала свеча (о лирике Георгия Иванова) в кн. ИВАНОВ Г., 2010. *Стихотворения*. СПб. – М.: Академический проект. Изд-во ДНК, 2010. 848 с. ISBN 978-5-901562-87-1. С. 51 – 108.
2. ИВАНОВ, Георгий. 1975 *Собрание стихотворений*. Würzburg: Journalfranz, 1975. 369 с. ISBN 3 7778 0134 8.
3. ТИМЕНЧИК, Р. – ХАЗАН, В. 2010 «На земле была одна столица...» в кн. *Петербург в поэзии русской эмиграции: первая и вторая волна*. СПб: Академический проект. Изд-во ДНК, 2006. 848 с. ISBN 5-7731-0295-0. С. 5 – 57.

НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ДУХ ДОСТОЕВСКОГО В ЛИРИКЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Martyna Sienkiewicz, магистр

Факультет прикладной лингвистики Варшавского университета,
sienkiewiczmartyna@gmail.com

ABSTRACT: This work is an attempt to illustrate the persistent connection between Nabokov and Dostoevsky on the basis of lyric works of *Lolita* author. Nabokov's attitude towards XIX c. masterpiece expressed in the cycle of poems *Kapli krasok*, as well as in a poem written for the anniversary of Dostoevsky's death, is full of contradictions. Nabokov found in Dostoevsky ideological opponent-writer and treats his works as an example of improper and inveracity art. Author openly expresses reluctance towards Dostoevsky, tends to 'debunk' him. At the same time (willingly or not) acknowledges his masterfulness and what is more, updates subjects, motives and problems raised earlier by Dostoevsky.

С давних времен художники, писатели и другие деятели культуры вели полемические беседы, ссорились, критиковали друг друга, а даже пытались унижить и уничтожить позицию оппонента. Кроме того, некоторые ссоры становятся легендарными.

Часто обсуждаемой проблемой является роль писателя и его творчества. Существует ли единственный правильный путь, схема, по которой должны создавать художники свои произведения? Что является настоящим ядром, самым важным в произведениях искусства – его содержание или форма? Как правильно воспринимать творчество других? Такими вопросами задаются создатели всевозможных видов искусства, теоретики и критики всех областей художественной деятельности. Эти проблемы терзали также русского и американского писателя – Владимира Набокова.

Владимир Набоков вписался в русскую и мировую литературу не только как тончайший мастер-романист, но также как драматург, поэт, критик и публицист. Во всех жанрах он пытался (явно или скрыто) найти правильные методы создания и восприятия литературного произведения. По мнению писателя, литературное произведение должно доставлять читателю своеобразное метафизическое удовольствие, непременно связанное

с общением, контактом с «другими сферами бытия, с так называемой лучшей, высшей реальностью, насыщенной искусством».¹

Всегда, если великий человек хочет создать что-то ценное, новое и подлинное, он находит себе оппонента, представителя другого «лагеря», благодаря которому он сможет четко выразить свою противоположную позицию. Такого идейно-художественного противника Набоков нашел в русском классике – Федоре Достоевском. Автор «Отчаяния» утверждает, что искусство – это божественная игра, и что эти два элемента – божественный и игровой – важны в одинаковой степени. Искусство он считает сверхъестественным созданием, потому что художник, как настоящий творец, приближается к Богу. Однако надо взять во внимание, что произведение – это иллюзия и оно считается искусством так долго, как долго читатели помнят об этом. Если чувство ужаса или омерзения слишком сильно влияет на сознание адресата, а неверное восприятие предмета искусства нарушит это равновесие, тогда на сцене начинается торжествовать смешная мелодрама.² Таким нарушением Набоков считал произведения Достоевского.

Во время всей творческой жизни этот русско-американский писатель отрицал и не соглашался назвать автора «Бесов» «великим писателем» и громко критиковал тех, кто считают его «пророком». Сначала такое отношение к классику не кажется ничем странным, достойным особого внимания. Ведь не только он не признавал мастерства Достоевского. По мнению Долинина³, на понимание и оценку классика эмигрантскими писателями и критиками, несомненно влияло осознание того, что воздействие творчества Достоевского было заметно в советской прозе двадцатых годов. Дополнительную роль имели отрицательные высказывания нескольких почетных писателей старшего поколения, например Степуна, Алданова или Бунина, который, по воспоминаниям Бахраха, до последних лет своей жизни выражал желание: «Вот, ежели буду жив и Бог даст сил, постараюсь еще свалить Достоевского с пьедестала».⁴

¹ ENGELKING, Leszek. 2011. *Chwyt metafizyczny: Vladimir Nabokov – estetyka z sankcją wyższej rzeczywistości*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2011. 474 с. ISBN 978-83-7525-624-6. с. 3.

² NABOKOV, Vladimir. 2002. *Wykłady o literaturze rosyjskiej: Fiodor Dostojewski (1821-1881)*. Warszawa: Muza, 2002. 413 с. ISBN 83-7319-147-X. с. 148.

³ ДОЛИНИН, Александр. 2001. *Набоков, Достоевский и достоевщина*. In: *Старое литературное обозрение*. [online]. 2001, №1(277) [цит. 17-06-2014]. Доступно в Интернете: <<http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/dol.html>>

⁴ БАХРАХ, Александр. 1980. *По памяти, по записям. Литературные портреты: Последний день Бунина*. [online]. Париж: La Presse Libre, 1980. [цит. 20-06-2014]. Доступно в Интернете: <http://antisoviet.imwerden.net/bahrah_a_po_pamiaty.pdf> с. 10.

Однако набоковское отношение и (никогда не признаваемая им) связь с Достоевским обнаруживается во всевозможных областях научно-литературной деятельности писателя-эмигранта, причем они вспыхивают на глазах читателя очень ярко и кажутся слишком эмоциональными. И так, если углубиться в изучение творчества и жизни писателя, оказывается, что Набоков-поэт помнил и упоминал имя знаменитого классика в своих стихотворениях не меньше и не реже, чем Набоков-прозаик, преподаватель, литературный критик, или просто «Володя», много лет корреспондирующий с «Банни».⁵

Данная работа является попыткой доказать особенную связь между двумя писателями на примере некоторых лирических произведений Набокова. Через все его творчество пробивается один особенный парадокс. С одной стороны, он резко отрицает литературное наследство Достоевского и очевидное влияние классика на собственное творчество, а с другой – Набоков постоянно пользуется приемами, характеризующими стиль автора «Идиота» и касается тем, которые всегда занимали его знаменитого предшественника.

Набоков утверждает, что стал писателем, когда ему было три года.⁶ Его мать увлекалась, зачитывалась поэзией, декламировала ее и постоянно переписывала стихи. Отец писателя также отлично разбирался в русской и западноевропейской литературе и показал сыну, что от поэзии можно получить настоящее наслаждение. Юный Владимир находил многие произведения как в отцовской, так и в принадлежащей дедушке библиотеке.⁷ К возрасту пятнадцати лет он «прочел и пропустил через себя практически всех современных поэтов».⁸ С одной стороны его увлекала символическая поэзия, особенно творчество Блока, а с другой – стихи Бунина. Когда Набоков пытался разговаривать с отцом о современной поэзии, тот отвечал непобедимыми пушкинскими стихами. Русские поэты начала двадцатого века считались романтиками или неоромантиками. Этот романтизм характерен для всей ранней поэзии Набокова.⁹

Когда Европа погружалась в конфликты, предшествующие Первую мировую войну, в Набокове рождался поэт. Он очень детально описывает момент и

⁵ Вунну – так Владимир Набоков обращался к своему другу, американскому писателю и критику Эдмунду Уилсону.

⁶ БОЙД, Брайан. 2010. *Владимир Набоков: русские годы: Мир пробуждается*. Санкт-Петербург, 1899-1904. [online]. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2010. [цит. 19-06-2014]. Доступно в Интернете: <<http://www.flibusta.net/b/218544/read/>>

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

обстоятельства, в которых это случилось. Скрываясь от грозы, Набоков оказался в беседке старого парка, а когда погода стала меняться и он покинул свое убежище, его встретила радуга: *«Следующий миг стал началом моего первого стихотворения. Что подтолкнуло его? Кажется, знаю. Без единого дуновения ветерка, один только вес дождевой капли, сияющей в паразитической роскоши на душистом сердцевидном листке, заставляет его кончик кануть вниз, и подобие ртутной капли внезапно соскальзывает по его срединной прожилке, и лист, обронив яркий груз, взлетает вверх. Лист, душист, благоухает, роняет – мгновение, за которое все это случилось, кажется мне не столько отрезком, сколько разрывом времени, недостающим ударом сердца, сразу вернувшимся в перестуке ритма...»*¹⁰

В 1916 году Набоков напечатал (за свой счет и в количестве пятисот экземпляров) первый сборник, в состав которого входило шестьдесят восемь стихотворений. Бойд в своей книге описывает его как маленькую белую книжку в белой бумажной обложке, элегантно набранную, с тиснением на титульной странице: «Стихи. В.В. Набоков».¹¹

Потом (с 1919 г.) Набоков стал подписываться как «Владимир Сири́н» и как В.В. Сири́н (позже встречаются варианты как Сири́н-Набокофф или Набокофф-Сири́н).¹² Свой псевдоним он выбрал не случайно; в русском фольклоре сири́н – это мифическая райская птица с головой девы.¹³

В годах 1922-1923 появились два сборника стихотворений Набокова: «Гроздь» и «Горный путь». В обоих томиках он поместил стихотворения не только непосредственно связанные с Достоевским, но даже такие, которые впрямую упоминают имя классика. Все они образуют своеобразное отношение писателя к классику XIX века.

Несколько из стихотворений, в которых можно найти темы и мотивы, отсылающие читателя к Достоевскому, Владимир Набоков написал в 1919 г. как составную часть цикла «Капли красок» и поместил их в своем позднейшем сборнике «Горный путь» (1923), посвященном проблематике творчества и искусства, а также ностальгии, связанной с эмиграцией и изгнанием.

¹⁰ НАБОКОВ, Владимир. 2004. *Память, говори*. In: *Собрание сочинений американского периода*, Санкт-Петербург: Симпозиум, 2004. т. 5. 701 с. ISBN: 5-89091-048-5. с. 501.

¹¹ БОЙД, Брайан. 2010. *Владимир Набоков: русские годы: Любовь и поэзия*: Петроград, 1914-1917. [online]. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2010. [цит. 19-06-2014]. Доступно в Интернете: <<http://www.flibusta.net/b/218544/read/>>

¹² Там же.

¹³ УШАКОВ, Дмитрий. 2009. Термин *сири́н*. In: *Большой толковый словарь русского языка*. Москва: Астрель, 2009. 1268 с. ISBN: 978-5-271-08744-8. с. 991.

Вся серия состоит из семнадцати стихотворений, похожих друг на друга по своей композиции. В цикле находится стихотворение с заглавием – «Достоевский».

Тоскуя в мире, как в аду,
уродлив, судорожно-светел,
в своем пророческом бреду
он век наш бедственный наметил.

Услыша вопль его ночной,
подумал Бог: ужель возможно,
что все дарованное Мной
так страшно было бы и сложно?¹⁴

Стихотворение состоит из двух строф, первая относится прямо к русскому классику, а вторая изображает абстрактную картину Бога и его отношения к творчеству Достоевского. Автор «Преступления и наказания» представлен, по всей вероятности так, как его видел Сирин. Он «уродлив» и «судорожно-светел» одновременно. Его неотъемлемое исследование человеческой души, пределов морали и последствий, какие имеет преступление на психику человека, Набоков называет тоской и пророческим бредом. Ключевым моментом стихотворения является последняя строка первой строфы, где автор «Лолиты» все-таки признает, что Достоевский «век наш бедственный наметил».

В последствии, он соглашается с тем, что потом с такой злобной, упрямой уверенностью отрицал: Достоевский имеет большое влияние на творчество других, на русскую (и мировую) литературу XX-го века. Он «наметил» это столетие, а человек, который своими произведениями так сильно воздействовал (воздействует?) на других, не мог быть дешевым журналистом, третьесортным писателем, или грубым комедиантом, как его потом назвал сам Набоков. В стихотворении то, что после нескольких лет он назовет «мрачной достоевщиной», на самом деле, кажется чем-то насыщенным растерянностью и истиной. Перед читателем образ страдающего Достоевского, который кричит по ночам, пытаюсь с ужасом понять, какие законы управляют этим миром и где находятся пределы между добром и злом.

---

¹⁴ НАБОКОВ, Владимир. 1919. *Достоевский*. In: *Капли красок* [online]. [цит. 22-06-2014]. Доступно в Интернете: <http://www.poezia.su/nabokov/kapli-krasok_15-dostoevskiy.htm/>

Чтобы понять значение, которое занимает проблема отношения Набокова к Достоевскому в цикле «Капли красок», надо вернуться к стихотворению «Всепрощающий», начинающему всю серию.

Он горстью мягкой земли
и кровь и слезы многим вытер;
Он милосерден. В рай вошли
блудница бледная и мытарь (выделено мной – М. S.).

И он своим святым простит,
что золотые моли гибли
в лампадах и меж слитых плит
благоуханно-блеклых библий¹⁵

Стоит обратить внимание на предпоследнюю и последнюю строки первой строфы: «В рай вошли блудница бледная и мытарь». Стихотворение, предшествующие «Достоевскому» называется «Meretrix» (лат. блудница). Во-первых, что, конечно, заметили и другие исследователи, тема проституток и падших женщин часто встречается в творчестве Достоевского. Самым ярким и известным примером является Соня из «Преступления и наказания». Достаточно внимательно всмотреться в картину, представленную в стихотворении, чтобы понять, как его героиня близка образу Сони из знаменитого романа. Набоков пишет: «Скользишь, **безвольна и чиста, (...)** / **не изменяя чистоте** (выделено мной – М. S.) / своей таинственной, кому бы / ни улыбались в темноте / твои затравленные губы».¹⁶ Эта картина замечательно подходит для описания Сони, образ которой в романе можно заключить в этих нескольких словах: безвольная, чистая, не изменяющая своей чистоте; падшая женщина, душа которой – пример самой искренней безгрешности. Это стихотворение развивает тему **бледной** блудницы из первого стихотворения цикла «Всепрощающий». А какой образ Сони находим на страницах романа? Перед читателем стоит худенькая, хрупкая восемнадцатилетняя девушка, лицо которой «худое, **бледное** (выделено мной – М. S.) и испуганное (...) с раскрытым ртом и с неподвижными от ужаса глазами».¹⁷ Нетрудно понять и заметить

¹⁵ НАБОКОВ, Владимир. 1919. Всепрощающий. In: *Капли красок* [online]. [цит. 22-06-2014]. Доступно в Интернете: <http://www.poezia.ru/nabokov/kapli-krasok_15-dostoevskiy.htm/>

¹⁶ Там же.

¹⁷ ДОСТОЕВСКИЙ, Федор. 1981. *Преступление и наказание*. Москва: Советская Россия, 1981. 558 с. с. 201.

связь между двумя картинами. Набокова занимала тема «душевных проституток»¹⁸ и он еще несколько раз доказывал это в своем позднейшем творчестве.

Анализу и интерпретации «Капли красок» Новикова посвятила часть своей статьи «В.В. Набоков и Ф.М. Достоевский: дискурс „личного отчаяния“». ¹⁹ Тем не менее, исследовательница не обратила внимания на одно слово, которое является ключевым для понимания связи Набокова с классиком.

Во «Всепрощающем» вместе с блудницей в рай вошел мытарь. Кто такой «мытарь»?

«1. В библейских текстах: название сборщика податей, откупщика в древней Иудее.

2. В Древней Руси: сборщик мыта.

3. По суеверным представлениям: **душа человека, не нашедшая успокоения ни в аду, ни в раю. О человеке, испытавшем страдания, невзгоды, лишения**» (*выделено мной – М. С.*)²⁰

Стоит вспомнить, что стихотворением, следующим после «Meretrix» (блудницы) является «Достоевский». Блудница и мытарь – это не кто иной, как блудница (Соня) и... Достоевский. Речь идет, конечно, не о Достоевском как о живом человеке, а как о писателе, представителе и создателе героев своих романов. Итак, получается, что в рай вошли Достоевский и его творчество (символом которого является Соня).

По мнению Набокова, персонажи, созданы русским классиком – мрачные, душевнобольные. Они бесконечно страдают и долго, а некоторые и никогда не могут найти покоя. Вспомним фрагмент стихотворения «Достоевский»: «ужель возможно, / что все дарованное Мной / так страшно было бы и сложно?». Мир, создан автором «Преступления и наказания», «уродлив» и «судорожно-светел», но в конечном итоге, Набоков-сочинитель, прощает другому знаменитому писателю и впускает его творчество и героев в свой «рай», который понимается как высшая степень искусства – мастерство.

Очередное стихотворение, изображающее отношение Набокова к Достоевскому и его творчеству – это безыменные стихи «Садом шел Христос с учениками...», написаны и опубликованы в газете «Руль» в 1921 году к сорокалетию смерти

---

¹⁸ Так Набоков называет Соню в своих «Лекциях по русской литературе».

¹⁹ НОВИКОВА, Елена. 2007. В.В. Набоков и Ф.М. Достоевский: Дискурс «личного отчаяния». In: *Достоевский и XX век*. Москва: ИМЛИ РАН, 2007. Т.1, 802 с. ISBN: 978-5-9208-0284-2. с. 352-356.

²⁰ КУЗНЕЦОВ, Сергей. 2000. Термин *мытарь*. In: *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с. ISBN: 5-7711-0015-3. с. 566.

Достоевского. Впоследствии в 1922 появился сборник стихотворений Набокова *Гроздь*, в состав которого они вошли.

***

На годовщину смерти Достоевского

Садом шел Христос с учениками...
Меж кустов, на солнечном песке
Вытканном павлиньими глазками,
Песий труп лежал невдалеке.

И резцы белели из-под черной
Складки, и зловонным торжеством
Смерти заглушен был ладан сладкий
Теплых миртов, млеющих кругом.

Труп гниющий, трескаясь, раздулся,
Полный склизких, слипшихся червей...
Иоанн, как дева, отвернулся,
Сгорбленный поморщился Матфей...

Говорил апостолу апостол:
«Злой был пес, и смерть его нага,
мерзостна...»

Христос же молвил просто:
«Зубы у него – как жемчуга...».²¹

Стихотворение начинается описанием превосходного сада, по которому гуляет Христос с апостолами. Произведение построено на контрасте, который состоит из двух разных образов; с одной стороны – это жизнь, красота, а с другой – смерть, отвратительная картина гниющего собачьего трупа. Набоков натуралистически, со всеми подробностями, описывает вонь, а даже тело, которое не избежало неотвратимых последствий расклада. Апостолы поражены картиной, которая возникла перед ними.

---

²¹ НАБОКОВ, Владимир. «Садом шел Христос с учениками...». [online]. [цит. 22-06-2014]. Доступно в Интернете: <<http://www.poezia.su/nabokov/sadom-shel-hristos-s-uchenikami.htm/>>

Они отвернулись и решили, что «Злой был пес», поэтому после смерти его тело отвратительно. Только Христос во всей обстановке нашел красоту, истину: «Зубы у него – как жемчуга...». Взгляд учеников лишает реальность глубочайшего смысла, упрощает ее, а Христос замечает другую, оппозиционную возможность – победу малейшего светлого момента в даже самой отвратительной и мрачной картине.

Непосредственная, явная связь с Достоевским в данном произведении обнаруживается в христианской теме, в пробивающемся мотиве добра и зла, внешнего уродства, уродства поступков и истинной красоты. У всех, самых уродливых, отвратительных и аморальных злодеев из сочинений Достоевского, можно найти что-то истинно светлое, доброе, объясняющее действия и поступки героя.

Отрицаемая Набоковым связь с Достоевским легко замечается в его романах. Очевидным является сходство тем и мотивов в «Отчаянии» или хотя бы «Лолите» (двойничество, преступление и наказание, социальные патологии, совесть, душевнобольной герой, значимые имена, и мн. др.). Тем не менее, после тщательного исследования других отраслей деятельности Набокова, оказывается, что паутина влияния Достоевского обнаруживается и в других жанрах.

В своей лирике Набоков отрицает величество творчества Достоевского, определяя его как «пророческий бред», пытается сбросить его с пьедестала, пользоваться его произведениями, как примером «неправильного», ненастоящего искусства, а одновременно (желанно или нет) признает его мастерство и, более того, актуализирует темы, мотивы и проблемы, вечно терзающие классика.

ЛИТЕРАТУРА:

1. БАХРАХ, Александр. 1980. *По памяти, по записям. Литературные портреты: Последний день Бунина*. [online]. Париж: La Presse Libre, 1980. [цит. 20-06-2014]. Доступно в Интернете: <http://antisoviet.imwerden.net/bahrah_a_po_pamiati.pdf>
2. БОЙД, Брайан. 2010. *Владимир Набоков: русские годы*. [online]. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2010. [цит. 19-06-2014]. Доступно в Интернете: <<http://www.flibusta.net/b/218544/read/>>
3. ДОЛИНИН, Александр. 2001. Набоков, Достоевский и Достоевщина. In: *Старое литературное обозрение*. [online]. 2001, №1(277) [цит. 17-06-2014]. Доступно в Интернете: <<http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/dol.html>>
4. ДОСТОЕВСКИЙ, Федор. 1981. *Преступление и наказание*. Москва: Советская Россия, 1981. 558 с.

5. КУЗНЕЦОВ, Сергей. 2000. Термин *мытарь*. In: *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с. ISBN: 5-7711-0015-3.
6. НАБОКОВ, Владимир. «*Садом шел Христос с учениками....*». [online]. [цит. 22-06-2014]. Доступно в Интернете: <<http://www.poezia.su/nabokov/sadom-shel-hristos-s-uchenikami.htm/>>
7. НАБОКОВ, Владимир. 1919. Meretrix. In: *Капли красок*. [online]. [цит. 22-06-2014]. [online]. Доступно в Интернете: <http://www.poezia.su/nabokov/kapli-krasok_15-dostoevskiy.htm/>
8. НАБОКОВ, Владимир. 1919. Всепрощающий. In: *Капли красок*. [online]. [цит. 22-06-2014]. [online]. Доступно в Интернете: <http://www.poezia.su/nabokov/kapli-krasok_15-dostoevskiy.htm/>
9. НАБОКОВ, Владимир. 1919. Достоевский. In: *Капли красок*. [online]. [цит. 22-06-2014]. [online]. Доступно в Интернете: <http://www.poezia.su/nabokov/kapli-krasok_15-dostoevskiy.htm/>
10. НАБОКОВ, Владимир. 2004. Память, говори. In: *Собрание сочинений американского периода*, Санкт-Петербург: Симпозиум, 2004. т. 5. 701 с. ISBN 5-89091-048-5.
11. НОВИКОВА, Елена. 2007. *В.В. Набоков и Ф.М. Достоевский: Дискурс «личного отчаяния»*. In: *Достоевский и XX век*. Москва: ИМЛИ РАН, 2007. Т.1, 802 с. ISBN 978-5-9208-0284-2.
12. УШАКОВ, Дмитрий. 2009. Термин *сирин*. In: *Большой толковый словарь русского языка*. Москва: Астрель, 2009. 1268 с. ISBN 978-5-271-08744-8.
13. ENGELKING, Leszek. 2011. *Chwył metafizyczny: Vladimir Nabokov – estetyka z sankeją wyższej rzeczywistości*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2011. 474 с. ISBN 978-83-7525-624-6.
14. NABOKOV, Vladimir. 2002. *Wykłady o literaturze rosyjskiej*. Warszawa: Muza, 2002. с. 413. ISBN 83-7319-147-X.

BYT IN RUSSIAN LITERATURE: THE *PRIMUS* STOVE AS CULTUROLOGICAL REALIA IN EARLY SOVIET TIMES

Iliaria Remonato, PH Doctor, Research Fellow in Russian Literature

Department of Foreign Languages, Verona University, ilaria.remonato_01@univr.it

РЕЗЮМЕ: В данной работе мы сосредоточили внимание на определенных представлениях быта в русско-советской литературе, а именно на образе примуса, который превратился в культурологическую реалию во многих произведениях 1920-х и 30-х годов. Этот обыкновенный нагревательный прибор постепенно вышел из бытовой сферы чтобы приобрести разные символические оттенки значения в текстах таких знаменитых писателей, как М. Зощенко, О. Мандельштам, Н. Агнивцев, Ильф и Петров и М. Булгаков.

This essay is devoted to some reflections on the semiotic and culturological connotations of the **Primus** stove, a common realia of the first Soviet period which has acquired the powerful and ambivalent status of artistic metaphor. Its pervasive occurrence in a large number of literary works of the 1920's and 1930's gives us the opportunity to analyze the human and cultural world surrounding it. Through the distorting mirror of literature the humble object¹ has gradually lost its concrete features to enter the realm of Russian imagination, where it is evoked with densely ironical, infernal and fantastic nuances.

The Primus, a portable one-burner stove fuelled with pressurized kerosene, was a constant presence in early Soviet times: in big cities almost each family owned one², and it was so tightly connected to everyday life (*byt*) that it soon became one of the most representative symbols of the atmosphere of communal kitchens.³ As Marakov writes, “он стал культовым символом того времени, такого же, в сущности, взрывоопасного и шумного... Век примуса был недолгим, но именно благодаря искусству прибор по праву стал символом первой половины 20-го века.”⁴ In the 1950's domestic Primuses were gradually substituted by gas or electric cookers, but they are still employed by tourists and in scientific expeditions in the whole world.

---

¹ For a detailed and insightful analysis of the semiotic and cultural connotations of some typically Soviet realia see Piretto 2012.

² See the entry «Primus» in *Kratkaja enciklopedija domašnego chozjajstva*, Moskva: Gosud. naučnoje izdanije «Bol'saja Sovetskaja enciklopedija», 1959. For a short historic survey of the tool see S. Marakov, *Primus – Istorija*, published on 10.12.2013 and available online at <<http://diletant.ru/blogs/33343/7485/>> [15/01/2015].

³ See GERASIMOVA, J. 1998 and 2002.

⁴ MARAKOV, S. *Primus – Istorija* [online.] Available at: <<http://diletant.ru/blogs/33343/7485/>> [15/01/2015].

The original cooking device was developed in 1892 by Frans Wilhelm Lindqvist (1862-1931), a factory mechanic engineer in Stockholm, Sweden. The equipment, operated by compressed air, was based on the same design as a hand-held blowtorch: by vaporizing the paraffin before it reached the burner, the stove provided a sootless, smokeless, hot flame, which made it more efficient than previous models. In fact, the Primus quickly earned a reputation as a reliable and durable tool in everyday usage, because it performed especially well under adverse conditions. That is why it was the stove of choice for some famous scientific expeditions to the South and North Poles (Amundsen, 1910-1912), and it was even employed by the most renowned explorers on Mt. Everest (Mallory and Irvine, 1924; Hillary and Norgay, 1953). While other companies also realized portable devices of a similar type, this style is generically referred to as a “Primus”, regardless of the actual manufacturer. Still in 1892, Lindqvist partnered with Johan Viktor Svensson to establish a factory and produce the new apparatus: both the firm and the stoves were called with the Latin word “primus”⁵ to highlight their special, innovative position in the market of the time. The first model made in brass, n. 1 stove, was rapidly followed by several different shapes and sizes. With the help of the marketing enterprise B.A. Hjorth & Co sales grew, and soon the item was successfully exported abroad. The PRIMUS® company is still existing nowadays: as part of a multinational group, it is one of the world leaders in the production of high-quality portable gas stoves and outdoor equipment.⁶

Due to the lack of gas connections in most of the houses and to the high costs of electricity, the Primus rapidly spread in Soviet cities of the 1920’s.⁷ The shortage of living space after the Revolution led to the typical phenomenon of the communal apartment (*kommunalka*), in which several families would have one or two private rooms and share kitchen and toilet facilities.⁸ The stove made its appearance in the country at the same time, and from the semiotic point of view it was immediately considered as a meaningful metonymy of communal-apartment life. In fact, it represented the cheapest and most efficient cooking device available in those years,⁹ and these qualities turned it into a sort of “life-long companion” in the urban

---

⁵ The choice of this word, which in Latin means “the first” and “the best”, is highly allusive: it underlines at the same time the inventors’ pride and their awareness of the revolutionary qualities of the new stove. On this topic see also Konopleva 2001.

⁶ For further information on the company history and products see the English version of the websites <<http://www.primus.eu/>> and <<http://www.spiritburner.com/default.htm>> [15/01/2015].

⁷ One of the major producers of Soviet Primuses from 1922 was the factory “Pervyj gosud. mednoobrabatyvajuščij zavod”, today ZAO “Kol’čug-Micar”, located in the town of Kol’čugino (region of Vladimir).

⁸ See BOJM, S., 2002, p. 161-187, GERASIMOVA, J., 2000.

⁹ It is emblematic, then, that already in the mid 1920’s some of the most popular and best-selling cooking books in the USSR were the ones edited by K. Ja. Dedrina, *Kuchnja na plite i na primuse*, Leningrad, Trudovoj pečatnik,

domestic context (on this aspect see also Leбина 2008). As such, it peeps through the pages of literary works deeply imbued with ironic and visionary undertones, which allude to its typical whistling noise and to the thick vapors produced by white kerosene combustion (*čad*). As Vorob'eva observes, everyday realia like this one gave contemporary writers the possibility to describe the tragicomic effects of *kommunal'nyj byt* in grotesque and multifaceted ways: “[...] авторы фиксировали реалии жизни в коммунальных квартирах, а именно количество обитателей, их взаимоотношения, среду обитания, вскрывали особенности существования в «коммуналках». Быт коммунальных квартир зачастую живописался без сокрытия недостатков: произведения литературы отражают дефицит пространства, дефицит приватности, сложность сосуществования людей, вынужденных уживаться вместе, зачастую не понимающих и не желающих друг друга понять, пойти на взаимные уступки.”¹⁰

Among the others, in **M. Zoščenko**'s (1895-1958) tale *Nervnyje ljudi* (*Nervous People*, 1924) the conflictual relationships which characterized the sharing of common kitchens seem to be ironically provoked from domestic trifles such as a bad working Primus and a brush (*jožik*): “*А приходит, например, одна жиличка, Марья Васильевна Щипцова, в девять часов вечера на кухню и разжигает примус. Она всегда, знаете, об это время разжигает примус. Чай пьет и компрессы ставит. Так приходит она на кухню. Ставит примус перед собой и разжигает. А он, провались совсем, не разжигается. Она думает: ‘С чего бы он, дьявол, не разжигается? Не закоптел ли, провались совсем!’.* И берёт она в левую руку ёжик и хочет чистить. Хочет она чистить, берёт в левую руку ёжик, а другая жиличка, Дарья Петровна Кобылина, чей ёжик, посмотрела, чего взято, и отвечает:

– Ёжик-то, уважаемая Марья Васильевна, промежду прочим, назад положьте.

Щипцова, конечно, вспыхнула от этих слов и отвечает:

– *Пожалуйста, отвечает, подавитесь, Дарья Петровна, своим ёжиком. Мне, говорит, до вашего ёжика дотронуться противно, не то что его в руку взять.*

[...] Тут снова шум, и дискуссия поднялась вокруг ёжика. Все жильцы, конечно, поднаперли в кухню. Хлопочут. Инвалид Гаврилыч тоже является.

– *Что это, – говорит, – за шум, а драки нету?*

Тут сразу после этих слов и подтвердилась драка. Началось.

1927 and Je. G. Uvarova, *Sputnik domašnej chozjajki. 1000 kulinarnych receptov s ukazaniem, kak gotovit' na primuse*, Leningrad, 1927.

¹⁰ VOROBOVA, Marija. Kommunal'nye kvartiry v zerkale literatury sovetskogo perioda rossijskoj istorii. In: *Poetik des Alltags. Russische Literatur im 18.-21. Jahrhundert // Poetika byta. Russkaja literatura XVIII-XXI vv.* München: Herbert Utz Verlag, 2014. P. 237.

А кухонька, знаете, узкая. Драться неспособно. Тесно. Кругом кастрюли и примуса. Повернуться негде. А тут двенадцать человек вперлось. Хочешь, например, одного по харе смазать – троих кроешь. И, конечно дело, на все натыкаешься, падаешь. Не то что, знаете, безногому инвалиду – с тремя ногами устоять на полу нет никакой возможности.”¹¹

In this intensely satirical passage the stove is defined with the word **d’javol**, as if it the object were animated by an own, evil will (*nečistaja sila*): to the eyes of the “nervous” inhabitants, deeply distressed by space shortage and by the hardships of everyday life¹², the heating apparatus loses its ordinary aspect to acquire a supernatural, “diabolic” halo. In concrete terms, domestic Primuses had a relatively simple and compact mechanism, but especially the first models did not work regularly, they were quite primitive and they needed detailed instructions to be turned on. That is why men were usually dealing with their ignition, while their improper usage often caused fires and explosions. **O. Mandel’sťtam** (1891-1938) devoted a whole collection of children’s poems to the versatile cooking device (*Primus*, 1925), in which the familiar tool appears in a ludic and anthropomorphic light:

*Чтобы вылечить и вымыть
Старый примус золотой,
У него головку снимут
И нальют его водой.
Медник, доктор примусиный,
Примус вылечит больной:
Кормит свежим керосином,
Чистит тонкою иглой.*¹³

In Mandel’sťtam’s poetic and hilarious view the golden Primus is metaphorically depicted as an old, ill man, who requires the healing services of a doctor-mechanic (*mednik*). Even though the narrative tones and the stylistic features of the texts are very different, in both of them there is a clear hint to the frequent necessity of disassembling and cleaning the basic components of the stove. A playful frame surrounds the “humanized” utensil also in **N. Agnivev**’s (1888-1932) children’s poem *Triolety v benzine* and in the collection *Kak primus*

¹¹ ZOŠČENKO, M. Nervnye ljudi. In: *Sobranie sočinenij v 7 tomach*. T. 1. Moskva: Vremja. 2008. Available online at: <<http://www.classic-book.ru.lib/>> [15/01/2015]. P. 41.

¹² See PICCOLO, L. Riscritture dello spazio urbano: l’appartamento in coabitazione (*kommunal’naja kvartira*). In: *Letteratura e geografia. Atlanti, modelli, letture*. Macerata: Quodlibet, 2012.

¹³ MANDEL’SŤTAM, O. *Primus. Detskie stichotvorenija*. Leningrad: Vremja, 1925. Available online at: <http://literatura5.narod.ru/mandelshtam_primus.html> [15/01/2015].

zachotel Fordom sdelat'sja, both published in Leningrad in 1924. The verses, written in colloquial language and accompanied by the amusing drawings by K. Jeliseev, show us a sad and frustrated Primus that complains about its humble status. Out of humour, in the following lines it bravely dreams of leaving its daily routine in the kitchen to become a Ford car:

*Примус очень озабочен,
Чем-то болен,
Недоволен,
Хоть он – Примус – первый сорт.
- Ах, я, с горя, в печку кинусь,
Ринусь,
Кинусь,
Опрокинусь...
Отчего я только Примус – а не “Форд?”¹⁴*

Thanks to the onomatopoeic expressions employed by the poet, the rhythmic patterns and the surreal images which characterize this “*mašinnaja skazočka*” actually remind of the childlike atmosphere of fairy-tales. Following its evocative itinerary from *byt* to literature, the Primus appears several times also in **I. Il'f** (1897-1937) and **Je. Petrov**'s (1903-1942) prose works, where it represents a sort of leitmotif in the characters' everyday life. On the background of the picaresque NEP epos of *Dvenadcat' stul'jev* (*The Twelve Chairs*, 1928) the noisy stove is ironically described as an indispensable piece of furniture in Brother Berthold Schwartz Hostel: “*Большая комната мезонина была разрезана фанерными перегородками на длинные ломти... Комнаты были похожи на пеналы, с тем только отличием, что, кроме карандашей и ручек, здесь были люди и примусы*”.¹⁵ For the ex students who live in the five “pencil boxes” rooms (*pjenaly*) the small cooking device becomes an ambiguous surrogate of privacy and independence¹⁶: “*В пятом пенале молчали. Там ржал примус и целовались. [...]*

¹⁴ AGNIVCEV, Nikolaj. *Kak primus zachotel Fordom sdelat'sja*. Risunki K. Jeliseeva, Leningrad: Raduga, 1924. Available online at: <<http://www.lib.ru/POEZIQ/AGNIWCEW/stihi.txt>> [15/01/2015].

¹⁵ IL'F, I. – PETROV, J. *Dvenadcat' stul'jev. Zolotoj telenok*. Nikolajev: Akademija, 1994. P. 115.

¹⁶ In his memoirs about Il'f of 1940, Petrov wrote that the presence of the Primus as an essential element in Muscovite life of the time was directly taken from real life: «Ильфу повезло. Он поступил на службу в газету “Гудок” и получил комнату в общежитии типографии в Чернышевском переулке. Но нужно было иметь большое воображение и большой опыт по части ночевки в коридоре у знакомых, чтобы назвать комнатой это ничтожное количество квадратных сантиметров, ограниченное половинкой окна и тремя перегородками из чистой фанеры. Там помещался матрас на четырех кирпичах и стул. Потом, когда Ильф женился, ко всему этому был добавлен еще и примус. Четырьмя годами позже мы описали это жилье в романе *Двенадцать стульев*, в главе “Общежитие имени монаха Бертольда Шварца”», (Petrov 1963: 14-15).

Голубоглазая сударыня засмеялась и без всякой видимой связи заговорила о том, какие дураки живут в соседнем пенале.

– Они нарочно заводят примус, чтобы не было слышно, как они целуются. Но, вы понимаете, это же глупо. Мы все слышим. Вот они действительно ничего уже не слышат из-за своего примуса. Хотите, я вам сейчас покажу? Слушайте!

И Колина жена, постигшая все тайны примуса, громко сказала:

– Зверевы дураки!

*За стеной слышалось адское пение примуса и звуки поцелуев.*¹⁷

Even Elločka's husband, the dull and odd-looking engineer Ernest Pavlovič Ščukin, to spare the money that his wife constantly wasted on fashionable accessories “брал на дом вечернюю работу, отказался от прислуги, **разводил примус**, выносил мусор и даже жарил котлеты”.¹⁸ In *Zolotoj teljonok* (*The Golden Calf*, 1931) the shadow of the Primus crosses Ostap Bender's steps during his ceaseless quest for hidden richness through the complex web of contemporary Soviet reality. With a witty and ironic wordplay on the expression “*vješčnaja igla*” the smooth operator thoughtfully confesses to his mate Kozlevič that he didn't buy the common tool to clean the stove: “Вчера на улице ко мне подошла старуха и предложила купить **вечную иглу для примуса**. Вы знаете, Адам, я не купил. Мне не нужна вечная игла, я не хочу жить вечно”.¹⁹ This sarcastic remark highlights the hero's nonconformist spirit: in fact, his refusal to keep and to bother with the prosaic cooking apparatus reflects his ambition to live differently from everyone else.²⁰ The Primus is also mentioned in the co-authors *fel'jeton Savanarylo* (1932), where a proletarian artist associates it to the hard, greasy and dirty working conditions of women in communal kitchens. The everyday object is evoked with satirical and negative undertones in the text²¹, even though the poster and the slogan, directly taken from late 1920's Soviet propaganda about collective canteens, appear definitely parodic: “Все соответствует теме ‘Больше внимания общественному питанию’. На фабрике-кухне девушка-официантка подает обед. Может быть, я подпись переврал? (Испуганно декламирует.) ‘Дома грязь, помой, клоп – здесь борцы и эскалон. **Дома примус, корки, тлен** – эскалон здесь африкен’”.²²

¹⁷ IL'F, I. – PETROV, J. *Dvenadcat' stul'jev. Zolotoj teljonok*, 1994. P. 115-116.

¹⁸ Ibid., p. 158.

¹⁹ Ibid., p. 586.

²⁰ In this passage we can also catch an allusion to the numberless stalls (*neftelavki*) which provided Soviet citizens with kerosene fuel, repairing tools and spare parts for Primuses during the NEP period.

²¹ The stove is similarly represented in a caricatural way also in Vl. Majakovskij's (1893-1930) poem *Važnejšij sovet domašnej chozjajke* (1928).

²² IL'F, I. – PETROV, J. *Savanarylo*. In: *Sobranie sočinenij v pjati tomach*, t. 3, Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1996. P. 138-139.

The literary metamorphosis of the Primus reaches its climax in **M. Bulgakov's** (1891-1940) work, where the stove completely loses its concrete attributes to appear in a fantastic, diabolic light. The “deviation from the norm” is closely connected to the writer’s deeply subversive and phantasmagoric vision of a Muscovite urban context marked by radical social changes. In his short story № 13. – *Dom El’pit-Rabkommuna (No. 13. The Elpit-Rabkommun House*, 1922) the vulgar atmosphere of the overcrowded communal kitchen is conveyed through a whole range of Primuses that constantly produce an infernal, “snake-like” sibilating noise: “*Поперек гостиных протянулись веревки, а на них сырое бельё. Примусы шипели по-змеиному, и днем, и ночью плыл по лестницам щиплющий чад. Из всех кронштейновых лампы исчезли, и наступал ежевечерне мрак*” (Bulgakov 1990: 79). As Singleton Adams writes, the rough aspect of new domestic items metaphorically alludes to the proletarians’ attitude and spirit: “[...] the fashionable Elpit-Rabkommun House, the subject of Bulgakov’s ‘No. 13. Dom El’pit-Rabkommuna’, is destroyed twice. First, it is appropriated by the state and converted into a workers’ commune. Then, falling victim to the ignorance of its uncultured residents, the building burns to the ground. Once a lively center of literary and theatrical circles, the Elpit-Rabkommun House symbolizes the cultural achievements of the recent past. After the Soviet authorities expropriate the building, objects that once expressed and reflected the cultural values of the home are replaced by items that represent the comparative lack of culture among the new tenants. At one point the sounds of piano music are replaced by ‘lively’ gramophones that sing ‘in ominous voices’. The Elpit-Rabkommun House ‘falls’ when it is transformed from a cultural monument into a socialist monument. The new residents are ‘temnye ljudi’ (ignorant or ‘dark’ people), who do not appreciate the symbolic importance of the place. Finally, a spark from an illegal stove ignites the house.”²³

The final fire which accidentally destroys the El’pit House seems to prelude to the apocalyptic implications of similar events in the novel *Master i Margarita (The Master and Margarita*, 1928-1940), where Woland’s wicked and histrionic acolytes Begemot and Korov’ev burn down some of the most emblematic symbols of Muscovite Soviet culture. Through their “punishments” fire itself acquires an ambivalent character in the text: on one hand it is clearly a negative, infernal attribute, while on the other it positively re-establishes justice and truth, “purifying” the city from police informers, corrupted and amoral people.²⁴ As

---

²³ SINGLETON ADAMS, M. Biography of Mikhail Bulgakov. In: *Dictionary of Literary Biography*. Thomson Gale Corporation: 2005-2006. Available online at:

<http://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/emen013_singletonadams.pdf> [15/01/2015].

²⁴ On this topic see LESSKIS – ATAROVA, 2007, in particular pp. 282-285 and 299-302.

a typical item of those years thickly present in Bulgakov's everyday life²⁵, the Primus directly influenced his literary imagery as well. That is why it plays such a meaningful role in the narrative. At first the stove is evoked with its usual, real functions: after Berlioz's tragic and unexpected end at Patriarch's Ponds, the young poet Ivan Bezdomnyj runs after the strange newcomers (ch.4), and enters a dark and inhospitable *kommunalka* in Bol'shaja Sadovaja ulica (house no. 13, flat 47). In the deserted kitchen he distinguishes a whole row of Primuses: *"Недоразумение было налицо, и повинен в нем был, конечно, Иван Николаевич. [...] – тут же зачем-то очутился на кухне. В ней никого не оказалось, и на плите в полумраке стояло безмолвно около десятка потухших примусов."*²⁶ As Lotman remarks, this almost empty and hostile apartment represents symbolically one of the most mighty "antihomes" in the text, a locus of cultural displacement between the cultural traditions of the past and the new grim Soviet lifestyle (see Lotman 1996: 266). Significantly, the ordinary tools are unusually turned off and "silent": in fact there isn't any authentic life or familiar warmth around them. Further in the narrative also Margarita is introduced through the description of *bytovye* details, and once again the common stove crops up between the lines: *"Маргарита Николаевна не нуждалась в деньгах. Маргарита Николаевна могла купить все, что ей понравится. Среди знакомых ее мужа попадались интересные люди. Маргарита Николаевна никогда не прикасалась к примусу. Маргарита Николаевна не знала ужасов жителя в совместной квартире"*.²⁷ To affirm his dignity and respectability, in the final part of the narrative Begemot mockingly utters one of the most famous sentences of the whole novel: *"Не шалю, никого не трогаю, починяю примус, – недружелюбно насутившись, проговорил кот, – и еще считаю долгом предупредить, что кот – древнее и неприкосновенное животное."*²⁸ The cunning and ineffable cat pretends to integrate into the frantic Soviet reality, passing himself off as a model proletarian citizen: this exhilarating idea creates an ambiguous conflict with his infernal and biblical origins, connected to the ancient figure of the demon Behemoth. Totally absorbed by his evil city rounds, Begemot does never cook, nor he repairs the Primus. In fact, he deftly transforms the prosaic stove into a weird

²⁵ As it is reported in his second wife's memoirs, from 1921 to 1924 the writer lived in a Muscovite communal apartment in Bol'shaja Sadovaja ulica. The misusage of a Primus stove by one of his co-tenants really caused an explosion and a fire in the house: see BELOZERSKAJA, 1988, p. 210 and LESSKIS-ATAROVA, 2007: p. 282-283.

²⁶ BULGAKOV, M. Master i Margarita: Roman. In: *Sobranie sočinenij v 5 tt.*, Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1992, t. 5. P. 54.

²⁷ Ibid., p. 212.

²⁸ Ibid., p. 333.

incendiary device: “В гостиной на каминной полке, рядом с хрустальным кувшином, сидел громадный черный кот. Он **держал в своих лапах примус**. [...]

– Единственно, что может спасти смертельно раненного кота, – проговорил кот, – это глоток бензина... – И, воспользовавшись замешательством, он приложился к круглому отверстию в примусе и напился бензину. Тотчас кровь из-под верхней левой лапы перестала струиться. Кот вскочил живой и бодрый, **ухватив примус под мышку**, сиганул с ним обратно на камин, а оттуда, раздирая обои, полез по стене и через секунды две оказался высоко над вошедшими, сидящим на металлическом карнизе. Вмиг руки вцепились в гардину и сорвали ее вместе с карнизом, отчего солнце хлынуло в затененную комнату. Но ни жульнически выздоровевший кот, ни примус не упали вниз. Кот, не расставаясь с примусом, ухитрился махнуть по воздуху и **вскочить на люстру**, висящую в центре комнаты.

– Стремлянку! – крикнули снизу. – Вызываю на дуэль! – проорал кот, пролетая над головами на качающейся люстре, и тут опять в лапах у него оказался браунинг, а примус он пристроил между ветвями люстры.”²⁹

The author’s rich and powerful symbolism is pervasive, and it casts allegoric shadows even over the most ordinary realia of the time. In this passage the heating apparatus appears endowed with an own, “magic” and independent life, which reminds of Gogol’s “self-animated” objects and perfectly suits Begemot’s theatrical acts: “– Извините, не могу больше беседовать, – сказал кот с зеркала, – нам пора. – Он швырнул свой браунинг и выбил оба стекла в окне. Затем он плеснул вниз бензином, и этот бензин сам собою вспыхнул, выбросив волну пламени до самого потолка.

Загорелось как-то необыкновенно, быстро и сильно, как не бывает даже при бензине. Сейчас же задымились обои, загорелась сорванная гардина на полу и начали тлеть рамы в разбитых окнах. Кот спружинился, мяукнул, перемахнул с зеркала на подоконник и скрылся за ним **вместе со своим примусом**.”³⁰

As Karasev remarks, unlike the domestic ones using paraffin the cat’s stove works with **petrol** (*benzin*), and this revealing detail emphasizes the intrinsically subversive connotations of the tool: “[...] здесь главное бензин, – вещество, имеющее к маслу (нефти) самое прямое отношение. Вообще-то бензин в примусе, – нонсенс: примус предназначен для керосина. [...] В булгаковском же случае бензин, налитый в примус, неслучаен. Он идет

²⁹ BULGAKOV, M. *Master i Margarita: Roman*. P. 335.

³⁰ *Ibid.*, p. 335.

как знак inferнальной энергии, сверхгорючая жидкость, своего рода очищенное адское масло.”³¹

Begemot and the equivocal “choirmaster” Korov’iov use the Primus as a vindictive weapon also in the *Gribojedov* restaurant and in the foreign currency *Torgsin* store, where the fire seems to be generated almost spontaneously from spilt petrol. The tone is highly ironic and allusive; at this stage of the narrative, in fact, fantastic and supernatural implications have wholly prevailed over realistic ones: “– Граждане! – вибрирующим тонким голосом прокричал он, – что же это делается? Ась? Позвольте вас об этом спросить! Бедный человек, – Коровьев подпустил дрожь в свой голос и указал на Бегемота, немедленно скривившего плаксивую физиономию, – **бедный человек целый день починяет примуса; он проголодался... а откуда же ему взять валюту?** [...]”

Тогда прекратился свист швейцара, и в толпах взволнованных покупателей замелькали, приближаясь, два милицейских шлема. Но коварный Бегемот, как из шайки в бане окатывают лавку, окатил из примуса кондитерский прилавок бензином, и он вспыхнул сам собой. Пламя ударило кверху и побежало вдоль прилавка, пожирая красивые бумажные ленты на корзинках с фруктами.”³²

In conclusion, from the analysis of this survey we can observe that the image of the Primus represents an invariant theme not only in literature, but also in the Soviet semiosphere of the 1920’s and 1930’s.³³ Its transversal presence in works belonging to different genres (prose narratives, poems, drama) witnesses the widespread reception of the motif. From the culturological point of view the item may be considered as a mythologem, an “objective correlative” able to convey past memories, emotions and sensorial perception of that harsh but fascinating period.³⁴ As Proust’s *madeleine*, the smell of paraffin and the white vapour emitted

³¹ KARASEV, L. Maslo na Patriaršich. In: *Veščenstvo v literature*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul’tury, 2001. P. 251.

³² BULGAKOV, M. *Master i Margarita: Roman*. P. 348.

³³ The small cooking device also appears in a lot of other literary works of the same period, which have not been mentioned here for space reasons. To name only a few, see O. Mandel’štam’s poem *Obed* (1931) and N. Zabolockij’s (1903-1958) *Na lestnicach* (1928), as well as some popular texts and theatre plays by authors like D. Charms, Ju. Oleša, Je. Zamjatin and A. Platonov.

³⁴ As a proof of the persisting interest for the Primus theme in contemporary Russian culture, see the artistic exhibition *Primus. Kul’tura, byt, obraz*, organized in March 2010 by A. Selivanova and O. Filonova in Michail Bulgakov Museum in Moscow (<<http://www.bulgakovmuseum.ru/exhibitions/>>, 15/01/2015). “Staryj Primus” is also the highly evocative name of an electro-rock music band founded in a suburb of Moscow in 1980. They have recently started to play together again after ten years (for further information see <<http://primus-show.ru/>>, 15/01/2015). A majestic, twelve-metres Primus bronze fountain was part of a monument projected for the Patriaršie prudy by the sculptor A. Rukavišnikov in 1999. Even though the project officially won the public contest, it has not been realized yet because of local inhabitants’ firm protests (on the topic see among other sources <<http://alienordis.livejournal.com/56653.html>>, 15/01/2015).

by the stove seem to condense figuratively the complex spiritual and psychological atmosphere in which people lived.

BIBLIOGRAPHY:

1. AGNIVCEV, Nikolaj. 1924. *Kak primus zachotel Fordom sdelat'sja*. Risunki K. Jeliseeva, Leningrad: Raduga, 1924. Also available online at: <<http://www.lib.ru/POEZIQ/AGNIWCEW/stihi.txt>> [15/01/2015].
2. BOJM, Svetlana. 2002. *Obščie mesta: Mifologija povsednevnoj žizni*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 320 s. ISBN 5-86793-190-0.
3. BELOZERSKAJA, Ljubov'. 1988. *Stranicy žizni. Vospominanija o Michaile Bulgakove*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1988. 223 s. ISBN 5-265-00315-0.
4. BULGAKOV, Michail. 1990. № 13. – Dom El'pit-Rabkommuna. In: *Rannjaja proza: Rasskazy, povesti*. Moskva: Sovremennik, 1990. Also available online at: <http://www.lib.ru/bulgakow/r_13.txt> [15/01/2015].
5. BULGAKOV, Michail. 1992. Master i Margarita: Roman. In: *Sobranie sočinenij v 5 tt.*, Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1992, t. 5. 734 s. ISBN 5-280-02812-6.
6. GERASIMOVA, Jekaterina. 1998. Sovetskaja kommunal'naja kvartira. In: *Sociologičeskij žurnal*. 1998, n.1-2, s. 224-243.
7. GERASIMOVA, Jekaterina. 2000. *Istorija kommunal'noj kvartiry*. Available online at: <<http://www.kommunalka.spb.ru/history/history1.htm>> [15/01/2015].
8. GERASIMOVA, Katerina. 2002. Public Privacy in the Soviet Communal Apartment. In: D. Crowley, S. E. Reid (eds.), *Socialist Spaces. Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc*. Oxford-New York: Berg, 2002, pp. 207-230.
9. IL'F, Il'ja – PETROV, Jevgenij. 1994. *Dvenadcat' stul'jev. Zolotoj telenok*. Nikolajev: Akademija, 1994, 602 s. ISBN 5-85654-018-2.
10. IL'F, Il'ja – PETROV, Jevgenij. 1996. Savanarylo. In: *Sobranie sočinenij v pjati tomach*, t. 3, Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1996, s. 138-139.
11. KARASEV, Leonid. 2001. Maslo na Patriaršich. In: *Veščenstvo v literature*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001, (s. 247-260). 398 s. ISBN 5-7859-0211-7.
12. KONOPLEVA, Nelly. 2001. Primus vul'garis. In: *Nauka i žizn'*. 2001, 11. Available online at: <<http://www.nkj.ru7archive/469/7327/>> [15/01/2015].
13. *Kommunal'naja kvartira. Virtual'nyj muzej sovetskogo byta*. Virtual gallery available online at: <<http://kommunalka.colgate.edu/>> [20/01/2015].

14. LEBINA, Natalija. 2008. *Enciklopedija banal'nostej. Sovetskaja povsednevnost': kontury, simvoly, znaki*. Sankt-Peterburg, Dmitrij Bulanin, 2008. 442 s. ISBN 978-5-86007-569-6.
15. LESSKIS, Georgij-ATAROVA Ksenija. 2007. *Putevoditel' po romanu Michaila Bulgakova "Master i Margarita"*. Moskva: Raduga, 2007. 520 s. ISBN 978-5-05-006405-9.
16. LOTMAN, Jurij. 1996. Dom v "Mastere i Margarite". In: *Vnutri misljaščich mirov: čelovek – tèkst – semiosfera – kul'tura*. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. s. 264-275. ISBN 5-7859-0006-8.
17. MANDEL'STAM, Osip. 1925. *Primus. Detskie stichotvorenija*. Risunki M. Dobužinskogo, Leningrad: Vremja, 1925. Also available online at: http://literatura5.narod.ru/mandelshtam_primus.html [15/01/2015].
18. PETROV, Jevgenyj. 1963. Iz vospominanij ob Il'fe [1940]. Later in: *Sbornik vospominanij ob I. Il'fe i Je. Petrove*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1963. s. 7-25. Also available online at: <http://ilf-petrov.ru/books> [15/01/2015].
19. PICCOLO, Laura. 2012. Riscritture dello spazio urbano: l'appartamento in coabitazione (*kommunal'naja kvartira*). In: *Letteratura e geografia. Atlanti, modelli, letture*. Edited by F. Fiorentino e C. Solivetti, Macerata: Quodlibet, 2012. pp. 187-200.
20. PIRETTO, Gian Piero. 2012. *La vita privata degli oggetti sovietici. 25 storie da un altro mondo*. Milano: Sironi Editore, 2012. pp. 206. ISBN 978-88-518-0203-5.
21. SINGLETON ADAMS, Mary. 2006. *Biography of Mikhail Bulgakov*. In: *Dictionary of Literary Biography*. Thomson Gale Corporation: ©2005-2006. Also available online at: http://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/emen013_singletonadams.pdf [15/01/2015].
22. VOROBJOVA, Marija. 2014. Kommunal'nye kvartiry v zerkale literatury sovetskogo perioda rossijskoj istorii. In: *Poetik des Alltags. Russische Literatur im 18.-21. Jahrhundert // Poetika byta. Russkaja literatura XVIII-XXI vv.* Edited by A. Graf, München: Herbert Utz Verlag, 2014, (ss. 235-243). 386 s. ISBN 978-3-8316-4386-8.
23. ZOŠČENKO, Michail. 2008. Nervnye ljudi. In: *Sobranie sočinenij v 7 tomach*. Edited by I. N. Suchich. t. 1, Moskva: Vremja. 2008. Also available online at: <http://www.classic-book.ru.lib/> [15/01/2015].

ДАВИД И САША. ОТРЫВОК ПОЭМЫ НИКОЛАЯ НЕКРАСОВА «САША» В РОМАНЕ «ЖИЗНЬ И СУДЬБА» ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА

Жофия Калавски, PhD., научный сотрудник

Институт Литературоведения Научного Центра Гуманитарных Исследований Венгерской Академии Наук (МТА ВТК ИТИ), Отдел Литературы Центральной и Восточной Европы, Будапешт, kalavszky.zsofia@btk.mta.hu

ABSTRACT: This paper presents how the Holocaust is doubly established as a text event in the so-called “David story” in Vassily Grossman’s *Life and Fate*, relating the Ukrainian deportations. The poetic analysis describes the text organizing and meaning making power of the *pupa – puppet theme* in the focus of the “David story” and provides an interpretation of Nekrasovian *intertextuality*, showing how the “story-within-the-story” of the novel is the densest part of Grossman’s text from a semantic point of view.

1.

О романе «Жизнь и судьба» (1953–61) до наших дней еще не публиковалась такая обширная научная работа (в то время как частичные анализы, конечно, выходили в свет), в которой тщательно анализировались бы **интертекстуальные связи**, отсылки романа, и в которой рассматривались бы фрагменты текста, опосредованно или непосредственно цитирующие выдающиеся произведения средневековой и классической традиции русской литературы (в том числе «Слово о полку Игореве» и роман «Война и мир» Льва Толстого). Являются ли эти фрагменты всего лишь орнаментными деталями текста или же зачинают действительный диалог между текстами и способствуют новому осмыслению, переосмыслению данных текстовых единиц? Ускользает от внимания литературоведов тот факт, что обращение к классической традиции русской литературы можно уловить и в развёрнутой в главах об украинских депортациях истории мальчика по имени Давид и его *куколки*, хранящейся в *спичечной коробке*.¹ По-моему, в этом эпизоде романа в тексте Гроссмана выражено гораздо больше, чем простое

---

¹ Начало истории развёртывается в первой части романа в главах 43–50, а конец истории во второй части романа в главах 47–49. Цитаты из романа Гроссмана даются по изданию: ГРОССМАН, В. 1990.

документирование происшествий 1941–44 годов по собранным им данным о депортации еврейского населения и о функционировании лагерей.

Вот именно здесь в истории Давида, которую можно назвать своеобразной **вставной новеллой**, проявляется литература, и об этом фрагменте текста можно говорить как о семантически самой насыщенной части романа.² Это *не* описание, *не* изображение депортации и уничтожения в газовых камерах украинских евреев, а их **создание**. Это возможно лишь одним единственным способом – поэтическим. Только так может ожить на страницах романа – перефразируя Ницше – **«во вненравственном смысле» осмысленный Холокост**.

В 2014 году в Москве прошла международная конференция к пятидесятилетию со дня смерти Василия Гроссмана.³ На конференции я имела возможность в своём докладе⁴, цитируя все касающиеся темы текстовые отрывки, частично проанализировать, как реалия сюжетного мира *куколка* и его звуковые варианты (*кукла*), и варианты по значению (*кукла*, *фигура*) при посредстве повтора становятся таким комплексным текстовым мотивом, который индивидуальную историю еврейского мальчика – то есть его изгнание в гетто, перевозка в депортационном товарном поезде и в конце его мучительная гибель в газовой камере – поднимает на мифический уровень.⁵ В нарративной структуре и семантическом мире вставной новеллы постепенная изоляция и медленное уничтожение мальчика, то есть его депортация и смерть, происходят неоднократно, то есть раньше, чем его смерть в событийном мире, до того, как произошло бы его буквальное *превращение в куклу* в газовой камере.⁶

В своём предыдущем докладе – выводы которого я считаю необходимым здесь кратко суммировать, так как они неразрывно связаны с вопросами интертекстуальных связей новеллы, которые являются темой данной статьи, – я утверждала, что текст

² Мы имеем дело с самостоятельным эпизодом, включённым в текст романа, структурно и композиционно законченным, обладающим чётко очерченными семантическими границами. Термин **новелла** я употребляю в соответствии с дефиницией Вольфа Шмида, который считает **парадигматическую организованность** одним из определённых им трёх важных приёмов своеобразной текстовой организации новеллы. Во вставной новелле Гроссмана присутствие первого приёма – парадигматизации –, является наиболее значимым. См. ШМИД 1999: 22–23.

³ *Vasily Grossman's heritage: originality of a twentieth century classic (International Conference for the 50th anniversary of the death of Vasily Semyonovich Grossman 1964–2014)*. 12–15. сентября 2014. Москва. Организатор конференции: Исследовательский Центр имени Василия Гроссмана (Турин, Италия).

⁴ КАЛАВСКИ, Ж. *Вне и внутри спичечной коробки*, 2014.

⁵ В моём анализе под термином **мотив** я понимаю комплексную семантическую единицу, которая в тексте создаёт своё значение с помощью повтора. Этот языковой знак может повторяться посредством своей звуковой формы и своего значения.

⁶ См. «Софья Осиповна прижимала к себе Давида, куклу, стала мертвой, куклой». ГРОССМАН, В. 1990. С. 419. (*Курсивы мои. Ж. К.*)

Гроссмана в том месте, где Давид начинает хранить и лелеять *куколку насекомого*, активизирует ту неоднозначную, комплексную семантику, которая характеризует и *куклу-игрушку* и *куколку насекомого*: это воплощается в бинарной оппозиции живой/неживой, живость/мёртвенность.⁷ Эта «гадость», как её называет бабушка Давида, выполняет функцию любимой *куклы-игрушки*, символизирующей то, к чему можно привязаться. Согласно семиотической **теории восприятия куклы** Юрия Лотмана, ребёнок во время игры с куклой творит: он относится к ней созидательным образом.⁸ Когда Давид начинает играть с куклой насекомого как с куклой-игрушкой, он воспроизводит происходящее с ним самим – **творит свой «текст»**, истолковывает и отражает действительность.

В контексте моего исследования я считала важным моментом также и тот факт, что Давид с первого момента хранит *куколку в спичечной коробке*. Жест хранения, защиты в закрытом пространстве оснащён в мире вставной новеллы негативными коннотациями: загон скота в карантин, собранные в гетто и загруженные в поезд евреи. Спичечная коробка как пространство символизирует ужас и полную безнадёжность *грузовика, вагона, гетто, газовой камеры, могилы и гроба* и в то же самое время ассоциируется с позитивными понятиями *приюта, убежища, колыбели и материнской утробы*. В том же порядке вещей, *куполка* – другое составное пары – становится символом загруженных в поезда *скота, евреев, заключённых, трупов, преследуемых людей, младенцев* и – под конец – *человеческих эмбрионов*.

В тропе *куполка в спичечной коробке* и развёртываемого во времени нарратива репрезентируются и одновременно проецируются друг на друга слои комплексной семантики: быть в живом/неживом состоянии, а также история метаморфозы из жизни в смерть.

Я обратила внимание и на то, что эту, скажем так, семантическую игру можем наблюдать в сюжете и в одном из компонентов семантической сложности мотива *куполки*. Речь идет о слове *фигура*. Его употребляют члены Einsatzgrupp, когда заставляют выкапывать трупы из массовых могил, чтобы их сжечь. Наум Розенберг, брэннер сопротивляется этому приказу. Он не хочет подчиняться доминирующему

⁷ О тропе куклки, об амбивалентности его образа в романе Гроссмана и в европейской лагерной литературе см. ещё основополагающий доклад, который был прочитан на международной московской конференции к пятидесятилетию со дня смерти Василия Гроссмана Мануэлем Боскиеро. БОСКИЕРО, М. *Образ куклки в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана*. 2014.

⁸ ЛОТМАН, Ю. Куклы в системе культуры. In: *Об искусстве*. Санкт-петербург: *Искусство–СПб*. С. 645–650.

словоупотреблению, диктуемому немецким шарфюрером. Немцы употребляют слово *фигура* в значении «отчуждённая, инструментализованная, унифицированная, безличностная, безобразная кукла», на которые ведут количественный учёт как на предметы. Розенберг же пытается словами «тело», «человек», «люди», «казнённый ребенок», «казнённый старик» для себя индивидуализировать, оживить, очеловечить трупы. Он также машинально и точно выполняет свою работу как немцы, но своими словами пытается гуманизировать машинальный подсчёт.

В конце рассказа, в сцене газовой камеры совершается экстраполяция мотива *куколки*. Здесь, в один и тот же момент, в момент смерти выявляется одновременно образ человека-куклы и куклы-человека: один эсэовец Зондеркоманды с болезненной страстью наблюдает через отверстие в двери за последними предсмертными минутами заключенных как в *кукольном театре*, за их конечным превращением в *куклы*. Выпуском газа как бы отрезается нить, которая управляет театральными куклами, марионетками, наступает смерть куклы, и навсегда побеждает мёртвенность.

2.

В предыстории Давида нарратор упоминает несколько сказок, ставших для мальчика важными. Например, намёки на сказку *о козлёнке и волке* или на роман Р. Киплинга «Книга джунглей».⁹ Не трудно найти связь между историями наивных, невинных героев и историей Давида. Точно так же предлагает возможность аллегорического толкования испытывающий страх козлёнок, к которому в лесу подкрадывается волк – ср. мальчик, постоянно ощущающий страх – как и та военная параллель, которая появляется в намёке на киплингских красных собак. Гроссман не

---

⁹ «Двенадцатого декабря, в день рождения Давида, мама купила ему книгу-сказку. *На лесной поляне стоял sereneкий козлик, рядом тьма леса казалась особо злоецей. Среди черно-коричневых стволов, мухоморов и поганок видна была красная, оскаленная пасть и зеленые глаза волка.* О неминуемом убийстве знал один лишь Давид. Он ударял кулаком по столу, прикрывал ладонью от волка полянку, но он понимал, что не может оградить козленка» (ГРОССМАН, В. 1990. С. 153. Курсивы мои. Ж. К.) Очень интересным считаю, что в тексте романа сказка про *козлёнка и волка* и иллюстрация на обложке книги появляются в таком же виде, как и в флешбэке Гитлера в третьей части романа. Мне кажется, с помощью этого **интратекстуального метода** отождествляется минувшее бытийное состояние мальчика-Гитлера и еврейского мальчика, и пережитые им страхи ставят их на одну платформу. Этот жест гроссмановского текста можно также причислить к тем показанным в настоящем докладе другим поэтическим приёмам, с помощью которых оживает «во вненравственном смысле» осмысленный холокост. См. «он [Гитлер] казался себе мальчиком из сказки, вошедшим в сумрачный, заколдованный лес. Вот так же шел мальчик с пальчик, вот так же заблудился козленок в лесу, шел, не зная, что в темной чаще крадется к нему волк. И из гумусового сумрака прошедших десятилетий выплыл его детский страх, воспоминание о картинке из книжки, – козленок стоит на солнечной лесной поляне, а между сырых, темных стволов красные глаза, белые зубы волка. И ему захотелось, как в детстве, вскрикнуть, позвать мать, закрыть глаза, побежать. [...] Охранники видели, что фюрер заторопился [...]; могли ли подумать они, что в минуты первых лесных сумерек вождь Германии вспомнил волка из детской сказки. Из-за деревьев светлели огни в окнах штабных построек. Впервые мысль об огне лагерных печей вызвала в нем человеческий ужас» (ГРОССМАН, В. 1990. С. 153. Курсивы мои. Ж. К.)

случайно намекает как раз на тот «великий бой с деканскими рыжими собаками», который происходит между «ужасной стаей долов» и Свободным народом волков, защищающим свою территорию охоты и свои семьи от бесстрашных, «красных убийц».¹⁰

В настоящее время сюжета, на Украине бабушка однажды отправляет Давида к Мусе Борисовне, учительнице, которая читает ему отрывок из поэмы Николая Некрасова «Саша» (1855).¹¹ В то время как все выше указанные интертексты сами по себе интерпретируют образ и историю Давида и в результате включения их во «вторичный» текст насыщают новыми смыслами образ и историю Давида, цитата из поэмы Некрасова, звучащая в момент до того, как всё еврейское население городка собираются уничтожить, играет особенно важную роль.

Общеизвестный отрывок поэмы под заглавием «Плакала Саша, как лес вырубали...»¹², содержащийся и в наше время в школьных хрестоматиях, является фрагментом второй части поэмы. В идиллию деревенской жизни наивной девочки неожиданно врываются «мужики с топорами» и вырубают любимый ею лес. Саша до конца наблюдает за процессом уничтожения леса: как падают и стонут срубаемые деревья, как спасаются птицы и животные, и как мужики затаптывают сапогами птенцов, выпавших из гнёзд. После «трудоу роковых» в сюжете наступает ночь, а в некрасовском тексте развёрнутая «печальная картина», вид на вырубленный лес становится аллегорией, в которой деревья антропоморфизируются. В аллегории стволы деревьев поверженного леса выступают мёртвыми *богатырями*, героями, а прыгающие на них, пляшущие мужики – *врагами*, лесной же край появляется как «кровавое поле» после битвы, где трупы, «мёртвые бойцы» лежат друг на друге, а ветер разбросанными «оружьем звенит». Саша в первый раз в жизни сталкивается не просто со смертью, а с массовым уничтожением.

Здесь стоит немного отклониться от рассматриваемой темы. Гроссман и в других местах романа не только в эссеистической форме, но также и с помощью интертекстов постоянно полемизирует о *моральных, идеологических и поэтических* вопросах и возможности художественного изображения, *репрезентации* отечественной войны и

¹⁰ Цитаты даются по изданию: КИПЛИНГ, Р. Рыжие собаки. In: *Вторая книга джунглей* (1895). Перевод Е. М. Чистяковой-вэр, 1916. Дата цитирования: 04-01-2015. Режим доступа: <http://az.lib.ru/k/kipling_d_r/text_0080.shtml>

¹¹ «Он прочел ей вслух басню про стрекозу и муравья, а она прочитала ему тихим голосом начало стихотворения: *Плакала Саша, как лес вырубали...*». ГРОССМАН, В. 1999. С. 157.

¹² Цитаты из поэмы даются по изданию: НЕКРАСОВ, Н. Саша. In: *Полное собрание сочинений и писем в пятнадцати томах. Поэмы 1855-1877 гг.* Том четвертый. Ленинград: Наука, 1982.

распрях в тылу. (Не претендуя на полноту обзора, следует указать следующие интертексты: роман «Война и мир», в центре которого стоит отечественная война против наполеоновской Франции; живописная репрезентация поэмы «Слово о полку Игореве», повествующей о походе русских князей на половцев¹³; и уже упомянутый отрывок романа Киплинга (красные собаки против индийских волков)). Не проводя в рамках данного доклада частичный анализ гроссмановского переосмысления этих интертекстов, можно утверждать, что вопросы у Гроссмана-писателя в случае каждого интертекста были следующие: 1. Можно ли, и если да, то каким способом, включать в понятийный круг классического произведения горизонт войны, то есть, стоящую в центре романа «Жизнь и судьба» *отечественную войну*, где защитники одновременно являются и потенциальными целями, субъектами и объектами сталинского террора, *идеологической войны*? 2. Как возможно, наряду с вышесказанным, выделить как текстовое событие *расовых гонений и геноцида*?

Некрасовский отрывок с одной стороны увеличивает число тех примет, на основе которых Давид в кажущемся мирном украинском городке вдруг осознаёт конечность жизни. История Саши, развёртывающаяся в некрасовском сюжете, предвещает бытийную ситуацию Давида, и таким образом становится одним из средств – даже нарративным средством – ритуала инициирования (история Давида строится исключительно на модели классического романа-воспитания), поскольку разоблачает истребление, чем помогает понять Давиду совершающиеся вокруг него события.

Означающее поэмы, то есть девочка, со страхом и испугом поражённо наблюдающая за уничтожением леса, становится «средством» самопонимания Давида. В то же время в аллегории некрасовского текста ряд означаемых – то есть вырубленные деревья как солдаты, погибающие героической смертью, – в свете событий, которые Давид предчувствует и переживает (принудительное изгнание в гетто, депортация, заключение в лагеря, уничтожение в газовых камерах), становится дисфункциональным, так как в аллегории некрасовского текста ряд означаемых «изображает» смерть как **героическую гибель индивида**.

У Некрасова массовая гибель является индивидуальной, героической (мученической) смертью, однако об этом не может быть и речи относительно происходившего во время Холокоста геноцида.

---

¹³ Полотно Виктора Васнецова «После побоища Игоря Святославича с половцами» (1880) «цитируется» в разговоре двух солдат накануне всё решающей битвы Сталинграда. На картине видны тела воинов после поражения. ГРОССМАН, В. 1990. С. 454.

Возможность некрасовской аллегории как в гроссмановском тексте, так и вообще в языковых событиях, передающих Холокост, снимается, ведь гроссмановский текст вызывает напряжение между рядами означающих и означаемых: гроссмановский текст отделяет их друг от друга, следовательно аллегория буквально ломается надвое и перестает быть аллегорией. Для Давида сюжет рубки леса только так может стать означающим, если ряд означаемых теряет своё означаемое, то есть **миф об индивидуальности солдат**. А потеря ряда означаемых становится текстовым событием точно также, как и становящаяся центральным мотивом *куколка*, «*кукольное бытие*», организующее историю Давида, деконструирует и разрушает **утопию индивидуального бытия**.

Подытоживая наши размышления, можно сделать следующие выводы: в «истории Давида», внедрённой в роман «Жизнь и судьба», Холокост дважды предстаёт текстовым событием. Текст Гроссмана приводит к переосмыслению того, что невозможно всецело понять и создать представляющий Холокост язык с помощью – в данном случае представленной Некрасовым – классической традиции русской литературы. **Литературная традиция здесь может присутствовать только в состоянии «упразднения и сохранения» (Гегель). А отношение романа к тексту литературной традиции имеет структуру, подобную тропу *кукла/куколка*, деконструирующему моральную речь о Холокосте.**

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. БОСКИЕРО, Мануэль. 2014. *Образ куколки в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба»* *Василия Гроссмана*. Vasily Grossman's heritage: originality of a twentieth century classic (International Conference for the 50th anniversary of the death of Vasily Semyonovich Grossman 1964–2014). Москва, 12–14. сентября 2014. (доклад, рукопись).
2. ГРОССМАН, Василий. 1990. *Жизнь и судьба: Роман*. Книга вторая. Печатается с диапозитивов 2-го издания. Москва: Советский читатель, 1990. 672 с. ISBN 5-265-01538-8.
3. КАЛАВСКИ, Жофия. 2014. *Вне и внутри спичечной коробки. Вопросы поэтики романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба»*. Vasily Grossman's heritage: originality of a twentieth century classic (International Conference for the 50th anniversary of the death of Vasily Semyonovich Grossman 1964–2014). Москва, 12–14. сентября 2014. (доклад, рукопись).

4. КИПЛИНГ, Редьярд. 1916. Рыжие собаки. In: *Вторая книга джунглей* (1895). Перевод Е. М. Чистяковой-Вэр. 1916. Дата цитирования: 04-01-2015. Режим доступа: <http://az.lib.ru/k/kipling_d_r/text_0080.shtml>
5. ЛОТМАН, Юрий. 1998. In: Об искусстве. Санкт-Петербург: *Искусство–СПб*, 1998. 704 с. 645–650.
6. НЕКРАСОВ, Николай. 1982. Саша. In: *Полное собрание сочинений и писем в пятнадцати томах. Поэмы 1855-1877 гг.* Том четвертый. Ленинград: Наука, 1982. 654 с. 10–27.
7. ШМИД, Вольф. 1998. *Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард.* Изд. второе, исправленное, расширенное. Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС, 1998. 352 с. 22–23. ISBN 5-87135-063-1.

**«МРАМОРНЫЕ» СЛОВА:
О ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ПРИРОДЕ СЛОВА В РОМАНЕ
«ЖИЗНЬ И СУДЬБА» В. ГРОССМАНА**

Sara Paolini, PhD., научный сотрудник

Кафедра русского языка и литературы, Департамент иностранных языков и литератур,
Университет Вероны, sara.paolini@univr.it

ABSTRACT: This paper focuses on the analysis of the nature of the verbal element in Vasilij Grossman's novel *Life and Fate*. In totalitarian regimes what is said is stronger than what is done. A said or written word becomes a fact. The powerful state absolutizes words, decontextualizes them and uses them against whom uttered them. In Grossman's novel the word is an acting element and decides men's fate. A word said by Getmanov, a leading figure of the party, can destroy or save no less than scholars and talented people. The incautious and yearning for truth and freedom words of the Jewish physicist Štrum become dangerous for himself and for anyone acquainted to him. A word from Trockij like "made of marble" said to a trusted person causes the arrest of the long time Bolshevik and by then out of his time Krymov.

В романе «Жизнь и судьба» с самого начала ощущается преобладание личного внутреннего пространства над историческим: повествование начинается в немецком лагере, но внимание сразу фокусируется на обыкновенном, банальном разговоре между машинистом и его помощником, двумя из миллионов равнодушных участников той огромной трагедии. Гроссман описывает Историю как процесс, пережитый отдельными личностями; и у каждой – свой микрокосмос, богатый сложный внутренний мир и комплекс семейных и общественных отношений, которые раскрываются в контексте вербальных взаимодействий – с другими или с самим собой.¹ События и поступки остаются на фоне, а на первом плане всегда проявляются «слова»: произнесенные, услышанные, написанные, прочитанные, припоминаемые, забытые, напоминаемые.

«Слово» играет значительную действующую роль в романе: вербальное самовыражение всегда становится конкретным фактом. Человек-физик Штрум,

---

¹ О философии истории в романах В. Гроссмана см. AUCOUTURIER, Michel. 2007. *Vasilij Grossman e Lev Tolstoj: il romanzo e la filosofia della storia*. О жизни и творчестве писателя см.: БОЧАРОВ, Анатолий Георгиевич. 1990. *Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба*; GARRARD, John and Carol. 1996. *The Bones of Berdichev: The Life and Fate of Vasily Grossman*.

например, резвакуированный в Москву, после казанского свободомыслия, все время «вспоминает, где, что, с кем говорил», оценивает свои слова, отказывается от них, становится чужим сам себе, захвачен страхом. В тоталитарных социальных системах одно слово «решает» судьбу людей.² У Дементия Трифоновича Гетманова, секретаря обкома одной области Украины – полное сознание своей власти и силы своего слова, основанной на доверии партии:

*«Слово его могло **решить судьбу** заведующего университетской кафедрой, инженера, директора банка, председателя профессионального союза, крестьянского коллективного хозяйства, театральной постановки. Доверие партии! Гетманов знал великое значение этих слов. Партия доверяла ему! [...]*

*Сила партийного руководителя не требовала таланта ученого, дарования писателя. Она оказывалась над талантом, над дарованием. Руководящее, **решающее** слово Гетманова жадно слушали сотни людей, обладавших даром исследования, пения, писания книг [...]* Сила его **решающего** слова заключалась в том, что партия доверила ему свои интересы в области культуры и искусства».³

Лексический повтор – частый художественный прием в романе – подчеркивает центральность идеи действующей природы слова в воззрении Гроссмана.

В том же разговоре с друзьями, перед отъездом Гетманова на Урал, становится очевидным, что благосклонность партии зависит от способности человека «остаться в пределах», понять, «о чем можно, а о чем нельзя говорить». Один из собеседников «коснулся предмета, о котором, по мнению старших товарищей, говорить не следует», «заговорил о том, о чем не следовало упоминать ни в шутку, ни всерьез, о чем полагалось молчать»⁴ – и в одно мгновение «виновник» себе представляет следствия своей же легкомысленности:

«Николай Терентьевич знал, что этот пустой, оплошный случай забудется, но знал, что забудется он не до конца. Когда-нибудь вдруг зайдет разговор о кадрах, о выдвижении, об особо ответственном поручении, и при имени Николая Терентьевича и Гетманов, и Сагайдак, и Мащук закивают, но при этом чуть-чуть улыбнутся и на вопрос дотошного собеседника скажут: “Чуток, может быть, легкомыслен”, – и покажут чуток на кончике мизинца».⁵

² См. BONOLA, Anna. 2007. *Discorso totalitario e dissenso linguistico in Vita e destino di Vasilij Grossman*.

³ ГРОССМАН, Василий. 2014. *Жизнь и судьба*. Москва: АСТ, 2014. С. 82-83 (выделено мной)

⁴ Там же. С. 87.

⁵ Там же. С. 88.

Случай несомненно «пустой», и тем не менее его никто не забудет. В любой форме тоталитаризма отсутствуют и логика, и здравый смысл; в частности, тоталитаризму чуждыми являются понятие ответственности, и способность контекстуализировать. То, что каждый последовательно рассуждающий человек считал бы пустяком, ошибкой, связанной с обстоятельствами, воспринимается вне контекста и превращается в значительный факт. И действительно, «часто случалось, что дело в МГБ возникало самым неожиданным образом, – из-за намека в письме, шутки, из-за неосторожно сказанного на кухне в присутствии соседки слова».⁶ В общем, переданные слова лишаются оттенков, эмоциональности; переданные слова абсолютизируются. А война, и особенно блокада Сталинграда, действительно создает «новый контекст», ставит человека в неожиданное положение, освобождает его от страха, оживляет его стремление к самовыражению. В «злосчастной Казани» физик Штрум участвует в «неосторожных» беседах и откровенные высказывания собеседников скоро начинают действовать в его сознании, в нем начинается борьба с сомнением:

*«Тогда же, еще студентом, Штрум дал себе слово либо молчать, не высказывать опасных мыслей, либо, высказывая их, не дрейфить. Но он не сдержал слова. Он часто терял осторожность, вспыхивал, „ляпал“, а ляпнув, случалось, терял мужество и начинал тушить им же зажженный огонек. [...] О, чудная, ясная сила откровенного разговора, сила правды! Какую страшную цену платили люди за несколько смелых, без оглядки высказанных слов. Сколько раз ночью Штрум лежал в постели и прислушивался к шуму автомобилей на улице. Вот Людмила Николаевна босыми ногами подошла к окну, сдвинула занавеску. [...] Как передать это ночное чувство невинности и чувство обреченности. „Помни, Витя, каждое слово туда доходит, ты губишь себя, меня и детей“. Вот другой разговор: „Я не могу тебе сказать всего, но ради Бога, слышишь, – ни слова ни с кем. Виктор, мы живем в страшное время, ты не представляешь себе ничего. Помни, Виктор, ни слова, ни с кем...“ [...] Он вспоминает лицо своего ассистента, при котором он необдуманно пошутил, что Сталин сформулировал законы всемирного тяготения задолго до Ньютона. – **Вы ничего не говорили, я ничего не слышал**, – весело сказал молодой физик. Зачем, зачем, зачем эти шутки. Уж шутить, во всяком случае, глупо, все равно что поцелкивать по сосуду с нитроглицерином. О, ясная сила свободного, веселого слова! Она в том и проявляется, что вопреки страху его вдруг произносят. Понимал ли Штрум трагичность нынешних*

⁶ ГРОССМАН, Василий. 2014. *Жизнь и судьба*. Цит. соч. С. 653.

свободных бесед, – все они, участники этих разговоров, ненавидели немецкий фашизм, страшились его... Почему же свобода мелькнула в дни дошедшей до Волги войны [...]?»⁷

Вернувшийся в Москву, известный академик Штрум должен будет доверить свою судьбу другой форме слова, «письменному слову»: в институте его заставляют заполнить новую анкету. Одно единственное письменное слово делает его другим человеком – таким, каким до тех пор он себя не осознавал:

«5. Национальность... Вот и пятый пункт. Такой простой, не значащий в довоенное время и какой-то чуть-чуть особенный сейчас. Штрум, нажимая на перо, решительными буквами написал: „еврей“. Он не знал, что будет вскоре значить для сотен тысяч людей ответить на пятый вопрос анкеты: калмык, балкарец, чеченец, крымский, татарин, еврей... Он не знал, что год от года будут сгущаться вокруг этого пятого пункта мрачные страсти [...]»⁸

В таком случае слово не просто определяет то, что в Штруме существовало в скрытой форме; слово изменяет его чувство принадлежности, так как в прошлом он всегда считал себя русским, и одновременно, подтверждая его неразрывную связь с убитой немцами матерью, успокаивает его чувство вины.

В Москве снова ощущается близость государства – ведь в тени жестокой власти свободное слово больше не привлекает. Казанские разговоры теперь считаются «пустыми фразами», «пустой болтовней»,⁹ появляется снова «тот же довоенный страх за каждое слово». Звонок Сталина, его банальные, но решающие слова для Штрума означают конец колебаниям судьбы, и в то же время фактически его лишают «права на спокойную совесть», на душевную независимость. С того момента он тоже должен будет заслуживать доверие партии, которая скоро потребует явного доказательства верности. Когда его попросят поставить подпись под клеветническим письмом против врачей, обвиненных в убийстве Максима Горького, известный физик не найдет силы отказаться.

«Миллионы тонн скального гранитного камня снова готовы были лечь на его плечи... [...] Тоска, отвращение, предчувствие своей покорности охватили его. Он ощущал ласковое дыхание великого государства, и у него не было силы броситься в ледяную тьму... Не было, не было сегодня в нем силы. Не страх сковывал его, совсем

⁷ ГРОССМАН, Василий. 2014. *Жизнь и судьба*. Цит. соч. С. 251-253.

⁸ Там же. С. 516.

⁹ В советское время глагол 'болтать' приобретает идеологический оттенок, появляется на плакатах, выражает понятие недозволенного преодоления допустимого. Роман *Жизнь и судьба* проникнут метаязыковыми наблюдениями (см. об этом: BONOLA, Anna. 2007. *Discorso totalitario e dissenso linguistico in Vita e destino di Vasilij Grossman*). Настойчиво повторяющиеся глагол 'болтать' и существительные 'болтовня' и 'болтун' подчеркивают процесс обратного движения после мимолетного свободомыслия.

*другое, томящее, покорное чувство. Как странно, удивительно устроен человек! Он нашел в себе силу отказаться от жизни, и вдруг тяжело отказаться от пряников и леденцов. Попробуй отбрось всесильную руку, которая гладит тебя по голове, хлопывает по плечу».*¹⁰

Слова становятся камнями, и человек физически чувствует их тяжесть; они падают на него, раздавливают его. Прочитав этот отрывок, мысль невольно идет к «мраморным словам», которым суждено решить судьбу другого персонажа романа, большевика Крымова.

Образ «мраморных слов» пронизывает, как красная нить, вторую и третью часть романа. Николай Григорьевич Крымов, бывший муж Евгении Шапошниковой, как Мостовской и Абарчук (в это время первый находится в немецком, а второй в советском лагере) принадлежит к первому поколению коммунистов, и участвовал в великой октябрьской революции. Он «герой ушедшего времени», который теперь «вылетел из номенклатуры»; как говорит Гетманов, в тридцать седьмом году старый «коминтерновец» «чудом уцелел». Женя ушла от него и собирается выйти замуж за полковника Новикова, командира танкового корпуса. Она открывает «именно ему, единственному, то, что ей, единственной, рассказал когда-то Крымов»: Троцкий «сказал, прочтя одну его статью: „Мраморно!“». Она сомневается в своей любви, и делает непоправимый шаг:

*«Неужели это навсегда, на всю жизнь? Ей почему-то хотелось, чтобы Новиков ясно понимал, что Крымов умный, талантливый, что она привязана к Крымову, да чего там – любит его. Она не хотела, чтобы он ревновал ее к Крымову, но она, сама того не понимая, все делала, чтобы вызвать его ревность. [...] Ее чувство к Новикову требовало высшего доверия, и она доверила ему судьбу человека, обиженного ею».*¹¹

С этого момента произнесенные слова больше ей не принадлежат, другие завладеют ими и передадут, и, как всегда, никто их не забудет.

«Мраморные слова» о Крымове самостоятельно начинают жить и действовать в мире. Вернувшись в свой эшелон после встречи с будущей женой, Новиков завязывает неприятный разговор с комиссаром Гетмановым. В его отсутствии комиссар спорил с начальником штаба Неудобновым именно о Шапошниковой – о том, что Новиков «связывает свою личную жизнь с человеком неясной социально-политической среды».¹²

¹⁰ ГРОССМАН, Василий. 2014. *Жизнь и судьба*. Цит. соч. С. 747; 749.

¹¹ Там же. С. 289.

¹² Там же. С. 298.

Речь шла о ее брате, приговоренном в тридцать седьмом году, и о бывшем муже Крымове. Командир реагирует несдержанно, его слова – четкие, злые и еще раз решающие:

*«– Да плевать мне! [...] А мне что, был ли Шапошников враг или не был. Я его знать не знаю! Этому самому Крымову Троцкий о его статье говорил, что она **мраморно написана**. А мне-то что? **Мраморно так мраморно**. Да пусть его любили без памяти и Троцкий, и Рыков, и Бухарин, и Пушкин, моя-то жизнь тут при чем? Я его **мраморных** статей не читал. А Евгения Николаевна тут при чем, она, что ли, в Коминтерне работала до тридцать седьмого года? Руководить – это можно, а попробуйте, товарищи, повоюйте, поработайте! Хватит, ребята! Надоело!»¹³*

Под конец блокады Крымов находится в Сталинграде, сначала как докладчик, потом с приказом навести «большевистский порядок» в уже знаменитом доме «шесть дробь один».¹⁴ Он прекрасно понимает, что «в Сталинграде, все идет по-другому, здесь другие отношения, другие оценки, другие требования к людям. Крымов снова был Крымовым».¹⁵ В крайне опасном состоянии он снова чувствует себя живым:

«Какая-то ясная, пронзительная уверенность в том, что он переживает час нового, счастливого перелома своей судьбы, охватила его. Он словно видел в этом ясном дневном свете свое будущее, – ему снова предстояло жить во всю силу своего ума, воли, большевистской страсти. [...] он снова дышал привычным воздухом ленинской революции».¹⁶

В окруженном немцами доме Крымов сталкивается с командиром Греховым, но у него, оказывается, нет времени выполнить свое задание. В ту же первую ночь легкораненого Крымова эвакуируют из дома. Он подозревает, что сам Грехов стрелял в него; когда его выписывают из больницы, он тут же пишет подробную докладную на имя начальника политуправления. И, как однажды сказала Людмила Николаевна мужу, «каждое слово туда доходит»: «мраморные слова» Троцкого о Крымове, также как и доносительские слова, написанные самим Крымовым о Грехове – это уже факты, кем-то собранные и сохраненные, отложенные «на будущее».

Крымов будет арестован за несколько дней до начала сталинградского наступления; его будут допрашивать, бить, и наконец отправят в Москву. Еще в полной

¹³ ГРОССМАН, Василий. 2014. *Жизнь и судьба*. Цит. соч. С. 298-299. (выделено мной)

¹⁴ Там же. С. 371.

¹⁵ Там же. С. 372.

¹⁶ Там же. С. 373; 377.

растерянности, он проходит длинные коридоры Лубянки, «рентгеновского института социальной диагностики». ¹⁷ По этим коридорам, ведущим «из свободы в несвободу», прошли десятки тысячи людей, и между ними Дмитрий Шапошников, Абарчук, друзья, знакомые:

«Все оказалось чудовищно жестоко, нелепо, бесчеловечно. Он впервые ясно понял, насколько страшны дела, творящиеся на Лубянке. Ведь мучили большевика, ленинца, товарища Крымова». ¹⁸

Тем временем, в Куйбышеве допрашивают Евгению Шапошникову и сообщают ей, что Крымов обвиняется в троцкизме и в связях с гестапо. Приехав в Москву, она рассказывает сестре о вопросах, которые следователь ей задавал; и тут неизбежно звучат знакомые слова:

«„Вам известно о контрреволюционной деятельности Николая Григорьевича Крымова?“ [...] „Как же вы не знаете о троцкизме своего мужа, когда он сказал вам восторженные слова Троцкого о его статье: ‘Мраморно’?“» ¹⁹

Но эти слова уже действуют не только на судьбу Крымова – они крадут будущее и у других. Одна Женя их знала, и только Новикову она их передала. Она хотела бы ему верить, но тем не менее она отказывается от свадьбы, уезжает в Москву, каждый день стоит в очереди на Лубянке, в надежде получить новости об арестованном. И «на вопрос о родстве с арестованным она написала: „Жена“, – и подчеркнула это слово жирной чертой». ²⁰ Написанное слово определяет реальность, чувства, отношения, вносит конкретность в жизнь Евгении Шапошниковой, заставляет ее делать то, что обычно требуется от жены в этих обстоятельствах: «околачивать пороги тюрем», писать заявления, умолять, принести передачу.

Допрос Крымова – это трагичный, разрушительный диалог с «другим» и одновременно с самим собой: арестованный постепенно раздваивается. Он отвечает на вопросы следователя и в то же время сам спрашивает себя; он спрашивает «чуждого» Крымова, работника Коминтерна, «жалкое, грязное существо», который «болтал лишнее», «повторял нелепые слухи», «был неразборчив в знакомствах, среди его друзей многие были репрессированы», ²¹ донес. На столе лежит папка с надписью «Хранить

¹⁷ ГРОССМАН, Василий. 2014. *Жизнь и судьба*. Цит. соч. С. 554.

¹⁸ Там же. С. 562.

¹⁹ Там же. С. 605; 606.

²⁰ Там же. С. 613.

²¹ Там же. С. 696.

вечно», и когда следователь раскрывает ее, из исписанных страниц проявляется личность, в которой Крымов не узнает себя:

*«Час тому назад он думал, что следователь ничего не знает о нем, выдвиженец из сельского района... И вот шло время, и следователь все спрашивал об иностранных коммунистах, товарищах Николая Григорьевича, – он знал их уменьшительные имена и шуточные клички, имена их жен, их любовниц. Что-то зловещее было в огромности его сведений».*²²

А что точно накопилось в этой папке? «Пустяковые словечки, мелочи»: так думает Крымов, который все больше ошеломленный присутствует на «научной операции», на «живосечении» его прошлого:

*«Будь Николай Григорьевич величайшим человеком, каждое слово которого важно для истории, и то не стоило собирать в эту папку столько рухляди и пустяков. [...] Насмешливое замечание о товарище, словцо о прочитанной книге, шуточный тост на дне рождения, трехминутный разговор по телефону, злая записка, написанная им в президиум собрания, – все собиралось в папку со шнурками. Слова его, поступки были собраны, **высушены**, составляли обширный гербарий. Какие недобрые пальцы трудолюбиво собирали бурьян, крапиву, чертополох, лебеду...»*²³

На страницах, которые следователь держит в руках, жизнь Крымова лежит как худосочный организм; она сделалась плоской, одномерной, бесплотной:

*«Вся его жизнь, войдя в папку со шнурками, теряла **объем, протяженность, пропорции...** все смешалось в какую-то серую, клейкую вермишель, и он, уж сам не знал, что значило больше: четыре года подпольной сверхработы в изнуряющей парной духоте Шанхая, сталинградская переправа, революционная вера или несколько раздраженных слов об убогости советских газет, сказанных в санатории „Сосны“ малоознакомому литературоведу».*²⁴

И очевидно слова-травы государство продолжает собирать:

*«Внезапно он вспомнил слова следателя, что не следует ему ждать передач от Евгении Николаевны... Ведь это его недавний разговор в камере с Боголевым. До последнего дня люди пополняли крымковский гербарий».*²⁵

²² ГРОССМАН, Василий. 2014. *Жизнь и судьба*. Цит. соч. С. 694.

²³ Там же. С. 694. (выделено мной)

²⁴ Там же. С. 695. (выделено мной).

²⁵ Там же. С. 702.

Разумеется, в гербарии нашли свое место и слова, сказанные Шапошниковой Новикову. Именно тем, что Троцкий хорошо к нему относился, следовательно объясняет второстепенную роль Крымова в Сталинградеб

*«– Так-то, Крымов, болтались на фронте батальонным комиссаром, а надо бы вам быть членом Военного совета армии или даже фронта. Он помолчал, в упор глядя на Крымова, пожалуй, впервые посмотрел по-следовательно, торжественно произнес: – Сам Троцкий о ваших сочинениях говорил: „Мраморно“. Захвати этот гад власть, высоко бы вы сидели! Шутка ли: „Мраморно“! – Вот они, козыри, – подумал Крымов. – Выложил туза».*²⁶

Вернувшись в камеру, лежа на постели, почти в бессознательном состоянии, Крымов мгновенно приходит к страшному заключению: жена донесла на него. «Камень» обрушивается на него, он не в состоянии вынести боль, в голове одно слово повторяется: «мраморно»:

*«Мраморно! Мраморно! Слова, сказанные ему в утренний час на Знаменке, в кабинете председателя Реввоенсовета Республики... Человек с острой бородкой, со сверкающими стеклами пенсне прочел статью Крымова и говорил ласково, негромко. Он помнит: ночью он сказал Жене о том, что ЦК его отозвал из Коминтерна и поручил редактировать книжки в Политиздате. „А ведь когда-то был человеком“, – и он рассказал ей, как Троцкий, прочитав его работу „Революция и реформа – Китай и Индия“, сказал: „Мраморно“. Ни одному человеку он не повторил этих, сказанных с глазу на глаз слов, только Женя слышала их, значит, следовательно услышал их от нее. Она донесла».*²⁷

От Крымова до Крымова, слово завершает свой круг, принеся неизбежные последствия человеку, который первый произнес его.

Итак, высказывание Троцкого «Мраморно!» оказалось чрезвычайно плодотворным художественным образом. Мраморными были слова в статье Крымова и мраморными стали слова, выражающие благосклонность Троцкого к нему. Могущественное государство их не забудет. Выбор наречного выражения, насыщенного, лаконичного, вызывающего немедленные ассоциации, оказалось лучшим средством представления действующей природы слова в тоталитарном контексте, одного из главных мотивов в романе Гроссмана.

²⁶ ГРОССМАН, Василий. 2014. *Жизнь и судьба*. Цит. соч. С. 703.

²⁷ Там же. С. 707.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. AUCOUTURIER, Michel. 2007. *Vasilij Grossman e Lev Tolstoj: il romanzo e la filosofia della storia*. In: *Il romanzo della libertà. Vasilij Grossman tra i classici del XX secolo*. Soveria Mannelli: Rubettino, 2007, с. 147-163. ISBN 978-88-498-1704-1.
2. BONOLA, Anna. 2007. *Discorso totalitario e dissenso linguistico in Vita e destino di Vasilij Grossman*. In: *Il romanzo della libertà. Vasilij Grossman tra i classici del XX secolo*. Soveria Mannelli: Rubettino, 2007, с. 89-129. ISBN 978-88-498-1704-1.
3. БОЧАРОВ, Анатолий Георгиевич. 1990. *Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба*. Москва: Советский писатель, 1990. 384 с. ISBN 5-265-01494-2.
4. GARRARD, John and Carol. 1996. *The Bones of Berdichev: The Life and Fate of Vasily Grossman*. New York: The Free Press, 1996. 436 с. ISBN 978-06-848-2295-2.
5. ГРОССМАН, Василий. 2014. «Жизнь и судьба». Москва: АСТ, 2014. 780 [4] с. ISBN 978-5-17-085866-8.

«ВИЗИТКА ДРУГОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» ОБ АЛЬМАНАХЕ «МЕТРОПОЛЬ»

Аннамария Ваши, аспирантка

Кафедра русского языка и литературы, Институт славистики, Философский факультет
Дебреценского университета, annamaria.vass@gmail.com

ABSTRACT: The almanac *Metropol* was written in an attempt to break the power of Soviet censorship by writers who did not have the opportunity to publish their works. They were denied publication of this volume in the Soviet Union, but it was published in the United States, which resulted in an enormous political scandal. It was not until 1991 that it was published in Russia. Although several writings were published on the cult volume, these tended to present the political scandal rather than dealing with the concrete texts. Chuprinin referred to this almanac as the “visiting card” or “another literature” (“другая литература”). While the authors of almanac *Metropol* do not belong to one literary school, they have something in common: they possess an entirely different approach to literature from that of authors of official socialist realism. The aim of this paper is to present some common innovative elements in the texts of almanac *Metropol* (such as taboos, spontaneous language use and new type of hero) that later become engrained in the different schools of postmodern Russian literature.

В России с конца восьмидесятых, начала девяностых годов говорят о постмодернизме. Очевидно, что в литературном процессе нельзя определить четкие границы в отношении разных литературных эпох. Появление и закрепление русского постмодернизма связано с условиями, с которыми в западной литературе мы встретиться не можем. Таким образом, у русского постмодернизма, хотя он, безусловно, связан и с его западным вариантом, есть некая своеобразная сторона, которую можно назвать культурно-специфическим явлением.¹ В России для смены парадигм было необходимо свергнуть единовластие социалистического реализма и расчитаться с идеологическим характером литературы. Что и случилось в середине 80-ых годов, когда «толстые литературные журналы», в которых до этого времени можно было прочесть лишь официальные, штампованные советские произведения, вдруг начали публиковать ранее запрещенные произведения, написанные еще в позднюю брежневскую эпоху. Хотя постмодернизм смог стать главным и «легальным» направлением только начиная с этого

---

¹ Соц-арт и являются такими культурно-специфическими явлениями, направлениями русского постмодернизма.

момента, появившись уже годами ранее, он имел латентный, скрытый период, во время которого распространялся только в форме самиздата в узком писательском кругу.

Примером этого является легендарный альманах «Метрополь», который был попыткой разрушения единого официального канона в 1979 году. Авторам альманаха надоело, что жесткая и неизбежная цензура лишает их возможности публикации, и они решили составить сборник, в который бы вошли отвергнутые тексты. В Советском Союзе официальная литературная политика отказалась от издания альманаха в его оригинальном формате. Его составители – Виктор Ерофеев, Евгений Попов и Владимир Аксенов, Андрей Битов и Фазиль Искандер – настаивали на своем видении альманаха, о чем написали в предисловии. Не согласившись на изменения, они так и не пошли на компромисс с правительством. Таким образом, они отрезали себя от возможности публикаций в пределах Советского Союза, но, как говорит сам Евгений Попов, «стоящие у власти литераторы-идиоты сами сделали большую рекламу нашему скромному детищу». Альманах в форме самиздата обошел всю Москву, вышел в Америке и во Франции. Впоследствии этого у всех членов «Метрополя» в той или иной мере появились проблемы с властью. Альманах, несомненно, вписал свое имя в историю литературы, однако его культовый характер объясняется не столько входящими в него текстами, сколько скандалом, развернувшимся после его публикации на Западе.

Со времени распада Советского Союза вышло несколько статей² по делу «Метрополя»: литературоведы, опираясь на официальные документы и интервью, взятые у авторов, стараются восстановить детали скандала и узнать подробности того, кто какую роль сыграл в редакторской работе, кто из них согласился или не согласился с идеей о зарубежной публикации. Эти работы о деле «Метрополя» констатируют, что в альманахе нет ничего антисоветского. Они показывают также и то, что речь идет о самых разнообразных текстах, так как при выборе произведений господствовал всего один критерий – художественность, и целью редколлегии было составление сборника современной русской литературы без различия на литературные направления.

Но именно на этом пункте исследования «Метрополя» остановились. Эти работы не изучают тексты альманаха, их значительность или, наоборот, незначительность. Отчасти причину этого можно понять – ведь прошли долгие годы, прежде чем стало

---

² См. ЦЫБУЛЬСКИЙ, М. *Как это было. Записки об альманахе «Метрополь»*.
КАРЛИНА, Н.Н. *Роман «Скажи изюм» и история альманаха «Метрополь»*.
ПЕТРОВ, Д. *Аксенов*.
ЕРОФЕЕВ, В. *Время «Метрополя»*.

возможно открыто писать об этом сборнике. Здесь идет речь даже не о том, что эти тексты за определенный период стали неинтересными и неактуальными, но одновременно в свет вышло огромное количество произведений, написанных в стол, не говоря уже об абсолютно новых. Таким образом, видимо, тексты, собранные в этом альманахе, остались без внимания литературоведов.

Вошедшие в «Метрополь» произведения нельзя подвести к единому литературному направлению – эстетический плюрализм сборника символизирует граммофон с тремя раструбами на обложке. Эти тексты показывают, что с конца 70-х годов уже в полной силе существовала «другая литература», совсем отличающаяся от официальной литературы.

Нам кажется целесообразным изучить этот сборник более основательно даже спустя 30 лет, чтобы увидеть, каков был подход данных авторов к литературе и творчеству, и какое эстетическое сознание формулируется в этом разнородном альманахе. В работе над альманахом принимало участие 23 автора. Наша работа не претендует на полноту исследования анализов текстов, и её цель состоит в том, чтобы охватить в прозаических текстах элементы, являющиеся центральными в «другой литературе». Однако сейчас мы располагаем возможностью показать лишь несколько ярких примеров, иллюстрирующих дальнейшее направление будущих исследований.

Термин «другая литература» впервые появился в одноименной статье С. Чупринина. Видный литературный критик подразумевает под этим словосочетанием новую тенденцию времени, характеризующуюся шокирующей лексикой, непривычными персонажами, необыкновенными сюжетными техниками. Он начал дискуссию о литературе, не относящейся ни к официальной, ни к той, которая прежде рассматривалась как оппозиционная. Сюда относились авторы, стремящиеся к эстетическим и языковым новаторствам. Он назвал два независимых альманаха, московский «Метрополь» (1979) и ленинградский «Круг» (1985) «визитной карточкой» другой прозы. Их общая черта: неконформизм в тематике, содержании, языке, стиле и литературной форме.³ Стоит рассмотреть рассказы «Метрополя» именно с этой точки зрения, сосредотачивая внимание на используемых в них новаторских элементах, вызывавших возражения официальной литературной политики.

---

³ ДОБРЕНКО, Е. – ТИХАНОВА Г. 2011. *История русской литературной критики: Советская и постсоветская эпохи*. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. с. 554.

Темы-табу

В семидесятые годы в литературе андерграунда расширяется сфера тем, достойных изображения, и на первый план выходят такие, о которых раньше либо совсем не писали, либо нужно было писать с открытым презрением. Частым предметом изображения становятся пьянство, насилие, секс – например, в произведениях Попова, это описывает, обходя стороной моральный аспект.

В рассказе под названием «Ворюга» грубость появляется на уровне сюжета: описываются брутальные сексуальные отношения. В начале повествовательная техника кажется абсолютно нехитрой: повествование идет от третьего лица, рассказчик не обозначен, близость к герою не подразумевается. Но затем, когда повествователь рассказывает уже об интимных моментах, в самом разгаре действия диалог Маши и Галибутаева прерывается. Повествователь умолкает и передает слово герою. Очередная реплика Галибутаева является не ответом на Машину – у него уже другой адресат: повествователь.

«– Машка, давай, я тебя сегодня как бы изнасилую, – сказал он.

Машка заинтересовалась.

– Это как еще так?

– А вот так. Ты вроде бы сопротивляйся изо всех сил, но по-настоящему, а я тебя попробую шарахнуть.

– Давай! – обрадовалась Машка...

...– И я набросился на нее, как лютый зверь, – рассказывал Галибутаев. – Сорвал с нее все. А она крутится, а она царапается, а она визжит. Другой бы насильник уже давно отступил. Но не таков Галибутаев. Сорвал с нее все и только хотел, как вдруг она меня как мотанет! И я больно упал с кровати.

– Ну и что?

– А то, что я сломал большой палец на правой ноге. Я упал на палец».⁴

Этот неожиданный повествовательный поворот удивляет и смущает читателя: повествование от третьего лица, единственного числа вдруг переходит в более близкий и личный тон – к первому лицу, единственному числу. Насилие не только лишено каких бы то ни было нравственных высказываний со стороны автора, более того, подробности неудачного полового акта читатель узнает не от повествователя, а «из первых уст», прямиком от героя. Тот факт, что это насилие совершается с согласия Маши,

⁴ ПОПОВ, Е. Ворюга In: *Литературный альманах Метрополь*. Москва: Текст, 1991. С. 99.

представляет женщин в невыгодном свете: они будто находят наслаждение в насилии и унижении. Это, конечно, не могло соответствовать представлению Феликса Кузнецова о советской литературе, которая, на его взгляд, является лучшей в мире по честности и по нравственной высоте.⁵ В альманахе Попов является не единственным автором, вызвавшим неодобрение со стороны официальной литературной политики из-за своей этической провокации. Тут достаточно упомянуть названия «Маленький гигант большого секса» и «Приспущенный оргазм столетия», чтобы доказать, что «другая литература» не стеснялась открыто обсуждать моменты личной жизни, которые до этого времени были табулизованными.

Новый тип героя

Во внимание «другой литературы» попадают низшие слои народа, самые простые, обыкновенные люди, советский «маленький человек», в котором нет ничего героического. Эти мужики-представители маргинального общественного слоя, часто коротающие время на вокзалах, сливающиеся в кучу, распивающие водку и веселящие друг друга анекдотами из своих жизней, становятся «мишенью убийственно-саркастического таланта»⁶ Попова. В его рассказах часто описываются эти деклассированные фигуры и ситуации, в которых они оказываются.

Рассказ «Про Кота Котовича» изображает сцену повседневной жизни, вечер обычной советской семьи как отображение форм жизни советского народа и окружающей его действительности. Попов создает в литературе то, что в изобразительном искусстве называют жанровой картиной. Рассказ начинается описанием место действия, самой обыкновенной кухни: *«Сидели теплой августовской ночью в душной кухне близ ванной за столом, крытым цветной клеенкой, визави»*. Автор в одном предложении изображает детали («цветная клеенка») и общий план («кухня близ ванной»), будто словами он старается создать картину, в один миг передать атмосферу советской повседневности. В рассказе самые обыкновенные мужчины («тихие люди громадной страны») пьют и философствуют о самых обыкновенных вещах. Скрытая отсылка на стихотворение «Ночь, улица, фонарь, аптека...» Александра Блока лишь подчеркивает однообразие жизни. *«– Да... э... его можно выдрать, – подтвердил Гаригозов, брезгливо хрустя пальцами. – Тут – ночь, тишь, разговоры, а он тут...»*, «А

⁵ См. ПЕТРОВ, Д. Аксенов. Москва: Молодая гвардия, 2012. Доступно в Интернете: <http://www.litmir.me/br/?b=156899&p=1>

⁶ Выражение САФРОНОВОЙ, Е. Евгений Попов. Песня первой любви. Каленым железом; Евгений Попов. Ресторан «Березка». Доступно в интернете: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/12/sa18.html>

была ночь, и погасли фонари».⁷ Вряд ли можно написать в одном предложении слова «ночь» и «фонари» без воссоздания замысла блоковского стихотворения о вечном круговороте жизни. Образ мрачной улицы у Блока становится философской метафорой пустоты жизни. Это чувство захватывает и поповских героев «– *Какая, брат, пустота! – хрипло шептал он. – Пустота-то ка-кая, брат!*»⁸

Против действительности

Некоторые тексты «Метрополя» свидетельствуют о том, что писатели старались освободить литературу от обязательства изображения реальной жизни. «По сути дела постмодернизм – в том числе и русский – пересмотрел традиционные представления о литературе как отражении действительности».⁹ «Постмодернская эстетика отвергает концепцию художественной культуры как удвоение жизни [...]».¹⁰

Аксенов в драме «Четыре темперамента» употребляет метод абсурдизации и сюрреализма. «*Действие происходит в далеком будущем, затем вне времени и пространства, финал – в наши дни*».¹¹ В центре произведения ставится вопрос о развитии человечества и о сущности человека. Разраилов проводит эксперимент по трансформации всего человечества и задает разные вопросы четверым подопытным, чтобы они решили главную проблему будущего. «*За сотни веков существования цивилизации земля впитала в себя порочные идеи, соблазны, рефлексии, и мечты тысяч поколений. Поэтому, невзирая на колоссальные технические достижения, истинный прогресс на Земле невозможен [...]*».¹² Но когда на сцене появляется женщина, в этих кибер-людях вспыхивает любовь, а эксперимент срывается. На пути развития человечества стоит лишь человек, который не в силах пожертвовать личным счастьем ради сверхидеи.

Аркадий Арканов в рассказе «И все раньше и раньше опускаются синие сумерки» рассказывает фантастическую историю Реджинальде и Римме и об их подруге Инге, вышедшей замуж за коня. Событие происходит в хорошо знакомом нам мире, но объяснить его правилами нашего невозможно. Колебания¹³ – неуверенность читателя,

⁷ ПОПОВ, Е. Воряга In: *Литературный альманах Метрополь*. Цит. соч., с. 103.

⁸ Там же, с. 103.

⁹ КЯКШТО, Н. Поэтика русского литературного постмодернизма. In: *Современная русская литература*. Москва: Академия, 2010. с. 64.

¹⁰ СКОРОПАНОВА, И. *Постмодернистская литература: Новая философия, новый язык*. Санкт-Петербург: Невский Простор, 2011. с. 5.

¹¹ АКСЕНОВ, В. Четыре темперамента. In: *Литературный альманах Метрополь*. Цит. соч., с. 508.

¹² Там же, с. 508.

¹³ По мнению Тодорова колебание испытываемое человеком, которому знакомы лишь законы природы, когда он наблюдает явление, кажущееся сверхъестественным- самый важный элемент фантастики. Ведь

испытываемое из-за сверхъестественного явления, сохраняется до самого конца рассказа, благодаря тому, что сами герои сомневаются в действительности события. «– *Нас либо разыгрывают, либо издевают, – раздражено сказала Римма, пробежав глазами открытку, в которой черным по белому было написано, что Инна вышла замуж за коня и что Римма с Реджинальдом приглашены по такому поводу к Инге в субботу*».¹⁴

Спонтанный язык

Рассказ Фазиля Искандера «Маленький гигант большого секса» в первый раз был опубликован в Метрополе, а позже стал частью эпопеи, или как назвал его сам автор, плутовского романа «Сандро из Чегема». Николай Досталь в 1992-ом году экранизировал эту новеллу о сексуальных приключениях фотографа Марата.

Искандер с неподражаемым юмором пишет об абхазском Дон Жуане, попадающем в всевозможные романтические истории. Его свежий стиль вполне противоречит единому нейтральному стилю, характерному для всех официальных авторов, который, по мнению Е. М. Черноизваненко,¹⁵ является важнейшей конститутивной чертой литературы советского реализма. Авторы «Метрополя», в том числе и Ф. Искандер, стараются вернуть индивидуально-авторский стиль в его легальный статус. «Маленький гигант большого секса» поражает свежестью разговорной речи. Рассказчик представляется читателю хорошим знакомым Марата, заслужившим его дружбу, оказавшись внимательным слушателем его любовных приключений. Он обращает особое внимание на стиль повествования Марата, но не стилизует его речь: «*Рассказы об успешных свиданиях всегда кончались одной и той же сакраментальной фразой: -Ну что тебе сказать... Она была так довольна, так довольна... Иногда, подчеркивая, что ему удалось ускользнуть от угроз насильственной женитьбы, он так оканчивал свой рассказ: – Ну что тебе сказать... Паспорт остался чистым*».¹⁶ Иммитации разговорной речи, рождающейся как бы в сию минуту здесь и сейчас, в момент его восприятия, служит и то, что беседа рассказчика строится на ассоциативности. «*Кстати, Автандил Автандилович повесил эту забавную фотографию у себя в кабинете*»¹⁷, «*Кстати, насчет снимков. Однажды Марат после*

фантастика существует, пока сохраняется эта неуверенность. См. Ц.Тодоров. Введение в фантастическую литературу. Москва, 1997. Доступно в интернете: <<http://culturca.narod.ru/todorov.htm>>

¹⁴ АРКАНОВ, А. И все раньше и раньше опускаются синие сумерки. In: *Литературный альманах Метрополь*. Цит. соч., с. 400.

¹⁵ ЧЕРНОИЗВАНЕНКО, М. *Литература соцреализма Литература соцреализма: от художественности к риторичности (судьбы слова и стиля)*. Доступно в интернете: <<http://tinyurl.hu/DM9B/>>

¹⁶ ИСКАНДЕР, Ф. Маленький гигант большого секса. In: *Литературный альманах Метрополь*. Цит. соч., с. 310.

¹⁷ Там же, с. 309.

поездки в Москву кроме рассказов о своих победах над доверчивыми москвичками привез оригинальное фото»¹⁸; «Однажды вечером, когда мы с Маратом прогуливались по набережной, кстати, он всегда был модно одет, он издали кивнул мне на одну из старушек, торговавшую недалеко от порта семечками».¹⁹ Писатели «Метрополя» порывают с тем возвышенным, торжественным языком, который характерен для официальных авторов этого времени. В постмодернистских произведениях нередко нарушается хронологический порядок событий, исчезают законченные истории с линейным сюжетом, часто встречаются грамматически неправильные предложения. Связь между писателем и читателем становится более непосредственной, фамильярной, писатель старается вовлечь своих читателей в повествование, вступить с ними в диалог. «Приспущенный оргазм столетия» Евгения Ерофеева начинается обращением к читателю *«Не верьте, не верьте, читатели, придаточным предложениям!»*²⁰

Более того, непристойности и ругательства в рассказе Ерофеева «Ядрена Феня» явно свидетельствуют о том, что в «другой литературе» меняются не только этические, но и эстетические нормы. Кузнецов оклеймил «пакостью» прозу Ерофеева²¹ Григорий Бакланов обозвал рассказ «Ядрена Феня» «безнравственной пачкотней»²². Главный герой рассказа, чтец-декламатор оказывается в мужском туалете культурного дома. Чтеца поражает дверь обилием пошлых надписей и рисунков. *«Дверь цвела. Здесь было все: советы, рационализаторские предложения, похрюкивания, вопли вздыбившейся плоти, элегические остроты, предостережения и угрозы, мрачная и смачная инвектива в адрес Леночки Сальниковой (не сердись, Лена!), отрывки, здравицы, истошные призывы и совершеннейшая дичь»*.²³ Он с завистью смотрит на «драгоценные документы эпохи» и тоже хочет придумать что-нибудь оригинальное и неприличное, но ничего подобное не приходит ему в голову, он просто неспособен к этой пошлой легкости «народного общества». *«Даже простого ругательства не смел нацарапать»*.²⁴ Глубокое возмущение представителей официальной литературы не могло быть вызвано употреблением ненормативной лексики, так как сами ругательные надписи в тексте не

¹⁸ ИСКАНДЕР, Ф. Маленький гигант большого секса. In: *Литературный альманах Метрополь*. Цит. соч., с. 311.

¹⁹ Там же, с. 311.

²⁰ ЕРОФЕЕВ, В. Приспущенный оргазм столетия. In: *Литературный альманах Метрополь*. Цит. соч., с. 437.

²¹ См. ПЕТРОВ, Д. *Аксенов*. Москва: Молодая гвардия, 2012. Доступно в интернете: <http://www.litmir.me/br/?b=156899&p=1>

²² ЕРОФЕЕВ, В. *Время «Метрополя»*. Доступно в интернете: http://antology.igrunov.ru/after_75/periodicals/metropol/1087390559.html

²³ ЕРОФЕЕВ, В. Ядрена Феня. In: *Литературный альманах Метрополь*. Цит. соч., с. 433.

²⁴ Там же, с. 434.

фигурируют. Но так как эта дверь показывается продуктом народного искусства («Да, думал он, такие двери надобно снимать с петель, покрывать лаком и отправлять в запасники государственных музеев, пусть там хранятся до поры».²⁵), создается аналогия между Советским Союзом и общественным туалетом. И хотя в рассказе нецензурных слов нет, все-таки языковая свобода «другой литературы» уже чувствуется. «Происходит размывание границ между эстетическим и неэстетическим, искусством и неискусством, провозглашается отказ от эстетических табу».²⁶

Хотя тексты «Метрополя» очень разнообразные, но все же в них есть что-то общее: они создают абсолютно новое представление о литературе и ее роли, противореча всему, что проповедует соцреализм, единственный действительный метод, даже в начале 80-ых годов. Для альманаха «Метрополя» характерны плюралистическая модель мышления, стремление к «преодолению идеологии». Его авторы не желали участвовать в политической пропаганде, а старались порвать с морализирующей традицией литературы. Выше перечисленные элементы альманаха к концу восьмидесятых годов появляются в разных литературных течениях, где на них делается большой акцент. «Изображение мрачных сторон социалистической действительности» становится чертой так называемой «чернухи», открывшей читателю глаза на существование бомжей, проституток, тюремных ужасов и многих других социальных явлений.²⁷ Вопросы реальности появляются в совсем новом контексте, например, в прозе Пелевина, заменявшей подлинную реальность другой, виртуальной. Изображение грубости и насилия становятся центральной темой жестокой литературы, с увлечением описывающей садомазохистские акты, деформацию и разложение тела. Язык, освобожденный от всяких ограничений, нередко выступает главным действующим лицом произведения. Самой распространенной формой игры с языком становится пастиш.²⁸

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. ДОБРЕНКО, Е. – ТИХАНОВА Г. 2011. История русской литературной критики: Советская и постсоветская эпохи. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 791 с. ISBN 978-5-86793-918-2

²⁵ ЕРОФЕЕВ, В. Ядерна Феня. In: *Литературный альманах Метрополь*. Цит. соч., с. 434.

²⁶ СКОРОПАНОВА, И. *Постмодернистская литература: Новая философия, новый язык*. Цит. соч., с. 51.

²⁷ ЛИПОВЕЦКИЙ, М. Растратные стратегии, или метаморфозы «чернухи». In: *Новый Мир*, 1999, 11. Доступно в интернете: <http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/11/lipovez.html>

²⁸ СКОРОПАНОВА, И. *Постмодернистская литература: Новая философия, новый язык*. Цит. соч., с. 174.

2. ЕРОФЕЕВ, В. Время «Метрополя» [cit. 05-01-2015.] <http://antology.igrunov.ru/after_75/periodicals/metropol/1087390559.html>
3. КАРЛИНА, Н. 2009. Роман «Скажи изюм» и история альманаха «Метрополь» [cit. 05-01-2015.] <<http://natapa.org/wp-content/uploads/2011/03/raisins7.pdf>>
4. КЯКШТО, Н. 2010. Поэтика русского литературного постмодернизма. In: Современная русская литература. Москва: Академия, 2010, (64-85).
5. ЛИПОВЕЦКИЙ, М. 1999. Растратные стратегии, или метаморфозы “чернухи” In: Новый Мир 1999, 11». [cit. 02-01-2015.] <http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/11/lipowez.html>
6. ПЕТРОВ, Д. 2012. Аксенов Москва: Молодая гвардия, 2012. [cit. 02-01-2015.] <<http://www.litmir.me/br/?b=156899&p=1>>
7. САФРОНОВА, Е. 2009. Евгений Попов. Песня первой любви. Каленым железом; Евгений Попов. Ресторан "Березка". In: Знамя 2009,12. [cit. 19-01-2015.] <<http://magazines.russ.ru/znamia/2009/12/sa18.html>>
8. СКОРОПАНОВА, И. 2011. Постмодернистская литература: Новая философия, новый язык. Санкт-Петербург: Невский Простор, 2011. 414 с. ISBN 5-94716-001-3
9. ТОДОРОВ, Ц. 1997. Введение в фантастическую литературу. Москва: Дом интеллектуальной книги, 1997. [cit. 02-01-2015.] <<http://culturca.narod.ru/todorov.htm>>
10. ЦЫБУЛЬСКИЙ, М. 2008. Как это было. Записки об альманахе «Метрополь». [cit. 19-01-2015.] <http://www.liveinternet.ru/community/vladimir_vysotsky/post79135252/>
11. ЧЕРНОИВАНЕНКО, Е. 1997. Литература соцреализма: от художественности к риторичности (судьбы слова и стиля) In: Вісник Одеського державного університету. 1997,1. [cit. 19-01-2015.] <http://tinyurl.hu/DM9B/>
12. Литературный альманах Метрополь. Москва: Текст, 1991.

«РУССКАЯ ТЕМА» И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ТВОРЧЕСТВЕ ПРИМО ЛЕВИ

Мануэль Боскиеро, кандидат филологических наук

Кафедра русского языка и литературы, Департамент иностранных языков и литератур,
Университет Вероны, manuel.boschiero@univr.it

ABSTRACT: The article will be devoted to the images of Russia in Primo Levi's (1919-1987) literary work. The Italian Jewish writer, widely recognized as one of the most representative figures of Holocaust literature, has shown a deep creative interest for Russian culture. The essay will focus on two aspects: 1) the role of Russian characters in Levi's prose narrative; 2) his intense "dialogue" with some leading voices of Twentieth-Century Russian literature such as I. Babel', A. Solženicyn and V. Šalamov.

Примо Леви – один из самых авторитетных голосов европейской лагерной литературы. Тема холокоста не только является доминирующей в его произведениях, почти целиком пронизывая творчество писателя, но, как признавал сам автор¹, холокост послужил решающим толчком к его литературной деятельности: случайно выживший в лагерях смерти, Леви глубоко чувствовал свой долг свидетеля, призванного бороться с беспамятством.² Известная «трилогия» о холокосте определяет начало и конец литературной деятельности писателя: первая книга, «Человек ли это?» (1947 и 1958) – автобиографическое описание жизни узников в лагере Освенцима; вторая, «Передышка» (1963) – повествование о своем, полном разнообразных событий, возвращении на родину после освобождения; эссе «Канувшие и спасенные» (1986) – это горькое размышление о нацистских лагерях смерти.

В творчестве Леви Россия занимает отнюдь не второстепенное место, но до сих пор исследователи касались данной темы лишь эпизодически и мимоходом, ограничиваясь анализом отдельных вопросов.³ В данном докладе рассматриваются два основных аспекта: символическое значение русских персонажей в произведениях Примо

---

¹ LEVI, P. Appendice a "Se questo è un uomo". In: *Se questo è un uomo*, Torino: Einaudi, 2005. С. 177.

² ДУБИН, Б. Свидетель, каких мало, In: *Канувшие и спасенные*, М.: Новое издательство, 2010. С. 172.

³ О «Записках из мертвого дома» Достоевского как источнике «Человек ли это?» см. CAVAGLION, *Sulla soglia della casa di morti*, 2002. С. 77-83; О творчестве Примо Леви в России см. DMITRIEVA-SOLONOVICH, *Primo Levi in Russia*, 2005; О вопросе Гулага в творчестве Леви см. CATALUCCIO, *Lager e gulag in Primo Levi*, 1998.

Леви, а также Леви как читатель русской литературы XX века, читатель, ведущий плодотворный и, иногда, напряженный диалог с русскими авторами.

В книге «Человек ли это?» действие прекращается до освобождения Освенцима и «русская тема» остается за пределами текста, но она играет исключительную роль в «Передышке». Несмотря на то, что эти произведения тесно связаны друг с другом (в «Передышке» действие начинается именно в день прихода советской армии, 27 января 1945, а в «Человек ли это?» обрывается именно на заре этого дня), они построены на открытой оппозиции, и в структуре повествования, и в содержании.⁴ Если в «Человек ли это?» описывается однообразное *замкнутое пространство лагеря*, в «Передышке», наоборот, речь идет о пространстве изменяющемся, о пути возвращения домой и, одновременно, в человеческий мир. Именно внутри этой оппозиции следует рассматривать и описание русских действующих лиц в «Передышке». Уже при первом упоминании, советские солдаты представлены по контрасту с нацистами. «Они не сказали нам ни слова, не улыбнулись в знак приветствия; скорее не сочувствие, а смущенная сдержанность запечатала их губы, приковала их взгляды к зрелищу смерти. Нам было хорошо знакомо это чувство, мы испытывали его после селекции, всякий раз, когда на наших глазах унижали других, и когда мы сами подвергались унижению; имя этому чувству было стыд, *тот самый стыд, которого не ведали немцы*, но который испытывает *честный человек* за чужую вину, мучаясь, что она существует, что она стала неотъемлемой частью порядка вещей и его добрая воля – ничто или слишком мало, чтобы что-то изменить».⁵

В «Передышке» русские солдаты сразу показывают свое человеческое лицо, в то время как немцы, наоборот, олицетворяли в «Человек ли это?» бесчеловечное насилие. На протяжении всего произведения идеализированное представление русских приобретает сознательную символическую функцию: подчеркнуть контраст между человечностью и бесчеловечностью. Такой контраст только усиливается тем, что и в «Человек ли это?» и в *Передышке* обнаруживаются некоторые параллельные ситуации, схожие лишь формально, а по сути – противоположные. Приведу три примера:

1) Селекция

Если в «Человек ли это?» описывается «большая селекция в октябре 1944 года», «жертвы» которой были направлены в газовые камеры, в «Передышке» речь идет о

⁴ MENGALDO, P. Se questo è un uomo e La Tregua: due strutture narrative. In: *Primo Levi. Scrittura e testimonianza*. Firenze: Libriliberi, 2006

⁵ ЛЕВИ, П. *Передышка*, пер. Е. Дмитриевой, М.: Текст: Книжкини. 2012. С. 13.

совсем другой селекции в катовицком сборном лагере: «Все, что произошло дальше на площади в центре лагеря, выглядело беспорядочно, нелепо и напоминало плохую карикатуру на немецкие селекции или их гораздо менее опасный вариант – ведь речь в данном случае шла об отправке на работу, а не на смерть».⁶

Если немцы устроили селекцию смерти в строгом порядке, быстро и равнодушно, то у русских, наоборот, «оценка „больной“ или „здоровый“ объявлялась на основании коллективного решения, не обходившегося без шумных дискуссий в спорных случаях. *Больных* отправляли обратно в барак, *здоровых* выводили за ворота и выстраивали вдоль колючей проволоки».⁷

2) Управление лагеря

В Освенциме царствовали дисциплина и насильственный порядок, а советская комендатура сборного лагеря Катовиц больше похожа «не на военное учреждение, а на красочный цыганский табор».⁸ Таким же образом представлена русская дисциплина: «относились они друг к другу почти по-родственному, как члены одной большой семьи, игнорируя всякую субординацию».⁹

Хотя «русская анархия» имеет, конечно, и обратную сторону медали – именно русский хаос и абсурд советской бюрократии мешают возвращению заключенных – она символично сопровождает чувство возвращения к жизни, которое испытывает Примо после освобождения.¹⁰

3) Коммуникация

В эссе «Канувшие и спасенные» Леви посвящает целую главу отсутствию коммуникации в лагере («Положение „когда-с-тобой-не-разговаривают“ быстро вело к гибели»¹¹)

В «Человек ли это?» у узников нет отношений с немцами, даже штатские не говорят с еврейскими заключёнными: «Однажды я обратился с каким-то вопросом к фрейлейн Личбе, но она мне не ответила и, обернувшись раздраженно к Ставиноге, что-то быстро ему сказала. Смысла фразы я не понял, но слово „Stinkjude“ расслышал хорошо, и меня обдало жаром».¹²

---

⁶ ЛЕВИ, П. *Передышка*. Цит. соч., с. 102.

⁷ Там же, с. 102.

⁸ Там же, с. 80.

⁹ Там же, с. 80-81.

¹⁰ См. CARASSO, F. *Primo Levi: La scelta della chiarezza*. Torino: Einaudi, 2009. С. 80-81.

¹¹ ЛЕВИ, П. *Канувшие и спасенные*, пер. Е. Дмитриевой. М.: Новое издательство. 2010. С. 76.

¹² ЛЕВИ, П. *Человек ли это?*, пер. Е. Дмитриевой. М.: Текст: Книжкини, 2011. С. 86.

В «Передышке» коммуникация с «русскими» является непростой, но, все-таки, настоящей. Примо завязывает даже дружеские отношения с медсестрой, Марией Федоровной Прима и с девушкой из Украины, Галиной. С Галиной Примо встречается два раза: в Катовицах и на вокзале Казатина:

«...как раз под нашим вагоном на платформе я вижу Галину, девушку из катовицкой комендатуры, переводчицу, машинистку и плясунью; я вижу Галину из Казатина. Я вылезая поздороваться, радуясь и удивляясь невероятной встрече. В такой бескрайней стране встретить единственную русскую подругу! Разве это не чудо?

[...] Сидя в тряском вагоне, все дальше увозящем меня от Казатина, я вдыхаю запах дешевых духов, оставленный на моей ладони ее ладонью, радуюсь, что встретил ее, грущу, вспоминая проведенные с ней часы, недосказанные слова, упущенные возможности».¹³

Примеры коммуникации многочисленны и имеют часто комический характер, как, например, своеобразный урок русского языка, который советский солдат дает Примо:

«„Огонь“, – говорит он и показывает на костер. На этот раз у меня лучше получается, мой учитель доволен. Он оборачивается в поисках наглядного материала, потом останавливает взгляд на мне, медленно встает на ноги, по-прежнему не сводя с меня глаз, будто хочет загипнотизировать, и вдруг молниеносным движением выхватывает из ножен штык и начинает им размахивать в воздухе.

Я вскакиваю и бегу к Красному дому, бросив картошку на произвол судьбы, но через несколько секунд слышу у себя за спиной дикий хохот: оказывается, это была шутка. „Бритва“, – говорит он и проводит пальцем по сверкающему на солнце лезвию».¹⁴

В связи с этим стоит еще напомнить колоритные «международные переговоры» Чезаре, римского еврея, который успешно торгует с крестьянами. Здесь интересно, что средством этой коммуникации является «русско-римский жаргон» Чезаре («curizzetta», «gibbona»).

Приведенные примеры доказывают, что Леви сознательно проводит параллель по контрасту при описании русских персонажей. Противопоставление русских немцам автор доводит до исторического масштаба: «Однако за этой, доходящей до анархии разгульностью в каждом, если взглянуть в их грубоватые открытые лица, угадывался

¹³ ЛЕВИ, П. *Передышка*. Цит. соч., с. 278-279.

¹⁴ Там же, с. 234-235.

славный солдат Красной армии, мужественный сын старой и новой России. Безобидные в мирное время и беспощадные на войне, русские сильны внутренней дисциплиной, основанной на единстве и любви друг к другу и к родине, а потому более крепкой, чем беспрекословная, бездумная дисциплина немцев. Живя среди них, легко понять, почему именно их дисциплина, а не дисциплина немцев одержала в конечном счете победу».¹⁵

Автор идеализирует русские персонажи и преподносит их, зачастую, в комическом свете. Это связано, в том числе, с авантурным, и иногда шутливым тоном плутовского романа, свойственным «Передышке» (за исключением начала, где действие происходит еще в лагере, и концовки). Чисто комическую функцию можно найти в фигуре капитана НКВД, инспектора кухни в лагере Богучиц:

«Это был еврей лет тридцати, длинный, нескладный, с аскетическим лицом Дон-Кихота. А на второй день он неизвестно где откопал мотоцикл и воспылил к нему такой любовью, что с тех пор с ним никогда не расставался.

Церемония проверки превратилась в публичное зрелище, которое пользовалось все большим успехом, в том числе и у жителей Катовиц. Инспектор на бешеной скорости подлетал к кухне около одиннадцати, со страшным скрежетом тормозил, налегая всем телом на руль, отчего заднее колесо прочерчивало четверть круга, и, не останавливаясь, с низко опущенной, как у бодливого быка, головой направлял мотоцикл на штурм высоких ступенек».¹⁶

Впоследствии капитан выбран «Судьей на поле и одновременно боковым арбитром» в футбольном матче. Его поведение оказывается достойным его испанского литературного «предшественника»:

«Иногда же, если мяч вдруг оказывался у него под ногами, он требовал, чтобы все отошли, и со всей силой бил по воротам, после чего, сияя, поворачивался к бурно негодующим зрителям и, как боксер, одержавший победу, приветственно вскидывал руки над головой».¹⁷

Русские персонажи встречаются и в поздних произведениях Леви, хотя их роль является, прежде всего, «декоративной». В романе «Ключ „звёздочка“» (1976) автор описывает беседы с монтажёром Фауссоне, который рассказывает о своих перипетиях в командировках по всему свету. По своей структуре книга представляет собой сборник рассказов; действие в трех из рассказов и в повествовательной рамке происходит в

¹⁵ ЛЕВИ, П. *Передышка*. Цит. соч., с. 81.

¹⁶ Там же, с. 107-108.

¹⁷ Там же, с. 134.

Советском Союзе, где и знакомятся автор-повествователь и Фауссоне, будучи оба в командировках. Здесь ряд русских действующих лиц остается на фоне повествования и просто служит для создания русско-советского колорита.

Более сложное описание русских персонажей найдем в романе «Если не сейчас, то когда?» (1982), в котором рассказывается о перипетиях бригады еврейских партизанов в борьбе против нацистов. Бригада действует в Восточной Европе, по ту сторону фронтовой линии, и направляется в Израиль. В центре внимания автора стоит не столько русский, сколько русскоеврейский мир, поэтому «русская тема» приобретает более сложную окраску, чем в «Передышке». Положительные черты, которые в «Передышке» охарактеризовывали русских персонажей (спонтанность, человечность, неформальность), в «Если не сейчас, то когда?» относятся, в основном, к евреям, а оппозиция запланированность/спонтанность, в некоторой степени, определяет русско-еврейские отношения, иногда проникнутые антисемитизмом. Показательно описание храбрости двух партизанских командиров, русского Улыбина («храбрость Улыбина была упорной и приглушенной, храбрость-обязанность, которая более походила на результат обучения и дисциплины, чем на природный дар») и еврея Гедале («Храбрость Гедале была импровизированной и разнообразной, проистекала не из какой-то школы, а из темперамента, не терпящего ограничений и не склонного к заглядыванию в будущее; где Улыбин просчитывал, Гедале бросался, как в игре»). У Гедале совмещаются «логика и безрассудная фантазия талмудистов, чувствительность музыкантов и детей; комическая сила бродячих актеров; жизненная сила, которая черпается из русской земли»¹⁸). В то же время, живая природа Гедале всё-таки связана с Россией. Идеализированный образ русского человека не исчезает совсем, частично передается еврейским героям, частично сохраняется и у других персонажей, например, у русского партизана Петра, который решил присоединиться к группе еврейских партизанов и разделять их судьбу.

Как мы видели, русские персонажи встречаются у Леви неоднократно и даже иногда играют немаловажную роль в определении поэтики писателя. Русские

---

¹⁸ [il coraggio di Ulybin era ostinato e opaco, un coraggio-dovere che sembrava il frutto di uno studio e una disciplina piuttosto che un dono naturale ... Il coraggio di Gedale era estemporaneo e vario, non scaturiva da una scuola ma da un temperamento insofferente dei vincoli e poco propenso a scrutare l'avvenire; dove Ulybin calcolava, Gedale si gettava come in un gioco ... la logica e la fantasia temeraria dei talmudisti; la sensitività dei musici e dei bambini; la forza comica dei teatranti girovaghi; la vitalità che si assorbe dalla terra russa] LEVI, P. *Se non ora, quando?* Torino, Einaudi, 2014. С. 140-141. (Здесь и далее перевод мой, если не указано иное — М В.).

персонажи – это лишь одно из проявлений плодотворного знакомства Леви с русской культурой. Здесь я ограничусь лишь тремя примерами такого «диалога» с русской литературой XX века. В 1981 г., почти одновременно с романом «Если не сейчас, то когда?», выходит книга «В поисках корней», личная антология Леви, своего рода «библиотека писателя». Из русских произведений автор «Передышки» включил в антологию только «Конармию» Исаака Бабеля (рассказы «Переход через Збруч» и «Соль»)¹⁹. Такая одновременность не случайна: именно в этот период Леви глубоко заинтересовался восточной еврейской культурой²⁰, но этот выбор касается и поэтики автора. В книге, в кратком представлении Бабеля читателю, Леви спрашивает: «До какой степени допустимо литературное использование насилия? Предел есть, это верно [...] Бабель оказывается близким такому пределу, но не превосходит его. Он спасен своей жалостью, которая является стыдливой и окрашивается иронией».²¹ Итальянский писатель здесь намекает на основополагающую черту своей поэтики²²: недосказанность, стыдливость в литературном изображении насилия, которую можно обнаружить особенно в «Человек ли это?», но также и в «Если не сейчас, то когда?» («...но то, что случилось во дворе монастыря Новоселки не будет рассказано. Не для того, чтобы описать массовые убийства, эта история сама себя рассказывает»)²³.

Другими «собеседниками» Леви в русской литературе XX века являются Варлам Шаламов и Александр Солженицын. Следы знакомства Леви с творчеством Солженицына немногочисленны и относятся к позднему периоду его литературной деятельности. Произведения русского писателя представляют собой для Леви самый важный источник для понимания явления ГУЛага. Показательный пример – книга «Канувшие и спасённые» (1986), где Леви возвращается к лагерной теме: в эссе Солженицын упоминается не раз, и приводятся цитаты из «Архипелага ГУЛАГа», а также из повести «Один день Ивана Денисовича». Несмотря на то, что Леви и здесь утверждает свою позицию об уникальности холокоста, он не отказывается от сопоставления разных аспектов жизни в немецких и советских лагерях, напрямую ссылаясь на слова Солженицына. В главе «Коммуникация» Леви, описывая жаргон лагерей, добавляет:

¹⁹ В книгу включено и произведение «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема.

²⁰ NEZRI-DUFOUR, S. *Primo Levi: una memoria ebraica del Novecento*. Firenze: Giuntina, 2002. С. 78-87; 137-144.

²¹ LEVI, P. *La ricerca delle radici*. Torino: Einaudi, 1997. С. 145.

²² NEZRI-DUFOUR, S. *Primo Levi: una memoria ebraica del Novecento*. Цит. соч., с. 92.

²³ [...ma quanto avvenne nel cortile del monastero di Novoselki non verrà narrato. Non è per descrivere stragi che questa storia sta raccontando se stessa] LEVI, Primo. 2014 *Se non ora, quando?* Цит. соч., с. 80.

«Что касается архипелага немецких лагерей, там возник свой специфический язык, лагерный жаргон, родственный языку прусской казармы и эсэсовскому новоязу, но имеющий в каждом лагере свои индивидуальные отличия. Ничего удивительного, что в советских трудовых лагерях также существовал жаргон, многие слова и выражения которого приводит Солженицын. Каждое из них сопоставимо со словами и выражениями, обозначающими те же понятия в немецком лагерном жаргоне, поэтому перевод «Архипелага ГУЛАГ» не должен был представлять особых трудностей, во всяком случае, с терминологической точки зрения».²⁴ Здесь Леви употребляет даже слово «архипелаг» для определения немецкой лагерной системы. В главе «Бесполезная жестокость» Леви обращается и к теме работы как защиты от процесса унижения. Опять собеседником в размышлениях Леви выступает Солженицын, и подробно упоминается повесть «Один день Ивана Денисовича».

Отношение Леви к Шаламову абсолютно противоположное: если Солженицын стал для Леви авторитетным источником, то Шаламов остался эпизодическим чтением, следы которого видны лишь в достаточно негативной рецензии на итальянское издание сборника рассказов (*V. Šalamov, Kolyma: 30 racconti dai lager staliniani*, Savelli, 1976).

В 90-ые годы в Италии разгорелась полемика по поводу долгого молчания левой интеллигенции о явлении ГУЛАГа, а самого Леви, именно из-за его рецензии на сборник Шаламова, включили в число тех, кто не хотел признавать историческое значение ГУЛага.²⁵ На самом деле, в этой рецензии нет никакого идеологического вытеснения советских лагерей. Конечно, отрицательное литературное суждение о Шаламове удивляет: оно относится частично к переводу, частично к «стилистическим неровностям», но, больше всего, к «личному выступлению» русского писателя. Очевидно, под «личным выступлением» Леви имел в виду письмо Шаламова в редакцию «Литературной газеты» (1972), которое было включено в итальянское издание. Автор рецензии добавляет: «такие люди, как Шаламов, в любом случае, заслуживают нашего уважения, но их масштаб уступает масштабу их коллег, которые боролись против гитлеровского террора, или тех, кто сегодня обличает преступления в Азии и Африке, совершенные западной цивилизацией». Леви упрекает Шаламова за «смирение», за отсутствие открытой реакции на насилие, которое он обнаруживает в рассказах и в письме в редакцию. Кроме письма, наверно, на его восприятие рассказов Шаламова

²⁴ ЛЕВИ, П. *Канувшие и спасенные*, пер. Е. Дмитриевой. М.: Новое издательство. 2010. С. 81.

²⁵ HERLING, G. – SINATTI, P. *Ricordare, raccontare. Conversazione su Šalamov*. Napoli: L'ancora, 1999. С. 17-19.

повлияли и слова составителя, который в послесловии охарактеризовал Шаламова как писателя, «смирившегося с насилием власти».²⁶

Однако, такое непонимание основывается не только на поспешном чтении, но также вытекает и из особенностей поэтики Леви.²⁷ Вопрос о реакции на насилие – основополагающая тема у Леви. Реакция – это прежде всего вопрос Иова о причине зла, определенный лейтмотив в творчестве итальянского писателя (именно с книги Иова начинается антология «В поисках корней»)²⁸ Несмотря на то, что в рассказах Шаламова можно найти не только «смирение», но и многочисленные примеры сопротивления злу, вопрос Иова в них, действительно, остается невыраженным (реакция принимает другую форму).²⁹

К сожалению, «встреча» с Шаламовым осталась эпизодической, но, все-таки, она, как и чтение Солженицына и Бабея, является частью «диалога», который Леви завязывает с представителями русской литературы. Именно этот «диалог» позволяет обнаружить плодотворную связь Примо Леви с русской культурой.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. CARASSO, Françoise. 2009. *Primo Levi: La scelta della chiarezza*. Torino: Einaudi, 2009. 198 p. ISBN 978-88-06-19613-4.
2. CAVAGLION, Alberto. 2002. Sulla soglia della casa di morti. In: *Ebrei senza saperlo*. Napoli: L'ancora del Mediterraneo, 2002, pp. 77-84.
3. DMITRIEVA, Elena – SOLONOVICH, Evgenij. 2005. *Primo Levi in Russia*. In: *La manutenzione della memoria: diffusione e conoscenza di Primo Levi nei paesi europei : atti del Convegno, Torino 9-10-11 ottobre 2003*. Torino: Centro di studi piemontesi, 2005, p. 300-310
4. CATALUCCIO, Francesco M. 1998. Lager e gulag in Primo Levi. In: *Nazismo, fascismo, comunismo. Totalitarismi a confronto*. Milano: Mondadori, 1998.
5. GAETA, Giancarlo. 2011. Varlam Šalamov: lo scontro con la vita reale. In: *Lo straniero* 2011, n. 132.
6. HERLING, Gustav – SINATTI, Piero. 1999. *Ricordare, raccontare. Conversazione su Šalamov*. Napoli: L'ancora, 1999, p. 17-19.

²⁶ LEVI, P. *Dai lager di Stalin*. In: *Tuttolibri*, Anno II, N. 37, 25/09/1976.

²⁷ GAETA, G. 2011. Varlam Šalamov: lo scontro con la vita reale. In: *Lo straniero* 2011, n. 132.

²⁸ Об этом см. NEZRI-DUFOUR, 2002. Цит. соч, с. 214-220.

²⁹ О Леви и Шаламове см. СОЛОВЬЁВ, С. *Последствия Освенцима: свобода как сопротивление. Примо Леви и Варлам Шаламов о свободе в условиях расчеловечивания*. СПб.: Алетейя, 2011.

7. LEVI, Primo. 1976. *Dai lager di Stalin*. In: *Tuttolibri*, Anno II, N. 37, 25/09/1976, p. 2.
8. LEVI, Primo. 1997. *La ricerca delle radici*. Torino: Einaudi, 1997. 243 p. ISBN 978-88-06-19515-1.
9. LEVI, Primo. 2005. Appendice a “Se questo è un uomo”. In: *Se questo è un uomo*. Torino: Einaudi, 2005. P. 155-178.
10. LEVI, Primo. 2014 *Se non ora, quando?* Torino, Einaudi, 2014. 344 p. ISBN 978-88-06-22140-9.
11. MENGALDO, Pier Vincenzo. 2006. Se questo è un uomo e La Tregua: due strutture narrative. In: *Primo Levi. Scrittura e testimonianza*. Firenze: Libriliberi, 2006, p. 32-43.
12. NEZRI-DUFOUR, Sophie. *Primo Levi: una memoria ebraica del Novecento*. Firenze: Giuntina, 2002. 228 p. ISBN 88-8057-154-0.
13. ДУБИН, Борис. 2010. Свидетель, каких мало, In: *Канувшие и спасенные*. М.: Новое издательство, 2010. С. 171-190.
14. ЛЕВИ, Примо. 2010 *Канувшие и спасенные*, пер. Е. Дмитриевой. М.: Новое издательство. 2010. 196 с. ISBN 978-5-98379-128-2.
15. ЛЕВИ, Примо, 2011А. *Передышка*, пер. Е. Дмитриевой. М.: Текст: Книжники. 2012. 315 [5] с. ISBN 978-5-7516-0976-4.
16. ЛЕВИ, Примо. 2011Б “Человек ли это?». пер. Е. Дмитриевой. М.: Текст: Книжники, 2011. 283[5] с. ISBN 978-5-7516-0977-1.
17. СОЛОВЬЁВ, Сергей. 2011. Последствия Освенцима: свобода как сопротивление. Примо Леви и Варлам Шаламов о свободе в условиях расчеловечивания. In: *Философия свободы*. СПб.: Алетейя, 2011. С. 223-236.

ПРОЕКЦИЯ ЭМИГРАНТСКОГО ОПЫТА НА ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО (С. ДОВЛАТОВ И ТРЕТЬЯ ВОЛНА ЭМИГРАЦИИ)¹

Иван Посохин, аспирант

Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií, Filozofická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave, posokhin1@uniba.sk

ABSTRACT: The following paper presents an attempt to identify several ways of the way émigré/exile experience reflects in the literary works and literary strategies of S. Dovlatov and other representatives of the third wave of Russian emigration. We proceed from an assertion that one of the main manifestations of émigré influence can be seen in a specific émigré/exilic self-positioning of a writer that presumes his self-identification as of a misplaced person/wrtier. We then attempt to identify several basic transformations in the way S. Dovlatov and writers of the third wave of Russian emigration perceive and depict reality of the receiving country contrasting it to their past, and the way their collective and individual identities were influenced by emigration.

Одним из основных вопросов в исследованиях литературы русской эмиграции является вопрос существования русской эмигрантской литературы как специфического вида литературы. Этим вопросом задавались уже представители первой волны эмиграции. Так, Г. Струве относится к эмигрантской русской литературе не как к специфическому виду литературы, а, скорее, как к оторванной части одной большой русской литературы, которая, однако, с эстетической стороны представляет более ценный ее элемент: «зарубежная русская литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, который – придет время – вольется в общее русло этой литературы. И воды этого отдельного, текущего за рубежами России потока, пожалуй, больше будут содействовать обогащению этого общего русла, чем воды внутрироссийские».² Подобное представление о русской литературе как о «единстве нескольких потоков» доминирует и в последующие периоды, в том числе в период формирования третьей волны. Так, в ходе конференции 1981 г., которая состоялась в Лос-Анджелесе при участии ведущих представителей третьей волны, вопрос

---

¹ Tento príspevok vznikol v rámci riešenia grantu VEGA č. 1/0078/13: *Kľúčové etapy vývoja ruského umenia 19. a 20. storočia a ich rezonancia v európskom kultúrnom priestore*.

² СТРУВЕ, Г. *Русская литература в изгнании* [ebook]. Москва: Русский путь, 1996. С. 16.

«количества русских литератур» также активно обсуждался. Большинство литераторов сошлось во мнении, что как таковая русская литература едина, но она вмещает в себя слишком много явлений и поэтому неоднородна. Одним из главных вопросов для них было выяснение доминирующей роли литературы: эстетической или моральной.³

Спустя годы после распада СССР, с развитием глобализации, вопрос о существовании специфической эмигрантской русской литературы стал терять свою актуальность. В 1999 г. А. Генис констатировал в одном из интервью исчезновение эмигрантской литературы: «Никакой эмигрантской литературы нет. И никакого специфического читателя нет. Никакой специальной цели и задачи сейчас у эмиграции нет. И слава Богу».⁴ В то же время он сомневается в том, что эмигрантская литература вообще существовала: «Трагедия любой эмигрантской литературы в том, что она развивается не через поколения, а через волны. Это значит, что у них нет наследников. <...> Поэтому, в сущности, эмигрантской литературы никогда и не было. Есть груда книг, а литературы – нет».⁵ Подобное представление отчасти отражается и в новых учебных пособиях по русской литературе, в которых эмигранты третьей волны включены в непрерывный общерусский литературный процесс.

Существуют, конечно, и другие мнения. Так, З. Зиник смотрит на эмигрантскую литературу с позиции уникальности ее темы, а эмиграцию воспринимает как специфический литературный прием, поэтому для него особая эмигрантская литература по-прежнему существует, а ее «суть, тема, сюжет – именно уход, отъезд из России, отказ от идеи единства с метрополией. Точнее, отказ от включенности в российский общественно-политический процесс».⁶ Здесь мы видим ценный для нашего исследования взгляд на литературу эмигрантов. В первую очередь, мы воспринимаем ее не как некую автономную литературу, но как литературу, произведения которой с художественной точки зрения подвержены влиянию факта эмиграции, что отражается на различных уровнях литературного текста. В этой связи важным является сознательная и активная *эмигрантская позиция* автора, который в саморефлексии определяет себя эмигрантом. Вновь прибегая к размышлениям З. Зиника, можно утверждать, что эмигрантский писатель – это тот, кто сам себя считает лицом, перемещенном в

³ МАТИСН, О. – НЕИМ, М. *The third wave: Russian literature in emigration*. Ann Arbor: Ardis, 1984. С. 23-50.

⁴ Новый Архипелаг, или Конец эмигрантской литературы. Интервью Марины Адамович с Александром Генисом. In: *Континент* [online]. 1999, № 102. [цит. 10.03. 2013] Режим доступа: <<http://magazines.russ.ru/continent/1999/102/ad27.html>>

⁵ Там же.

⁶ ЗИНИК, З. *Эмиграция как литературный прием*. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. С. 252-253.

географическом и лингвистическом смысле, тот, кто так или иначе отделен от своих читателей.⁷ Данные мотивы отделенности, перемещенности, неинтегрированности становятся сквозными в произведениях того, кого можно назвать эмигрантским писателем.

Одной из наиболее радикальных трансформаций для эмигрантского писателя становится изменение окружающей языковой среды, последствия которого отражаются не только в сложностях ежедневного общения эмигранта, но и в проекции новой языковой среды в формальную, а порой и содержательную сторону текста. Эмигрантский писатель оказывается в ситуации разрушения культурно-языковой детерминированности, обусловленной существованием лишь в одной культурной среде. При условии его открытости принимающему контексту, произведения писателя в эмиграции могут иметь более высокую степень универсальности, например, за счет ограничения языковых экспериментов, к которым располагает родная языковая среда. При этом не стоит это понимать как преимущество эмигрантского писателя перед неэмигрантским писателем, но как одно из коренных отличий в их писательских практиках. Значение новой языковой и культурной среды подчеркивает и А. Генис в рассуждениях о творчестве русскоязычных писателей, оказавшихся в Америке. По его мнению, тот факт, что эмигрантский писатель пишет в непосредственном контакте не только с английским языком, но и с англо-американской культурой, американской цивилизацией, сказывается и на том, что качественно меняется его язык, становясь более лаконичным и точным.⁸

Проекция эмигрантской реальности на тематическом уровне конкретных произведений является, на наш взгляд, еще одним объективным проявлением эмигрантской позиции автора. В наиболее широкой перспективе эмигрантский топос русскоязычных писателей-эмигрантов можно было характеризовать как изображение жизни русского эмигранта в иноязычной среде.⁹ Однако в случае третьей волны эмиграция не стала основной темой для большинства писателей, стремившихся досказать, прежде всего, то, что не могли или не успели рассказать дома: «Запад так и не вошел в плоть эмигрантской литературы».¹⁰ В этом отношении пример творчества С. Довлатова во многом уникален. Несмотря на то, что в его творчестве основной акцент

⁷ ЗИНИК, З. *Эмиграция как литературный прием*. Цит. соч., с. 25.

⁸ Новый архипелаг, или Конец эмигрантской литературы. Интервью Марины Адамович с Александром Генисом. In: *Континент* [online]. Цит. соч.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

сделан на жизни до эмиграции, в целом ряде его произведений эмиграция как жизненный опыт выходит на первый план (например, в «Марше одиноких», «Иностранке» или «Филиале»).

Одной из наиболее драматичных перемен в творчестве писателя-эмигранта становится, на наш взгляд, и трансформация его собственного восприятия страны происхождения. Мы уже не раз говорили о том, что советская Россия не покидала сферу доминирующих интересов и литературное творчество писателей третьей волны, подобно тому, как образ дореволюционной России оставалась в умах и творчестве представителей первой волны. Вполне естественно, что эмиграция обостряет все испытываемые к родине чувства. Важным, однако, является тот факт, что взгляд на родину *снаружи* вызывал принципиальные изменения в восприятии «себя прошлого на родине» и «родины без меня». В область рефлексии русского писателя-эмигранта так или иначе попадало его отношение с родиной и его положение там в прошлом. Нередко в результате данных размышлений писатель приходил к выводу, что страна, которую он представляет или хочет представлять, сама себя представляет миру совершенно по-другому. Россией эмигранта и общества, его воспринимающего, становится как бы та ее угнетенная часть, находящаяся в плену того или иного политического режима. Нередко та часть культуры, которую эмигрант увозил с собой, могла восприниматься как подлинная культура. С другой стороны, для многих эмигрантов третьей волны, кроме сильного ностальгического чувства, характерно и чувство (как осознанное, так и, возможно, неосознанное) вины за пассивное, а иногда и не только пассивное соучастие в том, что происходило в покинутой им стране. В качестве примера можно привести «Заповедник» или «Компромисс» Довлатова.

Не последнюю роль в комплексе эмигрантских влияний играет и новая «времяпространственная» среда, которая ведет, как нам кажется, к появлению специфического «эмигрантского хронотопа». На наш взгляд изменение характеристики художественного времени и пространства в произведении относится к одним из самых ярких проявлений «эмигрантскости». Мы, естественно, не утверждаем, что размещение действия произведения вне границ России сигнализирует о его эмигрантскости; для нашей концепции важным является противопоставление «заграницы» как места и времени действия родине. «Эмигрантский хронотоп» формируется индивидуально у каждого автора: так, довлатовский Нью-Йорк может отличаться от Нью-Йорка Э. Лимонова в такой же степени, как довлатовский Ленинград может отличаться от Ленинграда В. Попова. При этом присутствие эмигрантского хронотопа может не быть

основой произведения, но использование его отдельных элементов, как, например, в «Москве 2042», может перенести произведение в разряд эмигрантских по мироощущению произведений.

З. Зиник, рассуждая об изменениях эмигрантского сознания, приходит к выводу, что «самый непримиримый эмигрант, упорный в своей верности родине, не сможет не признать, что, сидя там, никогда бы не додумался до слов, которые он произносит о России здесь».¹¹ Смена «оптики» действительно играет огромную роль в подходе эмигрантского писателя к собственному творчеству, работая часто как механизм остранения, как способ выведения из «автоматизма восприятия»¹² реальности и творческого материала страны, откуда писатель эмигрировал, что в итоге находит отражение и в его произведениях. Об эмиграции или изгнании как об остранении говорят также С. Бойм и О. Матич. Согласно концепции Бойм, остранение выходит за рамки художественного феномена, становясь феноменом жизненным, особой практикой.¹³ О. Матич в статье «Дiasпора как остранение» утверждает, что «с точки зрения теории остранения изгнанничество можно представить как состояние неустойчивого равновесия, при котором неизбежные потери компенсируются открытием новых ракурсов».¹⁴ Остранение связывается с метафорой «двойной экспозиции»¹⁵ в эмигрантском творчестве, в котором происходит наложение образов и экзистенциального опыта покинутой страны на образы и опыт принимающей страны, что также способствует формированию нового художественного видения.

Комплекс влияний опыта эмиграции также способствует возникновению если не столько нового типа писателя, то, по крайней мере, новой писательской самоидентификации и, соответственно, новых писательских стратегий и перформативных практик. Эмиграция как факт биографии и личный социокультурный опыт становится составной частью идентичности писателя, что, в свою очередь, сказывается и на его творчестве. Наиболее ярко это проявляется в произведениях, в которых роль рассказчика (особенно в случае автора-рассказчика) отводится эмигранту (Довлатов, Войнович, Лимонов и др.).

¹¹ ЗИНИК, З. *Эмиграция как литературный прием*. Цит. соч., с. 19.

¹² ШКЛОВСКИЙ, В. Искусство, как прием. In: *Поэтика. Сборники по теории поэтического языка* [ebook]. Петроград: 18-я Государственная типография, 1919. С. 112.

¹³ БОЙМ, S. Estrangement as a Life Style: Shklovsky and Brodsky. In: SULEIMAN, S. *Exile and creativity: Signposts, Travelers, Outsiders, Backward Glances*. Durham and London: Duke University Press, 1998. С. 243.

¹⁴ МАТИЧ, О. Диаспора как остранение (русская литература в эмиграции). In: *Russian studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры*. Т. 2, № 2, 1996. С. 160.

¹⁵ МАТИЧ, О. – НЕЙМ, М. *The third wave: Russian literature in emigration*. Цит. соч., с. 53-61.

Если мы беремся говорить о специфике эмигрантского опыта того или иного писателя, необходимо учитывать не только его этническую принадлежность, но и принадлежность к определенной политической и культурной системе, потому что именно это играет не последнюю роль в том, как писатель будет позиционировать себя в контексте принимающей культуры, какими сторонами своей доэмигрантской биографии будет пользоваться для формирования своего образа в общественном сознании.

Если говорить о писателе как об общественной фигуре, то можно утверждать, что писатель, оказавшийся в эмиграции, практически неминуемо оказывается вовлеченным в процессы, формирующие его образ в сознании принимающей культуры и сознании более широкой общественности. Причем в данных процессах писатель может выступать и как активный субъект, так и как пассивный «объект». В первом случае мы имеем ввиду то, как писатель-эмигрант позиционирует себя после эмиграции, как он определяет свое социальное положение в стране, которую он покинул, какие факты биографии выводит на первый план, а о каких, наоборот, умалчивает. Помимо этого, немаловажным становится и этническое самоопределение писателя, поскольку это также входит в его комплексный образ. Таким образом, писателю фактически приходится снова проходить процесс, который немецкий славист А. Ваннер довольно точно назвал процессом «изобретения собственной литературной личности».¹⁶ Писатель-эмигрант также оказывается включенным в более широкий культурный контекст, где ему определяется свое место, уже на основе не зависящих от него принципов. Нередко та или иная составная часть идентичности писателя становится его главным «козырем» в новой литературной ситуации и, что особенно важно, на литературном рынке. Таким «козырем» для писателя-эмигранта могут стать как причины, по которым он вынужден был покинуть свою страну, так и его этническая принадлежность, взгляды, факты биографии, например: высылка из страны насильственным путем, репрессии, тюремный срок, физическое насилие, жертвой которого писатель мог стать на родине и т.п.

Говоря о писателях третьей волны эмиграции из СССР, можно выделить несколько базовых моментов, формировавших их коллективную идентичность. Наиболее очевидным из них является, конечно, этническая принадлежность: евреи составляли ее основу (хотя именно среди писателей было много и не-евреев¹⁷). Соответственно, факт

---

¹⁶ ВАННЕР, А. Тройная идентичность: русскоязычные евреи – немецкие, американские и израильские писатели. In: *Новое литературное обозрение* [online]. 2014, № 3 (127). [цит. 10.11.2014] Режим доступа: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/11v.html>>

¹⁷ YOUNG, J. *Sergei Dovlatov and His Narrative Masks*. Evanston: Northwestern University Press, 2012. С. 36.

принадлежности к данному этносу становился основополагающим элементом идентичности эмигрантского писателя третьей волны. Хотя, с другой стороны, стоит отметить, что многие писатели-евреи в дальнейшем часто самоидентифицировались не со своей собственно этнической принадлежностью, а, скорее, с языковым и культурным контекстом, из которого они происходили, т.е. с русским языком и русско-советской культурой.

С точки зрения социально-политического самоопределения, для эмигрантов третьей волны была в целом характерна позиция *несогласия* по отношению к механизмам функционирования советского государства. Несогласие могло проявляться в различных формах, наиболее выразительными из которых были диссидентство, правозащитная деятельность и, собственно, сама эмиграция. Характером противостояния того или иного писателя с режимом во многом определялся его «вес» в череде эмигрантов и, соответственно, количество внимания, уделяемого его персоне.

Поскольку большинство наиболее заметных писателей третьей волны эмиграции относилось к русскоязычной литературной традиции, то в их коллективном образе они отождествлялись (или отождествляли себя) со всей судьбой народа и страны, поэтому и отношение к метрополии оставалось для них важным моментом. Третью волну, однако, характеризовало во многом иное отношение к родине, по сравнению, например, с первой волной. Русско-советское прошлое редко становилось объектом идеализации, скорее, ироничного и критичного переосмысления. Им было свойственно то, что С. Бойм определила как «рефлексирующая» ностальгия, не стремящаяся к воссозданию часто мифологизированного прошлого. О. Матич даже утверждает, что частью коллективной идентичности третьей волны чувство ностальгии вообще не было¹⁸, а ее место «заняло либо постмодернистское ироническое переосмысление советских культурных мифов метрополии с последующим дистанцированием от них (Синявский, Аксенов), либо их тотальное разоблачение с позиции морального императива (Солженицын)».¹⁹ Данное противоречивое отношение к прошлому, его критическое переосмысление, таким образом, становилось одним из основополагающих элементов идентичности эмигрантов третьей волны и их дискурса.

---

¹⁸ МАТИЧ, О. Литература Третьей волны: границы, идеология, язык. In: *Новое литературное обозрение* [online]. 2014, № 3 (127), [цит. 10.11.2014] Режим доступа: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/21m.html>>

¹⁹ ПРОХОРОВА, И. Диаспорическое воображение и культурная идентичность. In: *Новое литературное обозрение* [online]. 2014, № 3 (127). [цит. 15.11.2014]. Режим доступа: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/1pr.html>>

С. Довлатова также характеризовало противоречивое отношение к стране, из которой он уехал, но, как нам кажется, в этих противоречиях он никогда не приходил к крайним позициям, чаще всего занимая некое промежуточное положение. В целом, эта «промежуточность» видится очень важным компонентом в образе Довлатова как писателя-эмигранта. Прежде всего, о Довлатове-писателе приходится говорить, как о писателе с размытым национальным происхождением, поэтому в художественных текстах и публичных выступлениях он причисляет себя то к неназванному «симпатичному национальному меньшинству»²⁰, то напрямую к еврейской общине, то вспоминает о своих кавказских корнях, желая при всем этом быть «русским писателем».²¹ Подобный этнический «коктейль» в самоидентификационном комплексе выливался практически всегда в аутсайдерство, поскольку ни с одним из строго очерченных этническими рамками контекстов он полностью соотнестись не мог. Поэтому, видимо, ситуация эмиграции, причем именно в США с их мультикультурализмом, стала для него выигрышной, поскольку для Довлатова стала возможной игра с собственным происхождением и собственной расщепленной идентичностью, к которой теперь добавилась еще и эмигрантскость. Работая в автобиографическом ключе, Довлатов уже в первых произведениях, изданных в эмиграции, разработал определенную стратегию в представлении себя читателю, которая как раз основывалась на охарактеризованном выше аутсайдерстве, не-включенности ни в один контекст. Подобную стратегию можно назвать *гибридной*: ее характеризует признание автором собственной культурной гибридности и использование ее в роли приема художественного остранения, а также использование возможностей языка для подчеркивания собственного включения или исключения из описываемого культурного контекста.²² В определенной мере писательская стратегия Довлатова стала своего рода прообразом того, каким путем стала развиваться литература представителей русской диаспоры на современном этапе: идентификация себя как писателя некоего «промежуточного» типа, не только с точки зрения стилистики, но и с точки зрения восприятия разорванности собственной идентичности.

---

²⁰ ДОВЛАТОВ, С. Заповедник. In: *Собрание сочинений в 4-х томах*. Т. 2. СПб.: Азбука, 2011. С. 269.

²¹ ДОВЛАТОВ, С. Литература продолжается. In: *Собрание сочинений в 4-х томах*. Т. 4. Цит. соч., с. 343.

²² БРЕЙНИНГЕР, О. Модели самоидентификации и литература российской диаспоры в современной Германии. In: *Новое литературное обозрение* [online]. 2014, № 3 (127). [цит. 10.11.2014] Режим доступа: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/22b-pr.html>>

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. BOYD, Svetlana. Estrangement as a Life Style: Shklovsky and Brodsky. In: SULEIMAN, Susan Rubin (ed.). *Exile and creativity: Signposts, Travelers, Outsiders, Backward Glances*. Durham and London: Duke University Press, 1998. ISBN 978-0822322153. P. 241-262.
2. МАТИЧ, Ольга – HEIM, Michael, eds. 1984. *The third wave: Russian literature in emigration*. Ann Arbor: Ardis, 1984. 304 p. ISBN 0-88233-783-1.
3. YOUNG, Jekaterina. 2012. *Sergei Dovlatov and His Narrative Masks*. Evanston: Northwestern University Press, 2012. 290 p. ISBN 978-0810128705.
4. БРЕЙНИНГЕР, Ольга. 2014. Модели самоидентификации и литература российской диаспоры в современной Германии. In: *Новое литературное обозрение* [online]. ISSN 0869-6365, 2014, № 3 (127). [цит. 10.11.2014] Режим доступа: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/22b-pr.html>>
5. ВАННЕР, Адриан. 2014. Тройная идентичность: русскоязычные евреи – немецкие, американские и израильские писатели. In: *Новое литературное обозрение* [online]. ISSN: 0869-6365, 2014, № 3 (127). [цит. 10.11.2014] Режим доступа: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/11v.html>>
6. ДОВЛАТОВ, Сергей. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 2064 с. ISBN 978-5-389-02259-1.
7. ЗИНИК, Зиник. 2011. *Эмиграция как литературный прием*. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 264 с. ISBN 978-5-86793-865-9.
8. МАТИЧ, Ольга. 1996. Диаспора как остранение (русская литература в эмиграции). In: *Russian studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры*. Т. 2, № 2, 1996. С. 158-179.
9. МАТИЧ, Ольга. 2014. Литература Третьей волны: границы, идеология, язык. In: *Новое литературное обозрение* [online]. ISSN: 0869-6365, 2014, № 3 (127), [цит. 10.11.2014] Режим доступа: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/21m.html>>
10. Новый Архипелаг, или Конец эмигрантской литературы. Интервью Марины Адамович с Александром Генисом. In: *Континент* [online]. 1999, № 102. [цит. 10.03.2013] Режим доступа: <<http://magazines.russ.ru/continent/1999/102/ad27.html>>
11. ПРОХОРОВА, Ирина. 2014. Диаспорическое воображение и культурная идентичность. In: *Новое литературное обозрение* [online]. ISSN: 0869-6365, 2014, №

3 (127). [цит. 15.11.2014]. Режим доступа:
<<http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/1pr.html>>

12. СТРУВЕ, Глеб. 1996. *Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп.* [ebook]. Москва: Русский путь, 1996. 448 с. ISBN: 5-85887-012-0.
13. ШКЛОВСКИЙ, Виктор. 1919. Искусство, как прием. In: *Поэтика. Сборники по теории поэтического языка.* [ebook]. Петроград: 18-я Государственная типография, 1919. С. 101-114.

ВТОРАЯ ВОЛНА НОВОГО РУССКОГО РЕАЛИЗМА

Katarzyna Roman-Rawska, магистр

Институт Русистики, Факультет прикладной лингвистики, Варшавский университет,
katarzyna.roman@uw.edu.pl

ABSTRACT: The paper reflects on the recent Russian literary current called the New Russian Realism. The author describes the evolution of the current from the very beginning in late 90s (the first wave) until today (the second wave, starting in 2001). She also indicates its intellectual origins and reports on the problems being undertaken by the writers in their works. Furthermore, the paper offers a precise, sociologically-oriented definition of the New Russian Realism as a literary current.

1. Введение

Целью данной обзорной статьи является собрание и сопоставление опубликованных научных и литературно-критических материалов, которые проблематизируют вопрос **нового реализма**, литературного течения возникшего в России в конце XX века и имевшего свой расцвет в нулевые годы XXI века. Результатом станет систематизация доступной на эту тему информации, многоаспектная характеристика вопроса, а также попытка определить само понятие **нового русского реализма**.¹ Основной задачей, является попытка ответить на вопрос о том, какого рода общественно-литературным феноменом является **новый реализм**. Можно ли говорить об однородном литературном течении? Существуют ли предпосылки, чтобы определять новый реализм как литературную группировку, которая имеет своеобразную структуру? Или лучше говорить о новом литературном поколении, которое не в состоянии найти место в современном русском литературном поле? Постараемся также пересмотреть название **новый реализм**, так как оно вызывает сомнения многих критиков и исследователей а также ассоциируется с французским художественным движением 60 гг. (*Nouveau Réalisme*).²

---

¹ На данном этапе исследования, нельзя говорить о новом реализме, как явлении, которое может выйти за пределы русского литературного поля. Таким образом, часто появляется словосочетание «новый русский реализм» и само выражение «новый реализм» будет также применяться к русским условиям.

² Как показывают исследования французский новый реализм не имеет общих черт с русским новым реализмом, не был он также вдохновением для русских авторов.

По данным исследования самой главной чертой в характеристике этого феномена является его **общественный и политический аспект**.

2. Степень разработанности проблемы

Новый русский реализм до сих пор недостаточно изучен и описан в пространстве литературоведения, социологии литературы и смежных областей, как в русском, так и в польском исследовательском контексте.³ Англоязычные источники также не дают достаточных знаний на тему генезиса этого течения, а также не формулируют дефиниции этого общественно-литературного явления. Областью нового реализма подробно интересовались до сих пор разные (с идейной точки зрения) русские среды литературной критики.⁴ Однако стоит учесть, что опыты их деятельности – это не научные разработки.

3. Собственные исследования

Настоящее исследование основывалось на тщательном анализе научной литературы и критических статей, появляющихся на страницах самых важных литературных журналов в России и касающихся явления нового реализма.⁵ Невозможно здесь говорить о единогласии исследователей и критиков. Огромное разногласие касается даже основных фактов, таких как: происхождение нового реализма, хронология явления, принадлежность авторов, литературная программа или принадлежность к определенному поколению. Граница между сторонниками и противниками говорить о новом русском реализме как явлении, которое на самом деле произошло в русском литературном поле, проходит вдоль идеологических делений. Лагерь консервативных критиков и исследователей признает новых реалистов продолжателями русской литературной традиции. Либеральный лагерь, называет их «варварами литературы», обвиняя их произведения в низкой художественной ценности. Кроме того, по мнению этих критиков, новые реалисты слишком сосредоточились на действительности, и это

---

³ Среди польских исследователей, проблему первой волны «нового русского реализма» поднимали: Янина Салайчикова а также Алиция Володзько-Буткевич. Затем, самым новым источником является короткое введение в *Антологию новой русской драмы* под редакцией Андрея Москвина, изданную в 2013 году. Все упомянутые обработки все-таки необширны а новый реализм выступает как добавочный вопрос к другими литературными явлениями.

⁴ Об идейном разнообразии русских литературных сред неоднократно писала Алиция Володзько-Буткевич. Наиболее подробно описывает эту проблему в монографии *Od pieriestrojki do laboratoriów netliteratury Przemiany we współczesnej prozie rosyjskiej* изданной в 2004. После распада Советского Союза среди критиков возникли разделения «вызванные их политическими взглядами» (как пишет автор монографии). В либеральном течении, открытым на Запад, нашлись сотрудники таких литературных журналов, как «НГ Ель Либрис», «Новое литературное обозрение», «Октябрь», «Континент» итд. Консервативное течение – это «Москва», «Наш современник» и «День литературы». Вне этой дебаты остались журналы академического профиля, как «Вопросы литературы».

⁵ Сгруппированные в интернете на сайте <<http://magazines.russ.ru/>>.

сближает их литературу с произведениями нон-фикшн (с репортажем или вообще с публицистикой).

Независимо от этих противоречий, на основе собранных и проанализированных материалов можно считать, что новый реализм на самом деле существует в русском литературном поле. Стоит согласиться с утверждением, что трудно говорить об однородном литературном течении. Тем не менее, если предположить, что элементы, образующие новое литературное направление, это общие идеи, совпадающее мировоззрение авторов и общие темы или мотивы, новый реализм может рассматриваться как отдельное течение нынешнего русского литературного процесса, а представителей этого направления – можно рассматривать в качестве неофициального литературного поколения, которое стремится к некоторой форме институционализации.⁶

Сам термин новый реализм вызывает споры среди критиков. Сомнения вызывает отношение молодых литераторов к самому понятию реализм, так важному для русского культурного пространства.⁷ Они утверждают, что молодые авторы не имеют в виду реализм, который понимается как творческий стиль или метод. Новые реалисты используют термин реализм для обозначения общественной критики, которая находится в содержании их произведений. Значит по мнению этих критиков этот реализм слишком уходит от формы. Некоторые из этих критиков предполагают употреблять более адекватное название, как например: *новые левые*, *новая социальная литература*, *протестная литература* или *трансавангард* – это только некоторые предложения.⁸

3.1. Генезис и хронология

В конце последнего десятилетия XX века в России все чаще говорится о возрождающемся течении реалистической прозы. Неожиданно в русском литературном процессе появились до сих пор маргинальные авторы, пишущие о настоящем, и поднимающие вопрос серой повседневности простых россиян. Среди них были: Олег Павлов (1970), Михаил Бутов (1964) и Алексей Варламов (1963). Они писали про серую жизнь, атмосферу маразма, а также про борьбу человека с подавляющей действительностью.⁹ Здесь идет речь о так называемой **первой волне нового реализма**.

⁶ MOSKWIN, Andriej. 2013. Spór o nowy realizm. In: *Antologia współczesnego dramatu rosyjskiego. Tom 1: Nowy realizm*. Warszawa, s. 9.

⁷ Оттуда, как утверждает Олег Павлов, один из основоположников течения нового реализма «Реализм это вера»: In: ПАВЛОВ, Олег. 1998. Метафизика русской прозы. In: *Октябрь* [online]. 1/1998, [cit.25.01.2015]. Online <http://lib.ru/PROZA/PAVLOV_O/kritika1998.txt_with-big-pictures.html>

⁸ БОЙКО, Михаил. 2010. О дивный новый реализм. In: *Литературная газета* [online]. 12/2010. [cit.25.01.2015]. Online <<http://www.lgz.ru/article/12106/>>

⁹ WOŁODŹKO-BUTKIEWICZ, Alicja. 2004. *Od pieriestrojki do laboratoriów netliteratury. Przemiany we współczesnej prozie rosyjskiej*. Warszawa, s. 90.

Тогда, во время деполитизации и перехода на рыночную систему в области литературы, реализм «сознательно ориентируется на разрушение мифов, на показывание того, чего соцреализм не любил и чего избегал: тесноты и духоты коммуналок, индивидуальности в разных ее проявлениях, равнодушия окружения, неизлечимых болезней, безумия, чувства тупика в человеческой экзистенции, вездесущего мерзавства, алкоголизма и его физических и моральных последствий».¹⁰ В случае первой волны нового реализма нельзя пока говорить о полной **политичности литературы**, но стоит отметить четкую тенденцию к возвращению к сложным общественным темам.

Вслед за первой волной нового реализма уже в начале XXI века дебютирует молодое поколение непокорных, с литературной и политической точки зрения, авторов: Сергей Шаргунов (1980), Роман Сенчин (1971), Герман Садулаев (1973), Андрей Рубанов (1969), Михаил Елизаров (1973), Захар Прилепин (1975) и другие. Они составили так называемую **вторую волну нового реализма**, которая существует до сих пор. Принадлежность к определенному поколению – это очень важный компонент идентичности этой группы. В случае этого литературного поколения стоит говорить об общем опыте политической трансформации и общих уроках истории, которыми были 90 гг. XX века в постсоветской России. Самый главный момент общей для этого поколения писателей траектории – это политический перелом нулевых годов.

Новый реализм был прежде всего ответом на безыдейное, по мнению самих авторов, литературное течение постмодернизма. В программном манифесте Сергея Шаргунова «Отрицание траура»¹¹ 2001 года, появляется требование возратить литературе общественную значимость. Автор спрашивал также об утраченном эгалитаризме русской культуры и упрекал постмодернистов в элитаризме и чрезмерном автоматизме их творчества. Молодых авторов – новых реалистов – раздражала интертекстуальность, фрагментарность, а также использованные постмодернистами эксклюзивные, по их мнению, литературные игры с читателем. Постмодернистская литература казалась им слишком элитарной (значит такой, которая была доступна узкому кругу экспертов или читателям с высоким уровнем культурной компетенции), в то время как новый реализм выступал как сторонник и выразитель демократизации в литературе. В манифесте появлялись прежде всего политические и идейные аргументы, Шаргунов в меньшей степени обращал внимание на комплекс композиционных,

¹⁰ SAŁAJCZYKOWA, Janina. 1998. *Dziesięciolecie przemian. Proza rosyjska lat 1985-1995*. Gdańsk. s. 13-14.

¹¹ ШАРГУНОВ, Сергей. 2001. Отрицание траура. In: *Новый мир* [online]. 12/2001, [cit.25.01.2015]. Online <http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov.html>

художественных, стилистических или языковых черт, которые должны определять новую литературу. По мнению Шаргунова, самое главное – это то, что литература должна затрагивать веские, общественные и политические вопросы. Творчество нового поколения реалистов должно стать актуальным комментарием к общественным реалиям, не теряя высокой художественной ценности. В противоположность постмодернистам, новые реалисты отказываются от пародии на родную действительность. Здесь появляется четкая дихотомия, разделяющая русскую литературу на: «свою», которую требуется рассматривать как серьезную рефлексию на тему действительности, и «чужую» для русской культуры, воспринимаемой как конгломерат неясных, лишних, а прежде всего простых «литературных штучек».

Новый реализм, по идее Сергея Шаргунова, а также вторящих ему Валерии Пустовой (в манифесте 2005 года «Пораженцы и преображенцы. О двух актуальных взглядах на реализм») и Андрея Рудалева (в критическом очерке «Катехизис „нового реализма“». Вторая волна. Не так страшен „новый реализм“, как его малюют»), это прежде всего «прямая принадлежность к русской культуре и традиции. „Новый реализм“ – одно из проявлений нации перед реальной опасностью потери своей идентичности».¹² Проза новых реалистов имела реальную задачу – стать ответом на нестабильность, принимать реальное участие в общественной жизни, тем временем, как, проза 90 гг. была просто ревизией советского прошлого, поисками когда-то подцензурных произведений. В том смысле «принадлежность к русской культуре и традиции» – это попытка найти непрерывность в литературной традиции, а также желание вернуть русской литературе ее мировую эстиму (со времен ее великолепия, периода реализма XIX в.). По мнению новых реалистов, разрывом с традицией был период господства постмодернизма. Новые реалисты категорически отрекаются от эстетики, поэтики, а прежде всего философии, в рамках которой в свое время Фрэнсис Фукуяма объявил смерть «великих повествований»¹³ и упадок единой доминирующей идеологии. Авторы нового реализма возвращаются к поискам общественных «повествований», а их произведения очень часто реализуют требования определенной идеи или идеологии.¹⁴

¹² РУДАЛЕВ, Андрей. 2010. Катехизис «нового реализма». Вторая волна. Не так страшен «новый реализм», как его малюют. In: *Росписатель* [online]. [cit.25.01.2015]. Online <<http://www.rospisatel.ru/konferenzija/rudaljev.htm>>

¹³ FUKUYAMA, Francis. 1996. *Koniec historii*. Poznań.

¹⁴ Захар Прилепин в своей прозе реализует идеи партии Национал-Большевиков, конгломерат ценностей консервативного национализма и империализма. Он также ожидает общественной революции, Роман Сенчин обращается к основам марксизма и социализма, Сергей Шаргунов внушает потребность обратиться к национальной, локальной традиции.

Процесс эволюции нового реализма приравнивается к пути XIX в. русского реализма: начиная с натуральной школы 40 гг., вместе с ее наблюдением и протоколированием общественной жизни, переходя к социальному роману и его общественным диагнозам. Шаргунов обращается также к традиции русского акмеизма (кларизма), с его отрицанием многозначности и требованием портретировать действительность, такую, как она есть, без многозначного символа. Наконец, что вызывает больше всего споров среди исследователей, новые реалисты стараются обновить и продолжать литературную традицию советского реализма, к которому обращались представители поколения шестидесятников и деревенской прозы.

3.2. Попытка дефиниции

Новый реализм характеризует критический подход к действительности, ревизия постмодернистской рефлексии на тему общества и культуры, а также возвращение к реализму, который понимается как творческий метод. Очень важным компонентом нового реализма является обращение к русской литературной традиции – к великим реалистическим романам XIX века, к русскому опыту модернизма и авангарных движений XX века. Требование возвращения к корням, было направлено против постмодернизма, представители которого отрицали или высмеивали канон русской классической литературы.¹⁵

Указывание на темные стороны жизни без потребности употреблять эвфемизмы, цензуру или автоцензуру, принятие перспективы героев второго плана, а также подчеркивание социального аспекта как определяющего состояние современного общества, – это характерные черты интерпретации русской действительности после 1991 года, которую создают новые реалисты.¹⁶ В этом смысле можно согласиться с исследователями, которые сравнивают новый русский реализм с опытом русской натуральной школы 40 гг. XIX века и народническим творчеством, которое «отрицает мерзости жизни».¹⁷

Как кажется, нет возможности говорить о новом реализме как об однородном литературном течении, которое представляет собой тесно связанный комплекс

¹⁵ WOŁODŹKO-BUTKIEWICZ, Alicja. 2004. *Od pieriestrojki do laboratoriów netliteratury. Przemiany we współczesnej prozie rosyjskiej*. Warszawa. s. 229–247.

¹⁶ Ранний теоретик нового реализма – Олег Павлов – в статье *Метафизика русской прозы* обращает внимание на задачи литературы, к которым принадлежат поиски правды, подлинное описание происходящего. Он подчеркивал потребность обновления русской реалистической литературной традиции.

¹⁷ WOŁODŹKO-BUTKIEWICZ, Alicja. 2004. *Od pieriestrojki do laboratoriów netliteratury. Przemiany we współczesnej prozie rosyjskiej*. Warszawa. s. 255.

жудожественных, композиционных, стилистических и языковых черт. Стили упомянутых писателей значительно отличаются друг от друга. Таким образом нельзя говорить о похожей поэтике (способе организации произведения). Авторы нового реализма объединяет единство идеи. Следует говорить о политичности этой литературы или, в некоторых случаях о политичности в этой литературе.¹⁸ Новый реализм не является литературным течением в классическом литературоведческом истолковании. Имеет черты дискурса, который понимается в этом случае, как процесс использования литературного языка с целью принять участие в дискуссии, высказать свое мнение на общественные темы или вовлечь читателя в обсуждение темы связанной с механизмом существования власти.¹⁹ Роль литератора, кроме внимательного наблюдения за действительностью, это также влияние на эту действительность. Новый реализм это не просто описание существовавшего до сих пор порядка, это также амбиция сделать литературу орудием общественного изменения.

4. Проблематика творчества новых реалистов

Проза новых реалистов сосредоточена вокруг проблем российского общества. В большинстве своем герои этой литературы происходят из общественных низов, рабочего класса или первого поколения выдвинутых при социализме семей, которые деклассировались сразу после распада СССР. Молодые писатели пишут о людях, которые проиграли жизнь, которые являются неудачниками, а также о людях, которые обособились из общественного мира и живут на периферии собственной экзистенции. В творчестве новых реалистов современное русское общество показывается как усталое, дезориентированное, и очень пассивное.

В умеренном варианте их творчества, внимание заслуживает судьба человека на фоне общественных перемен 90-ых и нулевых годов. Примером служит проза Романа Сенчина – автор стремится создать литературную хронику этого периода. Прежде всего, Сенчин пытался уловить дух этого времени, в котором все окончательно распадается и деградируется – дома, среда и, самое важное, люди. Стремился также создать типы героев, которые бы соответствовали этой эпохе. Автор, описывая социальную ловушку в которой находится общество, является бескомпромиссным – указывает на бедность

---

¹⁸ CZAPLIŃSKI, Przemysław. 2013. Polityczność w literaturze i polityczność literatury. In: *Refleksje* nr 8/2013, s. 79-80.

¹⁹ Определение происходит из материалов международного «круглого стола» под заглавием «Дискурс в академической перспективе» под ред. I. Uchwanowej-Szmygowej, M. Sarnowskiego, T. Piekota, M. Poprawy i G. Zarzeczego, Минск 2010.

жилищных условий, безработицу, патологии, агрессию и инертность.²⁰ В более решительном варианте новый реализм призывает к индивидуальному бунту против такой ситуации, а также указывает на потребность обращения к патриотическим ценностям. Здесь примером является творчество Сергея Шаргунова, который главной темой своей прозы делает именно протест и необходимость вовлечения человека в общественную жизнь.²¹ В своем самом радикальном варианте новый реализм призывает читателя к политической деятельности и реальной борьбе за общественное изменение, например, в форме революции. Она также затрагивает проблему коллективной идентичности в современной России, а решение этой проблемы находит в сильной идентификации с идеей цивилизационного своеобразия России. Главной точкой этой концепции является требование сильного национального государства – в нем необходима независимость от Запада и доминирование группы этнических русских. Образцовый пример – это проза Захара Прилепина, послание которого является однозначным.²²

БИБЛИОГРАФИЯ:

На польском языке

1. FUKUYAMA, Francis. 1996. *Koniec historii*. Poznań, Zysk i S-ka. 308 s. ISBN 83-7150-149-8.
2. CZAPLIŃSKI, Przemysław. 2013. Polityczność w literaturze i polityczność literatury. In: *Refleksje* nr 8/2013, s. 79-80.
3. MOSKWIN, Andriej. 2013. *Antologia współczesnego dramatu rosyjskiego. Tom 1: Nowy realizm*. Warszawa, Wydawnictwo SOWA. 209 s. ISBN 978-83-928428-1-1.
4. SAŁAJCZYKOWA, Janina. 1998. *Dziesięciolecie przemian. Proza rosyjska lat 1985-1995*. Gdańsk, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 189 s. ISBN 83-7017-817-0.
5. WOŁODŹKO-BUTKIEWICZ, Alicja. 2004. *Od pieriestrojki do laboratoriów netliteratury. Przemiany we współczesnej prozie rosyjskiej*. Warszawa, Studia Rossica, 438 s. ISBN 83-917819-7-6.

²⁰ ROMAN-RAWSKA, Katarzyna. 2015. Socjalny pesymizm w prozie Romana Sienczina. Материал в публикации.

²¹ ROMAN, Katarzyna. 2014. Протестная литература в России. Творчество Сергея Шаргунова. In: *Pražská Rusistika 2014*. Praha. S. 194-2014

²² ROMAN, Katarzyna. 2014. Zwrot polityczny w literaturze rosyjskiej, czyli Lewy Front Sztuki według Zachara Prilepina. In: *Poznańskie Studia Slawistyczne* nr 6/2014, s. 201-212.

6. ROMAN, Katarzyna. 2014. Протестная литература в России. Творчество Сергея Шаргунова. In: *Pražska Rusistika 2014* [CD-ROM], Praha, Pedagogická fakulta Univerzity Karlovy v Praze, 2014, s. 194-204. ISBN 978-80-7290-785-4. Online <http://userweb.pedf.cuni.cz/krl/wpcontent/uploads/2012/11/Pražska_rusistika_sbornik_2014.pdf>
7. ROMAN, Katarzyna. 2014. Zwrot polityczny w literaturze rosyjskiej, czyli Lewy Front Sztuki według Zachara Prilepina. In: *Poznańskie Studia Slawistyczne* nr 6/2014, s. 201-212.
8. ROMAN-RAWSKA, Katarzyna. 2015. *Socjalny pesymizm w prozie Romana Sienczina*. materiał w publikacji.

На русском языке:

1. БЕЛЯКОВ, Сергей. 2010. Реванш. In: *Литературная газета* [online]. 16-17/2010. [cit. 25.01.2015]. Online <<http://www.lgz.ru/article/12448/>>
2. БОЙКО, Михаил. 2010. О дивный новый реализм. In: *Литературная газета* [online]. 12/2010. [cit. 25.01.2015]. Online <<http://www.lgz.ru/article/12106/>>
3. БОНДАРЕНКО, Владимир. 2010. Попытка прорыва. In: *Литературная газета* [online]. 13/2010. [cit. 25.01.2015]. Online <<http://www.lgz.ru/article/12210/>>
4. КУКУЛИН, Илья. 2010. «Какой счет?» как главный вопрос русской литературы. In: *Знамя* [online]. 4/2010, [cit. 25.01.2015]. Online <<http://magazines.russ.ru/znamia/2010/4/ku19.html>>
5. ЛОРЧЕНКОВ, Владимир. Русский Олимп – брошенный диван. In: *Октябрь* [online]. 2/2010. [cit.25.01.2015]. Online <<http://magazines.russ.ru/october/2010/2/lo19.html>>
6. ПАВЛОВ, Олег. 1998. Метафизика русской прозы. In: *Октябрь* [online]. 1/1998, [cit.25. 01.2015]. Online <http://lib.ru/PROZA/PAVLOV_O/kritika1998.txt_with-big-pictures.html>
7. ПИРОГОВ, Лев. 2011. «Погнали наши городских», In: *Литературная газета* [online]. 2011, [cit. 25.01.2015]. Online <<http://old.lgz.ru/article/11875>>
8. ПУСТОВАЯ, Валерия. 2005. Пораженцы и преображенцы. О двух актуальных взглядах на реализм. In: *Октябрь* [online]. 5/2005, [cit. 25.01.2015]. Online <<http://magazines.russ.ru/october/2005/5/pust18.html>>
9. РУДАЛЕВ, Андрей. 2010. Катехизис «нового реализма». Вторая волна. Не так страшен «новый реализм», как его малюют. In: *Росписатель* [online]. [cit. 25.01.2015]. Online <<http://www.rospisatel.ru/konferenzija/rudaljev.htm>>
10. ФРОЛОВ, Игорь. 2010. «Новый реализм» как диктатура хамства. In: *Литературная газета* [online]. 11/2010, [cit. 25.01.2015]. Online <<http://www.lgz.ru/article/12025/>>

11. ШАРГУНОВ, Сергей. 2001. Отрицание траура. In: *Новый мир* [online]. 12/2001, [cit. 25.01.2015]. Online <http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov.html>

~ Sekcia dejín a kultúry ~

VLADISLAV TORNOVOJ – MUČEDNÍK?

Mgr. Jaroslav Sommer

Katedra rusistiky a východoevropských studií, Filozofická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave, sommer.jaroslav@uhk.cz

РЕЗЮМЕ: Владислав Торновой был жестоко убит в ночь с 9 на 10 мая 2013 года своими друзьями. По словам одного из убийц, это убийство было совершено на почве гомофобии. Почти сразу же стали не только российские, но и зарубежные средства массовой информации обсуждать обстоятельства убийства и уровень гомофобии в России. Доклад рассматривает разнообразие мнений, которые появились в СМИ.

1. Expozice

Ačkoliv Vladislav Tornovoj ještě na začátku května 2013 nemohl ani zdaleka předpokládat, že se někdy proslaví, umístil na sociální síť několik prorockých slov: „меня весь район знает – а скоро будет знать весь город и вся страна!!!!“¹ Jeho jméno se o několik dní později vskutku objevilo na stránkách světového tisku, avšak toto jméno bylo zmiňováno v souvislosti s násilnou smrtí jeho nositele. Kauza, která se rozpoutala vzhledem k brutalitě a motivům útoku, byla bedlivě sledována jak ruskými a zahraničními médii, tak i mnohými známými osobnostmi, politiky a nejrůznějšími organizacemi.

2. Kolize²

Samotné vraždě předcházely oslavy Dne vítězství. Když se třiaadvacetiletý Tornovoj vracel domů, byl napaden svými známými. Ráno 10. května, po nálezů jeho těla, se ihned započalo pátrání po pachatelích. Ti byli dopadeni a zatčeni ještě téhož dne. Nejen Volgograd, v němž se celá záležitost udála, byl šokován brutalitou napadení. Zatčeni byli celkem tři lidé, kteří byli celé události přítomni, přičemž jeden z nich byl vzápětí propuštěn jako svědek.³ Při rekonstrukci činu⁴ zadržený vypověděl, že oběť byla nejprve útočníky kopána do žeber a do

---

¹ ТУРОВСКИЙ, Даниил. 2013. «Стал геем, чтобы оттуда сбежать» [online]. [cit. 09-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://lenta.ru/articles/2013/05/23/volgograd/>>

² Téměř totožný popis vraždy přinesla média v Ruské federaci i v zahraničí. Otištěn byl v mírně pozměněných zněních hned v několika jazycích. Zpráva se objevila dokonce i na českém internetu: <<http://www.novinky.cz/zahranicni/evropa/301694-mladeho-rusa-brutalne-umucili-protoze-se-priznal-ze-je-gay.html>>

³ В Волгограде задержаны трое подозреваемых в убийстве гомосексуалиста [online]. 2013. [cit. 28-01-2015]. <<http://www.aif.ru/incidents/304189>>

⁴ Část záznamu z rekonstrukce vraždy je součástí reportáže televize NTV a je dostupná online: <<http://www.ntv.ru/novosti/597456/>>

hlavy a následně vysvlečena. V tu chvíli vznikly nejen zlomeniny žeber, ale i mnohačetné řezné rány po celém těle, včetně intimních partií. Poté útočníci přistoupili k tomu, že oběti kopnutím vpravili půllitrovou lahev od piva do konečníku. Podobným způsobem pokračovali, dokud nezjistili, že třetí lahev se do oběti již nevejde celá.⁵ Následně útočníci Tornového ještě jednou zkopali a rozhodli se, že jeho tělo nechají shořet. Z toho důvodu jej přenesli na karton, jež se jim však podpálit nepodařilo. Shodli se tedy na tom, že tělo ponechají svému osudu a šli domů. Ještě po cestě si mladí muži uvědomili, že pokud by Tornovoj napadení přežil, udal by je a oni by šli do vězení, tudíž se usmysleli, že se k tělu ještě vrátí. Aby si mohli být jisti, že je Tornovoj mrtev, vzal jeden z útočníků do rukou dvacetikilogramovou dlažební kostku a osmi ranami oběti rozbil hlavu.⁶

Pitva prokázala, že Vladislav Tornovoj zemřel na následky úderu tupým předmětem do hlavy.⁷ Napadený byl pravděpodobně v bezvědomí od té doby, kdy byl znásilňován lahvemi od piva.⁸

Jeden ze zadržených nejprve tvrdil, že byl natolik opilý, že si z noci nic nepamatuje.⁹ Druhý se přiznal okamžitě.¹⁰ Na oděvu obou podezřelých se našly stopy krve. Ten z pachatelů, který vypovídal, prohlásil, že motivem pro ně byl coming-out jejich přítele.¹¹ Tato informace teprve dodala události jistý politický nádech, díky němuž získala pozornost i světových médií. Celá kauza ještě vygradovala debaty, které se vedly ohledně zrovna projednávaného zákona „О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию“¹²

⁵ Anton Smolin, jeden z vrahů, doslova uvedl: „Я взял бутылку и засунул ее горлышко в анальное отверстие, а Леха ударил по бутылке ногой, после чего она вошла почти полностью“. Přepis této části výpovědi je možné dohledat zde: КИРИЛЕНКО, Анастасия. 2013. *Убийцы Влада Торнового предстали перед судом* [online]. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.svoboda.org/articleprintview/25199651.html>>

⁶ Většina zdrojů uvádí úderů osm, obviněný při rekonstrukci činu uvedl, že jich bylo pět až šest. I to však stačilo k tomu, aby známý Vladislava Tornového, který ráno po vraždě byl u místa činu a viděl tělo oběti, nedokázal Tornového identifikovat: ТУРОВСКИЙ, Даниил. 2013. «*Стал геем, чтобы оттуда сбежать*» [online]. [cit. 09-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://lenta.ru/articles/2013/05/23/volgograd/>>

⁷ Tamtéž.

⁸ *В Волгограде арестованы подозреваемые в жестоком убийстве гомосексуалиста* [online]. 2013. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://vz.ru/news/2013/5/13/632256.print.html>>

⁹ *Одноклассник: Убитый в Волгограде не был геем* [online]. 2013. [cit. 28-01-2015]. Dostupné na internetu: <<http://vz.ru/news/2013/5/13/632316.html>>

¹⁰ ФИЛИМОНОВА, Татьяна. 2013. *В Волгограде подозреваемым в убийстве предъявлено обвинение* [online]. [cit. 28-01-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/224924/>>

¹¹ На допросе один из задержанных сообщил, что причиной убийства послужило признание жертвы в нетрадиционной сексуальной ориентации. Убийцам «не понравилось, как молодой человек держался, и это оскорбило их патриотические чувства». Citováno dle: *Петербургский ЛГБТ-митинг будет траурным из-за зверского убийства в Волгограде* [online]. 2013. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.rosbalt.ru/piter/2013/05/14/1127946.html>>

¹² Zákon bývá také zmiňován jako zákon „proti propagandě homosexuality“. Vyvolal vlnu kritiky mnohých organizací zabývajících se dodržováním lidských práv, významných západních politiků i hvězd pop-kultury: *Элтон Джон в Москве выступил против дискриминации* [online]. 2013. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2013/12/131206_elton_john_in_russia.shtml>

Vladislav Tornovoj, jak již bylo zmíněno výše, byl třidvacetiletý mladý muž, který žil od rozvodu rodičů v domácnosti se svou babičkou.¹³ Verzi jednoho z obviněných, že důvodem k vraždě byla sexuální orientace Tornového, dosvědčil i Pavel Semikin.¹⁴ Následovala vlna nejrozumnějších vyjádření popírajících toto nařčení. Informaci, která získala v médiích značný ohlas, odmítli rodina, přátelé i známí.¹⁵ Homosexualitu Tornového nepotvrdil ani nikdo z místní gay komunity¹⁶ a ani vyšetřovatelé se touto možností nezabývali.¹⁷ Přes snahu pozůstalých se však jméno oběti začalo objevovat na sociálních sítích i v médiích jako symbol útlaku homosexuálů v Ruské federaci.

3. Krize

Když něco budete pořád opakovat, může se to stát skutečnějším, než skutečnost sama. Právě Vladislav Tornovoj je toho zářným příkladem. Jeho život a vlastně i příčina smrti jsou zřejmě v rozporu s tím, k čemu bývá vztahována jeho smrt. To však ani v nejmenším neznamená, že jméno Tornového nebude na základě prvních informací o vraždě i nadále spojováno s homofobními náladami panujícími v Rusku. Přestože není obtížné na internetu zjistit dostatek informací poukazujících na to, že Tornovoj v žádném případě nebyl gay, je mnohem jednodušší najít množství zpráv o tom, že ve Volgogradu umučili homosexuála.¹⁸

K tomu ve velké míře přispívá i to, jak je nakládáno s „odkazem“ vraždy, u čehož lze vysledovat výrazný odklon od reality. Elton John, člověk, jehož prohlášení se donesou nejen

¹³ Dle všech reportáží je zřejmé, že v této části Volgogradu jsou neutěšené rodinné a sociální poměry na denním pořádku. Potýkal se s nimi nejen Tornovoj, který žil s babičkou, protože jeho rodiče si po rozvodu založili nové rodiny a o syna nestáli, ale i ostatní mladí muži zainteresovaní ve vraždě. Více viz: ТУРОВСКИЙ, Даниил. 2013. «Стал геем, чтобы оттуда сбежать» [online]. [cit. 09-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://lenta.ru/articles/2013/05/23/volgograd/>>

¹⁴ Pavel Semikin od začátku figuroval v celém případě jako svědek. Nejprve se pokusil útočící muže zastavit, ale nepřesvědčil je. Zůstal a téměř po celou dobu byl přítomen mučení Tornového, aniž by zavolal pomoc. Žádnou vinu na smrti Tornového při natáčení televizní reportáže nepocíťoval: <<http://www.ntv.ru/novosti/597456/>>/

¹⁵ Друзья: убитый в Волгограде не был гомосексуалистом [online]. 2013. [cit. 28-01-2015]. Dostupné na internetu: <http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2013/05/130513_volgograd_murder_investigation.shtml>

¹⁶ КИРИЛЕНКО, Анастасия. 2013. Убийцы Влада Торнового предстали перед судом [online]. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.svoboda.org/articleprintview/25199651.html>>

¹⁷ Vyšetřovatelé shledali otázku homosexuality oběti za nepodstatnou pro vyšetřování: «Полицейский уточнил, что никаких доказательств гомосексуальности Влада нет, и для следствия эта тема вообще не важна. Дело заведено по ч.1 ст.105 УК РФ (убийство без отягчающих обстоятельств), для квалификации действий это, по словам Барсыкова, не имеет особого значения и не будет изучаться детально.» Citováno podle: САДОВСКАЯ, Алена. 2013. Убийство в Волгограде: сексуальная дезориентация [online]. [cit. 24-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.echo.msk.ru/blog/publicpost/1075106-echo/>>

¹⁸ Půl roku po vraždě se v jednom z článků píše: „...Владислава Торнового, убитого из-за нетрадиционной ориентации весной этого года.“, a to i přesto, že do té doby tuto verzi podpořil pouze jeden z útočníků a svědek vraždy. Citace převzata z: Памяти Владислава Торнового: именитый музыкант посвятил свое шоу жестоко убитому жителю Волгограда [online]. 2013. [cit. 28-01-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.ntv.ru/novosti/760917/>>

k homosexuálním fanouškům po celém světě, při svém moskevském koncertu v prosinci téhož roku odsoudil „антигейский закон“ a svůj koncert připsal památce Tornového.¹⁹

Další zpěvák, Vasja Oblomov, věnoval Tornovému jednu ze svých písní.²⁰ (Text v příloze) Text písně kritizuje nenávisť vůči čemukoliv jinému, vymykajícímu se z normy, přestože Tornovoj očividně odpovídal nejběžnějšímu průměru snad ve všem kromě své násilné smrti.

Dokladem toho, že Vladislav Tornovoj je neoddělitelně spjat s tlakem většinové ruské společnosti na menšiny, může být také fond, jehož činnost je popsána na sociálních sítích jako: Общественный (неформальный) ресурсный фонд защиты прав человека имени Владислава Торнового. С 9 мая 2013 года мы спасли около десятка жизней, сотням жертв насилия оказали психологическую, правовую и другую помощь.²¹

Budeme-li věnovat pozornost těm prohlášením, která zavrhnou možnost menšinové sexuální orientace oběti, objevíme i přesto několik homofobních projevů. V první řadě se nabízí způsob obhajoby, který jeden z obviněných zvolil, když uvedl jako příčinu vraždy Tornového homosexualitu oběti. Podle vyjádření matky zavražděného tím sázel na možnost, že to zafunguje jako polehčující okolnost.²² To vypovídá nejen o jednotlivci, který očekává podobný přístup v natolik medializované kauze, ale i o tom, jaká společnost ho obklopuje, neboť v něm vyvolala dojem, že by se to mohlo stát.

Mezinárodní nevládní organizace Human Rights Watch volala naopak z důvodu homofobie obsažené v činu po přísnějším trestu.²³ Při soudním řízení nebyla sexuální orientace oběti, ani homofobie jako motiv vraždy, nikterak zohledněny.²⁴

Komorního rázu je vyjádření příbuzných obětí, kteří se v médiích ohrazovali vůči nařčením Tornového z homosexuality a „отстоять честь сына“ považovali za svůj největší úkol.²⁵

¹⁹ Эстон Джон поддержал ЛГБТ-сообщество во время концерта в Москве [online]. 2013. [cit. 28-01-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.aif.ru/culture/showbiz/1039617>>

²⁰ Název písně *Пятиминутка ненависти* odkazuje na román *1984* od George Orwella, ve kterém je „Двухминутка ненависти“ jako povinná součást každodenních rituálů vysílána v televizi jako umně zkonstruovaný nástroj propagandy režimu a vymývání mozků obyvatel podřízených Velkému bratru.

²¹ Vladislav Tornovoy Foundation/Human rights,lgbt [online]. 2013. [cit. 27-01-2015]. Dostupné na internetu: <<http://vk.com/tornovoy>>

²² АЛЕХИНА, Маргарита. 2014. *Корысть вместо ненависти. Суд «не заметил» гомофобного мотива в убийстве молодого человека* [online]. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.newizv.ru/accidents/2014-07-03/204166-koryst-vmesto-nenavisti.html>>

²³ КИРИЛЕНКО, Анастасия. 2013. *Убийцы Влада Торнового предстали перед судом* [online]. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.svoboda.org/articleprintview/25199651.html>>

²⁴ Tamtéž.

²⁵ Tamtéž. Více také zde (ovšem zrovna výpovědi na toto téma jsou zřejmě založeny pouze na dohadech bývalých spolužáků Tornového): *Друзья: убитый в Волгограде не был гомосексуалистом* [online]. 2013. [cit. 28-01-

4. Peripetie

Pozornost společnosti se soustředila nejen na lidi přímo i nepřímo propojené s vraždou, ale několika nepříjemných otázek nebyla ušetřena ani Jelena Mizulinová a Vitalij Milonov, nejhlásitější z iniciátorů zákona „proti propagandě homosexuality“, kteří už dříve prosluli svými kritickými výroky směřovanými na adresu LGBT komunity. Oba byli „pranířování“ zastánci menšin především v internetových diskuzích a na sociálních sítích.²⁶ Případ díky tomu dostal i svůj politický rozměr, což sice zviditelnilo proces schvalování zákona a poskytlo jeho kritikům větší prostor v médiích, ale nemělo nejmenší vliv na jeho přijetí.²⁷

V kontextu protestů proti homofobnímu zákonu se v Sankt-Petěrburgu uskutečnil v rámci Mezinárodního dne boje proti homofobii „duhový flash mob“. Setkání bylo navíc věnováno památce Vladislava Tornového.²⁸ Dle očekávání akce neutekla pozornosti médií i mnohých skupin odpůrců hnutí LGBT. Meeting však nepřilákal pouze zastánce netradičních vztahů, ale i jejich radikální odpůrce, takže příslušníci OMONu měli hodně práce s tím, aby obě skupiny udrželi v bezpečné vzdálenosti.²⁹ Sociálními sítěmi se šířila fotografie dokumentující tuto událost (viz Příloha), přičemž mladíci zachycení na záběru jsou zvěčněni v okamžiku, kdy je kordon příslušníků OMONu seřazený nalevo od nich vlastními těly chrání, aby se k nim nedostali rozhořčení „националисты, православные и прочий гомофобный люд“.³⁰

Závažnější se jeví to, že se díky této kauze zviditelnily i další incidenty, při nichž o život přišli lidé netradiční sexuální orientace právě z důvodu jejich odlišnosti. Zmiňována byla vražda gaye z roku 2008 před nočním klubem ve Volgogradu.³¹ Další případ pochází z Kamčatky, kde

---

2015]. Dostupné na internetu: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2013/05/130513_volgograd_murder_investigation.shtml

²⁶ ТУРОВСКИЙ, Даниил. 2013. «Стал геем, чтобы оттуда сбежать» [online]. [cit. 09-02-2015]. Dostupné na internetu: <http://lenta.ru/articles/2013/05/23/volgograd/>

²⁷ V souvislosti s případem vraždy ve Volgogradě a přijetím zmíněného zákona se Jelena Mizulinová vyjádřila následovně: „Если борцов с преступностью обвинять в том, что они порождают преступность, тогда мы с преступностью вряд ли справимся...“: *Убийство гея в Волгограде не мешает Думе принять закон против гей-пропаганды*. [online]. 2013. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <http://www.baltinfo.ru/print/2013/05/14/Dematat-GD-Intcident-v-Volgograde-ne-pomeshaet-prinyat-zakon-protiv-gei-propagandy-do-serediny-iyulya-354409>

²⁸ ДВОРНИКОВ, Евгений. 2013. *День борьбы с гомофобией: нетрадиционный праздник и традиционные беспорядки* [online]. [cit. 09-02-2015]. Dostupné na internetu: <http://www.aif.ru/incidents/43478>

²⁹ ЗЕЯ, Никита. 2013. *«Радужный флешмоб» в сопровождении ОМОНа. Митинг ЛГБТ-сообщества в Петербурге не выдержал натиска казаков и десантников*. [online]. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <http://www.gazeta.ru/social/2013/05/17/5325965.shtml>

³⁰ Tamtéž.

³¹ *Убийство ненависти, гея убили около волгоградского гей клуба* [online]. 2008. [cit. 27-02-2015]. Dostupné na internetu: <http://www.liveinternet.ru/users/dyke-poet/post91263923/>

byl brutálně zavražděn kvůli své homosexualitě zástupce ředitele letiště *Озерная* ani ne dvacet dní po vraždě Tornového.³²

5. Katastrofa

Celý případ byl završen soudním rozhodnutím z 24.6. 2014.³³ Vina obou obviněných byla prokázána a trest byl vyměřen jednomu na 19 a druhému na 21 let v nápravném zařízení.³⁴

Zdálo by se tedy, že tímto se uzavírá i spor ohledně toho, zda byl Tornovoj gay, či nikoliv, protože kromě výpovědi jednoho z vrahů a svědka, jenž vraždě přihlížel, se neobjevila jediná informace, která by to potvrdila. Přesto se i po vynesení rozsudku objevily články vydávající Tornového za homosexuála.³⁵ Nadále je jeho vražda považována za příklad projevu homofobie v Rusku, což podporuje množství článků na internetu i stránka v ruštině a v angličtině na Wikipedii.³⁶

Už od počátku je tak Tornovoj vnímán jako mučedník, který doplatil na svou prozrazenou homosexualitu. Je to mýtus, jenž média vybuodovala na základě několika málo indicií, které se stávaly postupem času čím dál nepravděpodobnější. To už však nemělo na životnost mučednického obrazu zavražděného „gaye“ velký vliv. Jeho existenci podpořila vyjádření nejružnějších příznivců sexuálních menšin, ovšem výraznou roli sehráli také jejich odpůrci – jsou to totiž oni, kdo svými názory staví homosexuály do pozice utlačovaného.³⁷

Mezi Vladislavem Tornovým a klasickým typem mučedníka je mnoho společného, brutalitou vraždy počínaje a zájmem společnosti konče. Jedna zásadní věc však Tornovému chybí a nedá se na ní moc změnit – je téměř jisté, že Tornovoj nezemřel kvůli víře, přesvědčení, ideje, kvůli příslušnosti k menšině, zradě někoho blízkého. Mučedníkem je tedy pouze Tornovoj – v médiích vykonstruovaný – toho skutečného, zavražděného, takto označit nelze.

³² НИЖЕГОРОДЦЕВ, Денис. 2013. *СК: Замдиректора аэропорта на Камчатке убит из-за нетрадиционной ориентации.* [online]. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://vz.ru/news/2013/6/3/635414.html>>

³³ Na přání rodiny probíhal celý soudní proces za zavřenými dveřmi. Zde je dostupná oficiální informace o případu na stránkách Oblastního soudu ve Volgogradu: <http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=2043876&delo_id=1540006&new>

³⁴ *Убийцам волгоградца, в честь которого пел Элтон Джон, дали 40 лет на двоих.* [online]. 2014. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://news.vdv-s.ru/incident/?news=251476>>

³⁵ КАТАЕВА, Виктория. 2014. *В Волгограде убийцы гея получили 40 лет колонии на двоих.* [online]. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://novayagazeta-ug.ru/news/u685/2014/07/05/63957>>

³⁶ *Убийство Владислава Торнового.* [online]. 2015. [cit. 27-01-2015]. Dostupné na internetu: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Убийство_Владислава_Торнового>

³⁷ ШЕРЕМЕТ, Лариса. 2013. *В Волгограде геи пиарятся на убийстве молодого парня.* [online]. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://vpravda.ru/News/Events/13922>>

BIBLIOGRAFIE:

1. АЛЕХИНА, Маргарита. 2014. *Корысть вместо ненависти. Суд «не заметил» гомофобного мотива в убийстве молодого человека* [online]. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.newizv.ru/accidents/2014-07-03/204166-koryst-vmesto-nenavisti.html>>
2. ДВОРНИКОВ, Евгений. 2013. *День борьбы с гомофобией: нетрадиционный праздник и традиционные беспорядки* [online]. [cit. 09-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.aif.ru/incidents/43478>>
3. ЗЕЯ, Никита. 2013. *«Радужный флешмоб» в сопровождении ОМОНа. Митинг ЛГБТ-сообщества в Петербурге не выдержал натиска казаков и десантников.* [online]. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.gazeta.ru/social/2013/05/17/5325965.shtml>>
4. КАТАЕВА, Виктория. 2014. *В Волгограде убийцы гея получили 40 лет колонии на двоих.* [online]. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://novayagazeta-ug.ru/news/u685/2014/07/05/63957>>
5. КИРИЛЕНКО, Анастасия. 2013. *Убийцы Влада Торнового предстали перед судом* [online]. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.svoboda.org/articleprintview/25199651.html>>
6. НИЖЕГОРОДЦЕВ, Денис. 2013. *СК: Замдиректора аэропорта на Камчатке убит из-за нетрадиционной ориентации.* [online]. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://vz.ru/news/2013/6/3/635414.html>>
7. ОБЛОМОВ, Вася. 2014. *Пятиминутка ненависти* [online]. [cit. 17-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://ought.diary.ru/p200032705.htm>>
8. САДОВСКАЯ, Алена. 2013. *Убийство в Волгограде: сексуальная дезориентация* [online]. [cit. 24-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.echo.msk.ru/blog/publicpost/1075106-echo/>>
9. ТУРОВСКИЙ, Даниил. 2013. *«Стал геем, чтобы оттуда сбежать»* [online]. [cit. 09-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://lenta.ru/articles/2013/05/23/volgograd/>>
10. ФИЛИМОНОВА, Татьяна. 2013. *В Волгограде подозреваемым в убийстве предъявлено обвинение* [online]. [cit. 28-01-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/224924/>>
11. ШЕРЕМЕТ, Лариса. 2013. *В Волгограде геи пиарятся на убийстве молодого парня.* [online]. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://vpravda.ru/News/Events/13922>>

12. *В Волгограде задержаны трое подозреваемых в убийстве гомосексуалиста* [online]. 2013. [cit. 28-01-2015]. <<http://www.aif.ru/incidents/304189>>
13. *В Волгограде арестованы подозреваемые в жестоком убийстве гомосексуалиста* [online]. 2013. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://vz.ru/news/2013/5/13/632256.print.html>>
14. *Друзья: убитый в Волгограде не был гомосексуалистом* [online]. 2013. [cit. 28-01-2015]. Dostupné na internetu: <http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2013/05/130513_volgograd_murder_investigation.shtml>
15. *Одноклассник: Убитый в Волгограде не был геем* [online]. 2013. [cit. 28-01-2015]. Dostupné na internetu: <<http://vz.ru/news/2013/5/13/632316.html>>
16. *Памяти Владислава Торнового: именной музыкант посвятил свое шоу жестоко убитому жителю Волгограда* [online]. 2013. [cit. 28-01-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.ntv.ru/novosti/760917/>>
17. *Петербургский ЛГБТ-митинг будет траурным из-за зверского убийства в Волгограде* [online]. 2013. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.rosbalt.ru/piter/2013/05/14/1127946.html>>
18. *Убийство Владислава Торнового* [online]. 2015. [cit. 27-01-2015]. Dostupné na internetu: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Убийство_Владислава_Торнового>
19. *Убийство гея в Волгограде не помешает Думе принять закон против гей-пропаганды.* [online]. 2013. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.baltinfo.ru/print/2013/05/14/Demutat-GD-Intcident-v-Volgograde-ne-pomeshaet-prinyat-zakon-protiv-gei-propagandy-do-serediny-iyulya-354409>>
20. *Убийцам волгоградца, в честь которого пел Элтон Джон, дали 40 лет на двоих.* [online]. 2014. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <<http://news.vdvs.ru/incident/?news=251476>>
21. *Элтон Джон в Москве выступил против дискриминации* [online]. 2013. [cit. 22-02-2015]. Dostupné na internetu: <http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2013/12/131206_elton_john_in_russia.shtml>
22. *Элтон Джон поддержал ЛГБТ-сообщество во время концерта в Москве* [online]. 2013. [cit. 28-01-2015]. Dostupné na internetu: <<http://www.aif.ru/culture/showbiz/1039617>>
23. *Vladislav Tornovoy Foundation/Human rights,lgbt* [online]. 2013. [cit. 27-01-2015]. Dostupné na internetu: <<http://vk.com/tornovoy>>

Пřílohy:

Пříloha 1. Вася Обломов – *Пятиминутка ненависти*³⁸

Алый рубин над кремлевскими стенами,
Бьется народ в справедливом экстазе,
Светит звезда под названием Ненависть,
Станет Россия свободной от грязи,
Когда мы уьем извращенцев, злодеев,
Всех алкоголиков, всех наркоманов,
Всех трансвеститов, евреев и геев,
Всех проституток и всех лесбиянок –
Зарежем, удавим и вырвем глаза.
Кто будет против? Все будут за.

России подняться с колен
Мешает одно из колен,
Мы рубим его топором, мы ждем перемен...
России подняться с колен
Мешает одно из колен,
Мы рубим его топором, мы ждем перемен...

Воздух пропитан врагами, изменами,
Пусть уже будет наказан хоть кто-нибудь!
Граффити „Ненависть! Ненависть! Ненависть!“
Ангелы пишут баллончиком по небу.
Ярость сжигает мятежную душу,
Кровь на дисплеях и строчках газет,
Хочется заново резать и кушать
Всех, кто не так говорит и одет.
Всех иноверцев, туристов и чурок
Владельцев машин и владельцев собак,
Всех, кто с балкона бросает окурок,
Всех больно умных и всех, кто дурак,

---

³⁸ ОБЛОМОВ, Вася. 2014. *Пятиминутка ненависти* [online]. [cit. 17-02-2015]. Dostupné na internetu: <http://ought.diary.ru/p200032705.htm>

Служителей церкви, госдуму, полицию,
Хипстеров, пенсионеров, врачей,
Всех толерантных и всю оппозицию,
Всех иностранцев и всех москвичей –
Зарежем, удавим и вырвем глаза.
Кто будет против? Все будут за.

России подняться с колен
Мешает одно из колен,
Мы рубим его топором, мы ждем перемен...
России подняться с колен
Мешает одно из колен,
Мы рубим его топором, мы ждем перемен...

Пříloha 2.³⁹

³⁹ Fotografie převzata 13.10. 2013 z osobních stránek na www.facebook.com od uživatele pod jménem „Джонатан Жак Луи“. (V současné době již na této adrese není fotografie volně přístupná.): <https://www.facebook.com/DjonLui?fref=ts>

RETROACTIVE HISTORY OF ITALIAN COMMUNISM: THE 1970s REVISIONISM AND THE UN-MAKING OF THE SOVIET MYTH

Aniello Verde, Ph.D. candidate

Central European University (Budapest), History Department, verde_aniello@phd.ceu.edu

ABSTRACT: Since the mid-1970s, the Italian Communist Party had emerged as an exceptional case within European Communism not only for its impressive electoral and political strength in a Western country but also for its continuous pursuit of autonomy from Moscow at both ideological and political level. Yet, the establishment of a “non-muscovite” political identity of Italian Communism was quite a controversial process that implied a denial of a mythological view of the Soviet Union that had previously characterized Italian Communism during the age of harsh Cold War confrontation. The purpose of this paper is understand how the Italian Communist Party produced a historical narrative that would make coherence of this significant turn.

In the aftermath of Jaruzelski coup in Poland (13 December 1981), Enrico Berlinguer, secretary-general of the Italian Communist Party (PCI – Partito Comunista Italiano), openly declared that the spirit of the Soviet October, which had successfully led to the establishment of a socialist society thus becoming a source of inspiration for communists all around the world for decades, had lately exhausted “its propulsive force.”¹ De-mythicizing the Soviet experience implied a significant turn in the political discourse of the PCI that was in fact grounded on a longer process of revisionism beginning in the 1970s whose main outcomes were not only a redefinition of the political strategy of Italian Communism but also a change in the very political identity of the party.

Across the Cold War, particularly during the harsh phases of confrontation in the 1950s, the Soviet myth had permanently had a crucial strategic function for the PCI. By keeping Italian Communism symbolically and ideologically connected to the model of progress envisaged and embodied by the Soviet Union, the imagined community of Italian Communism self-constructed its identity as distinct from the Western *milieu*. The communists were a sort of sub-community within the West whose ideological strongholds were, to a large extent, impervious

---

¹ PONS, Silvio. *Berlinguer e la fine del comunismo*. Turin: Einaudi, 2006, p. xx.

to Western criticism during the Cold War, thus allowing the PCI to be stably a strong and numerically significant minority in the Italian political arena.

From this angle, proletarian internationalism and the “Soviet myth” can be viewed as identity-founding elements of the Italian communist tradition. Yet, as late as 1981, Berlinguer implied that the equation socialism-progress, which had provided lifeblood to the Soviet myth and kept the PCI tangled to the USSR through the ties of proletarian internationalism, gradually lost its crucial importance as an identity-shaping factor for Italian communists. The dismissal of the “Soviet myth” led to a twofold problem in the very political culture of the PCI: how can the Italian revisionist ideology be placed in a relation of continuity-rupture with the Soviet-aligned political tradition of the PCI? And how did the party create a historical narrative to make coherence of its ideological swing?

This paper investigates the concepts and the historical process of the Italian communist revisionism by showing how the “Soviet myth” was gradually dismissed and replaced with the myth of a long-lasting democratic tradition of the PCI.

1. The Italian “third way” and the Soviet model: an ambivalent continuity

Following the election of June 1976, Enrico Berlinguer-led PCI tried to break the isolation of the communists in Italy by pursuing a rapprochement with the main party of the governmental coalition, the Christian Democrats (DC – Democrazia Cristiana.) The communists chose to provide DC-led cabinets with parliamentary support in the period 1976-1979, thus helping their traditional opponents to overcome a potentially harmful political stalemate. Berlinguer’s “historic compromise” with the DC proved the communist attachment to the preservation of Western-type political institutions. Such a move had also a broader strategic value: the PCI intended to erase of label of communists as anti-body within Western democracy, thus acquiring full national legitimization.

The new frontiers of the PCI policies unfolded their effects also in the international scenario: the party’s leading role within the “Eurocommunist” trend was the most illustrative example of Berlinguer’s quest for a “more Western look” which implied, on the other hand, putting some distance between Italian communism and the Soviet Union.

The new domestic and international strategies of the PCI took the lead from a deep revisionism in the ideology of the party: since the early 1970s, the Italian communists theorized a “third way” which would allegedly harmonize communism with Western-type parliamentary democracy thus embodying a model alternative to both the weak-reformism of social-

democracy and the revolutionary methods of Soviet-type socialism.² In the PCI's ideological revisionism, Western-type democracy and communism were deeply intertwined: the communists sought wide political alliances in order to pursue structural reforms of Western society so as to move on towards socialism in a way to avoid the degenerations of the "dictatorship of proletariat."

The Italian revisionist ideology was based on two elements of rupture with the Soviet-born communist tradition. In ideological terms, the PCI's acceptance of Western-type democracy as privileged ground for the political action of the communists implicitly challenged the Cold War-based rejection of the communists towards the West. In terms of political practices, the PCI's way resembled much more a social-democratic reformism than the revolutionary communist tradition, thus diminishing the appeal of the Soviet myth in the eyes of Italian – and more broadly Western – communist militants. On the other hand, these ideological challenges cannot be divorced from political ones: the Italian revisionism, particularly due to its appeal on other West European CPs, might have weakened unity within the world communist movement, ignited anti-Soviet propaganda in the West, and even backed Beijing in its confrontation to Moscow. The international scenario should not be disregarded, in fact: an apparent West European divergence from the Soviet model occurred when the Soviets were actually trying to obtain a condemnation of the Chinese positions from the CPs Pan-European conference of June 1976 in East Berlin.

In this context, the distance between the Italian and the Soviet comrades had been growing since 1976. The dispute did not take place at high political level but it initially involved intellectuals and theorists. In March 1976, Venyamin Midtsev – academician and CPSU CC member – published a booklet titled "Revisionism in Service of Anti-communism" whose main polemical target was indeed the PCI leading ideologist, Luciano Gruppi. In January 1976, during an official meeting with Vadim Zagladin – one of the CPSU men in charge of the relations with the Western CPs, Antonio Rubbi, member of the PCI foreign affairs section, had been informed about the content of this booklet before its publication. In his report to the PCI CC, Rubbi merely pinpointed that Soviets had "a too traditional approach" to (the problem of) diversity within the world communist movement.³

---

² NATTA, Alessandro. *La terza via al socialismo. Tre lezioni come introduzione alla lettura e allo studio delle tesi del XV Congresso del PCI*, vol. 2, (Rome: ITER, 1979), pp. 9-15.

³ *Note by Rubbi on his travel to Moscow, 4-8 January 1976*. Archives of the former Italian Communist Party [APCI], mf. 212, pp. 348-358, p. 354.

Nevertheless, it would not be misleading to view the publication of Midtsev's booklet as a CPSU's attack on the PCI itself. In a meeting held in Moscow in November 1977, it was indeed Leonid Brezhnev himself to warn Berlinguer about the political dangers in the PCI's revisionism: the Soviet leader remarked that, no matter whether the Italian comrades had good intentions, their attitude would ultimately weaken the socialist camp, thus doing the game of the "enemy."⁴ Although there was no outright political rupture between the two parties, it was apparent that the Soviet Union had arguably no longer emotional appeal on the Italian communist militants: the PCI still appreciated the international function of the USSR as a counterweight to American hegemony, but the Italian comrades no longer ascribed Soviet-type socialism the mythological view it used to have.⁵

Nevertheless, by looking at the Italian revisionism with a more critical eye, there are significant elements of continuity between the "third way" and the traditional "Soviet myth." In the PCI's revisionist ideology, the communists would operate within "bourgeois" democracy with the ultimate objective to promote an accomplishment of the process of democratization that began in 1945 with the victory over fascism but that remained partial due to the practice of the "conventio ad excludendum" – the coalition agreement among the centrist parties to marginalize the communists in the domestic scenario. From this angle, the PCI's appreciation of Western democracy seems to be quite ambiguous: on the one hand, there was a full acceptance of Western-type democracy as a method of political action; on the other hand, there was still a sense of ambivalence towards Western democracy: the PCI still perceived itself as the only real "political force of transformation" of the Italian "lame" democracy.⁶ The ultimate objective was, in this sense, what the party's ideologists named "democratic revolution": a political reversal of the Western-type democracy and society.⁷ The notion of democratic revolution highlights – as Tatò explained in a long letter to Berlinguer – "places the PCI in a relation of continuity with the process of historical development of the world, Europe and Italy beginning in 1945" thus ascribing to the Soviet Union a crucial role in the democratization of Europe.⁸ Therefore, there is a strong sense of continuity between the Italian third way and the Soviet-born communist tradition in the very revolutionary eschatology: the Italian revisionist

---

⁴ Report by Berlinguer to the PCI CC on his talks with Brezhnev, November 1977, APCI, mf. 309, pp. 61-74.

⁵ PONS, Silvio, p. xix.

⁶ "Sulla questione morale e sulle questioni politiche", 26-27 August 1981, Note by Antonio Tatò to Berlinguer, *Caro Berlinguer. Note e appunti riservati di Antonio Tatò a Enrico Berlinguer, 1969-1984*, p. 193.

⁷ "Sulla questione morale e sulle questioni politiche, seguito degli appunti scritti a Stintino", 29-31 August 1981, p. 203.

⁸ "Sull'alternativa democratica", 1 July 1981, Note by Tatò to Berlinguer, *Caro Berlinguer. Note e appunti riservati di Antonio Tatò a Enrico Berlinguer, 1969-1984*, p. 180.

still envisaged the edification of a new society which would overcome the limitations of the Western-type socio-political model.

It can be argued that, in the 1970s, the West as a model of society was the only possible frame for the PCI's political action but, at the same time, the belonging to the Soviet experience was still an identity-shaping factor for Italian communists: the persistence of a revolutionary character in the political discourse of the party kept the very political identity of the PCI distinct from socialist and social-democratic parties.

2. The “invention” of a democratic tradition

In late January 1979, Botteghe Oscure – the Rome-based headquarters of the PCI – received an unsolicited letter from the CC CPSU expressing the Soviet disappointment for the publication of the PCI revisionist theses on the eve of the celebration of the XV PCI Congress (Rome, 30 March-3 April 1979.) In response to the official inception of the notion of “third way” in the PCI's ideology, the Soviets blamed the Italian comrades for their attempt to “erase the watershed between revolution and reformism” and abandoning their internationalist line.⁹ In order to strengthen their argument, the Soviet recalled the political tradition of Italian communism best embodied by the re-founder of the PCI and first secretary-general in the postwar, Palmiro Togliatti (1944-1964): the PCI's quest for a “third way” implied a betrayal of the very roots of its communist political identity – in the Soviet views.¹⁰ On 3 February, the PCI responded by rejecting, very diplomatically though, the Soviet claim on the alleged betrayal of the ideological legacy of Togliatti. The PCI's letter recalled Togliatti's efforts to pursue an “Italian way to socialism” since 1956 – of which the “third way” was an implication.¹¹

The issue was indeed quite sensitive for the PCI not only because that would reopen controversial wounds in the collective consciousness of the party – particularly the party's dogmatic alignment to Moscow throughout the 1956 crises – but also because of the new political meaning the very figure of Togliatti acquired in light of the 1970s revisionism. The roots of the PCI's ideological autonomy were to be found – according to the 1970s revisionists – in Togliatti's reflection on the limits of de-Stalinization and on the need for larger margins of diversity within the world communist movement – “unity in diversity” in Togliatti's words.¹² Therefore, a “mythicized” version of the PCI's old-father aroused and contributed to make “less traumatic”, in the imagined community of Italian communism, the denial of the Soviet myth.

⁹ Letter by the CPSU to the PCI, January 1979, APCI, mf. 7901, pp. 82-91, p. 89.

¹⁰ APCI, 7901, pp. 82-91, p. 90.

¹¹ Response of the PCI to the CPSU, 3 February 1979, mf. 7901, pp. 93-106, p. 106.

¹² SPAGNOLO, Carlo. *Sul Memoriale di Yalta. Togliatti e la crisi del movimento comunista internazionale (1956-1964)*. Rome: Carocci, 2007, pp. 252-258.

The PCI political discourse in the 1970s, indeed, “borrowed” themes and words from Togliatti but ascribed them a new meaning in a process of invention of a democratic and autonomous tradition of the PCI. Quite interestingly, in 1973, the PCI sponsored the publication of a memorandum Togliatti wrote as a preparation for a meeting with a CPSU delegation to be held in Crimea in August 1964. The Italian secretary-general passed away during that visit. Partly due to the emotions the sudden death of the leader aroused in the militants and within the party, the memorandum ended up to be seen as Togliatti’s political testament and later known as “Il Memoriale di Yalta.” The PCI Direzione – the main decision-making board – gave immediately this document a high political weight: a resolution adopted the memorandum as a party-document (18 August) thus overcoming its original nature of personal reflection.¹³ Nevertheless, the “Memoriale” acquired a crucial identity-building importance only later, in the 1970s, when it became functional to the new political course: to provide a source-grounded evidence of the independence of the PCI and to create an artificial continuity between Togliatti and Berlinguer. In this historical narrative, the national (and “non-muscovite”) credentials of the party and its attachment to the methods and spirit of “bourgeois” democracy, indeed crucial components of the PCI’s political culture in the 1970s, were retroactively extended to Togliatti era. The PCI constructed, thus, a historical narrative of its own past that would be compatible with the new frontiers and objectives of the 1970s.

This retroactive history was not free of misconceptions and distortions. In the 1970s historical narrative of post-1956 Togliatti era what ended up to be “forgotten” was, indeed, the contrast between Moscow-aligned hardliners and the emerging signs of dissent within the party. It is worth in fact recalling that, in the period 1961-1964, the leadership of the PCI’s old father had been often under attack on the problem of internationalism: Togliatti tried, even by enforcing democratic centralism, to moderate the criticism towards the Soviet Union and to maintain the PCI aligned to Moscow especially in the Soviet-Chinese dispute, whereas a new generation of party cadres – e.g. Luciano Barca, Giorgio Amendola, Achille Occhetto – backed by older party men like Pietro Ingrao and Mario Alicata urged larger margins of free debate and a more explicit criticism of the Soviet conduct.¹⁴ This centrifugal tendency within the party turned into outright confrontation in November 1961: the CC PCI, for the very first time, did not pass Togliatti’s report on international affairs in the Cold War context.¹⁵

---

¹³ SPAGNOLO, C., *Sul Memoriale...*, p. 47.

¹⁴ *Ibid.*, p. 239.

¹⁵ *Ibid.*, p. 239.

The problem at stake within the PCI was not only whether the Soviet Union could be openly criticized or to what extent the “mistakes of past” had been effectively removed, but the dispute concerned the very ideological and political autonomy of the PCI: whether the Italian communists were really free – ideologically and politically – to take their own position on international affairs. This problem can be rephrased in more conceptual terms, and it involves the persistence of a mythological view of the Soviet Union in Togliatti’s thought as compared and possibly opposed to that of the 1970s revisionists. Unlike his successors, who gradually demythicized the Soviet Union and actually pursued an ideological autonomy, Togliatti had remained strictly attached to a Manichean vision of Cold War confrontation wherein the Soviet Union still embodied “the good” and had a leading role in the world communist movement: “unity derives from the general aims of our action and from international solidarity” – Togliatti wrote.¹⁶

The “Memoriale” itself does not contain any claim for larger autonomy of the PCI – the Italian situation is hardly covered in fact – and it does not go further than diplomatically inviting the USSR to moderate its contrast towards China so as to avoid ideological and political splits within the world communist movement and within each party.¹⁷ In spite of this, on the eve of the “historic compromise”, the “Memoriale” was re-published and re-interpreted so as to become the very foundation of the 1970s revisionism thus attempting to extend retroactively the democratic turn of the PCI.

3. Conclusion

The political stances the PCI took in the 1970s – in both domestic and international affairs – and the ideological revisionism on which they were grounded contributed to establish the idea of “exceptionality” of Italian communism: a mass-party with an effective political influence in a Western country whose political identity was at the same “Western” and “communist.” The very notion of “third way” implies indeed that Soviet-type transition towards communism was not universal nor necessary but, even more importantly, not even desirable in the West. Therefore, it can be argued that the Soviet Union was no longer viewed as a myth in the 1970s. Yet, the dismissal of the Soviet myth did not imply a deep change of political culture in Italian communism: there was still a strong sense of ambivalence towards the West. It can be argued, indeed, that the eschatology of Italian revisionist ideology is a strong element of continuity between Soviet-type socialism and the Italian third way. Nevertheless, the party tried

---

¹⁶ TOGLIATTI, Palmiro. *Sul movimento operaio internazionale*. Rome: Editori Riuniti, 1964, p. 352.

¹⁷ TOGLIATTI, P. “Promemoria sulle questioni del movimento operaio internazionale e della sua unità”. In: SPAGNOLO, C. *Sul Memoriale di Yalta*, p. 265-266.

to replace its traditional “muscovite” credentials and to establish a largely fictional historical narrative in which the acceptance of Western values and the attachment to Western-type democracy would be retroactively extended to the 1950s-1960s. Once the Italian-Soviet connection had lost its crucial strategic function as an element of the political identity of the PCI, the Italian communists rather relied on a mythological view of their autonomy and their exceptionality in the West to reconstruct a coherent historical narrative.

BIBLIOGRAPHY:

1. NATTA, Alessandro. *La terza via al socialismo*. Rome: ITER, 1979.
2. PONS, Silvio. *Berlinguer e la fine del comunismo*. Turin: Einaudi, 2006. 289 p. ISBN 978-8806180386.
3. SPAGNOLO, Carlo. *Sul Memoriale di Yalta. Togliatti e la crisi del movimento comunista internazionale (1956-1964)*. 281 p. Rome: Carocci, 2007. ISBN 978-8843041701.
4. TATÒ, Antonio. *Caro Berlinguer. Note e appunti riservati di Antonio Tatò a Enrico Berlinguer, 1969-1984*. 378 p. Turin: Einaudi, 2003. ISBN 978-8806165956.
5. TOGLIATTI, Palmiro. 1964. *Sul movimento operaio internazionale*. Rome: Editori Riuniti, 1964.

CONCEPTUAL HISTORY IN THE RUSSIAN CONTEXT

Alexandra Medzibrodzky, PhD. student

Central European University (Budapest), History Department,
Medzibrodzky_Alexandra@ceu-budapest.edu

РЕЗЮМЕ: «История понятий» – это методология, разработанная в традициях германского *Begriffsgeschichte* и английской «Кембриджской школы». В данной работе мы пересмотрим уже опубликованные работы об «истории понятий» в России, например, «Russische Begriffsgeschichte der Neuer Zeit» и «Понятия о России: К исторической семантике имперского периода». Мы тоже аргументируем, что исследование «истории понятий» в России надо расширять и включить понятия, происходящие из религии, например: «соборность» или «богочеловечество».

Conceptual history in this essay refers to all those distinct, but interrelated approaches that have aimed to overcome the earlier practices of *Ideengeschichte*, the history of ideas and which strive to highlight that research on the relationship between *reality* and *ideas* demands a complex and sophisticated theoretical and methodological approach. The essay starts with a brief summary of the developments in the Western conceptual historical approaches as the majority of works dealing with conceptual history in the Russian context build on these ideas. It will be followed by a discussion of two works that explicitly aim to apply a conceptual historical approach in the Russian context. One of the examples for such work comes from German scholarship; the other is a joint venture of Western and Russian scholars. After reviewing past achievements, I will argue that a conceptual historical approach is in general suitable for the research purposes of Russian intellectual history and that the analysis of concepts originating from religion is a missing perspective which hinders our understanding of Russian intellectual history.

I. *Begriffsgeschichte*, the Cambridge school and the French political-conceptual approach

Much has been written about developments in Western conceptual history, therefore, I do not intend to discuss *Begriffsgeschichte*, Cambridge school and the French political-conceptual approach in detail. However, it is important to emphasize the different *aspects* that these approaches contributed to the field of conceptual history. The German conceptual historical approach, usually referred to as the German term, *Begriffsgeschichte*, is

predominantly associated with the scholarly work of Reinhart Koselleck and the publication of the *Geschichtliche Grundbegriffe* (Fundamental historical concepts) with its seven bulky volume. Bödeker quotes Koselleck to define Begriffsgeschichte which “in a narrow sense, is a historiographic achievement. It is concerned with the history of forming, using and changing concepts.” But Begriffsgeschichte is more than that as it aims to connect conceptual history to social and political history. It recognizes that concepts are not only markers of conceptual change, but are constitutive elements of these changes. As Richter notes, “the method assumes that concepts both registered and affected the transformations of governmental, social and economic structures.”¹ This approach moves away from the history of ideas as it introduces a more pronounced *semantic aspect* and also because it attempts to situate concepts in social and political history as well. However, Palti showed that Begriffsgeschichte did not manage to overcome the dichotomy of realities and ideas, because it maintained the dichotomy of structures and events, i.e. the level of language and the extra-linguistic level.² *The Cambridge school*, predominantly associated with the works of J.G.A. Pocock and Quentin Skinner,³ moved one step farther in that respect, by relying on the theory of speech acts developed by Austin and in the Wittgensteinian idea that concepts are “tools”. The essence of the method is that “the meaning of every utterance, spoken or written, must be understood as an action performed in order to achieve the agent’s intentions.”⁴ The Cambridge school puts more emphasis on discourse and contextual analysis than on concepts as such, as speech acts should be placed “in the precise system of communicative relations in which it occurred and to unearth its role within this system.”⁵ In other words, for a comprehensive contextual analysis room should be given not only to “great”, canonical writers and the analysis of their works, but also to minor figures to see the larger picture and the relations between different discourses. The contribution of the Cambridge school is its emphasis on the *performative aspect* in conceptual historical research. However, as Palti notes, this approach still “overlooks the obvious fact that every statement always already entails a given grammar”,⁶ i.e. the articulation of statements is already limited by the “language” given to the historical agent. The French politico-conceptual

---

¹ RICHTER, Melvin. 1990. Reconstructing the History of Political Languages: Pocock, Skinner, and the *Geschichtliche Grundbegriffe*. In: *History and Theory* 29, no. 1 February 1, 1990. 46.

² PALTÍ, Elías José. 2014. The “Theoretical Revolution” in Intellectual History: From the History of Political Ideas to the History of Political Languages. In: *History and Theory* 53, no. 3 2014. 39.

³ Although Pocock and Skinner never referred to each other work as constituting a coherent methodological approach or school, subsequent interpretations of their work perceived significant similarities and refer to their ideas frequently as the “Cambridge School”.

⁴ RICHTER, *Reconstructing the History of Political Languages*, 59.

⁵ PALTÍ, E. *The “Theoretical Revolution”*, 392.

⁶ *Ibid.*, 394.

historical approach added another aspect which addressed this issue, as they focused on the forms of discourses. It builds on ideas by Saussure about language and Michel Foucault can be associated with it among others. In this French context, discourses are “devices to produce statements”,⁷ not just groups of statements. This approach shifts the emphasis from semantics to *syntactic relations*.

I presented these developments in various national contexts in a chronological order, but it does not mean that one approach supersedes the others. The reconciliation of these distinct approaches in the West has been and is still the subject of discussion among scholars. Richter concluded his article by arguing for the *compatibility* of the German Begriffsgeschichte and the Cambridge School. I also support further development of a combined conceptual historical approach as I believe that the basic tenets of them are not only compatible, but even *complementary* to each other.

II. Works on Russian conceptual history: a German and a Russian example

In this section, I will present two works to demonstrate the situation of conceptual historical methods in the Russian context. The aim is to survey what approaches have been already undertaken from the Western scholarship and to highlight the dominant orientation of these works. The idea for selecting these two works for analysis was that they explicitly apply conceptual historical methods. The first one, the *Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit*⁸ was edited by Peter Thiergen and it was published in 2006 in German. As Thiergen informs us in the “Foreword”, the book is a collection of conference articles. The conference was held at the Otto-Friedrich University of Bamberg in 2001 with 35 participants from Germany, Italy, Austria and Poland under the same name as the title of the book: “Russian History of Concepts of Modern Times”.⁹ A conference focusing on Russian conceptual history was a considerably new area for “German Slavistik”, therefore, “[c]oncerning the difficulty of the material, many [of the entries] stayed within the area of cultural history”.¹⁰ But Thiergen also emphasizes that these entries represent a start, a point of departure for future research in German Russian studies. By looking at the different contributions, I agree with Thiergen, that there is a strong presence of cultural history, and maybe even literary studies. This signifies that there is no significant move towards the integration of conceptual history with social and political history

---

⁷ PALTÍ, E. *The “Theoretical Revolution”*, p. 395.

⁸ THIERGEN, Peter. ed. 2006. *Russische Begriffsgeschichte Der Neuzeit: Beiträge Zu Einem Forschungsdesiderat*, Bausteine Zur Slavischen Philologie Und Kulturgeschichte, Bd. 50 Köln: Böhlau, 547. 2006. ISBN 9783412222055

⁹ Ibid. Vorwort, VII.

¹⁰ Ibid.

which is one of the main principles of classic German Begriffsgeschichte. Entries which focus on the reconstruction of concepts in the works of a single author, like “vulgarity” in Gogol or “reflection” in Turgenev can hardly overcome the dichotomy of ideas and realities. These entries remain within the framework of texts, of ideas and do not consider the discourses of the larger context. As Dubina highlighted the problem is that: “[e]ven literary analysis with a broader source base, if it does not get at the key concepts of a discourse or concentrates only on the worldview of a few intellectuals, does not allow one to capture the discourses of the age through the analyzed texts.”¹¹ Literary themes have a potential to be discussed in a conceptual historical framework, but it demands the adoption and integration of the conceptual historical methods with literary discourse analysis, because we showed that Begriffsgeschichte is different than the history of ideas.

The second work under review is the two-volume «Понятия о России» К исторической семантике имперского периода (Concepts about Russia: To the Historical Semantics of the Imperial Period)¹² published in 2012 in Russian. As Miller, Svizhkov and Schierle declare in the introduction, the project did not impose a single methodology on all the authors. The common ground, the “[u]nity of interests and reconcilable grid of questions – is rather in the priority of the interests by the majority of authors to the context of concepts in social and cultural history.”¹³ The introduction reconstructs a thorough history of developments in conceptual history in German, in England and in other countries. The introductory part is followed by the essays which are grouped under large umbrella terms. There is no need for a detailed analysis of the separate articles¹⁴, but it is worth including the five organizing labels: legislation and legal practice; social stratification; society and public sphere; nation [нация] and empire, the organization of space; people [народ] and race. As we can see, there is a stronger emphasis on the integration of social, political and conceptual history than in the previously discussed collection of conference articles, in this Russian edition the essays focus on the “discussion of social action, public opinion, and the public that highlights the impact of censorship, authoritarian government, and communications networks on the formation of

¹¹ DUBINA, Vera and BURKE, Annis F. Istoricheskie Poniatiia I Politicheskie Idei v Rossii XVI–XX Veka: Sbornik Nauchnykh Rabot, and: Russische Begriffsgeschichte Der Neuzeit: Beiträge Zu Einem Forschungsdesiderat (review) In: *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 9, no. 4 2008. 959.

¹² MILLER, Alexei. et al. ed. 2012. «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т 1-2. М.: Новое литературное обозрение, 2012. ISBN 9785867939359 (vol.1.) ISBN 9785867939380 (vol. 2.) The work is the result of the joint project of the German Historical Institute of Moscow and the Publishing House “Novoe literaturnoe obozrenie”.

¹³ *Ibid.*, 38.

¹⁴ A short summary of the articles can be consulted in the following review: WORTMAN, Richard. 2012. A. Miller, D. Svizhkov and I. Schierle, Éds., “Poniatija O Rossii”. In: *Cahiers Du Monde Russe. Russie – Empire Russe – Union Soviétique et États Indépendants*, no. 53/4. December 15, 2012.

society.”¹⁵ For the purposes of my argument, I want to highlight that there is no explicit discussion of the sphere and discourses of religion in these essays. Religion is mostly represented in these volumes in the theme of “religious tolerance”, but religion in the overall conceptual history of Russia remains a collateral issue.

III. Religion and conceptual history in Russia

In the concluding part of this essay, I would like to argue that the disregard of concepts originating from religious discourses can hinder our understanding of the complex social-political-cultural reality of certain epochs in Russian history. I will present two remarks about Russian intellectual history (of modern times) that support the application of conceptual historical approaches in the Russian context in general and with a special emphasis on religion, especially on Eastern Christianity.

Firstly, scholars of Russian thought, Russian philosophy or Russian intellectual history have always highlighted that “a proper appreciation of Russian philosophy must take into account its profound connections both with Russian literature (both narrative fiction and poetry) and Russian politics (populist, social democratic and liberal traditions alongside the Byzantine or Russian Orthodox discourse on politics and human nature)”¹⁶ We can rephrase this characteristics by saying that *ideas* and *realities* have not been so far from each other, an issue that is of primary concern for conceptual history. Therefore, I believe conceptual historical approaches, although developed in the Western tradition, on the basis of analyzing Western histories, have a convincing potential for future research in Russian studies.

Secondly, there are more and more work emphasizing the active role of religion oriented agents, either lay or clergy, in Russian public discussion in the second part of the 19th and beginning of the 20th century. I support the idea to refer to people like N. Berdyaev or S. N. Bulgakov as members of the “religious intelligentsia” rather than “religious philosophers” because they reflected on contemporary social and political issues and expressed their opinion to the public. Christopher Stroop convincingly argued that that these members of the society “had an influential presence in late imperial Russian civil society, which makes Russian religious thought more socially significant than it might seem at first blush.”¹⁷ The problem with assigning a label to these figures is that their discourses are very heterogeneous and often

---

¹⁵ WIRTSCHAFTER, Elise Kimerling. Review of „Poniatia O Rossii“: K Istoricheskoi Semantike Imperskogo Perioda. Volumes I and II by Ed. Aleksei I. Miller, Denis A. Sdvizhkov, and Ingrid Shirle [Schierle] In: *Slavic Review* 72, no. 3. October 1, 2013. P. 641.

¹⁶ HAMBURG, G. M. 2013. *A History of Russian Philosophy 1830-1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity* (Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 308 s. ISBN 9781107612785 2.

¹⁷ STROOP, Christopher. *Providential Empire Russia’s Religious Intelligentsia and the First World War*. PhD diss., University of Stanford, 2012. P. 3.

lack agreement on important issues. By using conceptual historical methods we might be able to have a better understanding whether “religious intelligentsia” shared common underlying principles in their discourse formation, as “very different and indeed contradictory principles or ideas may nevertheless result from the same conceptual matrix”¹⁸. To be able to reconstruct these discourses and linguistic conventions, we need to examine their underlying key concepts and other discourses of the same period to reconstruct the context of these texts. Key concepts are partly overlap with Western key concepts, like “state” or “law”, but there are several concepts in the discourse of Russian intelligentsia of late Imperial Russia which are essential for the interpretation of their statements about social and political life and which are originate from religious thought such as the metaphysical community of *sobornost'* or the idea of Godmanhood [*bogochelovechestvo*] developed by Vladimir Soloviev. It is not possible to understand for instance Bulgakov’s criticism of “progress” if we do not realize that he considered the Western European “idea of progress” a false one and argued that “real progress” should be a process of Godmanhood. All in all, it is a welcome development that more study is devoted to the life and works of members of the “religious intelligentsia”, but attention should be given not only to the content of their works, but also to the conceptual basis, to the form and the larger context in which these works were written.

BIBLIOGRAPHY:

1. DUBINA, Vera and BURKE, Annis F. Istoricheskie Poniatiia I Politicheskie Idei v Rossii XVI–XX Veka: Sbornik Nauchnykh Rabot, and: Russische Begriffsgeschichte Der Neuzeit: Beiträge Zu Einem Forschungsdesiderat (review) In: *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 9, no. 4, 2008.
2. HAMBURG, G. M. 2013. *A History of Russian Philosophy 1830-1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity* (Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 308.s. ISBN 9781107612785
3. MILLER, Alexei. ed. 2012. «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т 1-2. М.: Новое литературное обозрение, 2012. ISBN 9785867939359 (vol.1.) ISBN 9785867939380 (vol. 2.)
4. PALTI, Elías José. 2014. The “Theoretical Revolution” in Intellectual History: From the History of Political Ideas to the History of Political Languages. In: *History and Theory* 53, no. 3 2014.

---

¹⁸ PALTI, E. *The “Theoretical Revolution”*, p. 395.

5. RICHTER, Melvin. 1990. Reconstructing the History of Political Languages: Pocock, Skinner, and the Geschichtliche Grundbegriffe. In: *History and Theory* 29, no. 1 February 1, 1990.
6. STROOP, Christopher. Providential Empire Russia's Religious Intelligentsia and the First World War. PhD diss., University of Stanford, 2012.
7. THIERGEN, Peter. ed. 2006. *Russische Begriffsgeschichte Der Neuzeit: Beiträge Zu Einem Forschungsdesiderat*, Bausteine Zur Slavischen Philologie Und Kulturgeschichte, Bd. 50 Köln: Böhlau, 547. 2006. ISBN 9783412222055.
8. WIRTSCHAFTER, Elise Kimerling. Review of “Poniatija O Rossii”: K Istoricheskoj Semantike Imperskogo Perioda. Volumes I and II by Ed. Aleksei I. Miller, Denis A. Sdvizhkov, and Ingrid Shirle [Schierle] In: *Slavic Review* 72, no. 3. October 1, 2013.
9. WORTMAN, Richard. 2012. A. Miller, D. Svizhkov and I. Schierle, Éds. , “Poniatija O Rossii”. In: *Cahiers Du Monde Russe. Russie – Empire Russe – Union Soviétique et États Indépendants*, no. 53/4. December 15, 2012.

ZMENA JAZYKA ZÁKONOV V STREDNEJ EURÓPE A RUSKU

Mgr. Andrej Kállay

Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií, Filozofická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave, kallay1@st.fphil.uniba.sk

РЕЗЮМЕ: В данной статье рассматриваются методы и итоги количественного анализа разных редакций избранных законов Словакии, Венгрии и России. Статистические методы предоставляют возможность наблюдать, как влияют общественные и политические изменения на язык нормативных актов.

Jazyk je v pohybe – v každom okamihu môžu pribudnúť nové slová, vzniknúť nové výrazy, zmiznúť zriedka používané slová, niektoré sa stanú archaizmami. V posledných desaťročiach tieto zmeny sú prítomné v stále väčšom tempe, informačná revolúcia prináša nové trendy pri tvorbe nových slov, zároveň ich rýchlo aj pochová. Sú pritom oblasti, kde tieto zmeny sú oveľa menej výrazné, k nim patria nepochybne právne predpisy. Má to svoju logiku, keďže jazyk legislatívnych aktov vyžaduje špecifickosť, právny termín vždy musí označovať ten istý predmet, jav, aby nedošlo ku nedorozumeniam, ku kolíziám predpisov. Aj preto sa zdá často, že jazyk zákonov je komplikovaný, ťažký, pre bežného človeka veľmi ťažkopádny. Zmeny, hlavne výrazné spoločenské a politické zmeny vyvíjajú tlak aj na jazyk, na slovnú zásobu zákonov. Keď dôjde zmene režimu, zo zákonov sa odstránia toposy, výrazy charakteristické pre ten predchádzajúci systém. V mojej práci som sa zameriaval práve na túto oblasť – ako sa odzrkadľuje zmena režimu po 1989 roku v jazyku legislatívnych dokumentov. Zákony sú z tohto hľadiska veľmi vďačné – sú trvalé. Také predpisy, ako napríklad ústava či občiansky zákonník, ktoré upravujú mnohé, rozsiahle oblasti života spoločenstva či jedinca, sa neschvaľujú na krátke obdobia. V práci budem porovnávať tri zákony troch krajín – Slovenska, Maďarska a Ruska.

Zákony

Z dôvodu najlepšej možnej analýzy a následného porovnania som mal zámer vybrať také zákony, ktoré zohrávajú dôležitú úlohu v právnom systéme a živote tak Slovenska, ako aj Maďarska či Ruska. V druhom rade som zohľadňoval aj to, ktoré zákony môžu najlepšie odzrkadliť zmeny legislatívneho, politického či spoločenského diania v danej krajine. Preto objektami môjho výskumu sa stali ústavy, ako základné zákony a „základné kamene“ právneho

poriadku, občianske zákonníky a trestné zákonníky.¹ Samozrejme, keďže ide o rozsiahlejší časový úsek, väčšina skúmaných zákonov sa nielen prešla viacerými legislatívnymi zmenami, ale v posledných dvoch desaťročiach aj stratili svoju účinnosť a nahradili ich nové.

Aby zmena jazyka, zmena slovnej zásoby bola výraznejšie viditeľná, nie počiatkový stav (pôvodne znenie) a momentálny stav (aktuálne znenie) som porovnal, ale vymedzil som niekoľko časových bodov:

1. rok vzniku zákona – pôvodné znenie, vo väčšine prípadov ide o šesťdesiate až sedemdesiate roky;
2. rok 1989 – v prípade Slovenska a Maďarska (v Rusku 1991), posledné znenie pred udalosťami v priebehu tohto roka, posledné zmeny zákona nadobudli účinnosť najneskoršie na začiatku roka, prvé **výrazné**² zmeny
3. rok zániku zákona – od deväťdesiatych rokov do súčasnosti
4. rok vzniku nového zákona
5. súčasný stav aktuálne platného a účinného zákona – február 2015.

Týmto spôsobom som vytvoril súbor 53 znení 19 zákonov na analýzu. V prípade Slovenska ide o Ústavu Československej socialistickej republiky³ z roku 1960, Ústavu Slovenskej republiky⁴ z roku 1992, Občiansky zákonník Československej socialistickej republiky⁵, neskôr Občiansky zákonník Slovenskej republiky⁶ z roku 1964, Trestný zákon Československej socialistickej republiky⁷ z roku 1961, Trestný zákon Slovenskej republiky⁸ z roku 2006. V prípade Maďarska ide o Ústavu Maďarskej ľudovej republiky⁹ z roku 1949, Základný zákon Maďarska^{10,11} z roku 2011, Občiansky zákonník Maďarskej ľudovej republiky¹² z roku 1959, Občiansky zákonník Maďarska¹³ z roku 2013, Trestný zákon

¹ V Maďarsku a Rusku sú Trestné zákonníky (kódexy), na Slovensko je to „iba“ Trestný zákon – na rozdiel od Občianskeho zákonníka

² v tomto prípade nebolo možné presne zadefinovať čas, keďže zmeny neprichádzali v rovnakom tempe a miere

³ zákon č. 100/1960 Zb., dostupné online: <<http://www.zakonypreludi.sk/zz/1960-100>>

⁴ zákon č. 460/1992 Zb., dostupné online: <<http://www.zakonypreludi.sk/zz/1992-460>>

⁵ zákon č. 40/1964 Zb., dostupné online: <<http://www.zakonypreludi.sk/zz/1964-40>>

⁶ je to jediný dodnes účinný a platný zákon v mojom výbere, ktorý sa po roku 1989 nenahradil novým

⁷ zákon č. 140/1961 Zb., dostupné online: <<http://www.zakonypreludi.sk/zz/1961-140>>

⁸ zákon č. 300/2005 Z. z., dostupné online: <<http://www.zakonypreludi.sk/zz/2005-300>>

⁹ zákon č. XX z roku 1949, dostupné online (posledné znenie): <http://njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=222.207867>, alebo (pôvodné znenie): <<http://www.1000ev.hu/index.php?a=3&param=8365>>

¹⁰ nemá číslo, dostupné online: <http://njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=140968.248458>

¹¹ nová ústava sa už nevolá ústava, ale základný zákon

¹² zákon č. IV z roku 1959, dostupné online (posledné znenie): <http://njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=481.255464>, alebo (pôvodné znenie): <<http://www.1000ev.hu/index.php?a=3&param=8428>>

¹³ zákon č. V z roku 2013, dostupné online: <http://njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=159096.239298>

Maďarskej ľudovej republiky¹⁴ z roku 1978 a Trestný zákonník Maďarska¹⁵ z roku 2013. V prípade Ruska je to Ústava Zväzu sovietskych socialistických republík¹⁶ z roku 1977 (tzv. tretia ústava), Ústava Ruskej sovietskej federatívnej socialistickej republiky¹⁷ z roku 1978, Ústava Ruskej federácie¹⁸ z roku 1993, Občiansky zákonník Ruskej sovietskej federatívnej socialistickej republiky¹⁹ z roku 1964, Občiansky zákonník Ruskej federácie²⁰, Trestný zákonník Ruskej sovietskej federatívnej socialistickej republiky²¹ z roku 1960 Trestný zákonník Ruskej federácie z roku 1996.²²

Treba dodať, že v Sovietskom zväze na nebol ani Občiansky zákonník, ani Trestný zákonník na federálnom (zväzovom) úrovni, iba na úrovni jednotlivých republík. Nový Občiansky zákonník bol prijatý postupne v štyroch častiach v rokoch 1994 až 2008, do analýzy som zahrnul prvé dve (veľmi rozsiahlej) časti, na nich je už možné mapovať zmeny.

Znenia jednotlivých zákonov (v prípade slovenských) som čerpal z online právnej služby www.zbierka.sk a www.zakonypreludi.sk. V prípade prvej služby som používal platenú sekciu, kde sú pripravené všetky konsolidované znenia. Keďže pre neregistrovaných zákazníkov tieto verzie nie sú dostupné, z tohto dôvodu priamy odkaz na tieto znenia neviem uviesť. V prípade druhého portálu dostupné sú iba posledné tri konsolidované znenia a pôvodné znenie. Maďarské zákony som čerpal zo oficiálnej stránky Vestníka Maďarska www.njt.hu, kde sú ale dostupné iba časové rezy a konsolidované znenie z posledných dvadsaťročia. V prípade starých zákonov jednotlivé znenia nie sú voľne dostupné, tie som musel „rekonštruovať“ pomocou portálu www.1000ev.hu.

Nástroje

Pre analýzu textov som používal dve online služby, a to textplore.org²³ – nástroj na matematicko-štatistickú analýzu textu a Advego.ru²⁴ – nástroj na SEO-analýzu²⁵ textu. V tomto

¹⁴ zákon č. IV z roku 1978, dostupné online (posledné znenie): http://njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=3356.237644, alebo (pôvodné znenie): <http://www.1000ev.hu/index.php?a=3&param=8525>

¹⁵ zákon č. C z roku 2012, dostupné online: http://njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=152383.283328

¹⁶ bez čísla, dostupné online na <http://goo.gl/fLJahV> - voľne dostupné je iba cez víkend a sviatky, v ostatných dňoch je možné odoslať mailom

¹⁷ Dostupné online na <http://goo.gl/a4jB0E>

¹⁸ Dostupné online na <http://goo.gl/sH5KWg>

¹⁹ z 11. júna 1964, dostupné online: <http://goo.gl/BHpO2I>

²⁰ prvá časť: zákon č. 51-FZ z 30. novembra 1994, dostupné online <http://goo.gl/j9KpKv>; druhá časť: zákon č. 14-FZ z 26. januára 1996, dostupné online: <http://goo.gl/I47AD6>

²¹ z 27. októbra 1960, dostupné online: <http://goo.gl/R82syw>

²² zákon č. 63-FZ z 13. júna 1996, dostupné online na: <http://goo.gl/R82syw>

²³ <http://www.textplore.org>

²⁴ <http://www.advego.ru/text/seo/>

²⁵ SEO – search engine optimization – optimalizácia pre vyhľadávače

bode analýzy som narazil na problém, totižto prvý nástroj je optimalizovaný na anglický a maďarský jazyk, druhý na ruský.

Optimalizácia v tomto prípade znamená, že tieto služby po zadaní textu lematizujú každé slovo, čiže nájdu všetky paradigmatické tvary slova a na konci procesu vrátia výsledok – koľkokrát dané slovo sa vyskytne v texte, bez ohľadu na jeho tvar, pričom rozlíšia slovné druhy. To znamená, že keď v danom texte jeden raz vyskytnú slová pekné, pekného, peknej a pekne, nástroj vráti výsledok, že v texte trikrát sa nachádza slovo pekný a raz pekne. Pre lematizáciu slovenských textov som podobný nástroj nenašiel, preto som musel manuálne skontrolovať a počítať najčastejšie vyskytujúcich sa slov, či manuálne kontrolovať všetky tvary hľadaného výrazu.

Pri hodnotení výsledkov analýzy som nezohľadnil tzv. stop slová (stop words) – vylúčené slová. Pod týmto pojmom sa rozumejú tie slová, ktoré sa v texte vyskytujú často, ale z hľadiska analýzy nenesú žiadnu dôležitú informáciu.²⁶ K nim patria zvyčajne spojky, predložky, do tejto skupiny som zaradil aj také slová, ktoré pravdepodobne často vyskytujú v zákonoch (odsek, článok a pod.)

Výsledky

Výsledkami analýzy textu sú tabuľky s tisíckami slov, pre porovnanie som vymedzil tri kategórie – desať najčastejšie sa vyskytujúcich slov, slová, ktoré zmizli z textu zákonov a slová, ktoré pribudli, okrem toho som ešte analyzoval také, často sa vyskytujúce výrazy ako *ľudový, národný, štátny, slovenský/magyar/русский*.

Keď si pozrieme najviac frekventované slová v ústavách, jasne poukazujú na skutočnosť, že ústavy sú základným zákonom danej krajiny, slúžia ako východisko pre ostatné zákony, zdefinujú základné princípy fungovania spoločnosti, preto sú z istého hľadiska aj politickým manifestom a spoločenskou zmluvou. V pôvodných (socialistických) a predprevratových zneniach už neúčinných²⁷ ústav dôležitú úlohu zohrávajú topoty socialistického režimu: *socialistický, pracujúci, népköztársaság* (pre preklad maďarských výrazov pozri prílohu č. 1), *dolgozó, minisztertanács, совет, гражданин, СССР*. Výnimku tvorí iba pôvodné znenie Ústava Československej republiky, v ktorom najfrekventovanejšie slová sú *slovenský, národný, rada*. Po udalostiach v roku 1968 rola Slovenskej národnej rady v rámci ČSSR bola značne obmedzená, čo sa odzrkadľuje už aj v najčastejších slovách

²⁶ str. 8, RAJARAMAN, Anand. ULLMAN, Jeffrey David. 2012. *Data Mining*. Cambridge University Press, 2012. ISBN: 9781139058452

²⁷ treba dodať, že Ústava č. 100/1960 Zb. nebola zrušená ani zákonom č. 542/1992 Zb. o zániku Českej a Slovenskej Federatívnej Republiky, ani Ústavou Slovenskej republiky č. 460/1992 Zb. V Českej republike podľa článku 112 Ústavy Českej republiky č. 1/1993 Zb. doterajšia ústava stratila platnosť

neskorších znení a viac sa podobá už na maďarskú či sovietsku ústavu. Poprevratové znenia, resp. nové ústavy už nesú na sebe znaky spoločenských a politických zmien, najčastejšie sa vyskytujú slová ako *právo, vláda, súd, prezident, köztársaság, elnök, jog, denymam, автономный, дума, президент*. Zaujímavé je, že vo všetkých jazykoch medzi najfrekvencovanejšími je slovo *prezident*, a v prípade slovenskej a ruskej ústavy slovo *socialistický* nahradil prívlastok *slovenský a oroszckii*. Toto potvrdzuje aj porovnanie tých slov, ktorí pribudli do slovnej zásoby zákonov v posledných dvadsiatich piatich rokoch a slov, ktorí sa zo zákonov po roku 1989 vytratili, či prehľad prídavných *národný, štátny, slovenský/magyar/орусский/орусский*. Pre ďalšie podrobnosti pozri prílohu č. 2, 3 a 4.

V prípade ostatných zákonov (občiansky a trestný zákonník) podobné veľké zmeny už nie sú, keďže ide o viac špecifické zákony, ktoré upravujú detailnejšie aspekty fungovania spoločnosti a života občanov. Samozrejme je možné sledovať zmiznutie toposov socialistického režimu a pribudnutie slov, ktoré „predstavujú“ demokratizáciu spoločnosti, napr. *fyzický* (fyzická osoba), *spotrebiteľ, részvénytársaság, alaptőke, аренда, коммерческий*. Pre ďalšie podrobnosti pozri prílohu 2 a 3.

Namiesto záveru

V tomto článku mojím zámerom bolo predstavenie výsledku a možností kvantitatívnej analýzy textu, v tomto prípade zákonov. Takouto formou analýzy je možné odkryť jednak skrytý obsah daného textu, ale aj dokázať našich dojmov pomocou štatistických metód, nájsť nové cesty analýzy. Postup prezentovaný v mojej práci je iba základom, podobné riešenia skrývajú v sebe veľa možností v oblasti získavania informácií a poznatkov o texte.

BIBLIOGRAFIA:

1. RAJARAMAN, Anand – ULLMAN, Jeffrey David. 2012. *Data Mining*. Cambridge University Press, 2012. ISBN: 9781139058452. 17 pp. Dostupné online: <<http://i.stanford.edu/~ullman/mmds/ch1.pdf>>
2. CZIBIK, Ágnes – TÓTH, István János. *Rejtett tartalmak nyomában*. Budapest: MTA KTI, 2013. Dostupné online: <http://www.wargo.hu/tij/publications/textplore_2011_elemzes_kti_110504_.pdf>
3. *1000 év törvényei*. Dostupné online: <<http://www.1000ev.hu>>
4. Elektronická zbierka zákonov. Dostupné online: <<http://www.zbierka.sk>>
5. *Konsultant Plus*. Dostupné online: <<http://www.consultant.ru>>
6. *Nemzeti Jogszabálytár*. Dostupné online: <<http://www.njt.hu>>
7. *Zákony pre ľudí*. Dostupné online: <<http://www.zakonypreludi.sk>>

Príloha č. 1. – Slovník maďarských pojmov

alaptőke	základné imanie
alaptörvény	základný zákon
államhatalom	štátna moc
állampolgár	štátny občan
államtitok	štátne tajomstvo
államtitoksértés	porušenie štátneho tajomstva
állapot	stav
bűncselekmény	trestný čin
bűnszervezet	zločinecká organizácia
bűntetendő	tu: sa potrestá (odňatím slobody)
bűntetés	trest
bűntett	zločin
dolgozó	pracujúci
dolog	vec
egy	jeden
élettárs	druh, partner
elkövet	spáchať
elnök	prezident
elnöki	prezidentský
elzárás	väzba
eset	prípád
év	rok
fajtalanság	perverzia
fél	strana
felsőbíróság	tabula (vyšší súd)
felügyelő	dozorca, inšpektor
fizetési	platobný, platový
főbüntetés	hlavný trest
gyermek	dieťa
helyi	miestny
illetőleg	respektíve
jog	právo
jogosult	oprávnený
jogszabály	právny predpis
jóvátételi	reparačný
kapcsolódó	tu: (s tým) súvisiaci
kár	škoda
képviselő	poslanec
kihirdetett	vyhlásený
korlátozó	obmedzujúci
kormány	vláda
köteles	povinný
központ	stredisko
központi	centrálny
köztársaság	republika

köztársasági	republikový
leszállítás	tu: zníženie
magyar	maďarský
Magyarország	Maďarsko
megállapított	zistený
meghatározott	stanovený
megszűnés	zánik
megválasztás	zvolenie
miniszterelnök	premiér
minisztertanács	rada ministrov
népgazdaság	ľudové hospodárstvo
népi	ľudový
népköztársaság	ľudová republika
országgyűlés	krajinská rada (ako národná rada)
országgyűlési	krajinská rada (ako prívlastok, napr. rozhodnutie krajinskej rady - országgyűlési határozat)
önkormányzat	samospráva
önkormányzati	samosprávny
összeesküvés	sprisahanie
öt	päť
pénzmellékbüntetés	peňažná pokuta ako vedľajší trest
pont	bod
rendelkezés	nariadenie
rendszer	system
részvény	akcia
részvényes	akcionár
részvénytársaság	akciová spoločnosť
sarkalatos	fundamentálny
szabadságvesztés	odňatie slobody
szakigazgatási	odborná správa (ako prívlastok)
személy	osoba
szerv	orgán
szerveződés	zmluva
szexuális	sexuálny
szigorított	zostrený (trest)
szocialista	socialistický
szöveg	text
szövetség	zväz
szükségállapot	núdzový stav
tag	člen
tanács	rada
tanácsi	rada (ako prívlastok, napr. rozhodnutie rady – tanácsi határozat)
társadalmi	spoločenský
társaság	spoločnosť (ako napr. akciová spol.)
telekkönyv	pozemková kniha
teljesítés	plnenie
terjedő	tu: do (napr. od 1 do 3 rokov)

termeltető	výrobný
tervszerződés	plánovaná zmluva
tisztségviselő	činiteľ, funkcionár
törvény	zákon
ügyvezetés	administrácia
ülés	zasadnutie
üzletrész	obchodný podiel
végrehajtóbizottság	výkonný výbor
viSSzahív	odvolať

Príloha č. 2 – Najčastejšie sa vyskytujúce slová¹

Ústava

Stará, pôvodné znenie (RU - ZSSR pôvodné)		
SK	HU	RU
národný	népköztársaság	СССР
slovenský	magyar	совет
národná	országgyűlés	республика
rada	dolgozó	верховный
republika	minisztertanács	государственный
zhromaždenie	törvény	союзный
socialistický	szerv	гражданин
spoločnosť	elnöki	депутат
pracujúci	tanács	социалистический
činnosť	helyi	советский

Stará, znenie pred 1989 (RU - ZSSR posledné 1991)		
SK	HU	RU
socialistický	magyar	СССР
republika	népköztársaság	совет
československý	tanács	народный
spoločnosť	országgyűlés	депутат
pracujúci	elnöki	республика
národný	törvény	верховный
občan	állampolgár	государственный
výbor	jog	союзный
činnosť	Minisztertanács	гражданин
sudca	társadalmi	орган

Stará, znenie po 1989 (RU - RSFSR pôvodné)		
SK	HU	RU
socialistická	elnök	РСФСР
republika	országgyűlés	совет
československá	magyar	государственный
spoločnosť	törvény	верховный
pracujúci	Köztársaság	республика
národný	jog	депутат
štát	köztársasági	автономный
výbory	Minisztertanács	народный
činnosť	tag	гражданин
občan	képviselő	орган

Stará, posledné znenie		
SK	HU	RU
česká	törvény	федерация
slovenská	magyar	российский
federatívna	elnök	закон
republika	országgyűlés	совет
súd	szöveg	депутат
vec	Köztársaság	народный
zákon	képviselő	государственный
funkca	jog	внести
najvyšší	országgyűlési	автономный
vojenský	köztársasági	орган

¹ v prípade Ruska (Sovietskeho zväzu) sú porovnané znenia sovietskej ústavy, ústavy RSFSR, ústavy RF.

Nová, pôvodné znenie		
SK	HU	RU
slovenský	törvény	федерация
republika	országgyűlés	российский
právo	elnök	государственный
národný	köztársasági	федеральный
zákon	jog	закон
rada	Magyarország	конституция
ustanoviť	meghatározott	орган
vláda	magyar	конституционный
súd	kormány	дума
prezident	képviselő	президент

Nová, aktuálne znenie		
SK	HU	RU
slovenská	törvény	федерация
republika	elnök	российский
rada	országgyűlés	государственный
národný	alaptörvény	федеральный
zákon	magyar	закон
ustanoviť	köztársasági	конституция
právo	meghatározott	президент
ústavný	jog	дума
prezident	Magyarország	конституционный
funkcia	kormány	орган

Обčiansky zákonník²

Starý, pôvodné znenie (RU - RSFSR pôvodné)		
SK	HU	RU
právo	szerződés	договор
vec	dolog	имущество
povinný	fél	право
organizácia	jog	организация
vec	jogosult	случай
občan	személy	срок
byt	köteles	гражданин
zmluva	jogszabály	закон
škoda	eset	обязательство
szolgáltatás	kár	помещение

Starý, znenie pred 1989 (RU - RSFSR 1991)		
SK	HU	RU
právo	szerződés	договор
vec	fél	имущество
povinný	személy	рсср
organizácia	dolog	право
občan	jog	организация
byt	jogszabály	случай
zmluva	köteles	срок
užívania	jogosult	гражданин
szolgáltatás	eset	президиум
terület	teljesítés	указ

² v niektorých tabuľkách sú prázdne stĺpy, kde nebolo možné priamo porovnať slovnú zásobu zodpovedajúce časové rezy, totiž ruský občiansky zákonník vymenili postupne – v rokoch 1996 až 2008 prijali 4 časti, tým pádom starý zákon takisto postupne strácal svoju účinnosť, definitívne zanikol až v roku 2008

Starý, znenie po 1989 (RU - RSFSR 1992)		
SK	HU	RU
právo	szerződés	договор
vec	fél	имущество
povinný	személy	рсфср
organizácia	dolog	право
občan	jog	организация
zmluva	jogszabály	случай
byt	köteles	срок
užívania	jogosult	гражданин
náhrada	eset	президиум
pozemok	kár	указ

Starý, posledné znenie		
SK	HU	RU
právo	törvény	
zmluva	szerződés	
vec	személy	
povinný	fél	
zákon	jog	
záložný	eset	
byt	szöveg	
veriteľ	dolog	
osoba	jogosult	
plnenie	rendelkezés	

Nový, pôvodné znenie (HU aj aktuálne)		
SK	HU	RU
	szerződés	договор
	személy	имущество
	jog	право
	eset	случай
	tag	закон
	jogosult	товар
	köteles	срок
	gyermek	предусмотреть
	társaság	требование
	fél	обязательство

Nový, aktuálne znenie		
SK	HU	RU
		договор
		закон
		имущество
		право
		случай
		предусмотреть
		срок
		товар
		производиться
		обязательство

Trestný zákon

Starý, pôvodné znenie (RU - RSFSR pôvodné)		
SK	HU	RU
sloboda	év	лишение
potresce	szabadságvesztés	свобода
odňatie	terjedő	наказываться
čin	elkövet	преступление
rok	bűncselekmény	один
páchatel'	bűntetendő	работа
nápravný	bűntetés	исправительный
opatrene	egy	наказание
spáchat'	bűntett	общественный
spôsobiť	öt	имущество

Starý, znenie pred 1989 (RU - RSFSR 1983)		
SK	HU	RU
sloboda	év	срок
potresce	szabadságvesztés	лишение
rok	terjedő	свобода
odňatie	elkövet	наказываться
páchatel'	bűncselekmény	РСФСР
čin	bűntetendő	президиум
trest	bűntetés	указ
nápravné	egy	редакция
opatrene	bűntett	преступление
spáchat'	öt	наказание

Starý, znenie po 1989 (RU - RSFSR 1993)		
SK	HU	RU
sloboda	év	срок
potresce	szabadságvesztés	РСФСР
rok	terjedő	лишение
odňatie	elkövet	свобода
páchatel'	bűncselekmény	наказываться
čin	bűntetendő	ведомость
nápravný	bűntetés	закон
opatrene	egy	преступление
trest	bűntett	наказание
spôsobiť	öt	работа

Starý, posledné znenie (RU - RSFSR)		
SK	HU	RU
sloboda	törvény	срок
potresce	év	лишение
rok	szabadságvesztés	свобода
čin	szöveg	наказываться
páchatel'	elkövet	РСФСР
odňatie	terjedő	ведомость
spácha	pont	закон
spôsobiť	bűntetendő	преступление
trest	bűncselekmény	размер
uvedený	megállapított	наказание

Nový, pôvodné znenie		
SK	HU	RU
slobody	év	срок
rokov	szabadságvesztés	размер
potrestá	terjedő	лишение
čín	bűncselekmény	свобода
páchatel'	bűntetendő	наказываться
odňatie	elkövet	преступление
spáchat'	meghatározott	месяц
uvedený	bűntetés	три
rok	személy	осудить
spôsobiť	egy	деяние

Nový, aktuálne znenie		
SK	HU	RU
	év	срок
slobody	szabadságvesztés	размер
rok	terjedő	закон
potrestá	bűncselekmény	федеральный
páchatel'	bűntetendő	лишение
uvedený	elkövet	свобода
odňatie	meghatározott	редакция
trest	bűntetés	работа
škoda	személy	наказываться
spôsob	egy	три

Príloha č. 3 – Najčastejšie nové a zmiznuté slová

Ústava SR	
Pribudli	Zmizli
rozhodovať	pracujúci
referendum	socialistický
obec	Československo
samospráva	socializmus
demisia	zpráva
nevyhnutný	komisia
obmedziť	krajina
čin	ľud
združovať	povereník
podnikateľský	spoločenský

Ústava HU	
Pribudli	Zmizli
kormány	népköztársaság
sarkalatos	dolgozó
miniszterelnök	minisztertanács
központi	Tanács
önkormányzat	államhatalom
önkormányzati	végrehajtóbizottság
megszűnés	szocialista
megválasztás	népi
szükségállapot	visszahív
állapot	felsőbíróság

Ústava RU (prvé ZSSR - prvé RF)	
Pribudli	Zmizli
федерация	СССР
федеральный	союзный
конституционный	социалистический
дума	советский
президент	народный
субъект	президиум
течение	общество
назначение	сессия
нормативный	ССР
муниципальный	коммунистический

Občiansky zákonník SR	
Pribudli	Zmizli
register	socialistický
záväzok	výbor
slovenský	domček
objednávateľ	výstavba
kancelária	krajský
spotrebiteľ	opilost'
prenajímateľ	prenechaný
fyzický	úloha
poistiteľ	vykázaný
záložca	advokát

Občiansky zákonník HU	
Pribudli	Zmizli
részvény	illetőleg
részvénytársaság	tervszerződés
részvényes	telekkönyv
tisztviselő	szövetség
alaptőke	állampolgár
üzletrész	központ
ügyvezetés	szakigazgatási
ülés	termeltető
élettárs	felügyelő
leszállítás	dolgozó

Občiansky zákonník RU	
Pribudli	Zmizli
товарищество	РСФСР
аренда	кооперативный
правовой	ССР
рента	двор
коммерческий	колхоз
арендатор	министр
купля	депутат
доверительный	трудиться
федерация	социалистический
клиент	СССР

Trestný zákon SR	
Pribudli	Zmizli
potrestá	potresce
motív	nápravný
krízový	socialistický
zokupenie	pracujúci
doživotie	svetová
štyri	sústava
dvadsaťpäť	rozvracanie
rozpočet	nepriateľstvo
dohľad	výbor
právnický	náčelník

Trestný zákonník HU	
Pribudli	Zmizli
tanácsi	népköztársaság
rendszer	pénzmellékbüntetés
szexuális	szigorított
elzárás	főbüntetés
fizetési	népgazdaság
korlátozó	államtitok
bűnszervezet	fajtalanság
kihirdetett	összeesküvés
jóvátételi	államtitoksértés
kapcsolódó	szocialista

Trestný zákonník RU	
Pribudli	Zmizli
срок	рубль
статья	телесный
минимальный	порицание
период	союз
федерация	высылка
российский	ссп
час	коллектив
семьсот	рецидивист
средний	социалистический
сорока	трудиться

Príloha č. 4 – Počet výskytu slov ľudový, slovenský/magyar/русский/российский v všetkých zneniach zákonov

Krajina	Zákon	ľudový, népi, народный	slovenský, magyar, русский/российский	národný, nemzeti, национальный	štátny, állami, государственный
SR	Ústava staré pôvodné	10	74	260	45
	Ústava staré do 1989	5	9	63	18
	Ústava staré po 1989	5	9	63	21
	Ústava staré posledné	1	40	10	11
	Ústava nové pôvodné	0	264	123	76
	Ústava nové aktuálne	10	461	169	79
HU	Ústava staré pôvodné	5	65	1	9
	Ústava staré do 1989	2	90	2	17
	Ústava staré po 1989	1	90	10	19
	Ústava staré posledné	10	150	36	34
	Ústava nové pôvodné	0	72	31	22
	Ústava nové aktuálne	0	101	37	27
RU	Ústava ZSSR pôvodné	74	0/3	9	115
	Ústava ZSSR posledné	199	0/3	18	149
	Ústava RSFSR pôvodné	104	2/14	7	143
	Ústava RSFSR posledné	236	1/1000	20	228
	Ústava RF pôvodné	0	1/465	9	183
	Ústava RF posledné	0	1/606	9	192

Mladá rusistika – nové tendencie a trendy III

SR	Obč. zak. staré pôvodné	0	0	33	27
	Obč. zak. staré do 1989	0	4	38	32
	Obč. zak. staré po 1989	0	4	38	32
	Obč. zak. staré posledné	0	34	14	20
	Obč. zak. nové pôvodné				
	Obč. zak. nové aktuálne				
HU	Obč. zak. staré pôvodné	0	8	0	71
	Obč. zak. staré do 1989	0	7	1	79
	Obč. zak. staré po 1989	0	7	1	79
	Obč. zak. staré posledné	0	17	3	44
	Obč. zak. nové pôvodné	0	6	3	2
	Obč. zak. nové aktuálne				
RU	Obč. zak. ZSSR pôvodné	9	1/2	0	149
	Obč. zak. ZSSR posledné	35	0/2	0	133
	Obč. zak. RSFSR pôvodné	35	0/2	0	133
	Obč. zak. RSFSR posledné				
	Obč. zak. RF pôvodné	1	0/114	1	350
	Obč. zak. RF posledné	5	0/189	1	505
SR	Trest. zak. staré pôvodné	5	1	18	82
	Trest. zak. staré do 1989	2	1	16	84
	Trest. zak. staré po 1989	2	1	16	84

Mladá rusistika – nové tendencie a trendy III

	Trest. zak. staré posledné	3	59	9	46
	Trest. zak. nové pôvodné	0	109	7	39
	Trest. zak. nové aktuálne	4	131	8	43
HU	Trest. zak. staré pôvodné	3	50	3	21
	Trest. zak. staré do 1989	3	50	3	23
	Trest. zak. staré po 1989	3	43	3	17
	Trest. zak. staré posledné	7	24	13	17
	Trest. zak. nové pôvodné	8	27	16	15
	Trest. zak. nové aktuálne	2	28	17	15
RU	Trest. zak. ZSSR pôvodné	1	0/0	4	97
	Trest. zak. ZSSR posledné	23	0/0	5	130
	Trest. zak. RSFSR pôvodné	32	0/23	7	127
	Trest. zak. RSFSR posledné	30	0/195	7	99
	Trest. zak. RF pôvodné	0	0/128	14	84
	Trest. zak. RF posledné	0	0/259	16	126

«КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК» И «СЕСЕНИЯ»: РАЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ЧЕЧЕНСКУЮ ВОЙНУ¹

Daniele Artoni, аспирант

Департамент филологии, литературы и лингвистики, Университет Вероны,
artoni.daniele@gmail.com

ABSTRACT: In this paper, I will compare two films about war in Chechnya, that is, the Russian film “Prisoner of the Mountains” (1996) and the Italian film “Chechnya” (2004). I will show how different stylistic choices mirror different views on the Chechen deeds. On the one hand, the Russian film presents the war as an internal never-ending conflict between the Russian and the Chechen people. On the other hand, in the Italian film, Chechnya is an unknown place the characters will never reach. The war and the main character’s death are symbols of the violence of power against the truth, here represented by a journalist. In this paper, I will first provide information about the films, then I will analyse shots, dialogues and music, in order to account for the different meaning conveyed by different semiotic codes.

1. Создание фильмов «Кавказский Пленник» и «Сесения»

«Кавказский Пленник» – русский драматический фильм 1996 г., совместное производство России и Казахстана. Режиссёр и продюсер – Сергей Бодров (старший). Сюжет фильма по рассказу «Кавказский Пленник» Толстого, разворачивается во время первой чеченской войны. Фильм снимался в Дагестане, горной республике, расположенной рядом с Чечнёй. Фильм был впервые показан в России 15 марта 1996.

«Сесения» – итальянский фильм 2004 г., первая работа режиссёра Леонардо Джульано. Этот фильм был создан при поддержке независимой продюсерской компании I.P.E. (Impresa Pubblici Esercizi). Фильм снимался в Болгарии, кроме некоторых архивных кадров, принадлежащих архивам Rai Trade и Radio Radicale.

Хотя оба фильма снимались непосредственно после событий, о которых они говорят, первое различие между ними – это время действия. Действие фильма «Кавказский Пленник» разворачивается во время первой чеченской войны, в начале 90-ых годов. И наоборот, события в фильме «Сесения» происходят во время второй чеченской войны, в 2000-ых годах.

---

¹ The author wants to thank Mgr. Nina Cingerová, PhD. and Mgr. Ivan Posokhin for their precious help.

Даже различия между местами постановки имеют значение. Русский фильм снимался в стране, которая очень похожа на Чечню. Итальянский фильм снимался в Болгарии, далеко от Кавказа. Поскольку итальянская публика не настолько хорошо знает морфологию Кавказа, как русская публика, Болгария звучит так же далеко и экзотично, как Чечня.

2. Сюжет фильма «Кавказский Пленник»

На нотах песни «Прощание Славянки» фильм начинается. Ваня Жилин (Сергей Бодров младший) стоит на медосмотре; он голый и лысый. В начале зритель встречается с простым молодым человеком, без униформы. Этим подразумевается, что герой фильма – просто человек.

Во второй сцене самоуверенный Саша Костылин (Олег Меньшиков) приезжает в штаб-квартиру. Он поёт, пьёт водку и стреляет без надобности. Он испытанный в боях, и война для него стала бесконечной игрой.

Саша и Ваня оказались в эпицентре. Саша смело сражается, а Ваня прячется. Зритель знакомится с чеченцами. Их появление сопровождается кавказской традиционной музыкой (для дудука, барабана и аккордеона). Только когда Саша и Ваня попадают в плен, название фильма «Кавказский Пленник», написано восточным типом шрифта, появляется на экране.

В чеченском ауле, где Сашу и Ваню держат, режиссёр показывает контраст между темнотой и светом. Темнота – это интерьер избы, волосы и глаза Дины (Сусанна Мехралиева). Свет – это аул в солнце, огонь в избе, исламские чётки в руках женщины.

Съёмка умиротворяет и камера медленно движется в ритме аула и ритмах пленников. Сначала общение между героями является лишним. Саша не хочет разговаривать с молодым Ваней, опекун Хасан (Александр Буреев) немой, Дина избегает разговоров с пленниками.

В середине течения жизни в ауле, действие возвращается в русский мир, в аудиторию, где учительница, мама Вани, читает письмо сына своим ученикам. Фильм возвращается к пленникам, отношения между героями постепенно меняются. Цепь соединяет Сашу с Ваней, вынуждая их делать всё вместе. Взгляды между Диной и Ваней становятся многозначительными; она часто любопытно смотрит на него, он самонадеянно ищет её взгляд и дарит ей часы и куклу в виде птички.

Действие возвращается опять в школу, где работает мама Вани. Теперь она одна и читает новое суховатое письмо сына: он попал в плен в Чечне и просит её помощи. В

письме Ваня объясняет, что хозяин Абдул-Мурат (Джемал Сихарулидзе) хочет их обменять на своего сына, который сидит в тюрьме в русской штаб-квартире.

Саша и Ваня находят комнату в избе, где хранятся крепкие напитки, и напиваются. С помощью Хасана, одетые как чеченцы, они танцуют под чеченские песни. Ваня поправляет часы Абдула-Мурата. Это фальшивое потепление разрушается длинным кадром, где на крыше избы Саша плачет. На фоне слышно ещё раз «Прощание Славянки».

Мама Вани приезжает в штаб-квартиру, но ничего не получает от русского лейтенанта, который грубо отвечает ей, что её обманули. Тогда она ищет и встречает Абдула-Марата. Она взывает к тому, что для них общее. Её речь характеризуется элементами на «мы»: «договорились», «встречаемся», «Вы учитель, я тоже учительница». Но Абдул-Мурат сухо отвечает, что теперь не важно. Всё то, что было «мы» стало «своим» и «чужим», они теперь враги.

Между тем Саша успевает организовать бегство, но убивает и доброго Хасана, и мирного чабана. Чеченцы вскоре их ловят. Саша признаётся в убийстве, его отделяют от Вани. Ваня снова сидит в плену в ауле. Он теперь в яме.

Дина разговаривает с Ваней и даёт ему хлеб и напиток. Она говорит, что через год она выйдет замуж. В ауле встречают праздник и Дина показывает Ване, как она танцует. Камера снимает как будто из-под земли; образ Дины стоит в небе, как древняя девушка-богиня.

Сашу убивают мечом. Ночью Ваня видит весёлое привидение Саши. Заключённые в русской штаб-квартире поднимают восстание, и сына Абдула-Мурата убивают пулей. Только что сын Абдула умирает, начинается громкая чеченская музыка. Мать Вани видит, как Абдул встречается с трупом сына. Ещё раз и мать, и отец могли быть связаны из-за общей потери сына, но они враги и их взгляды никогда не встречаются.

Дина, в чёрном, говорит Ване о том, как его скоро убьют. Дина решает спасти Ваню, но он не решается бежать. Уже поздно, Абдул-Мурат приходит с винтовкой. Абдул с Ваней поднимаются на гору. Дина, в чёрном, как Ангел смерти, сидя на могиле, смотрит как они уходят. Абдул стреляет, но не в Ваню, а в воздушную цель.

Ваня видит русские вертолеты, машет руками, но они его не видят. В конце, ещё на нотах «Прощание Славянки», голос Вани рассказывает эпилог. На фоне видны фотографии главных героев в оттенках сепии.

3. Сюжет фильма «Сесепи́а»

Фильм начинается с чёрного экрана. Слышно только голос чеченской женщины, которая говорит о жестокости против членов её семьи. Первый кадр архивный, образ с трупом мужчины.

Звонит телефон и упорная музыка барабанчиков начинается. Антонио Руссо (Марко Тоньяцци) говорит по телефону в своей грязной комнате; он громко и выразительно говорит. Съёмка рванная и показывает и разные разговоры по телефону (про бывшие миссии Антонио, про премии журналистам, про его любовные отношения), и встречу с Лукой Бриви (Бруно Армандо), который предлагает Антонио свою помощь, чтобы оба попали в Чечню.

Иногда видно части документального фильма, где женщины говорят об уничтожении их мужей и сыновей, об изнасилованиях. Всё это не сочетается с женщинами, которые занимаются проституцией с Лукой. Иностранец ему объясняет, как покупать дешёвые наркотики и дешёвых молодых проституток.

Уки (Христо Мутафчиев), грузинский друг Антонио, сидит за столом и говорит, что эта война совершенно отличается от прошлой войны. Теперь огромное количество денег и оружия привозят из-за границы, и поэтому русские стали называть всех партизан террористами.

Лука и Антонио с Уки едут к Чечне на фургоне. Антонио звонит в «Радио Радикале» и говорит о встрече (не показано в фильме) с лидером чеченских партизан, об изнасилованиях чеченских женщин русскими солдатами в ауле, о битве, где убили трёх чеченских партизан и восемь русских солдат.

Неясность положения Луки показана во время встречи с швейцарским врачом, депутатом «*Médecins sans frontières*». Он представляет себя другом Беллени, член итальянского парламента. Вскоре после того он встречается с таинственным человеком из грязного бизнеса.

Кадры документального фильма с рассказами женщин становятся все более и более беспокоящими.

Антонио встречается с двумя польскими журналистами. Они заметили, что кроме них ни одного западного журналиста не интересуют чеченские события. Между тем, Лука получает огромное количество лекарств для «*Médecins sans frontières*» от чеченского чёрного рынка.

Наконец Лука и Антонио с поляками уезжают из грузинского села в Чечню. Рядом с границей они останавливаются и идут пешком через лес с чеченскими партизанами.

Лидер просит всех отдать ему мобильники, чтобы русские радиолокаторы не смогли перехватить их сигналы. Лука лжёт и говорит, что сломал свой мобильник.

Утром русские вертолёты летят над ними. Все солдаты держат свои винтовки, Антонио держит свою кинокамеру. Когда борьба начинается, партизаны стреляют (по англ. shoot) винтовками, Антонио снимает (по англ. shoot) камерой. Один партизан умирает и все должны вернуться в Грузию.

В Грузии лидер партизан обвиняет западных журналистов в вероломстве. Русские узнали о миссии партизан, кто-то им об этом рассказал. Чеченский опекун находит мобильник в рюкзаке Луки. Партизаны арестуют Луку. Антонио ссорится с Лукой, потому что из-за него чеченцы больше не верят ему. Лидер организует фальшивую казнь для Луки, и Антонио им говорит, что их жестокость похожа на жестокость русских.

Лука и Антонио освобождены и должны вернуться в Тбилиси. С другой стороны партизаны будут снабжать документами и кадрами того, что русские делали против мирного населения, чтобы Антонио смог их распространять в западных СМИ.

Антонио приезжает в Тбилиси и встречается с русским генералом. Он говорит, что Россия планировала уничтожение чеченского населения, и использует запрещённые бомбы, и что коррупция между генералами настолько распространена, что они помогают чеченским партизанам в обмен на дачи на Чёрном Море. Генерал предупреждает Антонио, что кто-то хочет, чтобы он замолчал. Лука звонит Антонио. Он прилетел в Рим, а Антонио не знал, что Лука вернулся домой.

«Я забыла, как можно жить дальше», на словах этой женщины заканчивается документальная съёмка. Только теперь видно, что сам Антонио снимал фильм.

Антонио находит в его доме видеопленку и сразу смотрит её. Длинная съёмка показывает лицо Антонио и как он плачет, видя страх и ужас на видеопленке. Он больше не в состоянии смотреть.

Уже ночь и кто-то приходит в дом Антонио. «Я больше не могу, хватит», говорит Антонио и закрывает глаза. Теперь видно только темноту и отдаленный голос Антонио говорит, что в эту ночь он начал умирать, как будто бы его смерть была длинным процессом, который начался, когда он смотрел видеопленку. Он продолжает и говорит про его смерть, но он ничего не может объяснить. В своем рассказе он всегда говорить «не знаю». И даже сегодня мы не знаем, кто, как и почему убил Антонио.

4. Музыка и съёмка: семиотический анализ

Кадры и музыка фильма «Кавказский Пленник» четко разделённые надвое: русская часть и чеченская часть. Русская часть снималась в помещении: в аудитории или

в штаб-квартире. И наоборот, кроме избы пленников, чеченская часть снималась на открытом воздухе. Часто съёмка замедляется, останавливаясь на захватывающих панорамах гор и аула. Вообще эпизоды следуют за сюжетом и не пересекаются.

Музыка играет большую роль и в повествовании, и как символ. Музыка также очевидно разделена на русскую и на чеченскую части. Чеченская музыка сыграна на дудуке, на аккордеоне и на барабане. Её звук, раньше, чем пейзажи, ведёт зрителя в мир без времени. Иногда музыка сопровождается танцами. Совершенно другое значение имеет русская музыка. С начала фильма до его конца, русские военные песни звучат несколько раз. Повторяющаяся песня «Прощание Славянки» несёт в себе символическое значение. С одной стороны, эта песня связана с прошлыми войнами, как будто бы первая чеченская война была просто продолжением бесконечной вековой войны между россиянами и чеченцами. С другой стороны, эти старые победоносные песни не гармонируют с современным положением сюжета и с поражением всех героев, подчёркивают ещё раз бессмысленность войны.

Стиль съёмки в фильме «Сесепия» очень прерывистый. Фабула не соответствует сюжету, режиссёр вводит много обратных кадров. Часто фабула развивается благодаря тому, что Антонио рассказывает по телефону своему радио. Поэтому зритель не является всеведущим; он не знает правду, он должен верить журналисту. Смешивание стилей съёмки показано в разных ситуациях. Когда женщины говорят про жестокость русских солдат, режиссёр использует стиль документального фильма, т. е., расплывчатое изображение, фокус на лицо, неподвижные образы. Когда Антонио наедине, камера фокусируется на его лице, чтобы показать его внутренние чувства. Когда что-то происходит, съёмка следует за действиями. Важно подчеркнуть, что все эти разные стили накладываются друг на друга и часто используются одновременно.

Музыка в фильме «Сесепия» очень простая. Когда свидетели войны говорят, музыки нет. В других моментах, только барабаны играют быстрый и тревожный ритм.

5. Против стереотипов

Зверева² объясняет, что тема войны в Чечне – часть повседневной жизни российского общества. И на самом деле, в России создали огромное количество продуктов массовой культуры, как сериалы, документальные и документально-художественные телефильмы и фильмы. Все эти произведения подвергались процессам

---

² ЗВЕРЕВА, Галина Ивановна. 2002. Работа для мужчин?: Чеченская война в массовом кино России // Неприкосновенный запас. In: *Дебаты о политике и культуре* [online]. 2002, 6 (26). С.102-109 [cit. 25-11-2014], <<http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/zver.html>>

максимального упрощения ситуации, использовали стереотипы, как, например, привычная оппозиция своё/чужое. Эти стереотипы можно разделить на национальные, этнокультурные и гендерные.

В данном случае надо рассматривать фильм «Кавказский Пленник» и как он отличается от других предыдущих фильмов на чеченскую тему. «Кавказский Пленник» начал процесс ресемантизации стереотипов. В этом фильме эти стереотипы показаны, но они совершенно побороты централизацией человека. И наоборот, фильм «Сесения» снимался для публики, которая понимает чеченские события как чужие.

Стереотип национальной и этнокультурной войны заключается в идее, что это война между двумя национальностями: россияне и чеченцы. В фильме «Кавказский Пленник» эта этнизация чеченской войны показана и в музыке, и в сюжете. Но режиссёр идёт дальше. Когда русская мать и чеченский отец встречаются, зрителю ясно, что эти два человека похожи и страдают одинаково. В фильме «Сесения» Уки объясняет, что иностранные исламские террористы поддерживают чеченских партизан. Русский генерал раскрыл план уничтожения чеченского населения. Поэтому в этом фильме трактовка войны довольно шире, чем просто национальная.

Гендерный стереотип мужской войны представлен в обоих фильмах. В фильме «Кавказский Пленник» только мужчины воюют, и все солдаты должны быть настоящими мужчинами, каким был и Саша. Против этого стереотипа в фильме показано, как Саша плачет. Саркисова³ подчеркивает другой гендерный стереотип, то есть что функция женщин сводится к жертве или к пассивной участнице событий. В фильме «Кавказский Пленник» сначала Дина и мать Вани кажутся пассивными, но потом играют важную роль в спасении Вани. Его мать ведёт переговоры с русскими солдатами и даже с «врагом» Абдул-Муратом. Дина сама решает нарушить правила и спасти Ваню. В «Сесения» все эти стереотипы подтверждены. Мужчины воюют, а женщины – жертвы. На самом деле только женщины говорят про жестокость русских солдат в документальном фильме.

Тем не менее, фильм «Сесения» хочет разрушить стереотипы, в нем чувствуется западная точка зрения. Против стереотипа кавказского террориста фильм показывает и мирных кавказцев, и гордых, но честных, чеченских солдат. Режиссёр хотел подчеркнуть разницу между террористами и партизанами. Ещё фильм иллюстрирует, что настоящие враги людей – это военные, и экономическое могущество, а не терроризм, что

³ САРКИСОВА. Оксана. 2002. Скажи мне, кто твой враг.. Чеченская война в российском кино. In: *Дебаты о политике и культуре* [online]. 2002, 6 (26), [cit. 25-11-2014]. <<http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/sark.html>>

соответствует западным настроениям в 2000-ых годах. Эта идея стала традиционной темой западного левого крыла.

В заключение я буду искать элементы против стереотипов, лежащие в названиях. «Кавказский Пленник» обращается к произведениям Пушкина и Толстого. Это подсказывает, что тема фильма давно знакома. Но его взгляд отличается от обычных взглядов на чеченскую войну. Отсылки к давней традиции еще раз подчеркивают, что эта война бесконечна. Помимо всего прочего, название указывает только на одну – русскую – жертву. Но, наоборот, в фильме все люди жертвы, и «хорошие» люди находятся по обеим сторонам баррикад. Благодаря этим личным контактам, которыми только Человек обладает, фильм нарушает знакомый стереотип оппозиции «свое/чужое». Интересно, что в реальности Сергей Бодров-младший попал в плен кавказских гор, в которых он погиб под лавиной 20 сентября 2002.

Название «Сесепиа» также имеет символистическое значение протестующее против стереотипов. Для западной публики, Чечня является местом военных действий, где заправляют террористы. И наоборот, фильм никогда не показывает Чечню, которая становится незнакомым символом жестокости. И «плохие» люди везде: итальянец Лука нелоялен, россияне испорчены, чеченские партизаны жестоки. Поэтому Чечня тут больше не страна, а универсальное состояние, где сила уничтожает всех тех, кто ищет правду.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. ЗВЕРЕВА, Галина Ивановна. 2002. Работа для мужчин?: Чеченская война в массовом кино России. // Неприкосновенный запас. In: *Дебаты о политике и культуре* [online]. 2002, 6 (26). С.102-109 [cit. 25-11-2014], <<http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/zver.html>>
2. САРКИСОВА. Оксана. 2002. Скажи мне, кто твой враг.. Чеченская война в российском кино. In: *Дебаты о политике и культуре* [online]. 2002, 6 (26), [cit. 25-11-2014]. <<http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/sark.html>>
3. BIGNELL, Jonathan. 2002. *Media semiotics. An introduction*. Manchester: Manchester University Press.
4. STAM, Robert, BURGOYNE Robert, FLITTERMAN-LEWIS Sandy. 1992. *New Vocabularies in film semiotics. Structuralism, post-structuralism and beyond*. London: Sightlines.

IVAN MIČURIN V SÚČASNEJ RUSKEJ A SLOVENSKEJ TLAČI*

Mgr. Katarína Hrčková

Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií, Filozofická fakulta Univerzity Komenského
v Bratislave, hrckovak@gmail.com

РЕЗЮМЕ: В своей статье мы сосредоточились на одном прецедентном имени советской эпохи и использовании этого имени в языке газет. В современной печати мы искали имя Ивана Владимировича Мичурина и пытались узнать, в каком контексте оно употреблено, какие ассоциации связаны с этим именем в настоящее время. Мы также искали подтверждение широко распространённого мнения, что прецедентные имена употребляются сегодня как оценочное средство.

J. M. Lotman hovorí, že text nemožno považovať za uzavretú jednotku, je totiž doplnený o kódujúce a dekodujúce mechanizmy, ktoré sa nachádzajú mimo textu. Pochopenie zmyslu vypovedaného je dnes úloha veľmi náročná, liberalizáciou médií v postsovietskom období došlo k výraznému posunu vo významoch a v použití sovietskych slov, slovných spojení a reálií tohto obdobia. Je totiž už učebnicovou pravdou, že zánikom mnohých javov sa ich pomenovania rýchlo historizovali a v lexikálnom systéme ruského jazyka došlo k posunom, ktoré sa najvýraznejšie prejavili v dobovej publicistike. Týka sa to najmä soviетizmov, ktoré sa postupne strácajú z jazyka alebo nadobúdajú hodnotiacu funkciu. Aby však bola táto funkcia v texte odhalená musí recipient poznať určité kultúrne pozadie daného výrazu.

Najmä v médiách sa aj dnes často využívajú presne určené spôsoby vyjadrovania postojov a myšlienok, čo umožňuje, aspoň z časti, skryť subjektívnosť vyjadrení. Táto tendencia sa výrazne prejavuje v aktívnom využívaní precedencnosti.¹ Na Slovensku sa téme precedencnosti aktívne venujú napr. rusisti z Prešovskej Univerzity J. Sipko², N. Mertová, M.

---

* Tento príspevok vznikol v rámci riešenia Grantu mladých č. UK/248/2014

¹ НАХИМОВА, Е. А. *Прецедентные имена в массовой коммуникации*. Екатеринбург: УрГПУ, 2007. 207 с.

² Prof. Sipko sa vo svojich prácach venuje historickým aj súčasným precedencným menám. Por. bližšie: СИПКО, Йозеф. 2013. *Прецедентные имена в позиции оценочных средств*, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, Prešov, 2013, ISBN 978-80-555-0910-5.

Blaho, L. Guzy, nitriansky rusista P. Adamka či I. Dulebová³ a K. Motyková⁴ z Univerzity Komenského v Bratislave. V rámci svojich lingvokulturologických výskumov sa zaoberajú širokou škálou precedentných fenoménov: precedentnými situáciami, menami, výrazmi a textami. V predkladanej práci sa taktiež venujeme precedentným fenoménom, no obmedzili sme sa len na jednu oblasť, ktorá ešte nebola, podľa nášho názoru, zmapovaná dostatočne. Ide o oblasť antroponým, ruských precedentných vlastných mien, mytologizovaných postáv Sovietskeho zväzu, ktoré sa stali symbolmi určitej činnosti či morálnych postojov. Na sovietskych hrdinov sa menili zväčša ľudia obyčajní, zapálení pre svoju prácu a socializmus a ich správanie a postoje sa, nielen vďaka dobovej propagande, zakorenili hlboko v ľudských myšliach a práve táto skutočnosť ich predurčila na cestu precedentnosti. Precedentné meno totiž nie je len známe meno, ktoré sa v texte využíva na označenie konkrétneho človeka – ide hlavne o označenie kultúrneho znaku, symbolu určitých vlastností, udalostí, osudov, t.j. funguje ako mentálno-verbálna jednotka, ktorá slúži na konceptualizáciu, kategorizáciu a hodnotenie skutočnosti.⁵ Zároveň výskum antroponým sľubuje značný súbor výsledkov a možných interpretácií, čo potvrdzuje aj prof. Sipko vo svojej monografii: „Podľa výsledkov našich dlhoročných pozorovaní sú antroponymá v súčasnej publicistike najčastejšími precedentnými fenoménami v pozícií hodnotiacich jazykových prostriedkov.“⁶

Cieľom práce je analýza použitia konkrétneho precedentného mena v súčasnom, slovenskom aj ruskom, mediálnom diskurze. Cieľom analýzy by malo byť vytvorenie obrazu použitia precedentného mena v mediálnych textoch. Súčasťou záveru práce by mali byť odpovede na otázky, v akom kontexte sa hovorí o nami vybranej osobe, aké asociácie vyvoláva použité meno, kde a či vôbec sa posunul význam precedentného mena v porovnaní s vnímaním pôvodnej historickej postavy v sovietskom období.

Z mien slávnych sovietskych hrdinov sme vybrali to, ktoré nie je cudzie slovenským ani ruským čitateľom. Ide o meno slávneho biológa a ovocinára Ivana Vladimiroviča Mičurina.

³ Dr. Dulebová sa lingvokulturologickým výskumom venuje najmä v súvislosti s vyučovaním ruského jazyka v slovenskom prostredí. Por. bližšie: DULEBOVÁ, Irina. 2014. Významné ruské antroponymá v aspekte lingvodidaktiky cudzích jazykov na pokročilej úrovni. In: *Ianua ad linguas hominisque reserata 5 = La porte des langues s'ouvre aux hommes 5 = Brána jazykov k ľuďom otvorená 5*, Paris : Association amitié Franco-Slovaque, 2014. s. 35-39

⁴ Dr. Motyková sa sústreďuje na analýzu precedentných mien v nemecko-ruskom kontexte. Por. bližšie: CINGEROVÁ, Nina. – MOTYKOVÁ, Katarína. 2011. Präzedenznamen im Kontext der Interkulturalität : das Beispiel „Gorbi“. In: *Interkulturelle Linguistik im Aufbruch : das Verhältnis von Theorie, Empirie und Methode*. – Tübingen : Narr Verlag, 2011. s. 175-183

⁵ НАХИМОВА, Е. А. 2007. *Прецедентные имена в массовой коммуникации*. Екатеринбург: УрГПУ, 2007. 207 с.

⁶ СИПКО, Йозеф. 2013. *Прецедентные имена в позиции оценочных средств*, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, Prešov, 2013, ISBN 978-80-555-0910-5, str. 12

V internetovej verzii slovenského denníka *Sme* sme pomocou internetového vyhľadávača našli články, v ktorých sa vyskytovalo meno Ivana Mičurina a podrobili sme ich analýze.⁷ Na portáli *Sme.sk* sme našli zmienku o tomto šľachtiteľovi šesťkrát. Prvý článok s názvom „Mičurin Ivan Vladimirovič“⁸ je opisom života tohto významného šľachtiteľa, ktorý bol uverejnený pri príležitosti 150. výročia jeho narodenia. Práve tento text by mohol byť, z nášho pohľadu a s trochou nadsázky, využívaný ako didaktická pomôcka pre študentov rusistiky – v texte totiž autorka podáva charakteristiku vedca, ktorá zahŕňa jeho vedecký prínos, postoj k štátnej moci, no aj jeho čudáctvo – vlastnosti, vďaka ktorým sa jeho meno stalo precedentným. Hneď v prvej vete autorka píše: „Ak o niekom platí rovnica génus = čudák, potom to je legendárny ovocinár a šľachtiteľ Ivan Vladimirovič Mičurin.“ Ako sa syn šľachtica mohol stať sovietskym hrdinom? V článku nájdeme odpoveď: „Sotva sa skončila občianska vojna, všimol si ma V. I. Lenin,“ píše v pamätiach. Sovietska moc skutočne vytvorila z jeho súkromného pestovateľského raja Ústredné genetické laboratórium I. V. Mičurina.“ Uzmanie si vydobyl svojimi šľachtiteľskými úspechmi – „Vznikli tak stovky nových druhov a južné odrody posunul o stovky kilometrov na sever, kde predtým nedokázali prežiť“, no zároveň bolo jeho meno aj zneužitá v propagande: „Jeho výroky komunistické vedenie dovedlo do absurdnej podoby, vyjadrenej v porekadle ‘prikážeme vetru, dažďu...’. Autorka článku sa väčšinu času pohybuje v opisnej rovine s občasnými hodnotiacimi pasážami, celkovo však Mičurinovo meno v článku nenadobúda hodnotiacu funkciu a nemožno ho považovať za precedentné.

V druhom nájdenom článku sa meno biológa nachádza už v názve, komentár sa volá *Mičurinská koza*.⁹ Autor sa pri titulku zjavne inšpiroval hrubým vtipom, ktorý možno poľahky nájsť na internete. V texte sa autor vracia k nepokojom na britských ostrovoch z leta 2011 a opisuje „...povstanie mládežníckych gangov, ... ďalší zo šokových „eventov“ roka 2011“. Autor sa pozastavuje nad výchovnými metódami a britskými zákonmi: „...práve v Británii vyrazili rodičom z rúk štandardné výchovné nástroje, overené storočiami. Ak totiž plesnete vlastné decko po zadku, podľa platného zákona ste sa dopustili trestného činu domáceho násillia.“ Prítomnosť precedentného mena Mičurin v názve článku je objasnená až v závere, kde autor píše: „Problém, ktorého je drancovanie v Anglicku symptómom, a dlhová kríza takpovediac testom zrelosti, je práve v tom, že kríženie kapitalistických slobôd so socialistickými hodnotami (rovnosť, „právo“ na všetko, „nediskriminácia“, atď.) je mičurinská koza, ktorá rohami práve narazila na strop.“ V danom texte je jasne badateľná hodnotiacia

⁷ Vylúčené boli blogy a diskusné komentáre pod článkami.

⁸ Dostupné na internete: <<http://encyklopedia.sme.sk/c/2442781/micurin-ivan-vladimirovic.html>>

⁹ Dostupné na internete: <<http://m.sme.sk/?cl=6011435>>

funkcia využitia precedentného mena, keďže autor poukazuje na „kríženie“, ktoré neprináša v spoločnosti nič dobré, a tento postup nepriamo prirovnáva k „mičurinským“ pokusom spojiť nezlučiteľné.

V ďalšom článku sa autor vyjadruje na adresu dokumentárneho filmu s názvom *Prečo potrebujeme demokraciu?* Už názov článku „Nie je hybrid ako hybrid“¹⁰ odkazuje na kríženie nerovnorodých prvkov a hľadané precedentné meno uvádza v úvode článku: „Dnes už len najstaršej generácii hovoria čosi mená ako Mičurin a Lysenko – sovietski biológovia, o ktorých sa u nás učili už deti v materských škôlkach. Vďaka nim sme od malička vedeli, čo je to kríženie, čiže hybridizácia v biológii.“ Následne sa však autor zameriava na „spoločenskú hybridizáciu“, keď píše: „Čo však znamená hybridizácia spoločenských systémov, to som si uvedomil, až keď som videl filmový dokument *Prečo potrebujeme demokraciu?* o voľbe predsedu triedy na základnej škole v Čínskej ľudovej republike.“ Meno Ivana Mičurina opäť vyvoláva negatívnu konotáciu – spojenie demokracie a Čínskej ľudovej republiky autor nepovažuje za fungujúcu kombináciu a prirovnáva ju k pokusom, ktoré pri krížení uskutočňoval slávny biológ.

Hľadaný výraz sme našli aj v článku s názvom *Malíková leží v nemocnici, SNS na ňu podala oznámenie*¹¹, v ktorom autor opisuje vnútrostranícke spory v Slovenskej národnej strane. Článok je venovaný opisu udalostí, ktoré vyústili do údajného fyzického napadnutia Anny Malíkovej. Na konci článku nachádzame aj takúto vetu „Bývalý čestný predseda SNS Marián Anđel na Malíkovej tvrdenie, že je zakladajúcou členkou strany, odpovedal, že by ho vôbec neprekvapilo tvrdenie, že ‘zakladajúcimi členmi SNS boli Anna proletárka a Vova Mičurin’.“ Vo vyjadrení nachádzame až dve precedentné mená, ktoré poukazujú na absurdnosť situácie v strane. Aj v tomto prípade meno Mičurina, mimochodom, nesprávne označeného ako Vova, čo môže poukazovať na spojenie s menom Lenina, získava komický podtext a negatívnu konotáciu.

V texte staršieho dáta s názvom „Zatiaľ sme nemali možnosť okúsiť naozajstnú demokraciu“¹² autor hodnotí vývoj demokracie na Slovensku v tieni zmareného referenda roku 1997. Príspevok sa začína nasledovnými slovami: „Ešte som chodil do školy, keď nás učili, že všetky vynálezy vynašli sovietski ľudia. Lepešinská, Lysenko, Mečnikov, Mičurin, Miklucho-Maklaj, Stachanov, Makarenko, Tencerov rám, Mladá garda, Timur a jeho družina, Berija. Vtedy boli stranícki predstavitelia ‘milovaní’ celým národom.“ Kľúčovou vetou článku sa nám

¹⁰ Dostupné na internete: <<http://komentare.sme.sk/c/3749409/nie-je-hybrid-ako-hybrid.html>>

¹¹ Dostupné na internete: <<http://www.sme.sk/c/1228013/malikova-lezi-v-nemocnici-sns-na-nu-podala-oznamenie.html>>

¹² Dostupné na internete: <<http://www.sme.sk/c/2050858/zatial-sme-nemali-moznost-okusit-naozajstnu-demokraciu.html>>

javí nasledujúce konštatovanie: „Ten, kto neokúsil pravú slobodu, uverí všetkému, čo jeho miláčik vysloví.“ Práve touto vetou autor poukazuje na manipuláciu v spoločnosti. Hoci je meno I. Mičurina zaradené medzi významnými vedcami, niektoré postavy sú vymyslené a prinajlepšom kontroverzné. Z článku sa môže čitateľ dovŕtiť, že propaganda výrazne mení realitu a inak tomu nebolo ani za sovietskych čias. Meno Mičurina sa opäť spomína ako negatívny príklad.

Posledný slovenský analyzovaný text nazvaný *V Zemplíne sa dari jahodám a malinám aj v zime*¹³ sa venuje problematike naozaj blízkej I. Mičurinovi – biológii. V článku záhradkár z okolia Zemplínskej Šíravy opisuje svoje úspechy v pestovaní jahôd a malín a „známi ho už prezývajú malý Mičurin.“ V texte je meno I. Mičurina použité v žartovnej, pozitívnej polohe, poukazuje na podobnosť pestovateľa so slávnym šľachtiteľom a zároveň s jeho podivuhodnými experimentmi.

Zo šiestich analyzovaných článkov nadobúda skúmaný precedenčný fenomén až v štyroch prípadoch negatívnu konotáciu, raz sa článok snaží o nestranný opis, hoci aj vtedy je badateľná ľahká irónia a raz sme meno I. Mičurina našli v spojení s biológiou, kde nadobudlo viac-menej pozitívny, či jemne žartovný, význam.

Podobným spôsobom sme hľadali meno I. Mičurina aj v internetovom vydaní ruského periodika *Известия*. Keďže sme našli mnoho výsledkov, analyzovali sme len 6 textov chronologicky zoradených. Prvý článok *Мертвая земля*¹⁴ je venovaný problému únikov ropy z potrubí, ktoré spôsobujú ekologické havárie. Článok sa na problematiku pozerá z rôznych uhlov pohľadu, medzi iným aj z ekonomického. Začína slovami: „Мы не должны ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача“, – высказывание бесспорно выдающегося советского биолога Ивана Мичурина звучало бы не так вызывающе, если бы не применялось на практике с таким рвением.“ Autor využil výrok I. Mičurina, no v absolútne neutrálnom kontexte, vďaka jeho výroku kritizuje iný jav, no precedenčné meno hodnotiacu funkciu nenadobúda.

Druhý text, v ktorom sa vyskytuje hľadané meno, je rozhovor s riaditeľom verejnoprávnej televízie A. Lysenkom¹⁵, ktorý tvrdí, že vo vysielaní nebude žiadna cenzúra a že budú do relácií pozývať aj opozičných aktivistov. V jednej z otázok reportér pochybuje o tom, že sa televízia udrží na mediálnom trhu, má totiž veľa kritikov. Lysenko odpovedá:

¹³ Dostupné na internete: <<http://michalovce.korzar.sme.sk/c/4514970/v-zempline-sa-dari-jahodam-a-malinam-aj-v-zime.html#ixzz3Ri9oOEVU>>

¹⁴ Dostupné na internete: <<http://izvestia.ru/news/569478>>

¹⁵ Dostupné na internete: <<http://izvestia.ru/news/530699>>

„Говорят, что не приживется, но попробовать-то надо! Как говорил товарищ Мичурин, нельзя ждать милости от природы – взять у нее – наша задача.“ Riaditeľ teda použil výrok I. Mičurina na ilustráciu snáh o životaschopné vysielanie, nechce len čakať, čo sa bude diať s televíziou, chce na ňu aktívne pôsobiť. Aj v tomto článku meno Mičurina a jeho výrok pôsobia neutrálne.

Text *Черноплодная страна*¹⁶ je venovaný výročiu narodenia I. Mičurina. V článku sa okrem životopisných údajov objavujú aj úvahové pasáže, v ktorých sa vyskytuje aj hľadané precedentné meno. Autor napríklad opisuje pokusy s transplantáciou psej hlavy a na margo toho hovorí: „...именно этим экспериментом прославился Владимир Демихов – советский Мичурин от трансплантологии“, čím poukazuje aj na zvláštnosť mičurinských pokusov. Kým v tomto prípade použitie Mičurinovho mena nosí negatívny odtienok, ďalej to už tak jednoznačne nepocítujeme. Autor napríklad hovorí: „Эта мичуринская страна, с ее сочетанием дичка и аристократизма, нравилась мне больше нынешней, поделенной непреодолимыми барьерами на географические, экономические и социальные страты.“ V tomto vyjadrení už cítiť, že prídavné meno mičurinský je použité na opisanie „kríženca“, ktorý sa však „ujal“ a aj vo svojej rôznorodosti dokáže správne fungovať. Celkovo článok hodnotíme ako neutrálny, viac krát sa v ňom totiž meno Mičurina objavuje v pozitívnom kontexte a autor, na rozdiel od autorov slovenských, poukazuje najmä na úspešné experimenty a nevysmieva sa z nezmyselnosti iných, už menej podarených, šľachtiteľských pokusov.

*Пейзаж за рябиновым кустом*¹⁷, text, ktorý bol publikovaný krátko po článku *Черноплодная страна* je venovaný reakciám, ktoré vyvolala práve táto stať. Opäť ide o text neutrálny, na ilustráciu sú v ňom totiž uvedené príspevky za i proti I. Mičurinovi. V komentároch sa dajú nájsť aj nasledovné, protirečivé vyjadrenia: „Мичурин остается ничем не запятанным Мичуриным. Просто действительно выдающимся селекционером. ... Оба игнорировали генетику (Мичурин, Лысенко) и потерпели фиаско.“

Článok *Засуха в головах*¹⁸, ktorý v názve skrýva aktualizovaný precedentný výraz z knihy M. Bulgakova *Psie srdce*, sa venuje téme lesných požiarov a ich prepojenia na trhovú ekonomiku. Autor v texte hovorí aj o rôznych funkciách lesa a o postoji sovietskej moci k lesnému hospodárstvu: „А когда на плакате восторженная комсомолка в повязанной по-крестьянски косынке указывает на карту будущих защитных лесополос, то на книгах у нее под мышкой можно прочесть имена Докучаева, Мичурина и Лысенко...“. Význam

¹⁶ Dostupné na internete: <<http://izvestia.ru/news/367481>>

¹⁷ Dostupné na internete: <<http://izvestia.ru/news/368085>>

¹⁸ Dostupné na internete: <<http://izvestia.ru/news/365133>>

použitia precedentných mien však autor nenecháva na čitateľovi a ďalej píše: „С учетом того, что мы знаем о лысенковщине, такой букет способен пробудить скепсис даже у самых доверчивых.“ V texte teda meno Mičurina nadobúda negatívnu konotáciu a je prezentovaný skôr ako synonymum vedeckého diletantizmu.

Už v nadpise článku *Больные маницефалией*¹⁹ sa ukrýva slovná hračka s anglickým slovíčkom money a autor sa v článku venuje vymyslenej chorobe „manicefálií“ na pozadí tragédie v nočnom klube v meste Perm. Prezident Medvedev na margo tragédie povedal: „что у виновников этого преступления ‘нет ни мозгов, ни совести’.“ Autor túto myšlienku rozvíja aj s použitím hľadaného precedentného mena: „...совести у виновников этих преступлений нет. ... Ведь совесть, если ее нет, уже ничем не привьешь. Никакие мичурины, хирурги, макареники и репрессивные органы здесь не помогут.“ Autor vyjadruje názor, že žiadne „mičurinské“ pokusy, v tejto situácii nepomáhajú, svedomie sa nedá obnoviť pomocou vedy. V tomto článku považujeme precedentné meno za hodnotiace, má negatívnu konotáciu a poukazuje na bezvýsledné pokusy.

Pri analýze šiestich článkov sme dospeli k zaujímavému záveru – meno I. Mičurina sa používalo skôr ako meno historickej osobnosti a nie ako precedentné meno. Celkovo až v štyroch článkoch bolo toto antroponymum použité neutrálne, dva krát sa precedentné meno Mičurin objavilo v hodnotiacej pozícii a nadobudlo negatívny význam.

Pri porovnaní oboch súborov skúmaných textov sme dospeli k pozoruhodnému záveru: kým v slovenskom kontexte sa meno I. Mičurina takmer vždy používa v hodnotiacej pozícii a slovenský novinár predpokladá, že čitateľ je oboznámený s kultúrnym pozadím daného mena, v ruskom súbore textov bolo meno I. Mičurina využívané najmä neutrálne. Používalo sa v spojení s jeho výrokom „Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее – наша задача.“ Tento okrídlený výraz sme v skúmanom súbore nenašli v hodnotiacej pozícii, no na druhej strane, propaganda tento výrok pretransformovala na známe zvolanie „rozkážeme ветру, даждь“, ktoré sa v slovenskej publicistike objavuje ako hodnotiaci prostriedok.²⁰ V slovenskej tlači toto precedentné meno, ešte nadôvažok, nadobúda negatívnu, či posmešnú, konotáciu. Dôvodom prečo je I. Mičurin v slovenskom kontexte vnímaný negatívnejšie ako v ruskom môže byť silnejšie odsúdenie sovietskej epochy v slovenskej spoločnosti. Pomerne častý výskyt tohto precedentného mena v tlači poukazuje na platnosť tvrdenia, že „precedentné

¹⁹ Dostupné na internete: <<http://izvestia.ru/news/356355>>

²⁰ Príklady využitia tohto zvolania nájdete napríklad tu: <<http://zivot.azet.sk/clanok/2602/sialenstvo-za-sest-milionov>>, <<http://www.etrend.sk/trend-archiv/rok-2012/cislo-26/vladu-neprijemne-dobieha-jahnatkova-elektrouspora.html>>

fenomény sú chápané ako jazykové formy ... obsahujúce tendenciu k pravidelnému opakovaniu.²¹ Práve preto predpokladáme, že sa s menami „sovietskych hrdinov“ budeme v tlači stretávať aj naďalej.

BIBLIOGRAFIA:

1. CINGEROVÁ, Nina. – MOTYKOVÁ, Katarína. 2011. Präzedenznamen im Kontext der Interkulturalität: das Beispiel „Gorbi“. In: *Interkulturelle Linguistik im Aufbruch: das Verhältnis von Theorie, Empirie und Methode*. – Tübingen: Narr Verlag, 2011.
2. DULEBOVÁ, Irina. 2014. Významné ruské antroponymá v aspekte lingvodidaktiky cudzích jazykov na pokročilej úrovni. In: *Ianua ad linguas hominisque reserata 5 = La porte des langues s'ouvre aux hommes 5 = Brána jazykov k ľuďom otvorená 5*, Paris: Association amitié Franco-Slovaque, 2014.
3. DULEBOVÁ, Irina. 2014. Precedentné fenomény literárneho pôvodu v procese vyučovania ruského jazyka študentov nefilologických odborov, In: *Fórum cudzích jazykov*, 2014. roč. 6, č. 3, s. 7 – 16.
4. СИПКО, Jozef. 2008. *В поисках истинного смысла*, Prešov, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2008, str. 230 – 249, ISBN 978-80-8068-729-8
5. НАХИМОВА, Е. А. *Прецедентные имена в массовой коммуникации*. Екатеринбург: УрГПУ, 2007. 207 с.
6. СИПКО, Йозеф. 2013. *Прецедентные имена в позиции оценочных средств*, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, Prešov, 2013, ISBN 978-80-555-0910-5

Internetové zdroje použitých ukážok:

1. JESNÝ, Martin. 2012. *Vládu neprijemne dobieha Jahnátkova elektroúspora*. Dostupné na internete: <<http://www.etrend.sk/trend-archiv/rok-2012/cislo-26/vladu-neprijemne-dobieha-jahnatkova-elektroúspora.html>>
2. HOZLÁR, Jozef. 1997. *Zatial' sme nemali možnosť okúsiť naozajstnú demokraciu*. Dostupné na internete: <<http://www.sme.sk/c/2050858/zatial-sme-nemali-moznost-okusit-naozajstnu-demokraciu.html>>
3. HYBÁČKOVÁ, Beáta. 2008. *Šialenstvo za šesť miliónov*. Dostupné na internete: <<http://zivot.azet.sk/clanok/2602/sialenstvo-za-sest-milionov>>
4. PROCHÁZKOVÁ, Petra. 2005. *Mičurin Ivan Vladimirovič*. Dostupné na internete: <<http://encyklopedia.sme.sk/c/2442781/micurin-ivan-vladimirovic.html>>

---

²¹ DULEBOVÁ, Irina. 2014. Precedentné fenomény literárneho pôvodu v procese vyučovania ruského jazyka študentov nefilologických odborov. In: *Fórum cudzích jazykov*, 2014. roč. 6, č. 3, s. 7 – 16.

5. PORUBJAK, Martin. 2008. *Nie je hybrid ako hybrid*. Dostupné na internete: <<http://komentare.sme.sk/c/3749409/nie-je-hybrid-ako-hybrid.html>>
6. SCHUTZ, Peter. 2011. *Mičurinská koza*. Dostupné na internete: <<http://m.sme.sk/?cl=6011435>>
7. Malíková leží v nemocnici, SNS na ňu podala oznámenie. 2004. Dostupné na internete: <<http://www.sme.sk/c/1228013/malikova-lezi-v-nemocnici-sns-na-nu-podala-oznamenie.html>>
8. *V Zemplíne sa darí jahodám a malinám aj v zime*. 2005. Dostupné na internete: <<http://michalovce.korzar.sme.sk/c/4514970/v-zempline-sa-dari-jahodam-a-malinam-aj-v-zime.html#ixzz3Ri9oOEVU>>
9. БЫКОВ, Дмитрий. 2010. *Черноплодная страна*. Dostupné na internete: <<http://izvestia.ru/news/367481>>
10. ДЬЯКОВА-ТИНОКУ, Ксения. 2014. *Мертвая земля*. Dostupné na internete: <<http://izvestia.ru/news/569478>>
11. ЗАБРОДИНА, Екатерина. 2010. *Пейзаж за рябиновым кустом*. Dostupné na internete: <<http://izvestia.ru/news/368085>>
12. МЕЛИХОВ, Александр. 2010. *Засуха в головах*. Dostupné na internete: <<http://izvestia.ru/news/365133>>
13. ТРЕТЬЯКОВ, Виталий. 2009. *Больные маницефалией*. Dostupné na internete: <<http://izvestia.ru/news/356355>>
14. ТРОПКИНА, Ольга. 2012. *Анатолий Лысенко: «Возьму к себе даже Навального!»*. Dostupné na internete: <<http://izvestia.ru/news/530699>>

UKRAJINSKÁ KRÍZA V ČASOPISOCH RESPEKT A REFLEX

Mgr. Tamara Janecová

Kafédra slovačkej literatúry a literatúrnej vedy, Filozofický fakultet
Univerzity im. Komenského v Bratislave, tamara.janecova@gmail.com

РЕЗЮМЕ: Актуальность настоящей работы определяется потребностью исследования образа конфликта в Украине в чешских СМИ, изданных в 2014 году. Источником исследования являются значимые чешские печатные журналы: *Respekt* и *Reflex*. Дискурс-анализ и, в частности, теория двух представителей Эссекской школы дискурса – Эрнеста Лакло и Шанталь Муф, позволили проводить анализ и интерпретацию образа конфликта на Украине в чешском медиапространстве. Центральным антагонизмом украинского дискурса в *Respekt* и *Reflex* является антагонизм Запад – Россия и его узловой точкой «демократия».

Politická kríza na Ukrajine má svoje počiatky približne v novembri 2013, kedy sa ukrajinská vláda rozhodla pozastaviť proces podpisovania asociačnej dohody medzi Ukrajinou a Európskou úniou. Toto rozhodnutie vyústilo do masových protestov v Kyjeve a v niektorých ďalších ukrajinských mestách. Viktor Janukovyč, bývalý prezident, bol v neprítomnosti zbavený mandátu a vytvorila sa nová vláda. V súčasnosti je prezidentom Ukrajiny Viktor Porošenko. Po rade ozbrojených konfliktoch nastala na jar 2014 tzv. Krymská kríza: obyvatelia Krymu vyhlásili Autonómnu republiku Krym, ktorá sa neskôr na základe výsledkov referenda pripojila k Ruskej federácii. Na juhovýchode krajiny sa za republiky vyhlásila Donecká a Luhanská ľudová republika, ktoré v máji 2014 vytvorili medzinárodne neuznaný konfederatívny štát Novorusko. V súčasnosti proti sebe vedú ukrajinská armáda a Novorusko ozbrojený boj.

Cieľom tejto práce je analýza výpovedí publikovaných v českých týždenníkoch, ktoré sa venujú politike a spoločnosti, a patria v Českej republike medzi prestížne¹ časopisy: týždenníky *Respekt* a *Reflex*. Tieto mediálne zdroje patria na základe svojho spoločenského dosahu k mienkotvorným časopisom a podieľajú sa na formovaní „ukrajinského diskurzu“, teda spôsobu, akým sa v Čechách o Ukrajine, ukrajinskej kríze hovorí a premýšľa. Pri analýze výpovedí, uverejňovaných v spomínaných týždenníkoch počas roku 2014, pracujeme s terminológiou diskurznej analýzy, ako ju chápe Michel Foucault² a aplikujú predstavitelia tzv.

---

¹ KVAPILOVÁ, P. *Hyde Park: Petr Hájek*. [videoarchív]. Praha: Česká televize, 2010. [cit. 18. 2. 2015]. Dostupné na internete: <<http://www.ceskatelevize.cz/specialy/hydepark/14.4.2010/>>

² FOUCAULT, M. *Archeologie věděni*. 2002.

Essexskej školy diskurzu Ernesto Laclau a Chantal Mouffová.³ Podľa nich svetu rozumieme prostredníctvom diskurzov, kategorizujeme ho na základe štruktúr a pravidiel, ktoré nastoľujú. Laclau a Mouffová odmietajú rozdelenie na domény diskurzu a nediskurzu. Kým teoretici diskurznej analýzy vychádzajú z lingvistickej analýzy, predstavitelia Essexskej školy sa natoľko neviažu na podrobné vymedzovanie formálnej stránky praktík a uvažujú v abstraktnejších kategóriách.⁴ Diskurzna formácia nie je uzavretá totalita, jej elementy majú povahu „plávajúcich označení“ (floating signifiers), ktoré sa nikdy úplne neustália. Vytvárajú pole diskurzivity. „Tento výraz poukazuje na formu jeho vzťahu ke každému konkrétnému diskurzu: zakladá súčasne jak nutně diskurzivní povahu jakéhokoli objektu, tak nemožnost, aby jakýkoli daný diskurz uskutečnil konečnou strukturu. [...] Každý diskurz je založen jako pokus o ovládnutí pole diskurzivity, zastavení toku diferencí, vybudování centra. Privilegované diskurzivní body této dílčí fixace budeme nazývat uzlové body.“⁵ Naším cieľom je identifikovať uzlový bod tzv. „ukrajinského“ diskurzu v českých spoločensko-politických týždenníkoch *Reflex* a *Respekt*.

Ukrajina, Viktor Janukovyč – Rusko, Vladimir Putin

Vo výpovediach o udalostiach súvisiacich so situáciou na Ukrajine v roku 2014 sa v českých médiách formoval obraz Ukrajiny ako pasívneho štátu, neschopného zvládnuť situáciu samostatne. „*EU včetně Česka musí přijmout odpovědnost za budoucnost Ukrajiny.*“⁶ O bývalom prezidentovi Ukrajiny Viktorovi Janukovyčovi sa vytváral obraz ako o negatívnej postave, ktorá svojimi rozhodnutiami privádza Ukrajinu k záhube a zodpovedá za smrť mnohých účastníkov protestných akcií. Na druhej strane sa o Janukovyčovi hovorilo aj ako o obeti ruského nátlaku, pričom výpovede tohto charakteru boli početnejšie, než výpovede prvej skupiny. Podľa týchto vyjadrení, v prípade Janukovyčovho rozhodnutia nepodpísať asociačnú dohodu medzi Ukrajinou a Európskou úniou v novembri 2014, do hry vstúpila najmä motivácia Janukovyča zo strany Ruska vo vidine majetkového prospechu a udržania sa pri moci. Iniciátorom a aktérom ruského nátlaku mal byť ruský prezident: „*Vladimir Putin si jednoduše Viktora Janukovyče koupil a drží ho na hodně krátkém vodítku.*“⁷ Putin „*zaskočil evropské diplomaty, když kombinaci peněz a výhrůžek přesvědčil ukrajinského prezidenta Viktora*

³ LACLAU, E. a MOUFFE, Ch. *Hegemonie a socialistická strategie: za radikálně demokratickou politiku*. 2014.

⁴ CINGEROVÁ, N. Štruktúrovanie diskurzu v teórii E. Laclaua a Ch. Mouffovej a jej miesto v rámci diskurznych štúdií. In: *Jazyk a kultura*. 2012. s. 3.

⁵ LACLAU, E. a MOUFFE, Ch. *Hegemonie a socialistická strategie: za radikálně demokratickou politiku*. 2014. s. 136 – 137.

⁶ S. n. Ukrajina a my. In: *Respekt*. 2014, s. 15.

⁷ VAVROUŠKA, P. Prokletá země. In: *Reflex*. 2014, s. 44.

Janukovyče, aby nepodepsal pripravovanou obchodní dohodu s Evropskou unií.“⁸ Podobne, ako sa v článkoch o Ukrajine hovorí ako o pasívnom, slabšom hráčovi, aj o Janukovyčovi sa píše ako o slabšom článku vo dvojici Janukovyč – Putin, jeho podradenosť sa prejavuje vo vyjadreniach, že je „na vodítku“, prípadne, že Janukovyč je Putinov „vazal.“⁹

Reminiscencie na Studenú vojnu

V článkoch venovaných situácii na Ukrajine, ktoré sme analyzovali, sa spolu s informáciami a názormi na Ukrajinu objavujú postoje k Ruskej federácii, ktorá sa významne podieľa na formovaní obrazu Ukrajiny v českých médiách. Predstava Ukrajiny a situácie z roku 2014 sa bezprostredne viaže na obraz Ruska, ktoré sa vo výpovediach vykresľuje ako protiklad Európy a USA. Existenciu tohto vzťahu v súčasnom diskurze potvrdzuje aj častý výskyt alúzií na Studenú vojnu, s ktorou sa spája nepriateľská, konfrontačná atmosféra a bývalý antagonizmus Západu a Sovietskeho zväzu. V súčasnosti vyplávali na povrch protiklady a opozičné vzťahy, ktorých korene siahajú práve k Studenej vojne. Výpovede v časopisoch *Reflex* a *Respekt* obsahujú charakteristiky, ktoré stavajú aj súčasné Rusko do antagonistického vzťahu voči Západu v zmysle reprezentácie iných, „nesprávnych“ hodnôt.

O Ukrajine sa vytvoril obraz ako o krajine, stojí na rázcestí medzi dvoma voľbami, pričom sa otvorene hovorí o tom, ktorá cesta je „tá správna“ – je ňou „západná“ cesta. Oproti nej sa o „ruskej ceste“ vytvára veľmi negatívny obraz: ruská zahraničná politika je cynická, Moskva trpí obsesívnymi predstavami o Ukrajine ako o území, na ktoré má historický nárok¹⁰, Rusko predstavuje riziko¹¹, je to nepriateľský, agresívny štát,¹² predstavuje veľkú hrozbu^{13,14}, má veľmocenské záujmy¹⁵, Rusko napadlo Ukrajinu.¹⁶ Zodpovedajúcim týmto výpovediam je príklon novinárov v časopisoch *Reflex* a *Respekt* k zápornej odpovedi na otázku, ktorú si Česi kladú: S Ruskom alebo proti Rusku?

Vo vzťahu Čiech k Rusku sa preto novinári v oboch analyzovaných časopisoch kriticky stavajú jednak k vyhláseniam bývalého prezidenta Václava Klauza, ako aj k vyjadreniam súčasného prezidenta Miloša Zemana, ktorý je pri moci od marca 2013.

⁸ S. n. Triumf Vladimíra Putina. In: *Respekt*. 2014, s. 30.

⁹ VAVROUŠKA, P. Prokletá země. In: *Reflex*. 2014, s. 42.

¹⁰ S. n. Diplomáté ve válce. In: *Respekt*. 2014, s. 15.

¹¹ TABERY, E. V hlavě Vladimíra Putina. In: *Respekt*. 2014, s. 3.

¹² S. n. Nepřátel se nelekejme. In: *Respekt*. 2014, s. 15.

¹³ S. n. Zrození Putina národa. In: *Respekt*. 2014, s. 15.

¹⁴ S. n. Nepřátel se nelekejme. In: *Respekt*. 2014, s. 15.

¹⁵ SOBOTA, J. Zase ten váhavý Obama. In: *Respekt*. 2014, s. 16.

¹⁶ LUŇÁK, P. S Medvědy ve vzduchu. In: *Respekt*. 2015, s. 33.

„Protieurópski“ českí politici, spomienky na socializmus

Václav Klaus, ktorý zastával úrad prezidenta v rokoch 2003 – 2013, „odmítá väčšinový pohľad, podle něhož Rusko svévolně anektovalo Krym.“¹⁷ „Jeho představa, že v tomhle konkrétně jsou Rusko a Putin nevinně, je jednoduše nepravdivá.“¹⁸ Klaus je známy pre svoj euroskepticizmus, ktorý mohol byť motiváciou vyhraniť sa voči spomínanému „väčšinovému pohľadu“, podľa ktorého v ukrajinskej kríze vystupovalo Rusko ako agresor. Pre svoje postoje k Ukrajine a Rusku bol vo výpovediach kritizovaný aj súčasný český prezident, Miloš Zeman. O jeho pozvaní Viktora Janukovyča na návštevu: „Prezident mlčí – a co hůř, výmluvně trvá na svém pozvání Janukovyče v dubnu do Prahy. To se vše děje v zemi, jež si tak hýčká svoje křivdy z minulosti, jak stála osamocená proti hrubé síle.“¹⁹ V tomto vyjadrení je zreteľne cítiť odsúdenie Zemanovho postoja k ukrajinskej kríze a nesúhlas s pozvaním bývalého ukrajinského prezidenta.

V argumentácii sa objavuje odkaz na kritický vzťah k bývalému režimu v Československu. Voči socialistickému režimu sa v súčasnom intelektuálnom diskurze presadzuje zamietavý postoj, socializmus sa zvykne spájať s obdobím totality, nedemokracie, potláčania slobody, ľudských práv atď. Vo výpovedi sa objavuje argumentácia nedávnou minulosťou, alúziou na prvky diskurzu, v ktorom vystupuje Československo jednak ako obeť socializmu, zároveň aj ako bojovník za slobodu a demokraciu, ktorý „vyhral svoj boj“ v novembri 1989. Ak sa vo výpovedi ironicky spomína práve moment osamotení proti hrubej sile, na ktorý, podľa autora, Zeman nepozeral, keďže trval na pozvaní Janukovyča. Autor článku identifikuje Janukovyčov režim s bývalým socialistickým režimom, teda režimom hrubej sily. „Zeman, politik, který poměrně často kopíruje politiku Kremle a nahrává tak rozšiřování jeho velmocenských zájmů.“²⁰ Vo výpovediach sa vytvára ekvivalencia medzi bývalým Sovietskym zväzom, socializmom, súčasným Ruskom. Zeman „věří dnešním nedemokratickým ruským politikům víc než americkému prezidentovi, německé kancléřce a zástupu dalších kolegů ze zemí NATO.“²¹ Na jeden pól sa teda kladú vedľa seba: Putin, Janukovyč, Klaus, Zeman, nedemokracia. Tento pól predstavuje opozíciu voči Západu, ktorý vo výpovediach reprezentuje európske hodnoty, demokraciu. Český minister zahraničných vecí Lubomír Zaorálek zastáva opačný postoj k udalostiam na Ukrajine, než Miloš Zeman a Václav Klaus. „Jeho důraz na spolupráci států ve střední Evropě pak naznačuje, že česká zahraniční politika po letech

¹⁷ ROHÁČ, D. a ILLARIONOV, A. Illarionov: Klaus se mýlí. In: *Reflex*. 2014, s. 35.

¹⁸ ROHÁČ, D. a ILLARIONOV, A. Illarionov: Klaus se mýlí. In: *Reflex*. 2014, s. 34.

¹⁹ S. n. Ukrajina a my. In: *Respekt*. 2014, s. 15.

²⁰ KUNDRA, O. a ŠIMEČKA, M. M. Jestřáb Zeman. In: *Respekt*, 2014, s. 20.

²¹ ŠVEHLA, M. Zeman a jeho love(rov). In: *Respekt*. 2014, s. 16.

*bezradného přešlapování, které bylo způsobeno spory s protievropským prezidentem i uvnitř samotných vlád, konečně dostává tvář.*²² Euroskepticizmus a kritický postoj k Európskej únii je vnímané negatívne, rovnako ako aj iný, než je väčšinový postoj k ukrajinskej kríze. Lubomír Zaorálek prezentuje proeurópske názory a vo výpovedi sa zaujatie stanoviska hodnotí priaznivo, česká politika „dostáva tvár“, teda dovedy jej postoj k Ukrajine, Rusku nebol dostatočne vyhraný.

Historické paralely

*„Represivní a zkorumpovaná vláda Viktora Janukovyče se stále více přibližuje té Putinově a čím dál více se jí podobá.“*²³ Janukovyč a Putin sú vnímaný ako tandem, obaja sa výpovediach často spájajú s prívlastkami, ktoré v minulosti charakterizovali socialistický režim v Československu. Ukrajina, ktorú reprezentujú demonštranti a odporcovia Janukovyčovej vlády, je, naopak, stotožňovaná so spomínaným aktuálnym intelektuálnym diskurzom, ktorí sa stavia negatívne k socializmu, aj k Rusku a Janukovyčovi. Ukrajina je zobrazovaná ako krajina, v ktorej sa *„u ohňů z pneumatik rodí sebevědomý národ“*²⁴, *země, která chce pryč z Putina dvorku*²⁵, krajina, v ktorej sa vedie boj za slobodu a demokratické princípy.²⁶ *„Ukrajinci ukazují (a nám připomínají), že je právem každého z nás zvolit si svou vlastní cestu. A to nehledě na to, že si mocnost za humny myslí, že jí patří naše svoboda.“*²⁷ Aj v tejto výpovedi sa argumentuje protikladom: oni, nátlak – my, boj za slobodu, ktorý sa dá aplikovať na starší opozičný vzťah: oni, teda nepriateľský socialistický režim – my, bojovníci za slobodu a za to, čo sa u nás považuje za opozíciu socializmu, teda za demokraciu.

*„Šestnáctého ledna se ukrajinská vláda pod vedením prezidenta Janukovyče pokusila na Ukrajině skoncovat s občanskou společností.“*²⁸ V tejto výpovedi sa objavuje pojem „občianska spoločnosť“, ktorý sa používa najmä na pozadí protikladu socialistických a nesocialistických, západných režimov, pričom pojem konotuje v súčasnom diskurze najmä pozitívne hodnoty, akými sú: právo združovať sa, tlačový zákon, zákon o práve na informácie, atď.

²² S. n. Češi opět ve hře. In: *Respekt*. 2014, s. 15.

²³ S. n. Triumf Vladimíra Putina. In: *Respekt*. 2014, s. 30.

²⁴ BROLÍK, T. 2014. Kyjev daleko od míru. In: *Respekt*. 2014, s. 19.

²⁵ KAVANOVÁ, L. Mezi Evropou a Asií. In: *Respekt*. 2014, s. 44 – 45.

²⁶ S. n. Triumf Vladimíra Putina. In: *Respekt*. 2014, s. 31.

²⁷ TABERY, E. Neopustit Ukrajinu. In: *Respekt*. 2014, s. 3.

²⁸ SNYDER, T. Fašizmus, Rusko a Ukrajina. In: *Respekt*. 2014, s. 26.

Vo výpovediach sa teda udalosti na Majdane v roku 2014 stotožňujú s kladným zmyslom s udalosťami v Československu v novembri roku 1989. „V Kyjeve se bojuje i za Prahu, Varšavu a Bratislavu,“²⁹ čiže za odkaz boja proti socialistickým režimom.

Formujúci sa diskurz nám však ponúka širšiu paletu historických alúzií, ktoré sa viažu na ten istý protiklad: oni, nátlak – my, rezistencia. Spomína sa aj august 1968. „*Situace na Ukrajině po letech znovu zvýšila averzi Čechů vůči ruský mluvícím „bratrům“, kteří měli už tak dost pošramocenou pověst kvůli Karlovým Varům a vorům v zákoně, nemluvě o roce 1968.*“³⁰

V súvislosti so situáciou na Ukrajine, vzťahom k Rusku sa v českých médiách spomína aj paralela s Mnichovskou dohodou z roku 1938. „*Vzhledem k našim dějinám bychom měli mít (což bohužel neznamená, že máme) větší citlivost pro zprávy, kdy nějaká mocnost za hranicemi připravuje armádu, aby mohla ochránit ‘své’ občany na území cizího státu. Výroky Moskvy skutečně připomínají prohlášení Berlína z roku 1938, že v Československu trpí německá menšina, kterou je třeba ochránit, a tak Evropě zajistit klid.*“³¹ Argumentuje sa tu teda v zmysle spomínaného protikladu oni – my, pričom sa proeurópsky naladená Ukrajina stotožňuje s Československom ako s obeťou mocenského nátlaku druhého štátu a Rusko sa prirovnáva k Nemecku v období vlády Adolfa Hitlera, dokonca sa v niektorých výpovediach objavili tvrdenia, že: „*Putina je možné srovnávat s Hitlerem,*“³² „*Putin se inspiruje Hitlerem a Breivikem.*“³³

Ekvivalencie, protiklady

Česko ako člen Európskej únie, Ukrajinci, ktorí chcú zbližovanie s Európskou úniou, sa stavajú do radu ekvivalencií: demokracia, rovnosť, sloboda zatiaľ čo proruská časť Ukrajiny, Rusko sa spájajú s ich protikladmi: nedemokracia, nerovnosť, nesloboda. Proeurópski Ukrajinci sa zobrazujú ako bojovníci za slobodu, vytvárajúc paralelu v českom diskurze s novembrom 1989. „*Ruská armáda obsadila část území sousedního státu EU a chystá se k jeho anexi.*“³⁴ V tejto výpovedi sa zdôrazňuje blízkosť a prináležanie Ukrajiny k Európe, Ukrajina je „sousední stát EU“ a Rusko je označené za agresora. „*Unie nenabízí Ukrajině hotovost, ale hodnoty, pravidla, principy.*“³⁵ Do vyššie spomínaného radu ekvivalencií môžeme pridať k demokracii fundamenty, na ktorých stojí predstava o európskej demokracii, teda hodnoty, pravidla, princípy a k druhému radu ekvivalencií patrí protiklad k týmto fundamentom –

²⁹ S. n. Diplomáté ve válce. In: *Respekt*. 2014, s. 15.

³⁰ KNAPOVÁ, A. Jsme bratři! In: *Reflex*. 2014, s. 38.

³¹ TABERY, E. Vyhnout se scénáři I. P. 1939. In: *Respekt*. 2014, s. 3.

³² ŠČELKOV, K. Heil Putin! In: *Reflex*. 2014, s. 29.

³³ EPŠTEJN, J. Civilizační volba Ruska. In: *Reflex*. 2014, s. 10.

³⁴ S. n. Nepřátel se nelekejme. In: *Respekt*. 2014, s. 15.

³⁵ VAVROUŠKA, P. Prokletá země. In: *Reflex*. 2014, s. 43.

„hotovost“, čiže oproti abstraktným, vysokým hodnotám na európskej strane stojí bohatstvo Ruska, jeho úplatkárstvo.

Európska únia reagujúc na udalosti na Ukrajine vydala zoznam osôb, blízkych spolupracovníkov Janukovyča, na ktorých uvalila sankcie. Tento zoznam je v jednej výpovedi pomenovaný ako „*seznam hříšníků*“,“³⁶ ktorý zdôrazňuje aj axiologický rozmer antagonizmu Západ – Rusko. Spolupracovníci Janukovyča sú „hriešnici“, je tu použitý náboženský pojem, ktorý v sebe obsahuje moment (od)súdenia. Nárokovanie si na pozíciu sudcu je pre súčasný intelektuálny diskurz, reprezentovaný aj v časopisoch *Respekt* a *Reflex*, príznačné.

Starý antagonizmus v nových súradniciach

Na základe analýzy výpovedí uverejnených v vybraných českých médiách sa ukazuje, že v súčasnom ukrajinskom diskurze je dominantným antagonizmom Západ – Rusko, okolo neho sa zoskupuje rad ekvivalencií a ďalších protikladov, pod jeho vplyvom sa využívajú historické alúzie a konotácie. Uzlovým bodom tohto diskurzu je pojem demokracia. Zdá sa, že novinári časopisov *Reflex* a *Respekt* podporujú sebaidentifikovanie Česka v Európskej únii a pri antagonizme Západ – Rusko sa prikláňajú na stranu Západu. Pozitívne sa identifikujú s odporcami proruského smerovania krajiny, odmietajú oddelenie Krymu, vinia Rusko v agresívnej expanzii a bezohľadnej politike. USA a EÚ hodnotia ako garantov demokracie, slobody, strážcov mieru a spravodlivosti. Pravdepodobne to súvisí s potrebou hľadania svojej ponovembrovej identity. Podobné procesy sa odohrávali a odohrávajú vo všetkých krajinách bývalého východného bloku. Na pozadí ukrajinského diskurzu sme teda identifikovali jeden dominantný antagonizmus a jeho uzlový bod, ktoré nie sú novými javmi, ale napriek tomu dochádza k rôznym posunom v rámci ich semiotiky. Zdá sa, že ukrajinská kríza je vojnou nie etnickou, ale civilizačnou, vojnou symbolov. Českí intelektuáli sa v dvoch významných spoločensko-politických médiách rozhodli pre západnú civilizáciu.

BIBLIOGRAFIA:

1. BROLÍK, Tomáš. 2014. Kyjev daleko od míru. In: *Respekt*. 2014, č. 6. s. 19 – 22.
2. Češi opět ve hře. In: *Respekt*. 2014, č. 10, s. 15.
3. Diplomaté ve válce. In: *Respekt*. 2014, č. 9, s. 15.
4. EPŠTEJN, Jefim. 2014. Civilizační volba Ruska. In: *Reflex*. 2014, č. 17, s. 10 – 11.
5. FOUCAULT, Michel. 2002. *Archeologie vědění*. Praha: Herrmann & synové, 2002. 320 s. ISBN 80-239-0124-9.

³⁶ S. n. Diplomaté ve válce. In: *Respekt*. 2014, č. 9, s. 15.

6. KAVANOVÁ, Lucia. 2014. Mezi Evropou a Asií. In: *Respekt*. 2014, č. 27/28, s. 44 – 45.
7. KNAPOVÁ, Adéla. 2014. Jsme bratři! In: *Reflex*. 2014, č. 21, s. 38 – 42.
8. KUNDRA, Ondrej a ŠIMEČKA, M. Martin. 2014. Jestřáb Zeman. In: *Respekt*. 2014, č. 16, s. 19 – 23.
9. KVAPILOVÁ, Pavlína. 2010. *Hyde Park: Petr Hájek*. [videoarchív]. Praha: Česká televize, 2010. [cit. 18-02-2015]. Dostupné na internete: <http://www.ceskatelevize.cz/specialy/hydepark/14.4.2010/>
10. LACLAU, Ernesto a MOUFFE, Chantal. 2001. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics, 2nd Edition*. London: Verso. 2001. 200 s. ISBN 1-85984-330-1.
11. LUŇÁK, Petr. 2015. S Medvědy ve vzduchu. In: *Respekt*. 2015, č. 1, s. 33 – 35.
12. Nepřátel se nelekejme. In: *Respekt*. 2014, č. 11, s. 15.
13. ROHÁČ, Dalibor a ILLARIONOV, Andrej. 2014. Illarionov: Klaus se mýlí. In: *Reflex*. 2014, č. 27, s. 34 – 36.
14. SNYDER, Timothy. 2014. Fašizmus, Rusko a Ukrajina. In: *Respekt*. 2014, č. 9, s. 26 – 29.
15. SOBOTA, Jiří. 2014. Zase ten váhavý Obama. In: *Respekt*. 2014, č. 23, s. 16.
16. ŠČELKOV, Kirill. 2014. Heil Putin! In: *Reflex*. 2014, č. 11, s. 26 – 29.
17. ŠVEHLA, Marek. 2014. Zeman a jeho love(rov). In: *Respekt*. 2014, č. 37, s. 16.
18. TABERY, Erik. 2014. Neopustit Ukrajinu. In: *Respekt*. 2014, č. 9, s. 3.
19. TABERY, Erik. 2014. V hlavě Vladimira Putina. In: *Respekt*. 2014, č. 11, s. 3.
20. TABERY, Erik. Vyhnout se scénáři I. P. 1939. In: *Respekt*. 2014, č. 10, s. 3.
21. Triumf Vladimíra Putina. In: *Respekt*. 2014, č. 6, s. 30 – 31.
22. Ukrajina a my. In: *Respekt*. 2014, č. 5, s. 15.
23. VAVROUŠKA, Petr. 2014. Prokletá země. In: *Reflex*. 2014, č. 2, s. 42 – 45.
24. Zrození Putinova národa. In: *Respekt*. 2014, č. 13, s. 15.

MOLLA NASREDDIN – SÁM VOJAK V POLI

Mgr. Dominika Fifíková

Katedra všeobecných dejín, Filozofická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave,
domka@hotmail.com

РЕЗЮМЕ: В настоящей статье ознакомим читателей с фактом существования азербайджанского сатирического журнала «Молла Насреддин», который преодолел разные препятствия в связи с политической обстановкой стран, в которых издавался, и политики русификации и советизации, затрагивающие все области жизни царской и советской России. Содержание журнала приблизим на фоне исторических событий с приведением аналогий с современностью.

Revolúcia v roku 1905, prvá svetová vojna, bolševická revolúcia roku 1917, 23-mesačné trvanie Azerbajdžanskej demokratickej republiky a následne vznik Azerbajdžanskej Sovietskej Socialistickej republiky. Tieto udalosti výrazne otriasli Azerbajdžanom, ktorého výklad dejín v ťažkých podmienkach popri svojom nestabilnom severnom susedovi a nemenej napätej situácii na juhu v Iráne a na západe v rozpadajúcej sa Osmanskej ríši prešiel rôznymi deformáciami.

Za prameň nemenej hodnotný ako ktorákoľvek učebnica histórie a doteraz často prehliadaný považujeme azerbajdžanský satirický časopis *Molla Nasreddin*, ktorý vychádzal v rokoch 1906 až 1931.¹ Časopis na svojich stránkach humorným a trefným spôsobom slovné a prostredníctvom ilustrácií reflektoval spoločensko-politickú situáciu, nielen v Azerbajdžane, ale aj na Blízkom Východe. Dôvodom boli témy, ktorým sa v svojich vydaniach venoval – náboženstvo, postavenie žien, kolonizátorská politika veľmocí, školstvo a vzdelávanie, konflikt tradícií a hodnôt „západného“ a „východného“ sveta, triedne rozdelenie spoločnosti, politika na Balkáne, v Iráne a ďalších krajinách spolu s mnohými ďalšími páľčivými otázkami našli ohlas dokonca v Maroku či Indii. Dôležité je spomenúť nielen aký dosah mal časopis čo sa týka geografického priestoru, ale predovšetkým jeho schopnosť osloviť široké spektrum čitateľov, vrátane tých z nižších, nevzdelaných vrstiev, vďaka pestrým ilustráciám, ktoré tvorili takmer polovicu každého vydania. Stránky dopĺňali texty prevažne v azerbajdžanskom, výnimočne aj v ruskom jazyku s tým, že vzhľadom k reformám azerbajdžanskej grafiky časopis používal všetky tri písané formy azerbajdžanského jazyka: arabské písmo, latinku a cyriliku.

---

¹ DANIŠ, M., RYBÁR L.: 2014. *Dejiny Azerbajdžanu*, s.293.

Časopis po odobrení zo 4. marca 1906² založil v Tbilisi azerbajdžanský spisovateľ a žurnalista Džalil Mämädguluzade.³ Mämädguluzade (1866-1932) bol v tom čase začínajúcim spisovateľom, písal poviedky a divadelné hry. Ťažiskom tvorby Mämädguluzadeho boli predovšetkým fejtóny s jeho typickým využitím humoru, satiry a irónie. Ich terčom sa v dielach ako napr. *Strata osla* (1894), *Poštová schránka* (1903)⁴ stala nevzdelanosť, náboženský fanatizmus, spoločenská zaostalosť. Inšpirovaný Gogoľovou poetikou, je dnes Mämädguluzade považovaný za klasika modernej azerbajdžanskej literatúry. Časopis *Molla Nasreddin*, ktorý viedol, spojil demokraticky orientovaných členov azerbajdžanskej inteligencie. Prispievali doň M. S. Ordubadi, A. N. Gamküsar, A. Achverdijev, A. Nazmi⁵ a ďalší azerbajdžanskí spisovatelia. Poprednými predstaviteľmi časopisu bol popri Mämädguluzadem významný predstaviteľ azerbajdžanského kritického realizmu v poézii Mirza Alekber Sabir, zatiaľ čo gruzínsky maliar nemeckého pôvodu, riaditeľ Akadémie umení v Tbilisi Oskar Schmerling spolu s Josefom Rotterom a Azimom Azimzadem boli autormi ilustrácií a karikatúr.

Popri všetkých spomenutých menách zakladateľov a prispievateľov nesmieme obísť meno a charakter postavy, ktorá časopisu dala názov. Molla Nasreddin, známy aj ako Nasreddin Hodža, je postavou, obdobu ktorej vieme či už vo folklórnej alebo literárnej tradícii nájsť v mnohých ďalších krajinách sveta. Predstavuje ľudového zabávača, ktorý svojimi príhodami pouča, vychováva národ, respektíve na príklade seba poukazuje na jeho nedostatky. V Bulharsku a Macedónsku je jeho obdovou Chitr Petr (Хитър Петър alebo Итар Пејо), v Taliansku Giufà, v ďalších krajinách má jeho meno niekoľko variácií. Podoba a vlastnosti jeho nositeľa sú si však viac menej podobné. Príbehy Nasreddina Hodžu, alebo Mollu Nasreddina sú známe od krajín Blízkeho východu cez Balkán až po Čínu. Sufijský mudrc-humorista sa mal narodiť a žiť v Turecku v 13. storočí. Sám kedysi známy ako vtipný rozprávač, satirik a filozof sa do folklóru zapísal ako hrdina ústne tradovaných bájok, anekdot a príhod. Výskum jeho pôvodu so zámerom potvrdiť jeho samotnú existenciu sa vedie doteraz.

Molla sa vyjadruje k veciam každodenného života, dáva rady ľuďom z rôznych vrstiev, dokonca vystupuje aj ako sudca. Mnohé z jeho výrokov sa v Azerbajdžane používajú ako príslovia a porekadlá a príbehy sa rozprávajú ako vtipy. Príbehy o Mollovi, v súčasnosti zozbierané a písomne zachytené, tvorcu časopisu Džalila Mämädguluzade zaujali natoľko, že meno ich protagonistu použil nielen ako názov časopisu, ale nechal Mollu sprevádzať čitateľov

² ŠARIF, A.: 1968. *Roždenije Molla Nasreddina.*, s. 398.

³ Napriek tomu, že Džalil Mämädguluzade sa považuje za zakladateľa časopisu, diskutuje sa o tom, kto bol pôvodcom myšlienky či nápadu „vytvoriť“ Mollu Nasreddina.

⁴ Novely boli v uvedených rokoch napísané, vydania sa dočkali prvá v roku 1934 a druhá v roku 1904.

⁵ Ali Nazmi, azerbajdžanský realista, ako prvý preložil do azerbajdžančiny Shakespearovho Kráľa Leara

aj po jeho stránkach. Fakt, že Molla Nasreddin bol ako postava známy vo viacerých krajinách, podporil rozšírenie a obľúbenosť periodika.

Obsah časopisu *Molla Nasreddin* bol napriek svojmu rozsahu na ôsmich stranách bohatý. Týždenník pozostával z rubriík *Rozhovory*, *Humoresky*, *Fejtóny*, *Humoristické básne*, *Humoristické telegramy*, *Satiry*, *Anekdoty*, *Korešpondencia* (v doslovnom preklade *Poštová schránka*), *Humoristické inzeráty*, *Súkromné inzeráty*, *Karikatúry a ilustrácie*. Tón, akým sa jeho tvorcovia čitateľom prihovárali, bol presiaknutý humorom a satirou. Prečo Mämädguluzade zvolil takúto štruktúru? Cieľovou skupinou boli čitatelia, ktorí vôbec tlačí nevenovali pozornosť. Dôsledkom bola nielen neinformovanosť, ale absencia zapojenia ľudí do riešenia vecí verejných, na ktoré mohli reagovať a ku ktorým sa mohli vyjadrovať aj prostredníctvom tlačéných médií. *Molla Nasreddin* to dokázal zmeniť. Bol adresovaný všetkým bez ohľadu na sociálny pôvod a postavenie a vďaka ilustráciám (pod ktorými boli aj „titulky“ alebo komentáre) dokonca aj negramotným. Časopis aktívne formoval politicky angažovaných členov spoločnosti disponujúcich všeobecným prehľadom. Zjednotenie čitateľov a podnietenie ich zapojenia sa do politiky prostredníctvom písaného textu a obrázkov bolo predpokladom pre vytvorenie abstraktnej národnej komunity, ktorá používa spoločný jazyk. A tu vystupuje do popredia jazyk ako determinant národa. *Molla Nasreddin* významným dielom prispel k sebaurčeniu národov, ktoré v spleti rôznych jazykov na Kaukaze pod vplyvom Ruska míňali ohnivko – spoločného identifikátora. Texty sa vyznačovali silnou iróniou a sarkazmom, čitateľa nútil rozmýšľať, pričom ten bol motivovaný humorom a nadhľadom, s akým autori časopisu písali.

Molla Nasreddin bol vzdelávacím a politickým nástrojom, obratne sa brániaci cenzúre, ktorá výrazne okliešťovala slobodu prejavu moslimských národov. Satirický tón a humor pomohol časopisu za podmienkou prísnej cenzúry „prežiť“ - či si na pranier vzal islam a jeho úlohu v reformnom hnutí, ktoré viedlo ku Konštitučnej revolúcii v Iráne alebo národnostný útlak. Ponúkali autorom priestor, v ktorom sa nemuseli vyjadrovať k téme explicitne, a predsa text splnil svoj zámer upriamenia pozornosti na konkrétny spoločenský alebo politický problém. Priamej kritike sa časopis vyhýbal využitím alegórie, zovšeobecnenia a pod. Napríklad namiesto konfliktu Azerbajdžanu a Ruska časopis písal o rozpore medzi Západom a Východom.

Svetonázor tvorcov *Mollu Nasreddina* sa v niektorých bodoch prekrýval s ideológiou vedenia v Rusku napríklad v protiimperialistickom postoji vo vzťahu k mocnostiam Západu alebo v otázke náboženstva ako príčiny zaostalosti. Kolonizátorská politika kapitalistických krajín bola v rozpore so sovietskou politikou. A práve *Molla Nasreddin* výrazne prejavoval

nespokojnosť nad osudom podriadených krajín, ktorých práva a potreby sa dlhodobo prehliadali, ale inak to nebolo ani v Rusku. Provokačný ostrý tón si časopis zachoval po celý čas svojej existencie. Pohľad do histórie nám priblíži pozadie jeho vzniku a frekvenciu vydávania.

Revolučná rétorika začiatku 20. storočia inšpirovala aj vydavateľov v krajinách Južného Kaukazu, vrátane spomínaného Mämädguluzadeho. Spomínané okolnosti priali vzniku *Mollu Nasreddina*. Viac-menej priaznivé podmienky mal aj prvých 11 rokov, kedy malo vydavateľstvo sídlo v Tbilisi. Mesto bolo v tom čase kozmopolitným centrom regiónu, ktorý sa v 19. storočí stal obdobou Sibíri – do vyhnanstva sa tu posielali osobnosti z radov inteligencie rôzneho profesijného zamerania. Obavy, že ich aktivity by ohrozili ambície vládnych kruhov, mali za následok to, že sa Kaukaz stal domovom ľudí rôzneho vierovyznania a politického presvedčenia. Vládla tu uvoľnenejšia atmosféra a spoločnosťou sa liberálne myšlienky šíрили slobodnejšie než v ostatných častiach ríše.

Prvá dlhšia prestávka vo vydávaní *Mollu Nasreddina* prišla so začiatkom Prvej svetovej vojny. Od októbra 1914 do februára 1917 nevyšlo ani jedno číslo; autori sa venovali svojej literárnej tvorbe a prispievali do iných časopisov či novín.⁶ Časopis po obnovení oslavoval príchod revolúcie a zmien, očakávaných od Dočasnej vlády. Entuziazmus však veľmi rýchlo vystriedalo sklamanie – neruské národy sa naďalej nachádzali v znevýhodňovanej pozícii a aktivity Sovietov boli v rozpore so záujmami azerbajdžanskej verejnosti. Napätie v krajine eskalovalo aj v súvislosti s Arménmi, podporovanými zo strany Ruska na úkor Moslimov. Národnooslobodzovacie hnutie, médium ktorého bol aj *Molla Nasreddin*, sa preto nachádzalo v zložitej situácii riešenia týchto problémov. Časopis sa koncom roka 1917 odmlčal po druhýkrát, a to na štyri roky.

Redakciu a vydavateľstvo po týchto udalostiach presunuli do iránskeho Tabrizu, kde v roku 1921 vyšlo osem čísel.⁷ Napriek iba ročnému pôsobeniu *vydavateľstva Mollu Nasreddina* v Iráne – vtedajšej Perzskej ríši – mal práve tu časopis už od svojho začiatku v roku 1906 mimoriadne výrazný vplyv a ohlas. Už po prvom mesiaci, kedy bol týždenník v obehu, bola viac ako polovica čitateľov odtiaľ⁸. Pranieroval korupčnú vládu Kadžárovskej dynastie, náboženský fanatizmus a z neho prameniacu zaostalosť.⁹ Molla Nasreddin kontinuálne čelil

⁶ AGAJEV, I.: 2007. *Velikoe dostojanije našej istoričeskoj pamjati. (100- letije satiričeskogo žurnala „Molla Nasreddin“*, s.56-57.

⁷ Tamže.

⁸ SLAVS AND TATARS: 2010. *MOLLA NASREDDIN: the magazine that would've could've should've*, s. 9

⁹ Autori článkov v *Molla Nasreddinovi* skôr ako vyzývali k boju agresívnou agitáciou, upozorňovali na problémy, preto Mämädguluzade na otázku, prečo nepíšu viac o politike, právach, Dume a slobode odpovedal, či môžu

tlakom z Iránu a v danom období priamo v Iráne. Tie vyvrcholili označením časopisu ako ateistického a jeho zrušením kvôli úvodníku brániacemu proletariát, ktorý bol však po mnohých ostrých článkoch (kritizujúcich sociálne rozdiely, zanedbané školstvo, mládež a ďalšie¹⁰) poslednou kvapkou. Za takýchto okolností si *Molla Nasreddin* musel nájsť nové pôsobisko.

Od novembra 1922 sa ním stalo Baku, ktoré bolo jeho posledným sídlom. Niektoré zdroje uvádzajú, že sa Mämädguluzade do Baku vrátil na pozvanie¹¹ sovietskej vlády, ktorá označila prínos týždenníka pre azerbajdžanský národ za významný a vytvorila „všetky nevyhnutné podmienky na jeho fungovanie...“¹²

Molla Nasreddin národ informoval o skutočnom stave vecí, či už politických alebo spoločenských, a svojich čitateľov zároveň vzdelával. Nebolo ničím výnimočným, že do čísla boli zaradené životopisy a tvorba významných azerbajdžanských rodákov z oblasti vedy a kultúry, ako napr. Nizamiho, Fizuliho, Achundova a mnohých ďalších. Mnohé vydania boli venované ruským osobnostiam – v roku 1909 Gogoľovi, o rok neskôr Tolstému.

Príspevky, články, karikatúry v týždenníku boli so sovietskou ideológiou v súlade, pokiaľ šlo o spoločný záujem – progres krajín a obyvateľstva Sovietskeho zväzu. Výsledok celého procesu si však obe strany predstavovali inak. Myšlienka oslobodenia azerbajdžanského národa a autonómie nekorešpondovala s predstavou, ktorú mala komunistická strana o členských krajinách, pochopiteľne po splnení určitých kritérií. *Molla Nasreddin* bol ideologicky orientovaný „prozápadne“ v zmysle boja za práva žien, budovania funkčného školstva, oslobodenia ľudí od dogiem islamského vieroučenia. Tieto a ďalšie reformy však mali prebiehať podľa sovietskeho vzoru. Platilo to aj pre *Mollu Nasreddina*. Keďže zachytával fenomény nového zriadenia, vyjadroval sa aj k ich negatívnym stránkam, a to svojim typickým spôsobom – pomocou satiry a irónie upozorňoval na potláčanie národných osobitostí v prospech sovietskeho „modelu“, korupciu a svojvôľu štátnych úradníkov, vykorisťovanie Azerbajdžanu Ruskom kvôli nerastnému bohatstvu. Autori článkov začali byť usmerňovaní ako a o čom majú písať, obsah týždenníka sa upravoval podľa požiadaviek vládnych cenzorov.¹³

Jednou z najvýraznejších zmien v „živote“ periodika, ktorá zasiahla aj autorov, bola zmena jeho názvu z *Molla Nasreddin* na *Ateist* v auguste 1931.¹⁴ Definitívne časopis skončil o necelý polrok – 4. januára 1932 Džalil Mämädguluzade, šéfredaktor a vydavateľ

---

o týchto veciach hovoriť „ľuďom, ktorí obetujú 43 baranov pre to, aby zastavili mor a klaňajú sa nejakému nevzdelenému špekulantovi ako bohu“. AGAJEV, I.: *Velikoje...*, s.18.

¹⁰ časopis *Molla Nasreddin*, 1339, číslo 2 a číslo 7 z mája 1921.

¹¹ Výraz „pozvanie“ používajú azerbajdžanskí autori, skôr by sme použili „s odobrením“

¹² KASUMOV, M.: 1960. *Bojevoj revoljucionno-demokratičeskij žurnal "Molla Nasreddin"*, s. 51.

¹³ noviny *Kommunist*, vydanie z 18. novembra 1929

¹⁴ V tlačenej forme reprezentoval Zväz bojujúcich ateistov Azerbajdžanu a Bakuského sovietu

legendárneho *Mollu Nasreddina* zomiera. Azerbajdžan spolu s ďalšími krajinami-fanúšikmi sa lúči s oboma.

Molla Nasreddin bol priekopníkom na spoločensko-politickom a kultúrnom poli krajín Južného Kaukazu a Blízkeho Východu. Spojil popredných predstaviteľov azerbajdžanskej literatúry a členov hnutia džadidizmu – moslimských prívržencov modernizujúcich reforiem (predovšetkým v oblasti školstva a kultúry), ktorí na ich propagáciu využívali predovšetkým printové médiá.

„Mollanasreddinovci“, ako sa skupina osobností blízka časopisu z hľadiska tvorby čo do obsahu, tak aj do formy nazývala, významným dielom obohatili žánre publicistického a umeleckého štýlu. Používaním azerbajdžančiny, vynechávaním zložitých perzských a arabských výrazov a potlačením ruštiny do úzadia začali v krajine budovať jazykovú kultúru. Pojmom „mollanasreddinizmus“ sa doteraz označuje schopnosť povedať veci tak, ako sú, takpovediac „po lopate“.

Príklon mollynasreddinovcov k západnému štýlu života bol v časopise nielen dominujúci, ale určujúci, a to v mnohých oblastiach života, o ktorých sa v článkoch písalo. Podľa vzoru „vyspelého Západu“ sa malo reformovať školstvo, upraviť práva žien a vzťah mužov k opačnému pohlaviu, vzťah k náboženstvu a jeho normám, diktovaných moslimskými duchovnými, zastarané medicínske postupy, triedne delenie spoločnosti atď. Dochádzalo k výraznému konfliktu kultúr, prienik ktorých je najšť veľmi ťažko. Spôsob výchovy, tradície, podriaďovanie sa samozvanej autorite majú doteraz v azerbajdžanskej spoločnosti mimoriadne silný vplyv. Črty, charakterizujúce mentalitu Azerbajdžancov sú pre nás natoľko výrazné, že sa nimi často necháme „uniest“ a bez snahy pátrania po príčinách ich prejavu v určitých momentoch a ich pochopenia na základe znalosti reálií sklzneme do vytvárania stereotypov, ktoré sú v našej spoločnosti v súvislosti s Moslimami časté.

Časopis *Molla Nasreddin* nám slúži ako pútavý a informačne obsiahly sprievodca regiónom. Myslíme si, že aj v súčasnosti by bol aktuálny nielen svojou formou, ale z veľkej miery aj obsahom. Okolnosti sa príliš nezmenili- v demokratickej spoločnosti nie sú debaty ohľadom slobody tlače ničím výnimočným. Ďalšie paralely s dneškom by sme vedeli najšť poľahky, rozdiel spočíva v zdroji, odkiaľ vychádzajú. Autori týždenníka kritizovali ľudí z vlastných radov. V priebehu 20. storočia vyšla kritika súvisiaca s islamom v podobe textu či ilustrácie aj z radov nemoslimov. Vyvolala škandály nebývalých rozmerov. Autor *Satanských veršov* Salman Rushdie bol iránskym ajatolláhom po vydaní knihy v roku 1989 odsúdený na smrť. Autor kontroverznej knihy sa 9 rokov nachádzal pod ochranou polície a do dnešných dní čelí vyhrážkam. Fatálne následky malo jeho dielo pre vydavateľov a prekladateľov diela

v zahraničí.¹⁵ V roku 2005 vypukla kauza karikatúr proroka Mohameda v dánskych novinách *Jyllands-Posten*, ktorá v spoločnosti výrazne zarezovala v súvislosti so stúpajúcim napätím medzi moslimským a nemoslimským obyvateľstvom v mnohých krajinách. To v súčasnosti eskaluje. Do redakcie satirického týždenníka *Charlie Hebdo* (ktorý mimo iného dánske karikatúry v roku 2006 opätovne vydal) 7. januára 2015 vtrhli traja ozbrojení islamisti, ktorí zabili 10 členov redakčnej rady a dvoch policajtov. Tragédia podnietila k činom ďalších radikálov ohrozujúcich životy Francúzov a rozdelila spoločnosť na skupinu. Všetkých ľudí však spája strach z ďalšej hrozby teroristických útokov a rastúce predsudky voči všetkým praktizujúcim alebo nepraktizujúcim náboženstvom moslimom, vrátane tých, ktorí sa s útokmi absolútne nestotožňujú.

Čitateľov tohto príspevku sme chceli oboznámiť s faktom existencie *Mollu Nasreddina* a jeho úlohou v moslimskej spoločnosti v období, kedy sa nachádzala pod tlakom rusifikácie a soviétizácie. Autori týždenníka ako jedni z mála ustáli prekážky, ktoré vznikali ako dôsledok medzníkov azerbajdžanských dejín. Médium, ktoré tvorili, bolo zdrojom spravodajstva a zároveň rozptýlenia. Krajiny Kaukazu a susediacich regiónov sa nachádzajú v neprestajnom napätí. O Azerbajdžan sa kvôli rope zaujímajú mnohé svetové veľmoci. Zasahujú do vnútropolitických záležitostí krajiny a jej susedov, no k nám sa len sťažka dostávajú relevantné informácie o situácii. Chýba nám Molla Nasreddin, jeho múdra rada, trefný komentár, vtipné rozprávanie s poučným záverom. Chýba nám hlas ľudu. Chýba sloboda tlače. V Azerbajdžane, na Slovensku, vo svete.

BIBLIOGRAFIA:

1. AGAJEV, Islam. 2007. *Velikoje dostojanije našej istoričeskoj pamjati. (100- letije satiričeskogo žurnala „Molla Nasreddin“)*. Baku: Elm, 2007. 64 s. ISBN 5-8066-1722-X.
2. DANIŠ, Miroslav, RYBÁR Lukáš. 2014. *Dejiny Azerbajdžanu*. Vydanie prvé. Sládkovičovo: Vysoká škola Danubius, 2014. 503 s. ISBN 978-80-8167-002-2.
3. KASUMOV, MUCHTAR. 1960. *Bojevoj revoljucionno-demokratičeskij žurnal “Molla Nasreddin”*. Baku: Obščestvo po rasprostraneniu političeskich I naučnych znanij, 1960. 73 s.
4. SLAVS AND TATARS. 2010. *MOLLA NASREDDIN: the magazine that would've could've should've*. Zürich: Christoph Keller Editions and JRP, 2010. 107 s. [cit. 19-11-

¹⁵ Japonský prekladateľ bol dohodaný, taliansky a turecký napadnutí s vážnymi zraneniami (verejný útok si v druhom prípade vyžiadal ďalšie obeť na životoch), nórsky prekladateľ prežil pokus o atentát

2013]. ISBN 978-3-03764-212-2. Dostupné na internete:
<<http://www.slavsandtatars.com/works.php?id=72>>

5. ŠARIF, Aziz. 1968. *Roždenije Molla Nasreddina*. Baku: Gjandžlik, 1968. 400 s.
6. Archívne vydania, archív Štátnej knižnice Achundova v Baku časopis *Molla Nasreddin*, 1339, číslo 2 a číslo 7 z mája 1921 noviny *Kommunist*, vydanie z 18. novembra 1929.

Mladá rusistika – nové tendencie a trendy III

Bratislava, STIMUL, 2015

Počet strán: 367

Editori: Mgr. Irina Dulebová, PhD., Mgr. Ivan Posokhin

Grafická úprava: Mgr. Katarína Hrčková

ISBN 978-80-80-8127-125-0

EAN 9788081271250

Mladá rusistika - nové tendencie a trendy III
Bratislava, STIMUL, 2015
ISBN 978-80-80-8127-125-0
EAN 9788081271250